

MIESIĘCZNIK

№ 2(75), 2026

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСИТЭТА

Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY

Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*

Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 25.06.2026. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 17,90. Уч.-изд. л. 21,58. Тираж 8 экз. Заказ 266.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 331.5:339.9:005.32

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-2-10

СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКАХ ТРУДА: МАКРО- И МИКРОУРОВЕНЬ

канд. экон. наук, доц. О.Н. ЕРОФЕЕВА¹, А.С. РОДЬКО², Е.Ю. ЧЕРНЕНКО³
(Белорусский государственный университет, Минск)

¹ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4333-8017>; ²ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8761-8501>

³ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5506-8312>

В статье проанализированы основные стратегические подходы и инструменты привлечения высококвалифицированных специалистов, используемые в мировой практике на макро- и микроуровне и предложены перспективные направления для их применения при разработке конкурентоспособных стратегий привлечения ВКС. Оценена динамика миграции высококвалифицированных специалистов, показаны основные тенденции изменения стратегий привлечения ВКС в развитых странах мира в селективной миграции, ориентированной на спрос и предложение (повышение избирательности, гибридизация систем, ориентированных на предложение и спрос, активное использование технологий межсекторного партнерства на всех этапах разработки стратегических мер и их реализации, разработка регионально специфичных программ привлечения ВКС, возрастание роли интеграционных мероприятий на всех уровнях общества). Инструменты привлечения ВКС систематизированы по организационно-информационному, экономическому, социально-интеграционному направлениям. Полученные результаты могут быть использованы при формировании государственной миграционной политики, а также при разработке корпоративных программ по привлечению и удержанию ВКС, развитию бренда нанимателя.

Ключевые слова: высококвалифицированные специалисты, международный рынок труда, селективная миграция, трансфер человеческого капитала, интеграционная политика, привлечение иностранных абитуриентов, региональные программы.

Введение. Вопросы обеспечения национальной экономики кадрами требуемой квалификации приобретают стратегическое значение в условиях современных демографических, экономических, социально-политических вызовов. По материалам доклада Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест 2025»¹, доля компаний, ожидающих позитивных изменений доступности талантов, составила в 2025 г. лишь 29% (по сравнению с 2023 г. наблюдается сокращение этой доли на 10 проц. пунктов). Поскольку такие ожидания закономерно отражают результаты складывающейся демографической динамики, наибольший масштаб вызовов отмечают европейские компании, а наибольший оптимизм выражают наниматели Египта, Марокко, ОАЭ, Туниса. Об ожидании сокращения доступности талантов в 2025–2030 гг. сообщили 42% компаний.

На протяжении десятилетий привлечение высококвалифицированных специалистов (ВКС) из-за рубежа является действенной практикой для решения проблем на национальных рынках труда. Все больше стран в настоящее время участвуют в глобальной конкуренции за привлечение высококвалифицированных специалистов, меняя свои иммиграционные режимы. Так, в 2005 г. примерно 22% государств-членов ООН заявили о явном желании увеличить уровень миграции высококвалифицированных специалистов, в 2013 г. эта доля составила уже примерно 40%². По данным для 111 стран мира, в 2019 г. правительства 5% стран проводили политику, направленную на снижение притока ВКС, 40% – политику, направленную на увеличение иммиграции ВКС, 19% были нацелены на поддержание текущего уровня, а 37% не проводили соответствующей политики³. В последние годы стремление повысить уровень иммиграции высококвалифицированных специалистов заметно проявилось во всех регионах, однако особенно ярко – в Азии, Европе и Северной Америке. В дополнение к конкуренции за привлечение талантов со всего мира несколько стран, таких как Индия, Китай, Тайвань, Германия, Турция и Новая Зеландия, активно создают стимулы для возвращения ВКС-выходцев из этих стран [1, с. 5]. На конец 2024 г. более 70 стран реализуют специализированные визовые программы для привлечения талантов [2, с. 64].

В 2025 г. глобальная мобильность ВКС не только замедлилась, но и изменилась структурно. Обозначилась тенденция превращения стран Ближнего Востока в глобально конкурентоспособный центр привлечения талантов, обгоняя устоявшиеся центры на Западе. По данным VCG, по состоянию на август 2025 г. международная миграция высококвалифицированных специалистов сократилась на 8,5% по сравнению с предыдущим годом⁴. Причинами явились геополитическая неопределенность, снижение активности на рынке труда во многих крупных экономиках и ужесточение миграционной политики в ряде ключевых принимающих стран (Канада, Великобритания).

¹ URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/>.

² What's the best policy to attract high-skilled migrants? – URL: <https://www.weforum.org/stories/2015/06/whats-the-best-policy-to-attract-high-skilled-migrants/>.

³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). International Migration 2019: Report (ST/ESA/SER.A/438). P.32. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3898399/files/InternationalMigration2019_Report.pdf.

⁴ Global Talent Mobility Is Slowing and Shifting. – URL: <https://www.bcg.com/publications/2025/global-talent-mobility-is-slowing-and-shifting>.

Среди наиболее ярких характеристик современного состояния рынка труда в Республике Беларусь отмечается дефицит кадров, особенно рабочих специальностей, в легкой промышленности, машиностроении, строительстве, здравоохранении, в сфере образования [3, с. 139]. В соответствии с Государственной программой Республики Беларусь «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 гг., разработка дополнительных механизмов привлечения и эффективного использования иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных специалистов, определена в качестве одного из ключевых направлений в сфере регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь⁵.

Определение группы «высококвалифицированных специалистов» в контексте их миграции отличается в каждой из стран (см. [4, с. 3]) и, как правило, применяется к иностранным гражданам с высоким уровнем образования, уникальным опытом и/или достижениями в определенной профессиональной области (так, например, в Республике Беларусь в соответствии с Законом «О внешней трудовой миграции», «высококвалифицированный работник – иностранец, трудоустраивающийся в Республике Беларусь у нанимателя Республики Беларусь, имеющий высокий уровень профессиональных знаний, умений и навыков, подтвержденных документами об образовании и стажем работы по соответствующему виду профессиональной деятельности не менее пяти лет, при этом размер указанной в трудовом договоре месячной заработной платы такого иностранца превышает пятикратный размер месячной минимальной заработной платы, установленной в Республике Беларусь»)⁶.

Цель исследования – проанализировать основные стратегические подходы и инструменты привлечения высококвалифицированных специалистов, используемые в мировой практике, а также тенденции их изменения и обозначить возможности использования результатов исследования для стратегического проектирования процессов привлечения высококвалифицированных специалистов на различных уровнях национальной экономики.

Основная часть. Анализ процессов привлечения ВКС на международных рынках труда базируется на совокупности экономических, социологических и институциональных теорий миграции. Вопрос использования квалифицированного труда рассматривался уже в рамках классической политической экономии и ранней социологии. А. Смит провел аналогию между дорогой машиной и обученным рабочим. По А. Смиту, заработная плата квалифицированного рабочего должна возместить, во-первых, обычную заработную плату за простой (необученный) труд. Во-вторых, должны быть возмещены расходы, затраченные на обучение. В-третьих, заработная плата должна возместить обычную прибыль на капитал, равный этой сумме расходов [5, с. 131].

Теория человеческого капитала рассматривает трудовую миграцию как рациональное инвестиционное решение индивида, направленное на максимизацию дохода и профессиональной самореализации, где ключевыми детерминантами мобильности выступают уровень заработной платы, возможности карьерного роста и доступ к инновационной среде [6].

Основой для исследований миграции населения послужили работы Э.Г. Равенштейна, в которых в конце XIX в. на основе анализа данных о движении населения, в первую очередь Великобритании, были сформулированы «законы миграции». Равенштейн утверждал, что люди в основном мигрируют ради улучшения материального положения (работа, доходы, условия жизни) и что поиск работы и экономических возможностей остается главным стимулом миграции [7]. Значимой вехой в дальнейших исследованиях выступила теория миграции Эверетта Ли [8], который объясняет миграцию через сочетание притягивающих и выталкивающих факторов («push/pull»), а также действие промежуточных и личных факторов (транспортные расходы, особенности миграционного законодательства, характеристики индивида и др.). Теория, однако, не учитывает реакцию принимающей среды. Многие последующие исследования базируются на работах Э. Ли. В условиях глобализированной экономики факторы «притяжения-выталкивания» дополняются цифровой инфраструктурой, возможностями удаленной занятости и транснациональными профессиональными сетями. Современные исследования (например, [9]), используя гравитационные модели, включают в рассмотрение дополнительно такие факторы миграции, как степень цифровизации и роботизации. В настоящее время все больше исследований аргументируют, что миграционные процессы следует рассматривать в контексте более широких процессов социальных изменений. В частности, в работе de Haas Н. [10] с опорой на идеи А. Сена предложена теоретическая основа, которая рассматривает миграцию как функцию возможностей и стремлений людей мигрировать в рамках заданных воспринимаемых географических структур возможностей. Все больше проводится эмпирических исследований миграции, на материалах различных стран и регионов. Следует подчеркнуть, что выявление факторов миграции позволяет разрабатывать стратегии привлечения ВКС, результативные в масштабах национальной экономики и привлекательные для потенциальных мигрантов, а также оценивать их эффективность.

Стратегии привлечения ВКС целесообразно рассматривать в контексте концепции селективной миграции (selective migration), которая появилась в 1960-х гг. как развитие неоклассической теории миграции и теории человеческого капитала. Концепция селективной миграции предполагает активную роль государства в формировании качественной структуры миграционных потоков, для минимизации социально-экономических издержек миграции и повышения отдачи от человеческого капитала. Концепция селективной миграции описывает миграцию как процесс отбора мигрантов по ключевым характеристикам: навыкам, образованию, возрасту, профессиональным

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699>.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200233>.

особенностям. Принимая решения о миграции, индивиды «самоотбираются» с учетом индивидуальных оценок отдачи от миграции. Селективность означает, что миграция воздействует не только на численность населения, но и на структуру человеческого капитала в стране назначения и стране происхождения. Именно это делает анализ последствий миграции принципиально отличным от стандартных моделей мобильности рабочей силы [11].

В настоящее время привлечение ВКС *на макроуровне* в различных странах мира основывается на спросе (т.н. demand-driven policies или employer-driven policies, преимущественно для удовлетворения краткосрочного спроса на рабочую силу в отдельных секторах экономики и регионах) и предложении (т.н. supply-driven policies, обычно с использованием балльных систем). Балльные системы (т.н. points-based системы, характерные для Канады, Австралии, Новой Зеландии и других стран), ориентированные на предложение, являются инструментом отбора на макроэкономическом уровне исходя из характеристик производительности и позволяют максимизировать экономическую отдачу от привлечения ВКС. В целом, балльная система оценки кандидатов предусматривает присвоение баллов за возраст, опыт работы, образование, знание языка, сферу занятий. Возможно также начисление баллов за формальную занятость, наличие близких родственников в стране назначения, уровень образования супруга/супруги, предыдущую работу, а также опыт и образование, уже полученные в стране назначения. Считается, что эти характеристики способствуют экономической интеграции иммигрантов в стране. Допуск ВКС в страну назначения предоставляется, если общее количество набранных баллов превышает определенный порог [1, с. 3–4]. Такая система обязательно должна дополняться соответствующими институциональными мерами для трансфера иностранного человеческого капитала (признание и подтверждение квалификаций, облегчение трудоустройства, меры по интеграции, максимальному использованию потенциала специалиста и членов его семьи).

Системы, ориентированные на спрос, предполагают определение лимита общего количества принимаемых иммигрантов и соответствующего списка профессий, а также регулирование и контроль процесса сертификации рабочей силы. Они скорее учитывают меняющиеся краткосрочные потребности экономики. Эти системы могут дополняться другими системами отбора: например, в США с очень развитой системой, ориентированной на спрос, дополнительно используются визы талантов для привлечения людей с выдающимися способностями. Большинство высококвалифицированных иммигрантов в Европе, Японии и Корее принимаются через системы, в которых есть элементы модели, ориентированной на спрос [1, с. 5].

Примером системы, основанной на спросе, служит американская программа H-1B, которая остается ключевым каналом для трудовых мигрантов в США. Это комплексный государственный инструмент, который решает две ключевые задачи: он призван удовлетворять острый дефицит бизнеса в уникальных компетенциях, которых нет на внутреннем рынке труда, и при этом защищает интересы национальных работников. Программа предназначена исключительно для трудоустройства иностранцев по профессиям, требующим высшего образования или эквивалентного опыта. Государство через законодательные рамки напрямую определяет, какие именно специалисты считаются «высококвалифицированными», фокусируясь на технологических, инженерных, математических и других узкопрофессиональных областях⁷. Эффективность подобной стратегии обеспечивается продуманными экономическими и регуляторными механизмами, встроенными в программу. Центральным из них является требование оплаты труда иностранного специалиста не ниже преобладающей рыночной зарплаты для данной профессии и региона. Это нацелено на предотвращение использования иностранной рабочей силы для снижения издержек и выравнивание условий конкуренции на рынке труда. При высоком количестве поданных заявок от иностранных ВКС (таблица 1) пиковые значения 2024 г. сопровождалось значительным числом множественных регистраций на одного бенефициара (работника), что искажало реальную картину. Борьба со злоупотреблениями и корректировка параметров отбора в 2025 г. закономерно привели к снижению числа регистраций и числа отобранных заявок, что свидетельствует о повышении качества отбора и уменьшении попыток искусственного увеличения шансов на отбор⁸.

Таблица 1. – Динамика заявок на получение виз H-1B США в 2021–2025 гг.

Регистрации	2021	2022	2023	2024	2025
Общее количество регистраций	274 237	308 613	483 927	780 884	479 953
Отобранные для дальнейшей подачи петиций регистрации	124 415	131 924	127 600	188 400	120 603

Примечание – таблица составлена на основе официальных отчетов USCIS (www.uscis.gov).

Классическим примером селективной балльной системы является система Express Entry (EE) в Канаде, запущенная в 2015 году. Это система управления заявками на три федеральные программы постоянной экономической иммиграции для квалифицированных специалистов (Федеральная программа квалифицированных работников (Federal Skilled Worker Program, FSWP), Федеральная программа квалифицированных специалистов рабочих профессий (Federal Skilled Trades Program, FSTP) и Класс канадского опыта (Canadian Experience Class, CEC)), а также региональных миграционных программ (т.н. Provincial Nominee Program, PNP)⁹. Ключевой характеристикой

⁷ H-1B Program // U.S. Department of Labor. Wage and Hour Division. – URL: <https://www.dol.gov/agencies/whd/immigration/h1b>.

⁸ U.S. Citizenship and Immigration Services (USCIS). H-1B Electronic Registration Process. – URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/temporary-workers/h-1b-specialty-occupations/h-1b-electronic-registration-process>.

⁹ Express Entry Year-End Report 2024. Immigration, Refugees and Citizenship Canada. – URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/express-entry-year-end-report-2024.html#tbl23>.

системы ЕЕ является ее нацеленность на селективное и адаптивное управление человеческим капиталом на государственном уровне. Канада использует ЕЕ как гибкий инструмент для достижения конкретных экономических целей. Вместо пассивного ожидания заявлений активно формируется пул кандидатов, а затем проводится адресный отбор. Критерии Комплексной системы ранжирования (CRS) представляют собой формализацию стратегических приоритетов страны: баллы максимально присваиваются за молодой возраст, высшее образование, владение официальными языками и опыт работы по профессии. Особенно показательна заложенная динамическая возможность оперативной корректировки макростратегии в ответ на текущие вызовы рынка труда через механизм целевых раундов отбора. Правительство не ограничивается простым выбором кандидатов с самыми высокими баллами, а может выпускать инструкции для приоритетного приглашения специалистов конкретных профессий, носителей определенных языков или выпускников канадских вузов. Это позволяет точно восполнять дефицит в ключевых отраслях и стимулировать приток специалистов в определенные регионы через региональные программы (PNP). Число заявок на участие в программе ЕЕ за 2019–2024 гг. возросло на 40,8%¹⁰, при этом доля заявок, соответствующих требованиям, устойчиво составляет порядка 72%.

В рамках европейской практики ярким примером стратегии привлечения ВКС является программа EU Blue Card, представляющая собой многоуровневую систему с гибкими критериями. Ее особенность заключается в том, что установленный порог годового дохода выступает не только финансовым гарантом, но и инструментом дифференциации: существуют общий порог для опытных специалистов и сниженный – для выпускников вузов и представителей дефицитных профессий, что позволяет решать одновременно несколько стратегических задач на рынке труда¹¹. Применяя эту стратегию, ЕС стремится конкурировать на глобальном уровне в привлечении талантов. Система начисления баллов модифицируется, в частности, путем предоставления преференциального режима иммигрантам, обладающим определенной квалификацией, и кандидатам, имеющим документы об образовании в принимающей стране и опыт работы, что облегчает процесс получения статуса постоянного жителя иностранными студентами, окончившими учебные заведения принимающей страны [1, с. 5].

По сравнению с аналогичными системами, EU Blue Card демонстрирует более адаптивный подход к оценке квалификации. Стратегия выходит за рамки формального признания дипломов и включает возможность для IT-специалистов без академического образования претендовать на получение карты на основании подтвержденного многолетнего профессионального опыта работы на уровне выпускника вуза. Этот элемент делает систему более открытой для высококвалифицированных кадров из современных секторов экономики, где практические навыки зачастую формируются вне традиционных образовательных траекторий. В 2023 г. в ЕС было выдано 89 тыс. Blue Card, из них наибольшее число выдала Германия (69 тыс.), на втором месте – Польша (7 тыс.), на третьем – Франция (3,9 тыс.). В 2024 г. число выданных Blue Card ЕС сократилось до 78 тыс. Несмотря на кратковременное снижение, долгосрочный тренд демонстрирует положительную динамику с 2016 г. (прирост более 300%)¹².

В ФРГ с 2024 г. запущена программа Opportunity Card, позволяющая работникам из третьих стран въезжать в Германию для поиска работы. Для определения права на получение Opportunity Card используется балльная система, учитывающая квалификацию, знания и обстоятельства. Это позволяет привлечь не только тех, чьи дипломы уже признаны в Германии, но и перспективных специалистов, чей потенциал подтверждается совокупностью факторов. Такой подход демонстрирует переход к активному и целеуправляемому поиску талантов на глобальном уровне. Важным аспектом макростратегии Opportunity Card является создание для соискателей легального и безопасного канала для въезда и поиска работы. Предоставление вида на жительство сроком до одного года специально для трудоустройства, возможность работать до 20 часов в неделю и проходить пробные двухнедельные стажировки значительно снижает первоначальные риски и барьеры для переезда. Это делает Германию более конкурентоспособной в глобальной «гонке за талантами», предлагая структурированный путь от поиска работы к долгосрочному трудоустройству. Согласно данным Федерального правительства Германии, за первый год реализации программы (с июня 2024 г.) было выдано 11 497 виз по Opportunity Card. Наибольшее количество виз было выдано в Индии (3721), за ней следуют Китай (807) и Турция (654)¹³.

Сингапур представляет наиболее селективную и бизнес-ориентированную модель привлечения ВКС, где макроэкономическая политика напрямую служит микроуровню. С сентября 2023 для получения Employment Pass (EP), рабочей визы для высококвалифицированных иностранных специалистов, менеджеров и руководителей, нанимаемых сингапурскими компаниями, требуется прохождение Complementarity Assessment Framework (COMPASS). Это 40-балльная система оценки для рабочих виз (с такими критериями, как зарплата, квалификация, разнообразие, поддержка занятости местных граждан)¹⁴. Минимальная планка зарплаты для участия в отборе EP в 2025 г. – 5600 сингапурских долларов (SGD), с дифференциацией по секторам и возрасту (например,

¹⁰ Рассчитано по данным официальных отчетов Immigration, Refugees and Citizenship Canada (www.canada.ca).

¹¹ EU Blue Card // Make it in Germany. Федеральное правительство Германии. – URL: <https://www.make-it-in-germany.com/en/visa-residence/types/eu-blue-card>.

¹² Persons subject to EU Blue Card decisions by length of validity, age, sex, citizenship and occupation // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_resbc11/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=ed5790ec-71d6-41e2-946f-351a87f91212.

¹³ Make it in Germany. 1 Jahr Chancenkarte. Stand: 09.07.2025. – URL: <https://www.make-it-in-germany.com/de/service/newsletter/1jahr-chancenkarte#c57512>.

¹⁴ Eligibility for Employment Pass // Ministry of Manpower, Singapore. – Singapore: Ministry of Manpower, 2026. – URL: <https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/employment-pass/eligibility#compass>.

6200–7800 SGD для финансовых услуг, для возраста 45+ лет – более 11800 SGD). Другая государственная программа Сингапура по привлечению и удержанию технологических компаний и высококвалифицированных IT-специалистов, Tech@SG, запущенная в 2022 г., привлекла более 350 профильных компаний и 28 тыс. ВКС к 2025 г. Правительство Сингапура проактивно реагирует на изменения рынка труда, что подтверждается запуском новой программы Overseas Networks & Expertise Pass (ONE Pass) в августе 2022 г. Новая программа предполагает привлечение и возможности длительного пребывания (5 лет и более) для топ-тантов, которые имеют зарплату более 30 000 SGD в месяц и работали ранее в компаниях с высокой капитализацией либо основали и управляют сингапурской компанией, в которой работают по меньшей мере 5 местных жителей, каждый из которых получает ежемесячную зарплату брутто не ниже установленного минимального квалификационного уровня. Программа позволяет работать на несколько работодателей и перевозить семью с собой¹⁵. За весь 2024 г. выдано около 3000 ONE Pass, работники в секторе финансовых и страховых услуг вошли в тройку лидеров по числу выданных положительных решений. Основными характеристиками стратегии привлечения ВКС Сингапура являются жесткая селективность, оперативный учет интересов государства и бизнес-сообщества, дифференциация ВКС в процессе оценки и долгосрочное удержание специалистов в стране.

Схожесть стратегий привлечения ВКС Австралии и Сингапура состоит в том, что в обеих странах используются модели, основанные на высокой селективности и тесной связке государственной политики с интересами бизнеса. Так, Австралия до декабря 2024 использовала Temporary Skill Shortage visa для привлечения специалистов, но в настоящее время она заменена на Skills in Demand (SiD), визу с тремя уровнями: Essential Skills, Specialist Skills для высококвалифицированных специалистов с зарплатой от 135 000 австралийских долларов (AUD), Core Skills для профессий из нового списка CSOL (Core Skills Occupation List) и чей уровень зарплаты не ниже 73 150 AUD¹⁶. Австралийское правительство установило общую квоту миграционной программы на 2024–25 гг. на уровне 185 тыс. мест. Из них около 132 200 мест (примерно 70%) приходится на категорию Skilled (квалифицированная миграция)¹⁷. В случае Австралии основные применяемые механизмы – это многоуровневая архитектура виз, отраслевой фокус (со списком более 400 видов занятости), активная роль работодателя и ориентация на повышение производительности, инноваций и трансфер знаний путем привлечения ВКС из-за границы.

Великобритания использует селективную иммиграционную модель, ориентированную на привлечение ВКС, где государственная миграционная политика тесно связана с потребностями бизнеса и рынком труда. После введения в 2021 г. пост-брекситской иммиграционной системы наблюдался резкий рост рабочих виз для граждан государств, не входящих в ЕС: со 137 тыс. в 2019 г. до пика в 312 600 в 2023 г., причем основной вклад внесла категория Skilled Worker (пик – около 200 тыс. виз в 2023 г., из которых около 72% были выданы работникам сферы здравоохранения и ухода). Skilled Worker Visa – рабочая виза, подразумевающая наличие предложения работы от лицензированного спонсора, владение английским языком и определенный уровень заработной платы. За 2024 г. по этому каналу Великобританией было выдано 57 858 виз основным заявителям, однако общее число Skilled Worker виз демонстрировало тенденцию к снижению на фоне усиления требований к минимальной оплате и ужесточения требований к квалификации¹⁸, а также в связи с ограничениями на найм работников по уходу (care workers) из-за рубежа (число отобранных заявок в этой категории сократилось со 146 тыс. в 2023 г. до всего лишь 27 тыс. в 2024 г.¹⁹). К марту 2025 г. доля работников из ЕС в выданных новых рабочих визах составила лишь около 11%, в то время как крупнейшими получателями виз стали граждане Индии²⁰.

Помимо стандартной Skilled Worker визы, Великобритания активно использует Global Talent Visa, предназначенную для признанных лидеров в науке, технологиях, инженерии, цифровых профессиях, искусстве и исследовательской деятельности. Эта программа предназначена для привлечения выдающихся специалистов, обладающих международным признанием или потенциалом для значительного вклада в экономику и инновации. Было выдано приблизительно 4 110 соответствующих виз в 2023 г. и около 3 887 виз в 2024 г. (включая основные и зависимые заявки), что превратило Global Talent Visa в один из ключевых каналов притока высококвалифицированных профессионалов²¹. Модель привлечения высококвалифицированных специалистов в Великобритании включает жесткие критерии отбора (минимальные уровни квалификации, языковые требования, требования к заработной плате), прямое участие бизнеса через спонсорские лицензии на право найма иностранных специалистов, а также расширенный сегмент виз для лидеров и экспертов (Global Talent), что делает миграционную систему ориентированной на качественный приток компетентных кадров²².

¹⁵ Overseas Networks & Expertise Pass (ONE Pass) – Eligibility // Ministry of Manpower, Singapore. – Singapore: Ministry of Manpower, 2026. – URL: <https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/overseas-networks-expertise-pass/eligibility>.

¹⁶ Skills in Demand (SID) Visa – Subclass 482. – Questa Migration, 06.07.2025. – URL: <https://questra.com.au/visa/skills-in-demand-visa/>.

¹⁷ AspireSquare. 185,000 places available in Australia's 2024–25 Migration Program. – URL: <https://aspire-square.com/news/185000-places-available-in-australias-2024-25-migration-program>.

¹⁸ The Association of the British Pharmaceutical Industry (ABPI). Attracting Global Talent: A Pro-Growth Plan for UK Life Sciences. – URL: <https://www.abpi.org.uk/publications/attracting-global-talent-a-pro-growth-plan-for-uk-life-sciences/>.

¹⁹ URL: <https://gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-december-2024/summary-of-latest-statistics>.

²⁰ Work visas and migrant workers in the UK // The Migration Observatory at the University of Oxford. – URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/work-visas-and-migrant-workers-in-the-uk/>.

²¹ The Association of the British Pharmaceutical Industry (ABPI) and EY. Attracting Global Talent: A Pro-Growth Plan for UK Life Sciences [PDF]. – URL: <https://www.abpi.org.uk/media/5y5nhui/ey-abpi-attracting-global-talent-a-pro-growth-plan-for-uk-life-sciences.pdf>.

²² The Guardian. UK visa fees lower than US H-1B charges after Labour's planned cuts. 22 September 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/sep/22/uk-visa-fee-cuts-trump-us-charges-h-1b-stamer>

В Российской Федерации среди основных направлений Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. было выделено создание балльной системы отбора мигрантов [3, с. 142]. В Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы²³ целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения качества жизни её населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода. В составе направлений, в частности, названы совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские организации, осуществляющие образовательную деятельность. Акцент в селективной политике сделан не на балльной системе отбора, а на мерах административного контроля и цифровизации.

На *микроуровне* компании из разных стран активно привлекают ВКС-мигрантов для обеспечения потребностей производства, а также целенаправленного повышения разнообразия состава кадров по характеристикам полученного образования, национальному составу. Для этого они используют спонсорство рабочих виз, комплексные пакеты релокации (включая помощь с переездом, жильем и адаптацией), языковые курсы, программы менторства и интеграции, а также тесное сотрудничество с государственными партнерами в рамках иммиграционных программ. Действенный инструмент для повышения уровня удержания иностранных ВКС в компаниях – система наставничества (т.н. *corporate buddy programs*), при которой новым международным сотрудникам назначают опытного коллегу, обычно из той же страны происхождения, для ускоренной адаптации. Кроме того, реализуются стратегии по развитию бренда нанимателя, разрабатываются реферальные программы привлечения ВКС с поощрением сотрудников компании, выступивших рекомендателями для привлеченных специалистов.

В частности, многие IT-компании по всему миру предлагают сотрудникам, переезжающим из-за границы, полноценную международную релокационную поддержку, которая включает помощь с оформлением рабочей визы и подготовкой всех необходимых документов, выбор между финансовой помощью на переезд или полным пакетом услуг: профессиональные перевозчики, временное жилье, помощь с поиском постоянного жилья, транс-портировка автомобиля, билеты для семьи, временное хранение вещей и поддержка на месте в новой стране (включая языковую помощь и советы по банковским и страховым вопросам). Siemens (Германия) активно работает с квалифицированными беженцами и мигрантами, имеющими техническое образование (в том числе инженерное). Компания организует специальные предварительные курсы (*pre-classes*) и оплачиваемые стажировки (обычно 2–3 месяца), которые помогают новоприбывшим быстро адаптироваться к немецкому рынку труда, улучшить язык и профессиональные навыки, а затем перейти на постоянную работу²⁴.

Компания ASML (Нидерланды), производитель полупроводникового оборудования, сильно зависит от иностранных ВКС и активно использует национальную программу *Highly Skilled Migrant Visa* для их привлечения. Компания выступает спонсором, оформляет все необходимые разрешения и публично отстаивает интересы привлечения ВКС – в 2024 г. опасения компании относительно того, что ужесточение правил для мигрантов может вынудить вывести часть производства из страны, привлекли внимание правительства. Такой подход позволяет ASML стабильно нанимать инженеров и ученых со всего мира для работы над передовыми технологиями²⁵. Такой пример характеризует т.н. селективную миграцию, ориентированную на потребности бизнеса (*business-driven selective migration*), где компания напрямую влияет на национальную миграционную политику.

Современные исследователи [1; 12; 13] отмечают, что изменения миграционной политики ряда мировых стран демонстрируют повышение её избирательности, а также своеобразную «гибридизацию» систем, ориентированных на предложение и спрос, предназначенную для того, чтобы сбалансировать противоречивые цели, связанные с численностью ВКС-мигрантов и возможностью их трудоустройства. Некоторые комбинации мер политики могут существенно повысить эффективность конкретных применяемых инструментов. Например, финансовые стимулы значительно эффективнее в системах, ориентированных на спрос, чем в сочетании с балльной системой [12].

Наряду с рассмотренными стратегиями селективной миграции ВКС в условиях сокращения доли и численности молодежи во многих развитых экономиках мира, а также структурных несоответствий подготовки в системе образования и потребностей национальных экономик (например, дефицит подготовки кадров для секторов социального ухода, информационных технологий, инженерных специальностей и т.д.) действенной долгосрочной стратегией является привлечение талантливых выпускников школ (и иных учреждений на уровне среднего образования) для продолжения образования в стране назначения. Подобные программы реализуются как на национальном уровне, так и в контексте корпоративных стратегий привлечения талантов. Так, практика ведущих бизнес-организаций по привлечению ВКС включает также раннюю интеграцию иностранных студентов в рабочие процессы, а помимо этого, учреждение стипендиальных программ для наиболее талантливых студентов и соискателей ученых степеней (PhD).

²³ URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/qVoObOeUrpLFcowQJADmTEz6DYjp7thW.pdf>.

²⁴ Refugees Engineer a New Future at Siemens. – URL: <https://globalcompactrefugees.org/good-practices/refugees-engineer-new-future-siemens>.

²⁵ Dutch ministers trying to stop tech firm ASML moving abroad over foreign labour fears. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/mar/06/dutch-ministers-trying-to-stop-tech-firm-asml-moving-abroad-over-foreign-labour-fears>.

Во время и после обучения молодые люди легче интегрируются в стране пребывания. При соответствующем регулировании им может быть создан облегченный вход на рынок труда, что является дополнительным стимулом въезда и получения образования в той или иной стране. Подчеркнем, что механизмы отбора, используемые университетами, зачастую играют ключевую роль в формировании в будущем списка ВКС-кандидатов на получение постоянного места жительства, а для привлечения абитуриентов образовательные учреждения принимающей страны должны быть максимально конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг. Кроме того, университеты могут играть значимую роль в закреплении ВКС-иностранцев в стране получения образования, заблаговременно предоставляя соответствующую визовую и иммиграционную информацию через свои подразделения по работе со студентами.

В Республике Беларусь, согласно уведомлениям нанимателей, численность иностранцев, получивших образование и трудоустроившихся по полученной специальности внутри страны составляла в 2018 г. 18 чел., в 2024 г. – 146 чел. (из них граждане Туркменистана – 72 чел., граждане Китая – 27 чел.) [3, с. 150]. При этом на начало 2023/24 учеб. года численность студентов и магистрантов-иностранцев, обучающихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь составляла 18 838 чел., на начало 2025/26 учеб. года – 24 584 чел.²⁶, что свидетельствует о значительном неиспользованном резерве привлечения квалифицированных специалистов.

В случае возвращения выпускников на родину зачастую разрабатываются деловые и культурные проекты с партнерами из страны обучения, а также наблюдается эффект повышения конкурентоспособности специалиста на национальном рынке труда. Некоторые страны целенаправленно проводят политику стимулирования возвращения своих граждан, получивших образование за рубежом (Грузия, Казахстан и др.). В частности, в 2024 г. в Казахстане была создана база данных из более чем 600 ученых, уехавших из страны и работающих в ведущих зарубежных университетах и исследовательских организациях. Национальное правительство реализует меры по использованию их потенциала для развития науки в стране, включая различные формы их возвращения, лекции для коллег (по проекту Digital Nomads Lecture), а также направление молодых казахстанских специалистов на обучение к мигрировавшим ученым²⁷. Следует отметить также роль выпускников как амбассадоров конкретной страны и её образовательной системы для следующих возрастных когорт абитуриентов из страны происхождения.

В ряде стран вводятся программы привлечения выпускников лучших университетов мира (в частности, High Potential Individual visa в Великобритании, Specified Activities Visa (J-Find) в Японии и др.).

Наряду с рассмотренными национальными и корпоративными стратегиями применяются *региональные программы привлечения ВКС* и программы брендинга территории как места с комфортной средой проживания и привлекательными условиями занятости для ВКС. Так, например, Организация Bizkaia Talent при Департаменте экономического развития Правительства Бискайи (Испания) занимается продвижением Бильбао как центра притяжения иностранных талантов, используя одноименный информационный портал. Портал предоставляет сведения обо всех программах города, направленных на поиск и привлечение высококвалифицированных специалистов. Интегрированная с ним интерактивная карта Basque Talent Map содержит разнообразную аналитику по высококвалифицированным специалистам на местном рынке труда. Специальное мобильное приложение Bizkaia Talent упрощает поиск вакансий с помощью многофункциональной базы данных [2, с. 67]. В ФРГ уже более 10 лет поддерживается специальный информационный портал «Make it in Germany»²⁸ для зарубежных ВКС.

Власти австрийской федеральной земли Каринтия предусмотрели возможность реализовать потенциал членов семьи привлеченных иностранных талантов. В целях интеграции супругов в локальный рынок труда была запущена программа Dual Career Couples, в рамках которой обеспечивается их взаимодействие с местными компаниями и учреждениями. Для участников программы продолжительностью от 6 до 15 месяцев разрабатывается индивидуальный план адаптации, включающий курсы немецкого языка, консультации по получению признанной в Австрии квалификации, обучение необходимым навыкам и поддержку в планировании карьеры. Процесс интеграции супругов ВКС на рынке труда завершается специальными сессиями, которые знакомят кандидатов с потенциальными работодателями (см. [2, с. 59]).

Неотъемлемым инструментом для достижения максимального эффекта от использования человеческого капитала ВКС-мигрантов, как уже отмечалось, являются интеграционные программы. Они также решают задачи по обеспечению социального согласия и повышению безопасности. Множество подобных программ реализуется на национальном и локальных уровнях, с использованием потенциала межсекторного партнерства бизнеса, государства, некоммерческих организаций, учреждений образования. В частности, в Сингапуре Национальный совет по интеграции²⁹ нацелен на продвижение интеграции на принципах межсекторного партнерства, а также повышение осведомленности граждан о важности взаимодействия с представителями других стран и культур. Совет помогает иностранцам адаптироваться к сингапурскому образу жизни путем организации различных мероприятий. Учрежденный советом Фонд финансирует проекты, культурные мероприятия и образовательные про-

²⁶ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/66c/9w6xi4zqn1lqebv04kh6lyw7q65pz7vi.pdf>.

²⁷ Сатбаева А. Сотни ученых из-за рубежа хотят вернуть в Казахстан // Tengri News. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/sotni-uchenyih-iz-za-rubeja-hotyat-vernut-v-kazahstan-528478/.

²⁸ URL: <https://www.make-it-in-germany.com/en/service>.

²⁹ URL: <https://www.mccy.gov.sg/sectors/resilience-and-engagement/national-integration-council/>.

граммы, направленные на укрепление взаимопонимания и взаимодействия между местными жителями и иностранцами³⁰. Сингапур ориентирован также на создание глобальных и международных сообществ ВКС посредством целенаправленных сетевых мероприятий.

В рамках программы Inclusive Auckland Framework, направленной на реализацию в Окленде (Новая Зеландия) политики интеркультурализма и развития межкультурной компетентности, участие недавно приехавших иностранцев во множестве общественно значимых инициатив признается неотъемлемой частью их социокультурной интеграции [2, с. 82]. Это относится к числу лучших интеграционных практик ОЭСР.

Закключение. Таким образом, для результативного участия в глобальной конкуренции за квалифицированных специалистов необходима разработка и реализация комплексных стратегий на макро-, мезо- и микроуровне. На основе проведенного исследования в стратегиях привлечения ВКС целесообразно выделить организационно-информационное, экономическое, социально-интеграционное направления. Возможные мероприятия по каждому из них представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Возможные мероприятия стратегий привлечения ВКС по отдельным направлениям.

Направление	Макроуровень	Региональный уровень	Микроуровень
Организационно-информационное	Разработка соответствующих прогнозов, оценка угроз миграционной безопасности и рисков, обоснование и введение визовых программ, ускоренное получение вида на жительство, ведение баз данных кандидатов и заявленных потребностей со стороны спроса на рабочую силу, продвижение бренда страны с позиций формирования миграционной привлекательности, создание субъектов инфраструктуры поддержки миграции ВКС, стимулирование возвращения ВКС, получивших образование за рубежом и др.	Продвижение бренда территории с позиций формирования миграционной привлекательности, разработка индивидуальных планов адаптации с учетом региональной специфики и др.	Развитие HR-бренда организации-нанимателя на международных рынках труда, разработка корпоративных реферальных программ с поощрением, сотрудничество с государственными партнерами в рамках иммиграционных программ и др.
Экономическое	Система компенсационных и поощрительных выплат при миграции ВКС со стороны государства, субсидирование языковых курсов, непосредственное предоставление жилья иностранным ВКС, национальные стипендии талантливым студентам и др.	Система компенсационных и поощрительных выплат при миграции ВКС из региональных бюджетов, гранты на переезд, субсидирование языковых курсов, непосредственное предоставление жилья иностранным ВКС и др.	Учреждение стипендиальных программ для наиболее талантливых студентов и соискателей ученых степеней, система компенсационных и поощрительных выплат со стороны нанимателей, гранты на переезд, корпоративные стипендии талантливым студентам, спонсорство рабочих виз, оплачиваемые ознакомительные стажировки и др.
Социально-интеграционное	Учреждение национальных органов по интеграции, целенаправленное формирование общественного мнения относительно миграции ВКС, развитие межкультурной компетентности, интеграционные программы, содействие доступу к социальным сетям по месту проживания и социальным сетям ВКС-мигрантов, в том числе международным и др.	Интеграционные программы (в том числе для членов семьи ВКС-мигрантов), развитие социальных сетей на региональном уровне и др.	Корпоративное наставничество, ранняя интеграция иностранных студентов в рабочие процессы, развитие межкультурной компетентности сотрудников компании и др.

Стратегические цели селективной миграции адаптируются с учетом изменения потребностей национальной экономики, изменения роли основных стейкхолдеров (государственные органы управления, региональные власти, коммерческие организации, университеты) в процессе привлечения ВКС. В современных условиях актуализируются вопросы обеспечения безопасности при формировании стратегий привлечения ВКС и при принятии самими специалистами индивидуальных решений о миграции, а также системного формирования институциональной среды и инфраструктуры поддержки миграции ВКС. Наиболее успешные стратегии привлечения ВКС сочетают комплексный подход и стратегическое проектирование с учетом интересов макро- и микроуровня, в том числе с использованием потенциала межсекторного партнерства, а также формирование привлекательного имиджа страны и/или региона в сфере привлечения и удержания ВКС. Следует подчеркнуть особую роль в привлечении ВКС конкурентоспособных национальных университетов и маршрута, связанного с получением образования в принимающей стране.

³⁰ Community Integration Fund. – URL: <https://www.mccy.gov.sg/sector/initiatives/community-integration-fund>.

Проведение политики, ориентированной на предложение или спрос, может по разным каналам оказывать влияние на развитие национального человеческого капитала и уровень образования, национальный и региональные рынки труда и инновации. Для всех уровней (макро-, мезо-, микроуровень) актуальной задачей является исследование мультипликативных эффектов воздействия отдельных мероприятий и поиск наиболее результативного варианта дизайна стратегии привлечения ВКС. Решение этой задачи, а также оценку эффектов миграции квалифицированных специалистов для глубокого обоснования стратегий привлечения ВКС (см., например, [14]) и влияние селективных политик привлечения ВКС на проблему глобального неравенства можно обозначить в качестве возможных направлений дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aydemir A.B. Skill-based immigration, economic integration, and economic performance // IZA World of Labor 2020. – DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.41.v2>.
2. Привлечение иностранных талантов: мировая практика и перспективы для Москвы / Л.М. Гохберг, Е.С. Куценко, К.С. Тюрчев (рук. авт. колл.) и др.; под ред. Л.М. Гохберга и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с.
3. Ванкевич Е.В., Гуторова Е.В. Привлечение иностранной рабочей силы как способ преодоления дефицита кадров: возможности и риски = Attracting foreign labor as a way to overcome the shortage of personnel: opportunities and risks // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2025. – № 2(52). – С. 138–160.
4. Титова Т.П. Высококвалифицированные специалисты как категория трудовых мигрантов: проблемы определения в селективной иммиграционной политике зарубежных стран // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokokvalifitsirovannye-spetsialisty-kak-kategoriya-trudovyh-migrantov-problemy-opredeleniya-v-selektivnoy-immigratsionnoy-politike-zarubezhnykh-stran> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Сычев Н.В. К критике концепции человеческого капитала // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-kritike-kontseptsii-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – New York: Columbia University Press, 1964. – 187 p.
7. Яковлева Е.Б. Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 1(61). – С. 67–70. – URL: <https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5982>.
8. Lee E. A Theory of Migration // Demography. – 1966. – №3. – P. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.2307/2060063>.
9. Ghodsi M., Landesmann M., Barišić A. Technological Push and Pull Factors of Bilateral Migration / Vienna Institute for International Economic Studies. – Vienna: wiiw, 2024. – 45 p. – URL: <https://wiiw.ac.at/technological-push-and-pull-factors-of-bilateral-migration-dlp-6809.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).
10. De Haas, H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. – 2021. – Vol. 9, № 1. – Art. 8. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>.
11. Selective Migration and Economic Development: A Generalized Approach / N. Cha'Ngom, C. Deuster, F. Docquier, J. Machado. – Luxembourg: IZA, 2023. – 66 p. – (IZA Discussion Paper ; № 16222). – DOI: <https://doi.org/10.1111/iere.12779>
12. Czaika M., Parsons Ch. The Gravity of High Skilled Migration Policies, Economics Discussion. 2015. №15–32. / Working Papers, The University of Western Australia, Department of Economics. – URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:uwa:wpaper:15-32>.
13. Fasani F., Llull J., Teald, C. The economics of migration: Labour market impacts and migration policies// Labour Economics, 2020. – 67, Article 101929. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101929>.
14. Ерофеева О.Н., Краснощеков П.А., Пономарев А.М. Оценка эффектов миграции высококвалифицированных специалистов // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 марта 2026 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.). – Минск: БГУ, 2026. — С. 341–344.

Поступила 03.04.2026

STRATEGIES FOR ATTRACTING HIGH-SKILLED SPECIALISTS IN INTERNATIONAL LABOUR MARKETS: MACRO- AND MICRO-LEVEL

A. YERAFEYeva, A. ROD'KO, Y. CHERNENKO
(Belarusian State University, Minsk)

The article analyzes the main strategic approaches and tools for attracting high-skilled specialists used in world practice at the macro and micro levels, and suggests promising areas for their application in the development of competitive high-skilled specialists attraction strategies. The dynamics of migration of high-skilled specialists is assessed, and the main trends in changing strategies for attracting high-skilled specialists in developed countries in selective demand-driven and supply-driven migration policies (increased electivity, hybridization of supply- and demand-oriented systems, active use of cross-sector partnership technologies at all stages of strategic measure development and implementation, development of region-specific high-skilled specialists attraction programs, and the growing role of integration measures at all levels of society) are shown. The tools for attracting high-skilled specialists are systematized in organizational-informational, economic, and socio-integrative areas. The results obtained can be used in the formation of state migration policy, as well as in the development of corporate programs to attract and retain high-skilled specialists, and to develop the employer's brand.

Keywords: high-skilled specialists, international labour market, selective migration, human capital transfer, integration policy, attraction of foreign university entrants, regional programs.

УДК 330.341

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-11-15

**СОВРЕМЕННЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ***канд. экон. наук, доц. С.Ю. ИЛЬИН**(Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0320-395X>*канд. экон. наук, доц. И.В. ЗЕНЬКОВА**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1930-2370>

В статье представлен авторский инструментарий, включающий в себя совокупность взаимосвязанных методик оценки качества ведения организациями коммерческой деятельности, для получения менеджерами объективной информации для анализа его состояния, отвечающих действующей хозяйственной конъюнктуре, сложившейся в процессе эволюции экономических отношений. Фундаментальность предложенных методик исходит из классических показателей функционирования и развития бизнес-процессов, относящихся соответственно к индикаторам эффективности и интенсификации, чье смысловое содержание усовершенствовано (модифицировано), согласно структурным изменениям, произошедшим в хозяйственном механизме организаций, в том числе за последние десятилетия. Модификация данных методик обусловлена расширением классификационного перечня осуществляемых организациями коммерческих операций, вызванным диверсификацией бизнес-процессов, приведшей к усложнению причинно-следственных связей между подлежащими анализу результирующими и факторными показателями. Материал полезен руководителям и специалистам, деятелям образования и науки, обучающимся по экономическим и управленческим направлениям.

Ключевые слова: организации, коммерческая деятельность, бизнес-процессы, эффективность, интенсификация.

Введение. Организации представляют собой важнейшее микроэкономическое звено, участвующее в формировании и укреплении национального потенциала, поскольку выполняемая ими миссия гораздо шире и глубже, чем у индивидуальных предпринимателей, домашних хозяйств во всех сферах жизнедеятельности общества, и доминируют практически в каждом статусе (производителей (продавцов), инвесторов, налогоплательщиков, работодателей), что объясняется синергетической сущностью их хозяйственного механизма [7]. При этом ведущую роль в единении государства и общества в соответствии со сложившейся в ходе исторического процесса конъюнктуры играют организации, занимающиеся предпринимательством, то есть чья деятельность сконцентрирована, главным образом, на ведении коммерции, так как образующие ее бизнес-процессы предназначены для извлечения (зарабатывания) прибыли, базового источника финансирования основных (операционных) и прочих (внеоперационных) расходов, участвующих вместе с ней в калькуляции сопоставляемых с ними искомых доходов, учитываемых при исчислении финансового результата (прибыли или убытков), требующихся для непрерывного и стабильного воспроизводства благ для населения (одного из ключевых факторов внутренней и внешней государственной безопасности) [2]. Заостряя внимание на данной реальности, не утрачивающей своей актуальности ни на одном из этапов общественной формации, авторы видят цель исследования в создании инструментария для объективного анализа организациями качества осуществляемой коммерческой деятельности через общие и частные методики оценки эффективности (статических показателей, служащих индикаторами успешности функционирования) и интенсификации (динамических показателей, служащих индикаторами успешности развития) достигаемых предпринимательских (коммерческих) результатов, адаптированных к современной хозяйственной среде [3]. Задачами же исследования к достижению намеченной нами цели являются раскрытие текущих структурных элементов коммерческой деятельности организаций и построение взаимосвязанных между собой формализованных (расчетно-конструктивных) зависимостей, отражающих степень эффективности и стоимостные размеры динамики (интенсификацию) бизнес-процессов, с помощью экономико-статистических (для обобщенного анализа) и экономико-математических (для детализированного анализа) выбранных индикаторов.

Основная часть. Структурные элементы коммерческой деятельности (бизнес-процессы) являются стартовым компонентом формализации исследуемых причинно-следственных связей, формирующих затраты на ее ведение, определяющих ее результат. Поэтому сперва становимся на смысловом содержании бизнес-процессов (движущей силы коммерции). Так, в понимании Е.В. Пескова, они представляют собой совокупность видов деятельности, направленных на преобразование входов (затрат) в выходы (результата) с целью удовлетворения клиентов [4, с. 70]. Подкрепляющую интерпретацию бизнес-процессов дают Ю.А. Безруких и С.О. Витряк, опираясь на относительные показатели, чья миссия, согласно их взглядам, должна быть первичной в получении финансовой выгоды [1, с. 31]. В сочетании обеих научных позиций прослеживается потребность в классификации бизнес-процессов для систематизации методик оценки качества ведения (эффективности и интенсификации) коммерческой

деятельности. Подход к ней представлен в трудах И.В. Поповой [5], А.В. Радченко [6]. Если у первого исследователя сделан акцент на преемственность эпох функционирования бизнес-процессов (традиционных и новых) [5, с. 74], то второй исследователь склоняется к их функциональной принадлежности, что, опять же, свидетельствует о комплементарности обоих научных взглядов [6, с. 200], ставших отправным пунктом к формированию авторами искомым методик, адаптированных к действующему хозяйственному механизму.

Отличительная черта современных организаций – диверсификация (разнообразие, многопрофильность) бизнес-процессов, охватывающих производственно-сбытовую (операционную), инвестиционную, управленческую, маркетинговую, международную (глобализационную) виды коммерческой деятельности (таблица 1). С одной стороны, каждый из них вносит свою индивидуальную лепту в эффективность и интенсификацию коммерческой деятельности, с другой стороны, они тесно конкордируют в силу того, что участвуют в формировании общего результата (совокупных доходов и совокупной прибыли) и общих затрат (совокупных расходов). Это означает необходимость методик, предусматривающих оценку показателей качества ее ведения в целом и по конкретным перечисленным выше видам (структурным элементам).

Таблица 1. – Бизнес-процессы организаций в современных условиях хозяйствования

Наименование	Содержание
Операционные бизнес-процессы (операционная коммерческая деятельность)	Совокупность подготовительных, основных производственных, сбытовых, инфраструктурных бизнес-процессов
Инвестиционные бизнес-процессы (инвестиционная коммерческая деятельность)	Совокупность бизнес-процессов по вложению средств в объекты капитальных вложений, оборотные фонды, долгосрочные фондовые активы, краткосрочные фондовые активы, валютные, тезаврационные объекты
Управленческие бизнес-процессы (управленческая коммерческая деятельность)	Совокупность бизнес-процессов по ведению общеорганизационного менеджмента, менеджмента хозяйственных операций, менеджмента ресурсов и технологий
Маркетинговые бизнес-процессы (маркетинговая коммерческая деятельность)	Совокупность бизнес-процессов по проведению ценовой, товарной политики, политики распространения товара, политики стимулирования сбыта товара
Глобализационные бизнес-процессы (международная коммерческая деятельность)	Совокупность внешнеэкономических бизнес-процессов по осуществлению операционной, инвестиционной, управленческой, маркетинговой деятельности

В проинтерпретированном содержании бизнес-процессов раскрыты статьи затрат на их обслуживание, подлежащих прямому и косвенному сопоставлению с результатом при оценке эффективности и интенсификации коммерческой деятельности организаций (таблица 2).

Таблица 2. – Эффективность и интенсификация коммерческой деятельности организаций

Индикатор	Характеристика
Эффективность коммерческой деятельности	
Результативность (прямая эффективность) коммерческой деятельности по доходам	Совокупные доходы в расчете на единицу совокупных расходов на обслуживание бизнес-процессов
Результативность (прямая эффективность) коммерческой деятельности по прибыли	Совокупная прибыль в расчете на единицу совокупных расходов на обслуживание бизнес-процессов
Затратность (косвенная эффективность) коммерческой деятельности по доходам	Совокупные расходы на обслуживание бизнес-процессов в расчете на единицу совокупных доходов
Затратность (косвенная эффективность) коммерческой деятельности по прибыли	Совокупные расходы на обслуживание бизнес-процессов в расчете на единицу совокупной прибыли
Интенсификация коммерческой деятельности	
Изменение результата коммерческой деятельности по доходам за счет изменения ее результативности (прямая ее интенсификация) по доходам	Прирост совокупных доходов под воздействием прироста доходности коммерческой деятельности
Изменение результата коммерческой деятельности по прибыли за счет изменения ее результативности (прямая ее интенсификация) по прибыли	Прирост совокупной прибыли под воздействием прироста прибыльности коммерческой деятельности
Изменение затрат коммерческой деятельности по доходам за счет изменения ее затратности (косвенная ее интенсификация) по доходам	Прирост совокупных расходов на обслуживание бизнес-процессов под воздействием прироста расходности коммерческой деятельности по доходам
Изменение затрат коммерческой деятельности по прибыли за счет изменения ее затратности (косвенная ее интенсификация) по прибыли	Прирост совокупных расходов на обслуживание бизнес-процессов под воздействием прироста расходности коммерческой деятельности по прибыли

Оперируя интерпретацией эффективности и интенсификации коммерческой деятельности организаций, построим методики их исчисления.

Характеристика первой группы показателей (индикаторов эффективности) коммерческой деятельности означает оборачиваемость и прямую рентабельность (формулы (1), (2)) и закрепляемость по доходам и прибыли (формулы (3), (4)) бизнес-процессов организаций:

- $\text{Эф}_{\text{кдо(ппа)}}$ – прямая эффективность операционных бизнес-процессов по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(ппб)}}$ – прямая эффективность инвестиционных бизнес-процессов по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(ппс)}}$ – прямая эффективность управленческих бизнес-процессов по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(ппд)}}$ – прямая эффективность маркетинговых бизнес-процессов по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(ппе)}}$ – прямая эффективность глобализационных бизнес-процессов по прибыли.

Вторая группа показателей (индикаторов интенсификации) коммерческой деятельности организаций зависит от динамики прямых показателей (формулы (5), (6)) и динамики косвенных показателей (формулы (7), (8)) ее эффективности, которые могут быть с линейной (экономико-статистической – первые выражения правой части формул) и нелинейной (экономико-математической – вторые выражения правой части формул) корреляцией:

$$\text{Ин}_{\text{кдо(пд)}} = (\text{Эф}_{\text{кдо(пд)1}} - \text{Эф}_{\text{кдо(пд)0}}) * \text{СР}_{\text{бп1}} = d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(кда)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдб)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдс)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдд)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кде)}}} \right) * \text{СР}_{\text{бп1}} \rightarrow \max, (5)$$

- где $\text{Ин}_{\text{кдо(пд)}}$ – прямая интенсификация коммерческой деятельности организаций по доходам, ден. ед.;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(пд)1}}$ – отчетная (за текущий период) прямая эффективность коммерческой деятельности организаций по доходам;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(пд)0}}$ – базисная (за ретроспективный период) прямая эффективность коммерческой деятельности организаций по доходам;

$d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(кда)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдб)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдс)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кдд)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кде)}}} \right)$ – приращение прямой эффективности бизнес-процессов по доходам;

$\text{СР}_{\text{бп1}}$ – отчетные совокупные расходы на обслуживание бизнес-процессов, ден. ед.;

$$\text{Ин}_{\text{кдо(пп)}} = (\text{Эф}_{\text{кдо(пп)1}} - \text{Эф}_{\text{кдо(пп)0}}) * \text{СР}_{\text{бп1}} = d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(кпа)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпб)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпс)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпд)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпе)}}} \right) * \text{СР}_{\text{бп1}} \rightarrow \max, (6)$$

- где $\text{Ин}_{\text{кдо(пп)}}$ – прямая интенсификация коммерческой деятельности организаций по прибыли, ден. ед.;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(пп)1}}$ – отчетная прямая эффективность коммерческой деятельности организаций по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(пп)0}}$ – базисная прямая эффективность коммерческой деятельности организаций по прибыли;

$d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(кпа)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпб)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпс)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпд)}} + \text{Эф}_{\text{кдо(кпе)}}} \right)$ – приращение прямой эффективности бизнес-процессов по прибыли;

$\text{СР}_{\text{бп1}}$ – отчетные совокупные расходы на обслуживание бизнес-процессов, ден. ед.;

$$\text{Ин}_{\text{кдо(кд)}} = (\text{Эф}_{\text{кдо(кд)1}} - \text{Эф}_{\text{кдо(кд)0}}) * \text{СД}_1 = d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(нда)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндб)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндс)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндд)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(нде)}}} \right) * \text{СД}_1 \rightarrow \min, (7)$$

- где $\text{Ин}_{\text{кдо(кд)}}$ – косвенная интенсификация коммерческой деятельности организаций по доходам, ден. ед.;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(кд)1}}$ – отчетная косвенная эффективность коммерческой деятельности организаций по доходам;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(кд)0}}$ – базисная косвенная эффективность коммерческой деятельности организаций по доходам;

$d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(нда)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндб)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндс)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ндд)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(нде)}}} \right)$ – приращение косвенной эффективности бизнес-процессов по доходам;

СД_1 – отчетные совокупные доходы, ден. ед.;

$$\text{Ин}_{\text{кдо(кп)}} = (\text{Эф}_{\text{кдо(кп)1}} - \text{Эф}_{\text{кдо(кп)0}}) * \text{СП}_1 = d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппа)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппб)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппс)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппд)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппе)}}} \right) * \text{СП}_1 \rightarrow \min, (8)$$

- где $\text{Ин}_{\text{кдо(кп)}}$ – косвенная интенсификация коммерческой деятельности организаций по прибыли, ден. ед.;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(кп)1}}$ – отчетная косвенная эффективность коммерческой деятельности организаций по прибыли;
 $\text{Эф}_{\text{кдо(кп)0}}$ – базисная косвенная эффективность коммерческой деятельности организаций по прибыли;

$d \left(\frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппа)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппб)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппс)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппд)}}} + \frac{1}{\text{Эф}_{\text{кдо(ппе)}}} \right)$ – приращение косвенной эффективности бизнес-процессов по прибыли;

СП_1 – отчетная совокупная прибыль, ден. ед.

Сравнение факторных показателей интенсификации коммерческой деятельности организаций возможно и между их перспективными и текущими значениями.

Преимущества данных методов в целостности и органичности причинно-следственных связей между результирующими (общими, итоговыми) и факторными (частными, промежуточными) индикаторами, которые помогут менеджерам объективно анализировать статические и динамические показатели качества ведения коммерческой деятельности, их взаимодействия друг с другом и оперативно изыскивать направления оптимизации бизнес-процессов.

Заключение. Предложенный авторами инструментарий разработан на симбиозе устоявшихся учений об эффективности и интенсификации и специфике расчета знаменующих их индикаторов, вытекающей из действующего хозяйственного механизма. Применяя его, менеджеры с максимальной точностью смогут определять статическую и динамическую финансовые выгоды и формировать пространственно-временной монолит принимаемых решений по устойчивому функционированию и развитию подведомственных им организаций, создать им условия для предельно эффективного функционирования и предельно интенсивного развития в краткосрочном и долгосрочном периодах и, следовательно, для завоевания ими прочных тактических и стратегических лидерских позиций в своих рыночных сегментах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруких Ю.А., Витряк С.О. Разработка системы показателей эффективности бизнес-процессов предприятия // Управленческий учет. – 2023. – № 2. – С. 29–37.
2. Лукошкина Т.С., Галицкая Ю.Н. Методы комплексной оценки эффективности бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 12-2(58). – С. 75–78.
3. Пайтаева К.Т. Анализ бизнес-процессов предприятия: описание, цели, методика // Экономические науки. – 2020. – № 193. – С. 119–122.
4. Песков Е.В. Бизнес-процессы и бизнес-архитектура в современном бизнесе // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2016. – № 2(4). – С. 70–73.
5. Попова И.В., Панкова-Игнатенко И.В. Классификация бизнес-процессов предприятий в современной экономике // Торговля и рынок. – 2021. – Т. 2, № 4–2(60). – С. 69–76.
6. Радченко А.В. Особенности бизнес-процессов на предприятии // Бизнес в законе. – 2009. – № 3. – С. 199–201.
7. Рудакова Л.В. Формирование развития современного устойчивого предпринимательства // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 2, № 9(150). – С. 17–24.

Поступила 23.04.2026

MODERN CONCEPTUAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF COMMERCIAL ACTIVITY OF ORGANIZATIONS

S. ILYIN

(Kutafin Moscow State Law University)

I. ZENKOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents the author's tool, which includes a set of interrelated methods, for assessing the quality of commercial activity, conducted by organizations in order to provide managers with objective information for analysis the current state of affairs in the economy, which has evolved over the course of economic relations. The fundamental nature of these methods is based on classical indicators of the functioning and development of business processes, which are related to efficiency and intensification indicators, their meaning has been improved (modified) in accordance with the structural changes that have occurred in the economic mechanisms of organizations, including over the past few decades. The modification of these methods is due to the expansion of the classification list of commercial operations, carried out by organizations, which is caused by the diversification of business processes and has led to the complication of the causal relationships between the resulting and factor indicators, that are subject to analysis. This material is useful for managers, specialists, educators and researchers in the fields of economy and management.

Keywords: organizations, commercial activity, business processes, efficiency, intensification.

УДК 331.5;378.4

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-16-20

**АНАЛИЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО
ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ***канд. экон. наук, доц. С.А. КАСПЕРОВИЧ**(Белорусский государственный технологический университет, Минск)**Е.В. КЛИМУК**(Барановичский государственный университет)*

Исследование предпринимательских предпочтений у студентов является инструментом стратегического планирования, который позволяет не только готовить квалифицированные кадры, но и формировать устойчивую национальную инновационную экономику, повышать её конкурентоспособность и адаптивность к современным вызовам. Статья посвящена исследованию предпринимательских предпочтений у студенческой молодежи, рассмотрению данного вопроса в работах отечественных и зарубежных исследователей, проведению анкетирования студентов среди четырех учреждений высшего образования Брестской области и города Минска. В ходе проведенного анкетирования был выявлен низкий уровень вовлеченности студенческой молодежи в образовательных программах, конкурсах бизнес-идей, также недостаточный уровень информированности студентов о проводимых в университетах мероприятиях в области бизнес-проектирования. Авторами разработан комплекс предложений по дальнейшему развитию молодежного инновационного предпринимательства в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, в т.ч. внедрение дополнительных механизмов активизации участия студентов и их вовлечения в инновационно-предпринимательскую деятельность, внедрение модели развития предпринимательских компетенций молодежи на основе модели инновационно-предпринимательской экосистемы УВО, актуализацию учебных планов и другие.

Ключевые слова: *молодежное инновационное предпринимательство, мотивы, предпринимательские предпочтения, предпринимательские компетенции, меры поддержки.*

Введение. Молодёжное инновационное предпринимательство – это стратегический ресурс для развития национальной экономики, повышения инновационного потенциала страны и решения социально-экономических задач. Поддержка и развитие молодежного инновационного предпринимательства представляет собой инвестиции в будущее. В Республике Беларусь для молодежи создан широкий спектр возможностей для запуска и развития инновационных проектов.

В стране сформирована эффективная институциональная база регулирования предпринимательской деятельности, мер поддержки и стимулирования инновационно-предпринимательской деятельности молодежи. Одной из задач в приоритете «Занятость молодежи» Стратегии развития государственной молодежной политики является развитие молодежного предпринимательства, в том числе в социальной сфере¹. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 года представлены п. 5.2 «Развитие науки и содействие инновациям» и п. 8.3 «Развитие малого и среднего предпринимательства»². В программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы в гл. 7 представлены п. 7.2 «Повышение наукоёмкости экономики и ускорение инновационного развития экономики» и 7.8 «Развитие предпринимательства и повышение эффективности управления государственными активами» с перечнем задач³. В Стратегии «Наука и технологии: 2018 – 2040» в качестве общих принципов развития кадрового потенциала в Республике Беларусь в рамках активизации процессов создания задела для передовых технических укладов выделены: усиление кооперации образования, фундаментальной и прикладной науки; стимулирование развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей личности на протяжении всей жизни⁴.

Существенный вклад в сферу молодежного инновационного предпринимательства вносит сформированная инфраструктура субъектов инновационной деятельности. Основные субъекты инновационной инфраструктуры в Республике Беларусь, в том числе функционирующие на базе УВО, подробно рассмотрены в работе авторов [1] с систематизацией направлений деятельности данных субъектов. С целью формирования и развития у молодежи компетенций в области инновационного предпринимательства в марте 2026 г. в Парке высоких технологий было зарегистрировано общественное объединение «Молодежное инновационное сообщество «Стартапспейс»», которое будет функционировать на базе 12 вузов страны. Основная цель деятельности данного объединения – помочь молодежи запустить свой стартап и попробовать себя в предпринимательстве.

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100349>.

² URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P925v0001>.

⁴ URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf.

В основу исследования положены системный, компетентностный подходы, позволяющие выявить факторы, способствующие и препятствующие функционированию и развитию молодежного инновационного предпринимательства среди обучающихся. Теоретической основой является анализ отечественных и зарубежных публикаций по теме исследования из базы РИНЦ, КиберЛенинка.

Основная часть. Проведенный анализ научной литературы по тематике представленного исследования позволяет сформулировать перечень обобщений.

В работе [2] отмечено, что «Молодежное предпринимательство (в силу социально-экономических особенностей молодежи, как наиболее активной, креативной, рефлексирующей части общества) является более гибким и восприимчивым к изменениям внешней среды, что способствует реализации инновационного потенциала экономики, коммерциализации инноваций и внедрению инновационных технологий». В работе [3] авторами исследования отмечено, что «Причины и степень включенности молодежи в инновационную деятельность зависит от роста спроса на результаты научно-технической деятельности, так и молодые специалисты ориентированы на те виды деятельности, которые ценятся обществом, государством». Авторами [4] представлена модель предпринимательских компетенций, состоящая из 3-х кластеров: стратегическое планирование, влияние, достижение результатов. В работе [5] представлены факторы, влияющие на процесс перехода от предпринимательских намерений к действиям по созданию бизнеса: факторы индивидуального уровня, факторы микросреды, факторы мезосреды. Авторами исследования [6] отмечено, что эффективная экосистема вуза (бизнес-инкубатор, образовательные программы) выступает катализатором предпринимательских намерений. Авторами исследования [7] предложено дополнить классификацию стимулов, для формирования у молодежи устойчивых мотивов к предпринимательству, двумя группами: 1) профессиональными стимулами, которые «направлены на формирование предпринимательской грамотности и компетенций, позволяющих молодежи открыть и вести собственный бизнес; 2) стимулами, формируемыми образовательной средой, которые «предполагают побуждение молодежи к предпринимательской деятельности со стороны образовательных организаций различных уровней» [8].

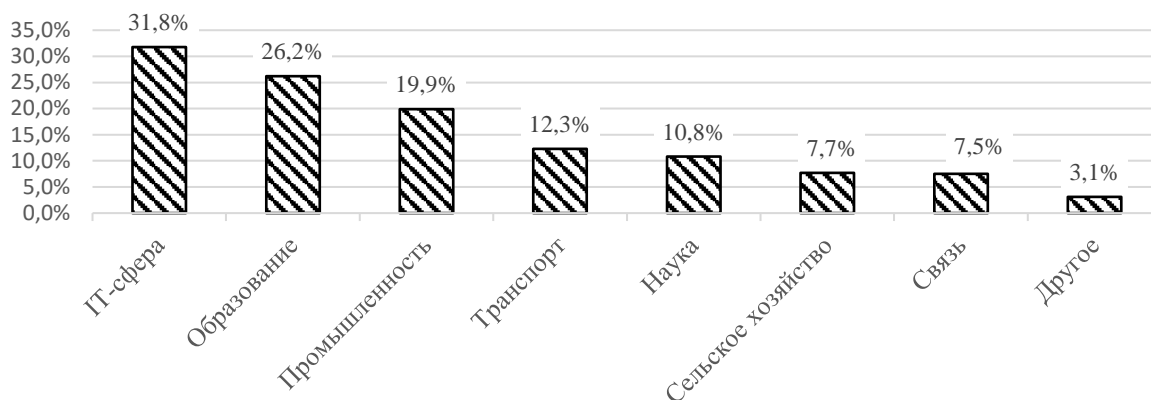
На основе результатов проведенного социологического исследования на основе анкетирования студенческой молодежи университетов в некоторых городах Российской Федерации (Москва, Тверь, Астрахань, Тюмень, Казань, Воронеж) авторами статьи [9] сделан вывод о том, что студент, склонный к предпринимательству, чаще всего уже имеет некоторое представление о том, в каком направлении он будет двигаться в процессе своей предпринимательской деятельности. На примере работы Центра поддержки предпринимательства Шадринского государственного педагогического университета представлена программа предпринимательской подготовки студентов, включающая обучающие и просветительские мероприятия и практико-ориентированные мероприятия [10]. В работе [11] на основе проведенного опроса студентов университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Волгограда и Тюмени в результате кластеризации выделено 5 типов креативности студентов университетов: кластер 0 «Любители домашнего комфорта», кластер 1 «Практичные профессионалы», кластер 2 «Амбициозные предприниматели», кластер 3 «Прагматичные работники», кластер 4 «Индивидуалисты с идеями». В работе [12] представлена структура уровней деятельности модели вуза по вовлечению в предпринимательский трек студентов, включающая вовлечение, выбор – отбор, акселерацию компетенций, формирование проектов, акселерацию проектов, выбор – отбор проектов, посевную поддержку, полевые испытания проектов и отбор рынком.

С целью анализа уровня развития предпринимательских компетенций у студенческой молодежи нами была разработана анкета, включающая перечень вопросов (29), отражающих информационное обеспечение, учебно-методическое обеспечение учреждений высшего образования в области молодежного предпринимательства, меры государственной поддержки и инструменты стимулирования молодежного инновационного предпринимательства, сферы применения результатов реализации собственных бизнес-идей студентами. Эмпирической базой исследования выступили результаты проведенного анкетирования среди обучающихся УВО Брестской области и города Минска Республики Беларусь. Данный опрос проводился в форме онлайн-анкетирования среди студентов следующих УВО: Белорусский государственный технологический университет, Брестский государственный технический университет, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Барановичский государственный университет. В данных университетах подготовка ведется по инженерно-техническому, экономическому, педагогическому, сельскохозяйственному, естественнонаучному направлениям.

Выборка исследования составила 1662 респондента: 58,7% опрошенных – девушки, 41,3% – юноши. В анкетировании принимали участие студенты 1–4 курсов дневной формы получения образования: 25,2% (1 курс), 27,2% (2 курс), 28,2% (3 курс), 19,4% (4 курс). Направления подготовки респондентов по образовательным программам общего высшего образования представлены наличием каждого из профилей: инженерно-техническим – 36,2%; педагогическим – 33,6%; экономическим – 13,5%; правовым – 5,2%; другими профилями – 11,5%.

По результатам опроса 22% респондентов планируют заниматься предпринимательской деятельностью, 22,3% – не планируют. Из общего количества респондентов 55,7% обучающихся пока не определились, планируют ли заниматься предпринимательской деятельностью, что свидетельствует о том, что не все обучающиеся задумываются об открытии собственного дела сразу после окончания университета, что подтверждает необходимость рассмотрения факторов-мотиваторов к предпринимательской деятельности среди молодежи.

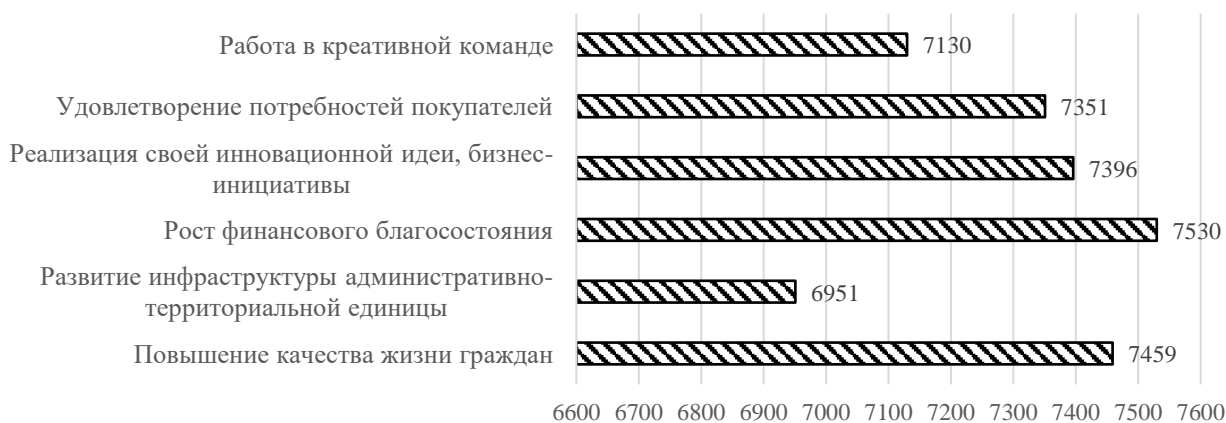
Респондентами были определены основные отрасли (можно было выбрать несколько вариантов), в которых планируется реализация инновационных предпринимательских инициатив (рисунок 1).

Рисунок 1. – Основные отрасли, в которых планируется реализация респондентами инновационных предпринимательских инициатив, % ответивших респондентов

Как свидетельствуют результаты анкетирования, основными отраслями, в которых планирует молодежь реализацию своих инновационных бизнес-идей, являются информационные технологии (31,8%), образование (26,2%), промышленность (19,9%), транспорт (12,3%), научная деятельность (10,8%), сельское хозяйство (7,7%), связь (7,5%), другие (3,1%). Полученные ответы свидетельствуют об определении респондентами отраслей в структуре национальной экономики исходя из запросов рынка.

Респондентами были распределены по приоритету основные цели, которые будут достигнуты благодаря реализации своих молодежных бизнес-идей в рамках осуществления предпринимательской деятельности. По каждой из шести основных целей респонденты определяли их приоритет (от 1 до 6). На основе расчета суммы произведений количества ответивших респондентов по каждой из основных целей и выбранного балла (при расчете наиболее важной цели соответствовал показатель «6 баллов», наименее важной цели из основных – 1 балл) были определены суммарные баллы (рисунок 2).

Рисунок 2. – Распределение по приоритету основных целей, которые будут достигнуты благодаря реализации молодежных бизнес-идей, суммарные баллы

В качестве наиболее важных целей респондентами были выбраны повышение качества жизни граждан (7459 баллов), рост финансового благосостояния (7530 баллов). Также следует отметить высокий уровень суммарного балла по другим основным целям: реализация инновационной идеи, бизнес-инициативы, удовлетворение потребностей покупателей, развитие инфраструктуры административно-территориальной единицы, работа в креативной команде. Данная расстановка целевых ориентиров свидетельствует о понимании студенческой молодежью важности и необходимости обеспечения и экономического, и социального эффектов от предпринимательской деятельности и осознанной необходимости собственного вклада в общественное производство страны.

При реализации собственного бизнес-проекта 52,5% респондентов определенно хотели бы и 43,6% возможно хотели бы включить элементы инновационных технологий, что свидетельствует о понимании высокой роли и значимости новшеств, инновационных разработок для обеспечения конкурентоспособности бизнес-проекта. На основе ответов обучающихся определено, что 28,2% респондентов считают, что они не обладают необходимыми знаниями и информацией о пошаговой процедуре открытия бизнеса, 29,9% респондентов ответили, что обладают данными знаниями и информацией частично. Свой уровень компетенций в области бизнес-

планирования 32% респондентов считают недостаточным, частично считают уровень компетенций достаточным 26,3% респондентов. В области аналитики 28,2% респондентов считают свой уровень компетенций недостаточным, частично достаточным считают уровень данных компетенций 23,7% респондентов. Полученные ответы свидетельствуют о необходимости проведения для заинтересованных обучающихся тематических обучающих мероприятий, реализации образовательных программ.

Оценивая готовность обучающихся к предпринимательской деятельности среди опрошенных студентов, следует отметить низкий уровень наличия предпринимательского опыта 83,7%, а также готовность будущих молодых предпринимателей к единоличному (31,2% респондентов) или коллективному (68,8%) ведению бизнеса. Полученные результаты свидетельствуют о приоритетности выбора коллективной формы организации бизнеса на первоначальном этапе становления собственного бизнеса, возможности перераспределения функций, обязанностей, ответственности участников бизнеса, понимания эффективности командной работы.

Следует отметить низкий уровень участия студенческой молодежи в конкурсах (программах) с презентацией своих бизнес-идей (10,5% респондентов участвовали в конкурсах), кроме того, низкий уровень желаний студенческой молодежи принять участие в данных конкурсах (программах) (24,5% респондентов планируют принять участие). Данные ответы говорят о необходимости внедрения дополнительных форм вовлечения молодежи в данные конкурсы для презентации инновационных бизнес-идей, их дальнейшего развития, практической апробации и внедрения. В качестве наиболее распространенных конкурсов, в которых обучающиеся принимали участие, были выбраны респондентами Республиканский молодежный проект «100 идей для Беларуси» (18% респондентов), конкурсы молодежных проектов на базе университетов (14,6%), Республиканский конкурс молодежных инициатив (17,2%), Республиканский конкурс инновационных проектов (5,9%).

Инновационный тип предпринимательства отличает инновационный характер в сфере производства или услуг. Производство новой продукции невозможно без наличия и выработки креативных идей. Приобрести навыки методов генерации инновационных идей студенты могут, посещая различного рода инновационные конкурсы и мероприятия. Ответы респондентов свидетельствуют о низком уровне участия студенческой молодежи в обучающих программах по тематике бизнес-планирования (7,2% респондентов участвовали в данных программах) и желаний принять участие в данных программах (28,3% респондентов планируют принять участие). Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости внедрения дополнительных (новых) форм информирования, проведения обучающих мероприятий по тематике бизнес-планирования для студенческой молодежи.

Необходимо отметить, что в университетах созданы условия для студентов по развитию бизнес-компетенций (62,1% респондентов ответили, что в их университете реализуются образовательные программы по развитию бизнес-компетенций) и организуются необходимые площадки для презентации молодежных бизнес-идей (77% респондентов ответили, что в их университетах проводятся конкурсы молодежных бизнес-идей). Уровень информированности студенческой молодежи о проводимых в университете образовательных программах, конкурсах формируется из официальной страницы университета в социальных сетях (57,3% респондентов), официальной страницы университета в сети Интернет (52,6%), чатов в учебных группах (44,1%), информационных часов (37,7%), афиш на информационных стендах в университете (33,5%). Студенческая молодежь знает о таких мерах государственной поддержки молодежного предпринимательства и инструментах его стимулирования, как проведение конкурсов молодежных инновационных проектов, бизнес-проектов (44,9%), реализация бизнес-идеи на льготных условиях в качестве резидента технопарка (44,3%), проведение образовательных программ (44,1%), выделение грантов, ваучеров на реализацию инновационного проекта (38,4%).

Заключение. Анализ результатов проведенного анкетирования позволяет сделать следующие выводы:

Для большей части студентов предпринимательская деятельность является привлекательной. Определенная часть студентов при открытии своего дела будет применять инновационные технологии. Целевая ориентированность студентов в области предпринимательства связана с реализацией бизнес-идей в сфере информационных технологий, образования, промышленности, научной деятельности, сельского хозяйства, транспорта, связи с целью повышения качества жизни граждан, обеспечения финансового благополучия.

В ходе анкетирования была выявлена низкий уровень вовлеченности студентов в участие в образовательных программах, конкурсах бизнес-идей. Полученные ответы респондентов свидетельствуют о недостаточном уровне информированности студентов о проводимых в университете программах, конкурсах и недостаточном уровне осведомленности студентов о существующих мерах поддержки МИП.

С целью дальнейшего развития МИП представим, на основе результатов данного исследования, следующие предложения:

– Внедрить дополнительные механизмы активизации участия студентов и их вовлечения в инновационно-предпринимательскую деятельность университета.

– Внедрить модель развития предпринимательских компетенций молодежи на основе модели инновационно-предпринимательской экосистемы УВО.

– Включить в учебные планы учебные дисциплины (факультативы) в направлении развития компетенций студенческой молодежи в области бизнес-планирования, анализа, проектного менеджмента.

– Разработать программы образовательных мероприятий, обучающих курсов в области бизнес-планирования, инновационного предпринимательства и реализовать для заинтересованных студентов.

– Организовать работу объединения (структурного подразделения) по развитию молодежных предпринимательских инициатив (центр развития молодежных инициатив, стартап-центр, стартап-лаборатория, лаборатория бизнес-проектирования и др.).

- Разработать и организовать межвузовские мероприятия в сфере МИП для студентов.
- Использовать дополнительные источники информирования молодежи о мерах государственной поддержки МИП, проводимых конкурсах бизнес-идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климук В.В., Климук Е.В. Инфраструктура поддержки молодежного инновационного предпринимательства в учреждениях высшего образования Республики Беларусь // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2024. – № 2(16). – С. 51–62.
2. Развитие молодежного предпринимательства в механизме индустриально-инновационного роста Республики Казахстан / Ж.С. Хусаинова, Ж.М. Жаргай, Ж.Г. Адилова, Д.Е. Бектлеева, Г.М. Абауова. – Караганда: ТОО Изд-во «Арко», 2020. – 388 с.
3. Борис О.А., Никулина А.В. Выявление мотиваторов к инновационному предпринимательству современной молодежи // Beneficium. – 2022. – № 3(44). – DOI: [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3\(44\).98-104](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).98-104).
4. Алёшина А.Б., Чкония Д.Т. Факторы реализации предпринимательских намерений студентов // Научные исследования экономического факультета. Электр. журн. – 2022. – Т. 14. Вып. 3. – С. 81–99. – DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2022-14-3-81-99>.
5. Богатырева К.А., Широкова Г.В. Подходы к исследованию «Разрыва» между намерениями и действиями в предпринимательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-issledovaniyu-razryva-mezhdu-namereniyami-i-deystviyami-v-predprinimatelstve> (дата обращения: 02.05.2026).
6. Богатырева К.А., Широкова Г.В. От предпринимательских намерений – к созданию бизнеса: опыт российских студентов // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 25–36. – DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.3.25.36>.
7. Каверина Н.А. Предпринимательство как будущая трудовая деятельность студентов экономического вуза // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 11. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.11.6>.
8. Волкова А.С., Кудяева М.М. Мотивация молодежного предпринимательства и стимулирование ее формирования // Экономика труда. – 2021. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-molodezhnogo-predprinimatelstva-i-stimulirovanie-ee-formirovaniya> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Винокурова Н.А., Комарова К.А., Светлов Н.М. Кто хочет стать миллионером? Портрет российского студента, желающего стать предпринимателем // ЭПП. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-hochet-stat-millionerom-portret-rossiyskogo-studenta-zhelayuschego-stat-predprinimatelem> (дата обращения: 01.05.2026).
10. Бурнашева Э.П. Развитие предпринимательских компетенций студентов как основная идея Центра поддержки предпринимательства в вузе // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 10. – С. 3827–3838. – DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116311>.
11. Лугин Д.А. Типы креативности студенческой молодежи в контексте перспектив инновационной экономики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2025. – № 4(80). – С. 151–158. – DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2025_4_151.
12. Беляков К.О. Семь уровней и семь шагов предпринимательского трека в университете // Инновации. – 2021. – № 4(270). – С. 3–10. – DOI: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.270.4.001>.

Поступила 25.05.2026

ANALYSIS OF ENTREPRENEURIAL PREFERENCES IN THE FIELD OF YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP AMONG STUDENTS

S. KASPEROVICH

(Belarusian State Technological University, Minsk)

E. KLIMUK

(Baranovichi State University)

The study of entrepreneurial preferences among students is a strategic planning tool that allows not only to train qualified personnel, but also to create a sustainable national innovative economy, increase its competitiveness and adaptability to modern challenges. The article focuses on the study of entrepreneurial preferences among students, the analysis of this issue in the works of domestic and foreign researchers, and the survey of students from four higher education institutions in the Brest region and the city of Minsk. During the conducted questionnaire, a low level of student involvement in educational programs, business idea competitions, as well as a lack of awareness among students about the business projecting events held at universities, was revealed. The authors have developed a set of proposals for the further development of youth innovative entrepreneurship in higher education institutions of the Republic of Belarus, including the introduction of additional mechanisms for intensifying the participation of students and their involvement in innovative entrepreneurial activities, the introduction of a model for developing entrepreneurial competencies among young people based on the model of the innovation and entrepreneurial ecosystem of HEE, the updating of curricula, and others.

Keywords: *youth innovative entrepreneurship, motives, entrepreneurial preferences, entrepreneurial competencies, support measures.*

УДК 677.017:621.3

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-21-27

**РАЗРАБОТКА НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СБЫТОВОЙ ПОЛИТИКИ ЧТУП «ДЕСТА ПЛЮС»****канд. техн. наук П.А. КОСТИН, канд. техн. наук, доц. Е.Г. ЗАМОСТОЦКИЙ
(Витебский филиал Международного университета «МИТСО»)**

В статье исследованы теоретико-прикладные аспекты совершенствования сбытовой деятельности на примере частного торгово-унитарного предприятия «Деста Плюс», функционирующего на рынке автомобильных комплектующих Республики Беларусь. Проведен комплексный анализ динамики финансово-экономических показателей предприятия, выявлены ключевые факторы, обуславливающие снижение эффективности реализации товаров. В рамках исследования предложен комплекс мероприятий, направленных на повышение результативности сбытовой деятельности, включающий внедрение дисконтной программы и организацию услуги доставки автозапчастей покупателям. Оценка экономического эффекта осуществлена посредством расчета изменения выручки, прибыли и рентабельности продаж. Результаты исследования подтверждают, что реализация предложенных мероприятий способствует росту финансовых показателей предприятия, формированию устойчивой клиентской базы и укреплению его конкурентных позиций на рынке. Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных рекомендаций при формировании сбытовой политики торговых организаций малого бизнеса.

Ключевые слова: *сбытовая политика, эффективность сбыта, маркетинговая деятельность, программа лояльности, дисконтная система, доставка автозапчастей, экономический эффект, рентабельность продаж, конкурентоспособность, торговое предприятие.*

Введение. В современной экономической среде коммерция определяет взаимодействие между участниками рынка, охватывая все этапы движения товаров от производителя до конечного покупателя. В связи с этим, для торговых компаний становится все более значимым поиск и развитие конкурентных преимуществ, как внешних, так и внутренних, необходимых для укрепления позиций на рынке [5]. Важно уделять внимание обнаружению неявных резервов, использование которых позволит увеличить прибыльность без дополнительных затрат за счет повышения эффективности функционирования. В рамках факторов, влияющих на коммерческий успех розничной торговли, существенная роль отводится процессу реализации, распределению товаров или, другими словами, дистрибуции. Ключевая задача сбыта заключается в оптимизации использования ресурсов в рамках логистической цепочки при условии поддержания высокого уровня сервиса для потребителей.

Увеличение доли автомобилей с высоким сроком эксплуатации способствует росту спроса на запасные части и комплектующие, что стимулирует развитие рынка автозапчастей более быстрыми темпами, чем сам автомобильный рынок. Оптимизация процесса реализации автомобильных запчастей организациями, работающими в данной сфере, позволит снизить запасы товаров на складе, ускорить оборачиваемость активов, сократить логистические расходы, а также удовлетворить потребности клиентов.

Основная часть. Частное предприятие «Деста Плюс» (ЧТУП «Деста Плюс») – сравнительно новый участник белорусского рынка автозапчастей, начавший свою деятельность в 2023 году [4]. Компания специализируется на импорте и продаже деталей для легковых и грузовых автомобилей различных брендов. Основное направление деятельности – розничная продажа автокомпонентов, агрегатов и аксессуаров для различных марок автомобилей. Ассортимент включает запчасти, масла, шины, аккумуляторы и другие расходные материалы для легковых и грузовых автомобилей. «Деста Плюс» организовала ежедневную систему доставки товаров от ключевых импортеров автозапчастей в Беларуси.

Предприятие имеет лицензию на розничную торговлю, выданной Управлением торговли Мингорисполкома, а также ведет «Книгу отзывов и предложений». Автозапчасти, реализуемые «Деста Плюс», имеют все необходимые сертификаты соответствия стандартам СТБ и ГОСТ Республики Беларусь. Товары доставляются централизованно транспортом поставщиков на основании предварительных заказов. Ассортимент включает в себя основные запчасти для планового и оперативного технического обслуживания. Товары соответствуют стандартам качества и сертифицированы. Слаженная работа персонала обеспечивает оперативную доставку автозапчастей. Компания предоставляет гарантию на весь ассортимент автозапчастей. Закупки осуществляются на основе долгосрочных контрактов с крупными официальными дилерами.

Для оценки эффективности сбытовой деятельности «Деста Плюс» используем следующие показатели: рентабельность продаж, прибыль от реализации товаров, товарооборот на одного сотрудника. Рассмотрим и проведём анализ показателей эффективности сбыта «Деста Плюс» (таблица 1).

Данных таблицы 1 свидетельствуют о снижении эффективности сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс» в 2024 году. Показатель рентабельности продаж уменьшился на 5,7 процентных пункта и составил 2,0%. Следует отметить, что темпы снижения прибыли от реализации товаров оказались менее выраженными по сравнению с темпами роста выручки, что указывает на неравномерность динамики финансовых показателей предприятия.

Таблица 1. – Анализ показателей эффективности сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс»

Наименование показателя	2023 г.	2024 г.	Абсолютное изменение	Темп роста, %
Выручка от реализации товаров, работ, услуг, тыс. руб.	390	637	+247	163,3
Прибыль от реализации товаров, работ, услуг, тыс. руб.	30	13	-17	-43,3
Рентабельность продаж, %	7,7	2,0	-5,7 п. п.	–

Для более детальной оценки эффективности сбытовой деятельности целесообразно рассмотреть изменения товарооборота в расчёте на одного сотрудника службы сбыта в 2023–2024 годах (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика товарооборота в расчёте на 1 работника службы сбыта ЧТУП «Деста Плюс»

Наименование показателя	2023 г.	2024 г.	Абсолютное изменение	Темп роста, %
Товарооборот (объём реализованных товаров, работ, услуг), тыс. руб.	390	637	+ 247	163,3
Количество работников, выполняющих функции маркетинговой деятельности, чел.	3	3	–	100,0
Товарооборот в расчёте на 1 работника службы маркетинга, тыс. руб.	130,0	212,3	+ 82,3	163,3

Анализ данных таблицы 2 позволяет констатировать, что в 2024 году наблюдается увеличение производительности труда сотрудников службы сбыта ЧТУП «Деста Плюс» на 82,3 тыс. руб. (или на 63,3%) по сравнению с предыдущим периодом. Указанная тенденция отражает повышение эффективности маркетинговой и сбытовой деятельности предприятия. В то же время результаты проведённого анализа свидетельствуют о наличии негативных изменений в динамике общих финансово-экономических показателей. В 2024 году зафиксировано увеличение затрат на один рубль реализованных товаров, что обусловило снижение рентабельности продаж и уменьшение прибыли от основной деятельности. Таким образом, эффективность функционирования предприятия в рассматриваемом периоде характеризуется тенденцией к снижению. Выявленное противоречие между ростом выручки и снижением прибыли объясняется тем, что в 2024 г. прирост выручки ЧТУП «Деста Плюс» составил 63,3%, тогда как себестоимость реализованных товаров увеличилась на 73,3%. В результате затраты на 1 рубль реализации возросли с 0,923 до 0,980 руб., а рентабельность продаж снизилась с 7,7% до 2,0%. Следовательно, предприятие нарастило оборот, но сделало это при существенно более низкой марже на единицу продаж.

Существенное повышение торговых наценок в сложившихся условиях нельзя рассматривать как реальный источник восстановления прибыли. В ходе исследования установлено, что важнейшим конкурентным преимуществом ЧТУП «Деста Плюс» является реализация автозапчастей по ценам не выше, чем у других торговых организаций города; одновременно среди внешних угроз прямо названа потеря клиентов из-за разницы в ценах по сравнению с конкурентами. Дополнительно отмечено, что для более чем 70% покупателей автозапчастей цена является решающим фактором выбора продавца. Это означает, что потенциал простого повышения наценки активно ограничен конкурентной средой и высокой чувствительностью спроса к цене.

Не менее важно, что возможности прямого сокращения текущих затрат в значительной степени уже использованы. При росте выручки среднесписочная численность работников в 2024 г. не изменилась и составила 9 человек, а производительность труда одного работника увеличилась на 63,5%; при этом среднемесячная заработная плата возросла лишь на 13,2%, то есть значительно медленнее производительности труда. Это свидетельствует о том, что предприятие обеспечило расширение оборота без увеличения штата и без опережающего роста расходов на персонал. Кроме того, в ходе анализа установлено, что закупки осуществляются у крупных надёжных поставщиков на основе долгосрочных договоров, доставка организована централизованным способом транспортом поставщиков, а структура закупок и структура продаж по ключевым ассортиментным позициям в 2024 г. существенно не изменились и в основном согласованы между собой. Следовательно, краткосрочный резерв экономии по основным статьям обращения – закупке, доставке и трудовым затратам – в значительной мере уже выбран, а дальнейшее заметное снижение издержек потребовало бы не точечной экономии, а более глубокой перестройки бизнес-процессов.

Таким образом, снижение прибыли при росте выручки обусловлено не недостатком спроса, а сжатием торговой маржи вследствие опережающего роста себестоимости при ограниченных возможностях повышения наценок и практически исчерпанном резерве текущей экономии затрат. Из этого следует, что дальнейшее улучшение финансового результата целесообразно связывать прежде всего не с повышением цен и механическим сокращением расходов, а с расширением клиентской базы и ростом оборота за счёт инструментов лояльности и сервиса (таблица 3).

Следует отметить, что при общем ухудшении показателей рентабельности наблюдается положительная динамика объёма реализации автозапчастей по всем ассортиментным группам и позициям. Это свидетельствует о сохранении спроса на товары предприятия и эффективности сбытовой политики в части расширения клиентской базы. Реализация осуществляется как организациям оптового и розничного звена – станциям технического

обслуживания, торговым предприятиям и индивидуальным предпринимателям, так и физическим лицам. Ассортимент товаров поддерживается в широком диапазоне и регулярно обновляется с учётом потребительских предпочтений и изменений рыночного спроса. К числу конкурентных преимуществ ЧТУП «Деста Плюс» относятся широкий ассортимент сертифицированных товаров, гарантии на реализуемые товары, сотрудничество с надёжными поставщиками, а также наличие квалифицированного и молодого персонала, ориентированного на результат. Однако анализ сбытовой деятельности выявил и определённые проблемные аспекты, в частности отсутствие системы стимулирования постоянных клиентов.

Таблица 3. — Факторный анализ прибыли и затрат ЧТУП «Деста Плюс» за 2023–2024 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	Изменение
Выручка от реализации, тыс. руб.	390	637	+247 (+63,3%)
Себестоимость реализации, тыс. руб.	360	624	+264 (+73,3%)
Прибыль от реализации, тыс. руб.	30	13	-17 (-56,7%)
Затраты на 1 руб. реализации, руб.	0,923	0,980	+0,057 (+6,2%)
Рентабельность продаж, %	7,7	2,0	-5,7 п.п.
Численность работников, чел.	9	9	–
Производительность труда 1 работника, тыс. руб.	43,3	70,8	+27,5 (+63,5%)
Среднемесячная заработная плата, руб.	1 827,6	2 068,8	+240,2 (+13,2%)
Средняя торговая надбавка, %	~20	~20	ограничена: цена – решающий фактор для >70% покупателей

Одним из наиболее эффективных инструментов активизации продаж в условиях высокой конкуренции является внедрение дисконтных программ. Согласно данным маркетинговых исследований, более 70% потребителей при выборе поставщика автозапчастей ориентируются преимущественно на ценовой фактор, а около 30% покупателей используют дисконтные карты различных торговых организаций и станций технического обслуживания [6]. Это указывает на высокую значимость программ лояльности как средства формирования повторного спроса и укрепления потребительской приверженности. Таким образом, для совершенствования системы сбыта и повышения уровня конкурентоспособности предлагается разработка и внедрение дисконтной программы в ЧТУП «Деста Плюс». Основной целью программы является стимулирование повторных покупок, укрепление взаимоотношений с клиентами и привлечение новой аудитории, не обладающей устойчивыми предпочтениями относительно торгового объекта. Предполагается, что реализация дисконтной программы позволит привлечь так называемых «колеблющихся» потребителей, а также часть покупателей, ранее ориентировавшихся на конкурирующие торговые организации. Суть предлагаемой программы заключается в предоставлении участникам скидок на приобретаемые товары в рамках системы лояльности предприятия.

Для внедрения мероприятия необходимо определить объем единовременных затрат. В целях оптимизации расходов было проведено исследование рынка поставщиков услуг по изготовлению пластиковых дисконтных карт. По результатам анализа минимальная стоимость предложена рекламным агентством «SLAM» (г. Минск, ул. Казинца, 11а). Расчет затрат на изготовление дисконтных карт представлен в таблице 4.

Таблица 4. – Затраты на изготовление дисконтных карт в рекламном агентстве «SLAM»

Основа	Количество, шт.	Цена изготовления, руб.
Карта – цветная двусторонняя, пластик белый	50	0,66
Стоимость изготовления, тыс. руб.	–	0,03

Таким образом, единовременные затраты на внедрение мероприятия составят 0,03 тыс. руб.

Для того чтобы оценить эффективность введения дисконтной системы был проведен опрос 40 потребителей (в форме интервью с пояснением сути вводимой дисконтной системы). В результате опроса потребителей были получены следующие результаты. Для приобретения автозапчастей 42,5% респондентов тратят в месяц 300 – 500 руб.; 25,0% – 500 – 800 руб.; 22,5% опрошенных – 800 – 1000 руб., а 10,0% – более 1000 руб.

По данным опроса 32,5% респондентов тратят 50,0 – 75,0% этой суммы в ЧТУП «Деста Плюс», 30,0% опрошенных оставляют в данной организации 75,0 – 100,0% от общих расходов на автозапчасти; 25,0% опрошенных тратят 25 – 50%, 10,0% респондентов – 10,0 – 25,0% и лишь 2,5% опрошенных указали, что они тратят менее 10,0% от общей суммы расходов на приобретение автозапчастей в ЧТУП «Деста Плюс».

На основе данных опроса рассчитаем средний процент расходов респондентов в ЧТУП «Деста Плюс» (средний %):

$$\text{Средний \%} = (0,325 \cdot (50 + 75)) : 2 + (0,25 \cdot (25 + 50)) : 2 + (0,325 \cdot (75 + 100)) : 2 + (0,1 \cdot (10 + 25)) : 2 + (0,025 \cdot (0 + 10)) : 2 = 57,8125 (\%)$$

При введении дисконтной системы в соответствии с опросом произойдет изменение структуры расходов покупателей следующим образом: 30,0% респондентов указали, что они при введении дисконтных карт будут

совершать 75,0 – 100,0% покупок автозапчастей в ЧТУП «Деста Плюс», 40,0% опрошенных будут оставлять в данной организации 50,0 – 75,0% от общих расходов на автозапчасти; еще 20,0% респондентов – 25,0 – 50,0% от суммы, 7,5% респондентов – 10,0 – 25,0% и 2,5% опрошенных указали, что они будут тратить менее 10,0% от общей суммы расходов на приобретение автозапчастей в ЧТУП «Деста Плюс».

В соответствии с данными опроса рассчитаем прогнозируемый средний процент расходов респондентов ЧТУП «Деста Плюс» (средний %):

$$\text{Средний \%} = (0,30 \cdot (75 + 100)) : 2 + (0,4 \cdot (50 + 75)) : 2 + (0,2 \cdot (25 + 50)) : 2 + (0,075 \cdot (10 + 25)) : 2 + (0,025 \cdot (0 + 10)) : 2 = 60,1875 (\%)$$

Исходя из среднего процента расходов реального и прогнозируемого, можно рассчитать средний возможный процент прироста выручки от реализации товаров ($\Delta B\%$) в ЧТУП «Деста Плюс» как их разницу:

$$\Delta B\% = 60,1875 - 57,8125 = 2,375 (\%)$$

Следует учесть потери прибыли после введения дисконтной системы (через 1 год после её введения) при получении покупателями дисконтных карт. Поскольку число дисконтных карт будет ограничено (50 шт.), то можно спрогнозировать возможные потери прибыли в случае раздачи всех дисконтных карт. Рассчитаем средне-месячную сумму расходов автолюбителей на автозапчасти исходя из данных опроса (Σ):

$$\Sigma = ((42,5 \cdot (300 + 500)) : 2 + (2,5 \cdot (500 + 800)) : 2 + (22,5 \cdot (800 + 1000)) : 2 + (10,0 \cdot (1000 + 1100)) : 2) : 100 = 640 (\text{руб.})$$

Далее рассчитаем среднюю сумму расходов на автозапчасти на 12 месяцев всех владельцев дисконтных карт (50 шт.):

$$640 \cdot 12 \cdot 50 : 100 = 384\,000 (\text{руб.})$$

Причем за год в ЧТУП «Деста Плюс», согласно данным опроса, будет потрачено:

$$384\,000 \cdot 60,1875 : 100 = 231\,120 (\text{руб.})$$

Общая сумма скидки составит $231\,120 \cdot 1/100 = 231,120 \approx 2,31$ (тыс. руб.)

Эта сумма и будет потерей прибыли. Следует учесть, что на эту же сумму снизится выручка ЧТУП «Деста Плюс». В результате определим прирост выручки от реализации товаров без НДС в денежном выражении в ЧТУП «Деста Плюс» после внедрения дисконтных карт с учетом потерь по формуле (1):

$$\Delta B = (B^{00} \cdot \Delta B\% : 100) - \Sigma, \quad (1)$$

где ΔB – прирост выручки от реализации товаров в результате внедрения мероприятия, тыс. руб.;

B^{00} – величина выручки от реализации товаров до внедрения мероприятия (637 тыс. руб. – см. таблицу 1), тыс. руб.;

$\Delta B\%$ – средний возможный процент прироста выручки от реализации товаров в результате внедрения мероприятия, %;

Σ – сумма потери прибыли на скидки, тыс. руб.

$$\Delta B = (637,0 \cdot 2,375) : 100 - 2,31 = 12,82 (\text{тыс. руб.})$$

Найдем прирост валового дохода в результате внедрения мероприятия (2):

$$\Delta BД = (\Delta B \cdot TH) / (100 + TH), \quad (2)$$

где $\Delta BД$ – прирост валового дохода, тыс. руб.;

ΔB – прирост выручки от реализации товаров без НДС, тыс. руб.;

TH – средняя торговая надбавка на автозапчасти, %.

С учетом средней торговой надбавки 20,0% на автозапчасти прирост валового дохода ($\Delta BД$) составит:

$$\Delta BД = (12,82 \cdot 20) : 120 = 2,14 (\text{тыс. руб.})$$

Рассчитаем прирост прибыли от реализации автозапчастей по формуле (3)

$$\Delta Pr = \Delta VD - 3, \quad (3)$$

где 3 – единовременные затраты на внедрение мероприятия (0,03 тыс. руб. – см. таблицу 4), тыс. руб.

Прирост прибыли от реализации автозапчастей в результате внедрения системы дисконтных карт в ЧТУП «Деста Плюс» составит: $\Delta Pr = 2,14 - 0,03 = 2,11$ (тыс. руб.).

Таким образом, внедрение системы дисконтных карт в ЧТУП «Деста Плюс» приведет к приросту выручки от реализации товаров на 12,82 тыс. руб., увеличению прибыли от реализации товаров на 2,11 тыс. руб. Результаты внедрения системы дисконтных карт в ЧТУП «Деста Плюс» представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Результаты внедрения системы дисконтных карт в ЧТУП «Деста Плюс»

Показатели	До внедрения	После внедрения	Изменение	Темп роста, %
Выручка от реализации товаров, работ, услуг, тыс. руб.	637	649,82	+12,82	102,0
Себестоимость реализованных товаров, работ, услуг, тыс. руб.	624	634,71	+10,71	101,7
Прибыль от реализации товаров, работ, услуг, тыс. руб.	13	15,11	+2,11	116,2
Рентабельность продаж, %	2,04	2,33	+0,33 п.п.	

Анализ данных, представленных в таблице 5, показывает, что реализация мероприятия по внедрению системы дисконтных карт (в количестве 50 единиц) оказывает положительное влияние на эффективность сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс». В результате внедрения программы лояльности прогнозируется увеличение выручки от реализации товаров на 12,82 тыс. руб., или на 2,0%, рост прибыли от реализации – на 2,11 тыс. руб. (16,2%), а также повышение рентабельности продаж на 0,33 процентного пункта. Таким образом, дисконтная система способствует улучшению ключевых финансово-экономических показателей предприятия и повышению его конкурентоспособности на рынке.

В целях дальнейшего укрепления рыночных позиций и формирования дополнительных конкурентных преимуществ представляется целесообразным расширение спектра предоставляемых услуг. Одним из эффективных направлений совершенствования сбытовой политики является организация услуги по доставке автозапчастей покупателям на дом или непосредственно в автосервис. Необходимость внедрения данной услуги обусловлена изменением структуры потребительского спроса и ростом требований к уровню сервиса. Организация доставки особенно актуальна при реализации крупногабаритных кузовных элементов, транспортировка которых затруднена для большинства автовладельцев. Кроме того, доставка мелких деталей также может рассматриваться как элемент повышения клиентоориентированности предприятия, поскольку в случае внепланового ремонта мобильность владельца автомобиля зачастую ограничена.

Для оценки потенциального спроса на данную услугу ЧТУП «Деста Плюс» провело маркетинговое исследование в форме анкетного опроса. В исследовании приняли участие 60 респондентов – действующих клиентов организации. Результаты анкетирования показали, что 63,3% опрошенных (38 человек) рассматривают услугу доставки как востребованную и готовы ею пользоваться на постоянной основе, 26,7% (16 человек) выразили готовность использовать её периодически, а 10,0% (6 человек) указали, что не планируют пользоваться данной возможностью. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о высокой степени заинтересованности потребителей в услуге доставки автозапчастей. С учётом того, что аналогичный сервис представлен ограниченным числом организаций в данном рыночном сегменте, внедрение подобного предложения может стать эффективным инструментом маркетингового продвижения, способствующим привлечению новых клиентов и укреплению лояльности существующих. В связи с этим предлагается включить организацию услуги по доставке автозапчастей покупателям на дом или в автосервис в перечень мероприятий по совершенствованию сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс». Установлено, что для обеспечения экономической эффективности оказываемой услуги минимальная сумма заказа должна составлять не менее 1,0 тыс. руб.

По оценкам специалистов предприятия, внедрение услуги доставки позволит увеличить товарооборот на 5,0%. Данный прогноз основан на анализе практического опыта аналогичных организаций, в частности, интернет-магазинов «PowerRacing» и «Avtozakaz.by», где после внедрения услуги доставки объём продаж увеличился в среднем на 8,0%. Величина прироста выручки от реализации товаров, работ и услуг в результате введения услуги доставки автозапчастей определяется по формуле (4)

$$\Delta B = B_{2024} \cdot 0,05, \quad (4)$$

где ΔB – изменение выручки от реализации товаров, работ, услуг в результате внедрения мероприятия, тыс. руб.; B_{2024} – выручка от реализации товаров, работ, услуг на уровне 2024 года, до внедрения мероприятия (составил 637 тыс. руб. – таблица 1), тыс. руб.;

0,05 – возможный процент повышения выручки от реализации товаров, работ, услуг в результате внедрения мероприятия.

Прирост выручки от реализации товаров, работ, услуг в ЧТУП «Деста Плюс» в результате внедрения мероприятия составит: $\Delta B = 637 \cdot 0,05 = 31,85$ (тыс. руб.).

Таким образом, прирост выручки от реализации товаров, работ, услуг в результате внедрения мероприятия составит 31,85 тыс. руб.

Для организации доставки автозапчастей необходимо доработать сайт организации разделом «Доставка автозапчастей клиентам» в Интернете. Доставку автозапчастей будет осуществлять менеджер по доставке автозапчастей организации на личном транспорте. Для найма менеджера по доставке автозапчастей с личным автомобилем есть свои преимущества по сравнению с транспортной компанией: проще осуществляется доставка срочного заказа: в транспортную компанию заявку, как правило, нужно подавать заблаговременно (за один рабочий день); большая мобильность в изменении времени доставки; нет ограничений по времени и продлению заказа. Основными требованиями к личному автомобилю менеджера по доставке будут: кузов универсал и возраст автомобиля не старше 5 лет для российского автомобиля («Lada Largus», «Kalina», «Priora») или иномарка до 10 лет («Ford Focus», «Skoda Octavia», «Chevrolet Lacetti»). Автомобили такого класса вполне достаточно для загрузки и доставки любых запчастей, включая большинство кузовных деталей.

Рассчитаем расходы на топливо для доставки автозапчастей за год (P_m). Расход топлива автомашины в расчете на 100 км составляет 6 л. Цена 1 л дизельного топлива по состоянию на 12.04.2025 г. составляет 2,54 руб. Найдем среднее расстояние, которое будет проезжать автомобиль за месяц (S_{cp}), при среднем количестве рейсов за день 5 и среднем километраже в день 30 км, с учетом ежедневной доставки в течение месяца: $S_{cp} = 5 \cdot 30 \cdot 30 = 4500$ (км). Тогда расходы на топливо за год составят:

$$P_m = 4500 \cdot 6 : 100 \cdot 2,54 \cdot 12/1000 = 8,23 \text{ (тыс. руб.)}.$$

Кроме того, к дополнительным текущим расходам относится обслуживание автомобиля (1 раз в год), которое включает диагностику подвески (0,1 тыс. руб.), замену тормозных колодок (0,18 тыс. руб.), фильтров и масла (0,5 тыс. руб.). Расходы на обслуживание автомобиля составят ($P_{обсл}$):

$$P_{обсл} = 0,1 + 0,18 + 0,5 = 0,78 \text{ (тыс. руб.)}.$$

Рассчитаем оплату труда менеджера по доставке автозапчастей за год ($P_{оп. тр.}$). Оплата труда менеджера по доставке автозапчастей за месяц составит 726,0 руб. (минимальная заработная плата в Республике Беларусь по состоянию на 01.01.2025 г.).

$$P_{оп. тр.} = (726,0 \cdot 12) : 1000 = 8,71 \text{ (тыс. руб.)}$$

Рассчитаем отчисления из фонда заработной платы ($Отч_{зн}$) менеджера по доставке автозапчастей:

$$Отч_{зн} = 8,71 \cdot 0,346 = 3,01 \text{ (тыс. руб.)}$$

В таблице 6 представлены общие дополнительные текущие расходы в результате внедрения данного мероприятия.

Таблица 6. – Общие дополнительные текущие расходы для организации доставки автозапчастей покупателям

Виды расходов	Стоимость в год, тыс. руб.
Расходы на топливо	8,23
Обслуживание автомобиля	0,78
Оплата труда менеджера по доставке автозапчастей	8,71
Отчисления из фонда заработной платы	3,01
Итого	20,73

Как видим, для организации доставки автозапчастей в ЧТУП «Деста Плюс» дополнительные текущие расходы составят 20,73 тыс. руб. в год.

Рассчитаем прирост прибыли от реализации товаров, работ, услуг при оказании дополнительной услуги по доставке автозапчастей покупателям в ЧТУП «Деста Плюс» по формуле (5)

$$\Delta\Pi = \Delta B - 3, \quad (5)$$

где $\Delta\Pi$ – прирост прибыли от реализации товаров, работ, услуг в результате внедрения мероприятия, тыс. руб.;
3 – дополнительные затраты на организацию мероприятия (составят 20,73 тыс. руб. – таблица 6), тыс. руб.

$$\Delta\Pi = 31,85 - 20,73 = 11,12 \text{ (тыс. руб.)}$$

Таким образом, данное мероприятие приведет к увеличению выручки от реализации товаров, работ, услуг ЧТУП «Деста Плюс» на 31,85 тыс. руб., росту прибыли от реализации товаров, работ, услуг на 11,12 тыс. руб. и будет способствовать привлечению дополнительных клиентов. Результаты оказания дополнительной услуги за счет доставки автозапчастей покупателям в ЧТУП «Деста Плюс» представлены в таблице 7.

Таблица 7. – Результаты внедрения доставки автозапчастей в ЧТУП «Деста Плюс»

Показатели	До внедрения	После внедрения	Изменение	Темп роста, %
Выручка, тыс. руб.	637	668,85	+31,85	105,0
Себестоимость, услуг, тыс. руб.	624	644,73	+20,73	103,3
Прибыль, тыс. руб.	13	24,12	+11,12	185,4
Рентабельность продаж, %	2,04	3,61		+1,57 п.п.

По данным таблицы 7 в результате мероприятия по оказанию дополнительной услуги за счет доставки автозапчастей покупателям улучшатся показатели эффективности сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс»: выручка от реализации товаров, работ, услуг увеличится на 31,85 тыс. руб. или на 5,0%, прибыль от реализации товаров – на 11,12 тыс. руб. или на 85,4%, увеличится рентабельность продаж на 1,57 п.п.

Общий экономический эффект от внедрения мероприятий представлен в таблице 8.

Таблица 8. – Общий экономический эффект от внедрения мероприятий

Показатели	До внедрения	Мероприятия		Общее изменение	После внедрения
		Внедрение системы дисконтных карт	Доставка автозапчастей		
Выручка, тыс. руб.	637	+12,82	+31,85	+44,67	681,67
Себестоимость, тыс. руб.	624	+10,71	+20,73	+31,44	655,44
Прибыль, тыс. руб.	13	+2,11	+11,12	+13,23	+26,23
Рентабельность продаж, %	2,04	+0,33 п.п.	+1,57 п.п.	+1,9 п.п.	3,94

Заключение. Анализ сбытовой деятельности ЧТУП «Деста Плюс» показал, что эффективность предприятия может быть существенно повышена за счет внедрения программ лояльности и развития клиентских сервисов. Реализация дисконтной программы и организация доставки автозапчастей обеспечивают рост рентабельности, укрепляют рыночные позиции и формируют устойчивую клиентскую базу. Эти меры представляют собой стратегически важные направления, способствующие долгосрочной стабильности и росту конкурентоспособности предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Е.В. Продвижение товаров и услуг. – М.: Финансы и статистика, 2018. – 227 с.
2. Багинова В.В., Федоров Л.С., Сысоева Е.А. Логистика / под ред. В.В. Багиновой. – М.: Прометей, 2020. – 292 с.
3. Голубев В.А. От традиционных к логистическим системам управления потоками // Логистика. – 2021. – № 8. – С. 17–29.
4. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь, 2024: стат. буклет / Нац. стат. ком-т Респ. Беларусь; ред. кол.: И.В. Медведева [и др.]. – Минск: Белстат, 2024. – 28 с.
5. Мызрова К.А., Спектор А.А., Заводцков А.С. Малый бизнес: тенденции, перспективы, условия развития // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 2141–2158.
6. Business digitalization: intensifying the use of e-marketing tools = Цифровизация бизнеса: интенсификация использования инструментов электронного маркетинга / Э.Н. Воронько, Е.А. Костюченко, М.В. Гайдова, Э.М. Садыгов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 4(73). – С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2025-73-4-18-25>.

Поступила 10.03.2026

DEVELOPMENT OF DIRECTIONS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE SALES POLICY OF THE PRIVATE TRADE UNITARY ENTERPRISE “DESTA PLUS”

P. KOSTSIN, Y. ZAMASTOTSKY
(Vitebsk Branch of the International University "MITSO")

The article examines the theoretical and applied aspects of improving sales activities using the example of the private trade unitary enterprise “Desta Plus,” which operates in the automotive components market of the Republic of Belarus. A comprehensive analysis of the dynamics of the company’s financial and economic indicators has been carried out, and the key factors contributing to the decline in sales efficiency have been identified. As part of the study, a set of measures aimed at enhancing sales performance was proposed, including the introduction of a discount (loyalty) program and the organization of a delivery service for automotive parts to customers. The economic effect of these measures was assessed through the calculation of changes in revenue, profit, and sales profitability. The research results confirm that the implementation of the proposed measures contributes to the growth of the enterprise’s financial indicators, the formation of a stable customer base, and the strengthening of its competitive position in the market. The practical significance of the study lies in the applicability of the developed recommendations for shaping the sales policy of small business trading organizations.

Keywords: sales policy, sales efficiency, marketing activity, loyalty program, discount system, delivery of auto parts, economic effect, profitability of sales, competitiveness, trading enterprise.

УДК 338.24:005.21

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-28-34

ДИНАМИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИК**А.С. ПРИЩЕПОВ, ДВА****(ООО «КвестЛоджик», Минск)****ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0491-7619>**

В статье систематизированы современные подходы к концептуализации и операционализации динамических способностей (ДС) организаций. Проведен критический анализ эволюции концепции ДС от ресурсного подхода до микрооснований. На основе мета-анализа количественных исследований выявлена критическая непрозрачность операционализации ДС, что ограничивает сопоставимость результатов. Обоснована специфика переходных экономик постсоветского пространства – двойственная институциональная среда, значительная доля государственного сектора, санкционное давление – как модифицирующего контекста для развития ДС. Предложена концептуальная модель операционализации ДС для переходных экономик, адаптирующая триаду Тиса (распознавание – овладение – реконфигурация) через введение институциональных модераторов. Определены направления эмпирической верификации модели.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, динамические способности, операционализация, переходная экономика, Беларусь, ресурсный подход, институциональная среда.

Введение. Концепция динамических способностей (ДС), сформулированная в рамках стратегического менеджмента в середине 1990-х годов, предлагает теоретическую рамку для осмысления адаптации организаций к турбулентной среде – геополитической нестабильности, деглобализации, санкционному давлению и цифровой трансформации. Вместе с тем эмпирическая верификация концепции остается предметом острых дискуссий: О. Бруйка, К. Прандж и Х. Ли [1], систематизировав 185 количественных исследований, выявили критическую непрозрачность операционализации ДС, ведущую к несопоставимости результатов. Для переходных экономик эта проблема усиливается ограниченностью данных и высокой ролью неформальных институтов.

Республика Беларусь занимала в 2023 г. 80-е место в Глобальном рейтинге инноваций и сталкивается с необходимостью трансформации отраслевой структуры в условиях санкционного давления и ограничения доступа к трансферу технологий [22]. НСУР-2040 определяет цифровую трансформацию как стратегический приоритет [19], однако инструменты диагностики организационных способностей, адаптированные к постсоветскому контексту, отсутствуют. Цель статьи – систематизировать подходы к концептуализации и операционализации ДС и обосновать адаптированную рамку для эмпирических исследований в переходных экономиках. Задачи: 1) провести критический анализ эволюции концепции ДС; 2) систематизировать подходы к измерению ДС; 3) выявить специфику переходных экономик как контекста ДС; 4) предложить концептуальную модель с институциональными модераторами.

Основная часть. Теоретический фундамент ДС составляет ресурсный подход (Resource-Based View, RBV), перенесший фокус анализа с отраслевой структуры на внутренние ресурсы фирмы и сформулировавший критерии VRIN. Его фундаментальное ограничение – статичность: подход объяснил, почему фирмы различаются, но не как они становятся различными. Этот пробел заполнила концепция динамических способностей – *способностей фирмы интегрировать, строить и реконфигурировать внутренние и внешние компетенции для адаптации к быстро меняющейся среде* (Тис, Пизано, Шуэн, 1997). Тис (2007) операционализировал её через триаду микрооснований: распознавание (сканирование среды, идентификация возможностей и угроз), овладение (мобилизация ресурсов, инвестиционные решения) и реконфигурация (трансформация структуры, обновление активов). Систематический обзор 185 исследований [1] подтвердил эту триаду как консенсусную структуру конструкта ДС.

Эйзенхардт и Мартин (2000) предложили «слабую» версию ДС – лучшие практики с общими чертами у различных фирм, – в противовес уникальным идиографическим способностям Тиса. Это различие операционально значимо: «слабая» версия допускает стандартизированные шкалы, «сильная» требует процессуальных методов. О. Бруйка и соавторы [1] показали, что большинство исследователей принимают триаду Тиса, но применяют инструменты «слабой» версии – в этой методологической непоследовательности кроется главный источник кризиса операционализации. И. Альзате и соавторы в мета-анализе 47 исследований подтвердили положительную агрегированную связь ДС с результативностью ($r = 0,38$, $p < 0,001$) при высокой гетерогенности эффектов ($I^2 = 78\%$) [13].

Исследования 2022–2026 гг. продвигаются в нескольких направлениях. К. Забель и Д. О'Брайен [2] эмпирически установили секвенциальную зависимость компонентов триады: распознавание предшествует освоению, освоение – реконфигурации, при этом каждый компонент оказывает прямое и опосредованное воздействие на инновационную результативность. М. Дарвизех и С. Элдридж [4] предложили операционализировать ДС через иерархию управленческих решений, привязав компоненты к наблюдаемым актам и устранив тем самым проблему тавтологии. Х. Хаапио и Дж. Меро [14] выявили граничное условие: в режиме радикальной неопределенности

классическая линейная последовательность замещается итеративно-адаптивной логикой – распознавание переключается на быстрое тестирование гипотез, овладение трансформируется в серию малых ставок (*affordable loss*), реконфигурация становится непрерывной. Данный результат принципиален для переходных экономик с институциональной неопределенностью.

Расширение предметного поля охватывает несколько направлений. Д. Лукито и соавторы [3] концептуализировали способности к управлению трансформацией как специфическую форму ДС для цифровой трансформации. А. Альшаар и С. Алкшали [9] связали ДС с гибкостью цепочек поставок, что критически важно для белорусских предприятий, вынужденных после 2020 г. радикально перестраивать логистику в условиях санкций. Абсорбция внешнего знания выступает ключевым предшественником ДС в развивающихся экономиках [7]: распознавание опирается на мониторинг зарубежных трендов, овладение – на трансфер технологий, реконфигурация – на интеграцию привлеченного знания в организационные рутины. Ограничение доступа к западным технологиям вынуждает переориентировать абсорбционные каналы.

О. Бруйка и соавторы [1], проанализировав 185 количественных исследований ДС, вскрыли фундаментальную проблему: большинство исследователей не осознают или не эксплицируют различие между рефлексивной и формативной моделями измерения. В рефлексивной модели индикаторы рассматриваются как проявления латентного конструкта (ДС – индикаторы): если организация обладает высоким уровнем распознавания, это должно проявляться во всех связанных индикаторах одновременно и удаление одного индикатора не изменяет сущность конструкта. В формативной модели индикаторы формируют конструкт (индикаторы – ДС): распознавание не существует как единая латентная переменная, а конституируется совокупностью конкретных практик – мониторинга среды, анализа данных, неформальных контактов, – и удаление одного индикатора изменяет конструкт содержательно. Выбор между моделями не является техническим: он определяет, что именно будет измерено: общая латентная способность или конфигурация конкретных практик.

Последствия этого различия для переходных экономик существенны: если принять рефлексивную модель, распознавание в Беларуси и распознавание в Венгрии – проявления одного и того же конструкта, различающегося лишь по уровню. Если принять формативную модель, распознавание в Беларуси может иметь содержательно иную структуру: включать мониторинг административных решений (отсутствующий в западных шкалах), неформальные коммуникации с регуляторами (не операционализируемые стандартными опросниками) и при этом не включать глобальный технологический сканнинг (ограниченный санкциями). С. Хвилковска-Кубала и соавторы [8] эксплицитно приняли формативный подход и предложили процессную модель ДС с пятью компонентами: поиск возможностей, управление знаниями, координация, реконфигурация и организационная адаптация. Их эмпирическое исследование польских предприятий показало, что компоненты демонстрируют различную чувствительность к отраслевому контексту, что подтверждает содержательную нетождественность компонентов и обосновывает формативный подход.

Вторая структурная проблема – многоуровневость конструкта. ДС могут локализоваться на индивидуальном уровне (когнитивные способности менеджера к распознаванию возможностей), групповом (способность команды к координации), организационном (организационные рутины сканирования, инвестирования и реконфигурации) и межорганизационном (способность сети к коллективной адаптации). Б. Чжу и соавторы [11], исследуя предприятия Балтийских государств, показали, что ДС на межорганизационном уровне медируют связь между сотрудничеством и результативностью, но используемые ими шкалы оперировали на организационном уровне, что создает несоответствие между теоретическим аргументом и эмпирическим измерением. Для переходных экономик проблема уровней анализа особенно актуальна, поскольку значительная часть ДС может локализоваться не на организационном, а на индивидуальном уровне (личные связи руководителя с регуляторами) или на межорганизационном уровне (включенность в государственные программы развития).

В следствие сложились четыре различные парадигмы измерения. Шкалы субъективной самооценки (используются в 72% исследований [1]) подвержены смещению из-за общего метода сбора данных, смещению ответов под влиянием эффекта социальной желательности и ретроспективной рационализации. Процессные модели на основе кейсов (М. Дарвизех и С. Элдридж [4]) позволяют выявить механизмы ДС, но ограниченно обобщаемы. Прокси-индикаторы (интенсивность исследований и разработок, патенты, М&А) объективны, но измеряют результаты, а не сами способности. Многоуровневые интеграционные модели, комбинирующие субъективные и объективные данные, обеспечивают наибольшую объяснительную силу [7; 13] – этот подход оптимален для переходных экономик, хотя и сопряжен с дополнительными барьерами: низким качеством финансовой отчетности и непрозрачностью информационных потоков.

Переходные экономики постсоветского пространства характеризуются фундаментальной двойственностью институциональной среды: формальные рыночные институты (частная собственность, контрактное право, антимонопольное регулирование) сосуществуют с современным развитием командно-административной системы (директивное планирование, административное ценообразование, системы программ и инициатив). К.В. Рудый [21], анализируя модель государственного капитализма в Беларуси, показал, что государственная собственность охватывает более 50% промышленного производства, при этом директивные методы управления (доведение прогнозных показателей, административное ценообразование, ограничение на увольнение персонала) применяются не только к государственным, но и к частным предприятиям. Это создает институциональную среду,

которую можно определить как гибридную, – сочетающую элементы плановой и рыночной координации. Организации функционируют в режиме двойной навигации: одновременное выполнение требований административной вертикали (прогнозные показатели, государственные программы) и рыночных сигналов (спрос, конкуренция, технологические тренды). Эта двойственность модифицирует все компоненты триады Тиса. К.В. Рудый [22] продемонстрировал, что политические факторы в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) существенно влияют на потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ), выделив два альтернативных сценария – подключение и отсоединение от западных экономических структур. Белорусский случай отсоединения, начавшийся в 2020 г., радикально изменил ландшафт для распознавания: снижение прозрачности информации, ограничение доступа к международным базам данных, технологическим платформам и профессиональным сетям вынуждают организации компенсировать дефицит формального сканирования усилением неформальных каналов – личных контактов, отраслевых ассоциаций, связей на постсоветском пространстве.

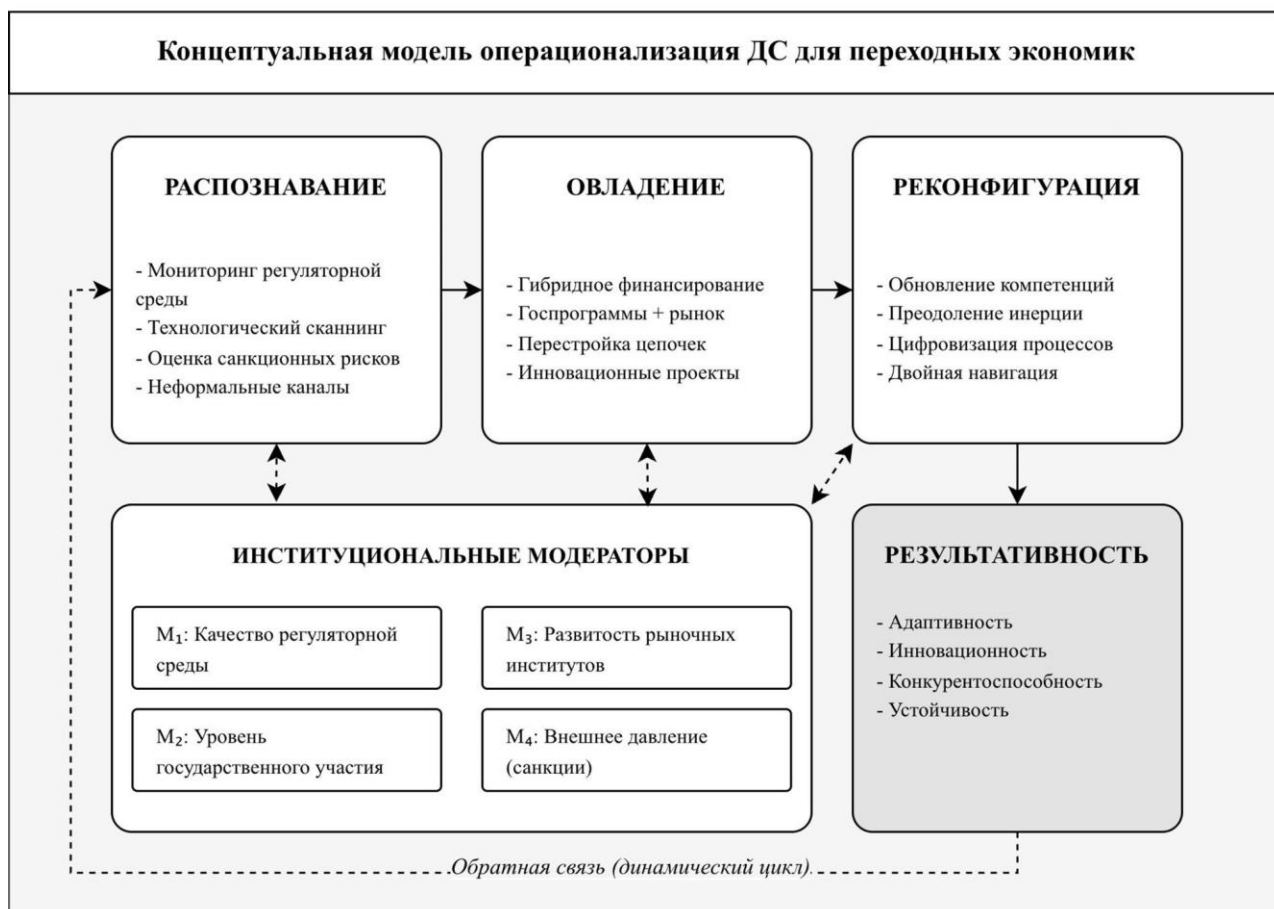
Овладение в гибридной среде приобретает специфический двухканальный характер. Рыночный канал включает стандартные механизмы – привлечение инвестиций, банковское кредитование, реинвестирование прибыли. Административный канал включает участие в государственных программах (государственные программы инновационного развития, программы импортозамещения), получение налоговых льгот (например, резидентство в Парке Высоких Технологий), размещение госзаказа, доступ к государственному финансированию через институты развития. К.В. Рудый [21] показал, что административный канал обеспечивает краткосрочную устойчивость предприятий, но долгосрочно консервирует структуру и снижает стимулы к рыночному поиску ресурсов. Для ДС это создает парадокс: овладение через административное направление может обеспечивать текущую адаптацию (организация получает ресурсы для реализации проекта), но подавлять долгосрочное развитие распознавания (зачем сканировать рынок, если ресурсы поступают через административные каналы?) и реконфигурации (зачем реконфигурировать структуру, если государство гарантирует стабильность?).

Эмпирические данные 2022–2026 гг. позволяют провести содержательное сравнение. М. Линь [10] на выборке 312 МСП Вьетнама, сопоставимой с белорусской по институциональному устройству, выявила статистически значимое влияние ДС на результативность ($\beta = 0,41$, $p < 0,01$), при этом наибольший эффект демонстрировали компоненты координации и интеграции, связанные с управлением государственными отношениями. Б. Чжу и соавторы [11], исследуя постсоветские экономики Балтии, выявили медирующую роль ДС в связи межорганизационного сотрудничества с результативностью в контексте циркулярной экономики. Х. Арена-Гайтан и П. Ледесма-Чавес [6] показали, что предприятия Центральной и Восточной Европы с развитыми ДС демонстрируют более высокую устойчивость в периоды экономических кризисов. Р. Опоку и соавторы [12] установили дифференцированные эффекты компонентов триады: реконфигурация выступает наиболее сильным предиктором результативности ($\beta = 0,47$) по сравнению с распознаванием ($\beta = 0,28$) и овладением ($\beta = 0,33$). Следствие для переходных экономик: реконфигурация наиболее значима и одновременно наиболее затруднена институциональными ограничениями (организационная инерция плановой экономики, административные барьеры реструктуризации, дефицит управленческих компетенций) – ловушка реконфигурации.

Белорусская исследовательская традиция в области ДС формируется преимущественно вокруг цифровой трансформации. А.А. Подупейко [15] связала цифровые технологии с компонентами ДС: бизнес-аналитика усиливает распознавание, платформенные решения расширяют овладение, облачные технологии облегчают реконфигурацию. И.В. Новикова [17] предложила методiku оценки цифрового развития организаций, применимую как компонент операционализации ДС. Исследование BEROC [20] зафиксировало существенную дифференциацию адаптивности по формам собственности: частные предприятия демонстрировали более высокую скорость адаптации к санкциям по сравнению с государственными – косвенное свидетельство различий в уровне ДС между секторами. Г.Г. Головенчик и М.М. Ковалев [23] показали, что цифровая реконфигурация становится необходимым условием конкурентоспособности в глобализирующейся экономике. Четыре институциональных фактора, выявленных в ходе анализа, образуют основу концептуальной модели: (1) качество регуляторной среды (предсказуемость правил); (2) уровень государственного участия; (3) развитость рыночных институтов; (4) интенсивность внешнего давления (санкции).

Синтез проведенного анализа позволяет предложить интегративную модель операционализации ДС, адаптированную для переходных экономик (рисунок). Модель основана на пяти теоретических предпосылках, каждая из которых систематически обоснована в предшествующих разделах. Первая предпосылка: триада Тиса принимается как базовая структура конструкта. Этот выбор обоснован содержательным анализом: обзор О. Бруяки и соавторов [1] показал, что альтернативные структуры (пятикомпонентная модель С. Хвилковска-Кубалы [8], шестикомпонентная модель М. Линь [10]) содержательно сводимы к триаде. Вторая предпосылка: компоненты триады связаны секвенциальной, а не параллельной логикой – К. Забель и Д. О’Брайен [2] эмпирически установили, что распознавание предшествует овладению, овладение – реконфигурации, при этом секвенция допускает итеративность, обнаруженную Х. Хаапио и Дж. Мери [14] в условиях радикальной неопределенности. Третья предпосылка: формативная модель измерения предпочтительна для уровня компонентов триады – этот выбор обоснован содержательной нетождественностью компонентов, подтвержденной дифференцированными эффектами в работе Р. Опоку [12] (реконфигурация – $\beta = 0,47$, распознавание – $\beta = 0,28$). Четвертая предпосылка: институциональная среда переходных экономик модифицирует не силу, а содержание каждого компонента триады –

этот тезис обоснован анализом белорусского контекста (раздел 3) и сравнительными данными из Вьетнама [10], Балтии [11] и ЦВЕ [6; 22]. Пятая предпосылка: цифровая трансформация выступает сквозным фактором, модифицирующим все компоненты триады [3; 15; 23].

Рисунок. – Концептуальная модель операционализации динамических способностей для переходных экономик

Ключевой теоретический вклад модели – введение четырех институциональных модераторов, опосредствующих связь между компонентами ДС и результативностью организации. Модератор М₁ (качество регуляторной среды) определяет предсказуемость правил игры: высокое качество расширяет горизонт распознавания, низкое – вынуждает организации переключаться на мониторинг регуляторных изменений в ущерб технологическому сканнингу. Модератор М₂ (уровень государственного участия) формирует гибридный характер овладения: госпрограммы создают альтернативные каналы финансирования, но одновременно снижают мотивацию к рыночному поиску ресурсов. Модератор М₃ (развитость рыночных институтов) влияет на реконфигурацию: неразвитость рынков капитала, труда и технологий ограничивает доступные варианты реконфигурации, заставляя организации опираться на внутренние ресурсы. Модератор М₄ (внешнее давление / санкции) действует амбивалентно: разрушая привычные связи, он одновременно создает императив адаптации, стимулируя развитие ДС в направлении импортозамещения и переориентации рынков.

Принципиальное отличие предлагаемой модели от классической триады Тиса состоит в том, что модераторы не просто контекстуализируют ДС, а трансформируют их содержание. В рыночных экономиках распознавание направлено преимущественно на технологические и рыночные сигналы; в переходных экономиках оно дополняется мониторингом административных решений и неформальных каналов. Овладение в рыночных экономиках основано на финансовых рынках, в переходных – приобретает гибридный характер, сочетая рыночные механизмы с административными ресурсами. Реконфигурация в рыночных экономиках реализуется через M&A, аутсорсинг и реструктуризацию, в переходных – осложняется организационной инерцией плановой экономики и необходимостью двойной навигации.

Система индикаторов (таблица) построена на принципе триангуляции: компоненты триады измеряются комбинацией субъективных (шкалы Likert) и объективных (прокси) данных, что снижает смещение из-за общего метода сбора данных [8] и повышает конструктивную валидность [1]. Рекомендуется формативная модель на уровне компонентов триады при рефлексивной – на уровне субиндикаторов внутри каждого компонента. Такой двухуровневый подход обеспечивает методологическую прозрачность, на необходимость которой указывали О. Бруйка и соавторы [1], и учитывает специфику переходных экономик.

Таблица. – Система индикаторов операционализации динамических способностей для переходных экономик

Компонент ДС	Индикатор	Тип данных	Источник обоснования
Распознавание	S1. Формализация процедур мониторинга регуляторной среды	Шкала Likert (1-7)	[1; 8]
Распознавание	S2. Интенсивность технологического сканинга	Шкала Likert (1-7)	[2; 7]
Распознавание	S3. Систематичность оценки санкционных и политических рисков	Шкала Likert (1-7)	[6; 22]
Распознавание	S4. Использование цифровых инструментов аналитики	Шкала Likert (1-7)	[3; 15; 23]
Распознавание	S5. Интенсивность неформальных коммуникаций с регуляторами	Шкала Likert (1-7)	[21]
Овладение	Z1. Доля выручки на инновации (R&D intensity)	Прокси (%)	[1; 13]
Овладение	Z2. Количество инновационных проектов за 3 года	Прокси (ед.)	[2; 12]
Овладение	Z3. Скорость стратегических решений (цикл от идеи до запуска)	Шкала Likert (1-7)	[4; 14]
Овладение	Z4. Использование госпрограмм и субсидий	Шкала Likert (1-7)	[18; 21]
Овладение	Z5. Диверсификация источников финансирования	Шкала Likert (1-7)	[9; 22]
Реконфигурация	R1. Частота организационных реструктуризаций за 5 лет	Прокси (ед.)	[1; 8]
Реконфигурация	R2. Внедрение управленческих технологий (ERP, CRM, BI)	Шкала Likert (1-7)	[3; 15]
Реконфигурация	R3. Инвестиции в развитие персонала (доля ФОТ)	Прокси (%)	[7; 10]
Реконфигурация	R4. Уровень цифровизации бизнес-процессов	Шкала Likert (1-7)	[16; 17; 23]
Реконфигурация	R5. Гибкость организационной структуры	Шкала Likert (1-7)	[5; 11]

Верификация модели предполагает три последовательных этапа.

Первый – качественное пилотное исследование (6–10 полуструктурированных интервью с руководителями предприятий различных форм собственности и отраслей) для содержательной валидации индикаторов и выявления неформальных практик распознавания и гибридного овладения.

Второй – психометрическая валидация опросного инструмента: экспертная оценка контентной валидности ($CVI \geq 0,80$), пилотное тестирование ($n = 30-50$), оценка надежности (альфа Кронбаха $\geq 0,70$, $CR \geq 0,70$) и конструктивной валидности (конфирматорный факторный анализ, $AVE \geq 0,50$).

Третий – масштабное исследование ($n \geq 200$) с использованием PLS-SEM для одновременного тестирования прямых эффектов компонентов ДС, модулирующих эффектов $M_1 - M_4$ и медирующих эффектов между компонентами триады; перспективно лонгитюдное исследование динамики ДС в период адаптации к санкциям (2020–2026) со смешанным дизайном, позволяющее зафиксировать темпоральность, на необходимость изучения которой указывали О. Бруяка и соавторы [1].

Заключение. Проведенный синтез теоретических подходов и эмпирических результатов позволяет сформулировать ключевые выводы, имеющие значение как для теории стратегического менеджмента, так и для практики управления в переходных экономиках.

Первый вывод – методологический. Анализ 185 количественных исследований [1] и систематических обзоров [7; 13] показал, что главной преградой для развития теории ДС является не дефицит концептуальных идей, а непрозрачность операционализации. Исследователи произвольно выбирают между рефлексивными и формативными моделями, уровнями анализа и типами данных, что делает результаты несопоставимыми. Для переходных экономик эта проблема усугубляется спецификой институциональной среды: стандартные западные шкалы не улавливают неформальные практики распознавания (связи с регуляторами), гибридный характер овладения (сочетание госпрограмм и рынка) и специфические барьеры реконфигурации (инерция плановой экономики). Предложенная двухуровневая формативно-рефлексивная модель с эксплицитным обоснованием каждого методологического выбора представляет шаг к преодолению этого разрыва.

Второй вывод – теоретический. Интеграция данных из различных контекстов – Вьетнам [10], Балтийские государства [11], ЦВЕ [6; 22], Беларусь [15; 16; 17; 20; 21] – демонстрирует, что ДС универсальны по структуре (триада Тиса воспроизводима), но контекстно-специфичны по механизмам. Введение четырех институциональных модераторов ($M_1 - M_4$) позволяет формализовать эту контекстную специфику. Модель показывает, что в переходных экономиках институциональная среда не просто модифицирует силу связи «ДС – результативность», но трансформирует содержание каждого компонента триады. Это существенно развивает теорию ДС, которая до настоящего времени разрабатывалась преимущественно на материале рыночных экономик.

Третий вывод – практический. Для белорусских предприятий модель создает основу для диагностики организационных способностей. Система из 15 индикаторов (см. таблицу) позволяет:

- идентифицировать узкие места в цикле распознавание-овладение-реконфигурация;
- учесть институциональный контекст через модераторы;
- разработать адресные стратегии усиления ДС.

В условиях санкционного давления и технологического разъединения [22] способность к быстрой реконфигурации ресурсной базы приобретает критическое значение, а цифровая трансформация, как показали Г.Г. Головенчик и М.М. Ковалев [23], становится необходимым условием конкурентоспособности в глобализирующейся экономике.

Научная новизна исследования состоит в разработке интегративной модели операционализации динамических способностей, впервые адаптированной для постсоветских переходных экономик через систему институциональных модераторов. В отличие от существующих моделей, предложенный подход:

- а) формализует модифицирующую роль институциональной среды;
- б) предлагает верифицируемую систему индикаторов с явным обоснованием каждого выбора;
- в) учитывает специфические механизмы ДС (неформальное распознавание, гибридное освоение, двойная навигация в реконфигурации).

Практическая значимость определяется возможностью создания инструментов диагностики и развития динамических способностей белорусских предприятий. Перспективы дальнейших исследований включают: эмпирическую верификацию модели на данных белорусских предприятий; сравнительные исследования ДС в переходных экономиках (Беларусь, Россия, Казахстан, Узбекистан); лонгитюдный анализ динамики ДС в период адаптации к санкциям (2020–2026).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Bruyaka O., Prange C., Li H. Dynamic capabilities measurement safari: A roadmap // *International Journal of Management Reviews*. – 2024. – Vol. 26, No. 3. – DOI: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12364>.
- 2 Zabel C., O'Brien D. Understanding dynamic capabilities in emerging technology markets: antecedents, sequential nature, and impact on innovation performance // *European Journal of Innovation Management*. – 2024. – Vol. 27, No. 9. – DOI: <https://doi.org/10.1108/EJIM-07-2023-0574>.
- 3 Lukito D., Perdhana M. S., Suharnomo S. Transformation Management Capabilities for Digital Transformation Initiatives: A Construct Conceptualization in Alignment with the Dynamic Capabilities Framework // *Journal of Organizational Management Studies*. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.5171/2022.845443>.
- 4 Darvizeh, M. Y., Eldridge S. Lessons For Enhancing Competitive Advantage: Dynamic Capabilities Framework // *International Journal of Business and Management Studies*. – 2022. – Vol. 3, No. 11. – DOI: <https://doi.org/10.56734/ijbms.v3n11a1>.
- 5 De Luca L. M., Morgan R., De Angelis R. Open strategy and dynamic capabilities: A framework for circular economy business models research // *Business Strategy and the Environment*. – 2023. – Vol. 32, No. 6. – DOI: <https://doi.org/10.1002/bse.3397>.
- 6 Arenas-Gaitán J., Ledesma-Chaves P. Dynamic capabilities in times of economic crisis: A vision of success in international markets // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, No. 12. – e22703. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e22703>.
- 7 Tamirat S., Amentie C. Advances in knowledge-based dynamic capabilities: A systematic review // *Cogent Business & Management*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23311975.2023.2257866>.
- 8 The process of developing dynamic capabilities: The conceptualization attempt and the results of empirical studies / A. Chwiłkowska-Kubala, S. Cyfert, W. Szumowski, R. Miśkiewicz // *PLoS ONE*. – 2021. – Vol. 16, No. 4. – e0249724. – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0249724>.
- 9 Alshaar A. M. K., Alkshali S. Fostering Supply Chain Agility: The Power of Dynamic Capabilities // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. – 2024. – Vol. 14, No. 6. – DOI: <https://doi.org/10.6007/ijarbss.v14-i6/21672>.
- 10 Linh M. M. Impact of Dynamic Capabilities on Business Performance of SMEs in Hanoi, Vietnam // *International Journal of Social Science and Human Research*. – 2025. – Vol. 8, No. 10. – DOI: <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v8-i10-97>.
- 11 Bridging Inter-Organizational Collaboration, Circular Economy Practices, and Firm Performance: The Role of Dynamic Capabilities Within Baltic States / B. Zhu, T. Ahmadow, O. Kuba, W. Gerstberger, V. Prokop // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2025. – DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.70314>.
- 12 Achieving sustainable performance through dynamic capabilities in disruptive manufacturing environments / R. K. Opoku, J. Ampah, N. J. N. Korsi, A. Mansoor, et al. // *Business Process Management Journal*. – 2025. – DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-02-2025-0221>.
- 13 Meta-analysis of organizational and supply chain dynamic capabilities / I. Alzate, E. Manotas, A. Boada, C. Burbano // *Problems and Perspectives in Management*. – 2022. – Vol. 20, No. 3. – DOI: [https://doi.org/10.21511/ppm.20\(3\).2022.27](https://doi.org/10.21511/ppm.20(3).2022.27).
- 14 Наарю Н., Меро J. An effectual approach to executing dynamic capabilities under unexpected uncertainty // *Industrial Marketing Management*. – 2022. – Vol. 107. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2022.09.021>.
- 15 Подупейко А.А. Динамические способности и организационная гибкость в контексте цифрового развития организации // *Материалы форума «Развитие интернационализации и экономической интеграции в новых реалиях»: XXI Междунар. науч.-техн. конф. «Наука – образованию, производству, экономике», Минск, 23–24 марта 2023 г. / БНТУ. – Минск: Четыре четверти, 2023. – С. 49–50. – URL: <https://rep.bntu.by/handle/data/128065>.*
- 16 Зенькова Л.П., Машевская О.В. Трансформация экономической системы в условиях становления цифровой экономики. – Минск: ИВЦ Минфина, 2024. – 239 с.
- 17 Новикова И.В. Оценка цифрового развития организации // *Труды БГТУ. Серия 5, Экономика и управление*. – 2025. – № 1(292). – С. 38–50.
- 18 Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты, прогнозы: сб. науч. ст. В 2 т. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2024. – 814 с. – URL: <https://www.ictt.by/rus/market-place/rctt-network/view.php?proid=66509225c3af66c7497a6594917fab&lng=rus>.
- 19 Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года (НСУР-2040). – Минск, 2025. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf>.
- 20 Частный и государственный сектора экономики Беларуси: куда качнулся маятник после 2019 года? // *BEROC Policy Paper Series, PP no. 124*. – Минск: BEROC, 2025. – URL: <https://beleconomy.org/upload/mediabrary/5a8/5a8941587f91920b9435c87f8296bf18.pdf>.

- 21 Рудый К.В. Государственный капитализм в Беларуси // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 77–85.
- 22 Rudy K. Political Effects on FDI in the CEE Region: Two Cases of Connectivity and Decoupling from the West // Global Journal of Emerging Market Economies. – 2024. – Vol. 16, No. 2. – P. 149–167.
- 23 Головенчик Г.Г., Ковалев М.М. Цифровая глобализация: мировые тренды, влияние на рост и интернационализацию национальных экономик // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Экономика = RUDN Journal of Economics. – 2025. – Т. 33, №. 3. – С. 357–381. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-3-357-381>.

Поступила 15.04.2026

DYNAMIC CAPABILITIES OF ORGANIZATION: CONCEPTUAL AND OPERATIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF TRANSITIONAL ECONOMIES

A. PRISHCHEPOV, DBA
(*Questlogic LLC., Minsk*)

The article systematizes contemporary approaches to conceptual and operational development of organizational dynamic capabilities (DC). A critical analysis of the DC concept evolution from the resource-based view to micro-foundations is conducted. Based on a review of 185 quantitative studies, critical opacity in DC operationalization is revealed, limiting comparability of results. The specificity of post-Soviet transition economies – dual institutional environment, significant state sector, sanctions pressure – is substantiated as a modifying context for DC development. A conceptual model for DC operationalization in transition economies is proposed, adapting the Teece triad (sensing – seizing – reconfiguring) through the introduction of institutional moderators. Directions for empirical verification of the model are identified.

Keywords: *strategic management, dynamic capabilities, operationalization, transition economy, Belarus, resource-based view, institutional environment.*

УДК 314:332

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-35-44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**Р.Д. САРВАРИ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3001-1950>

Статья представляет собой теоретико-методологическое исследование репродуктивного поведения, намерений и факторов рождаемости в контексте их влияния на социально-экономическое развитие и демографическую безопасность. Анализируется необходимость формирования инклюзивной среды для будущих родителей и компенсации издержек, связанных с исполнением родительских функций. Исследование основано на пространственно-временном анализе статистики за 2008 – 2024 годы (отдельные показатели – с 1970 года) по рождаемости, брачно-семейной динамике и возрастным коэффициентам. Эмпирическая часть посвящена оценке состояния рождаемости и социально-экономических последствий её динамики на примере Республики Беларусь с учетом международного опыта. Показано, что рождаемость тесно связана с экономическими и неэкономическими интересами домохозяйств. Систематизированы предложения по институциональной модели стимулирования рождаемости. Выявлены ключевые особенности демографического развития: снижение рождаемости, старение населения, рост отложенного материнства и изменение семейных установок. Подчеркивается необходимость системных мер по снижению издержек родительства.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивное намерение, рождаемость, демографический переход, стимулирование рождаемости, демографическая безопасность.

Введение. Проведенное авторское исследование среди прочего систематизирует фундаментальные мнения, относящиеся к решениям, принимаемым в отношении процесса деторождения [1], которые, в свою очередь, в значительной мере рациональны (объективно выражаясь, люди не просчитывают их строго по моделям). В данном контексте рациональность проявляется в двух формах:

1) семьи ограничены бюджетом и вынуждены учитывать затраты, что делает их поведение экономически осмысленным;

2) молодое поколение склонно подражать более успешным стратегиям предыдущих поколений, ориентируясь на лучший баланс между затратами и выгодами. При этом лишь небольшая часть населения быстрее адаптируется к изменениям условий, пересматривая нормы в отношении репродуктивного намерения и репродуктивного поведения.

Как демонстрирует теоретическая часть авторского исследования, несмотря на долгосрочный и неопределенный характер решений о деторождении, в последние десятилетия наблюдались быстрые изменения в репродуктивном поведении, которые можно рассматривать как рациональную реакцию на внешние социально-экономические и культурные трансформации. В дополнение, по мнению автора, стоит понимать исторический контекст, который во многом способствовал изменению репродуктивного поведения, в особенности, на стороне женщин. Для примера, на протяжении многих десятилетий позиция женщины в экономической жизни была эксклюзивной, что предусматривало строгое ограничение ее роли и обрамления в рамки исключительно социального ориентира [2–6]. Следовательно, эти установки формировали устойчивые модели поведения, где высокая рождаемость и активное репродуктивное намерение были социально поощряемой нормой, а экономическая самостоятельность являлась исключением. Однако гендерная революция 1960–1970-х гг. вызвала существенные преобразования в семейной структуре. Женское движение, наряду со снижением доходов мужчин, способствовало росту участия женщин в оплачиваемом труде. В результате традиционная модель семьи, основанная на разделении ролей «кормилец – домохозяйка», значительно утратила свое значение. На современном этапе большинство пар, включая семьи с детьми, являются домохозяйствами с двумя работающими партнерами [7]. Одновременно с изменениями в сфере занятости трансформировались и общественные ожидания в отношении отцовства и материнства. Несмотря на эти сдвиги, занятость мужчин и их участие в домашних обязанностях изменились в меньшей степени по сравнению с трансформациями женских ролей [8]. Вместе с равными правами на труд, карьеру, возможностью участия в политической и экономической жизни напрямую, женщина тем самым получила инклюзивные возможности от сообщества. Однако по мере реализации этих прав через образование и профессиональную самореализацию возникает феномен компенсации, когда освоение новых возможностей сопровождается отложенными или упущенными реализациями в других сферах, в частности, в роли матери. Таким образом, расширение социальных и профессиональных горизонтов женщин сопровождается сложным выбором и переосмыслением традиционных женских ролей, особенно в контексте материнства.

Научная проблема заключается в необходимости всестороннего анализа того, как процессы гендерного перехода, экономические и культурные изменения влияют на репродуктивное намерение и репродуктивное по-

ведение населения, в частности, у женщин. Особенно актуально это в контексте устойчивого снижения рождаемости в ряде развитых и развивающихся стран, что обусловлено процессами демографического перехода. Вопрос о том, каким образом институциональные и ценностные трансформации влияют на выбор в пользу материнства и отцовства, становится ключевым как для демографических исследований, так и для разработки государственной социально-экономической политики.

Актуальность исследования определяется необходимостью достижения согласованности между репродуктивными намерениями и реализацией репродуктивного поведения среди мужчин и женщин репродуктивного возраста в контексте социально-экономического развития. Полученные результаты могут внести значимый вклад как в теоретическое осмысление механизмов репродуктивного поведения и репродуктивного намерения в рамках демографии, социологии и гендерных исследований, так и в практическую плоскость. Прежде всего, в разработку и совершенствование социально-экономической политики, программ поддержки семьи и др.

Обзор литературы. Современные исследования все чаще выходят за рамки одной дисциплины стремясь к междисциплинарности при изучении демографических процессов. Это позволяет учитывать как социальные, так и экономические аспекты, что значительно расширяет аналитические возможности. Для примера, расширение доступа к детским садам [9] и финансовые стимулы способствуют увеличению числа рождений. Реформы декретного отпуска положительно влияют на рождаемость, хотя выгоды распределяются неравномерно: высокооплачиваемые семьи получают больше компенсаций, а программы детского ухода помогают снизить социальное неравенство. С этим повышается необходимость учета экономических и социальных факторов при разработке эффективных мер поддержки семей. Отдельного внимания заслуживают работы, в которых акцент сделан на различии между репродуктивным намерением (субъективными установками по поводу желаемого количества детей и сроков их рождения) и репродуктивным поведением (фактическими действиями, направленными на реализацию или отказ от этих установок). Учитывая это различие, исследователи получают возможность глубже понять механизмы реализации репродуктивных установок и, следовательно, более точно оценить эффективность демографической политики. На основании анализа научной литературы делается вывод о том, что существующие исследования, посвященные мерам стимулирования рождаемости, также поддаются определенной классификации.

Исследования группы неэкономических факторов включает множество тем. Связь семейных ценностей, поддержание баланса между рабочими и семейными ролями представлена в исследовании Е.К. Артеменко [8]. В поддержку исследования (при изучении теории «модернизации» и «кризиса семьи», разработанные А.Г. Вишневым и А.И. Антоновым [10; 11]) выступает А.Г. Злотников [12], акцентируя внимание на важности институтов семьи и их связи с демографическими изменениями. А.А. Головач [13] рассматривает инвестиции в человеческий капитал, меры по стимулированию рождаемости и миграционное замещение как возможные механизмы демографической компенсации. В свою очередь, А.А. Бондаренко [14] акцентирует внимание на значении семейной поддержки и информационно-просветительских стратегий как инструментах противодействия депопуляции и старению населения, что также изучается в работах Н.А. Томашевской [15]. Л.П. Шахотко [16] анализирует макроэкономические последствия демографического спада, в том числе его влияние на совокупный спрос и устойчивость системы социального обеспечения. В поддержку можно привести работы Е.Н. Карчевской [17], которая уделяет внимание росту числа пенсионеров и связанных с этим увеличением расходов на социальное обеспечение. Таким образом вопросы эффективности демографической политики и обеспечения демографической безопасности становятся все более актуальными в условиях усиливающихся демографических вызовов.

Этой тематике посвящены работы М.И. Артюхиной и С.А. Пушкевич [18], в которых анализируются реализуемые в Республике Беларусь меры демографической поддержки с акцентом на достигнутые результаты и возникающие риски, включая тенденции депопуляции. И.В. Тетерева [19] предлагает классификацию мер, реализуемых в рамках государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность», при этом подчеркивая приоритетность интересов текущего поколения в формировании демографической устойчивости. В свою очередь, Н.Н. Сечко и Е.В. Таранова [20] проводят сравнительный анализ демографической политики Беларуси и России, акцентируя внимание на значимости межгосударственного обмена опытом и стратегиями для обеспечения стабильности демографических процессов. Тындик А. [21] рассматривает образовательный фактор, влияющий на воспроизводство и определяющий приоритеты пронаталистской демографической политики. «Разрыв» между желаемым и фактическим числом детей у мужчин и женщин определяет потенциал будущего воспроизводства. Так согласно теории В.Архангельского и др. [22], в России существуют две группы факторов низкой рождаемости: социально-психологические (низкая потребность в детях) и социально-экономические (плохие условия реализации потребности в детях). Влияние этих групп факторов взаимосвязано, и нельзя, например, говорить о детерминации рождаемости только экономическими причинами, не связывая их с уровнем потребности в детях. Более структурное видение факторов представлено в работе Н. Балбо и его соавторов [23] в виде детерминантов рождаемости по трем уровням: микро (детерминанты индивидуального и/или семейного уровня), мезо (социальные связи и социальные сети) и макро (культурные и институциональные нормы).

В разрезе макрофакторов Норберт Нойвирт, Изабелла Бубер-Эннсер и Бит Фукс и др. [24] выяснили, что семьи с миграционным фоном демонстрируют более высокие показатели рождаемости, что связано с культурными и социальными особенностями. Экономические трудности, включая инфляцию и нестабильность на рынке труда, оказывают влияние на планы по расширению семьи, особенно среди семей с низким доходом. Женщины

сталкиваются с двойной нагрузкой, профессиональной и семейной, что влияет на их решения о количестве детей. В разрезе микрофакторов Вишневецкий А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. [25] рассматривают связь рождаемости с концепцией демографического перехода, в частности, через рост планирования семьи и рождений, особое внимание уделяется контрацептивному образованию.

По нашему мнению, данные исследования являются отчасти спорными. Непонятно, почему при высоком уровне развития института планирования семьи среди женщин и мужчин всё ещё существует понятие «нежелательная беременность»? Что входит в понятие нежелательной беременности и как признаки, формирующие это понятие, меняются с течением времени в период социально-экономических и политических изменений? Какие меры могут быть предприняты, чтобы мотивировать достаточное воспроизводство населения и компенсировать возможные упущенные выгоды от рождений, которые на текущий момент воспринимаются населением как нежелательные? Возможно более эффективными методами сбалансированной рождаемости являются не только рост распространения знаний о контрацептивах, но также и меры, мотивирующие рождения у растущей доли женщин, считающих беременность нежелательной?

Отчасти в ответе на данные вопросы значимы исследования Журавлевой Т.Л., Гавриловой Я.А. [26], которые изучают разрыв между репродуктивными намерениями людей в начале жизни и реализованной рождаемостью к концу жизни. В интенсивных попытках прирастить доход у женщины с высшим образованием не остается временного и энергетического потенциала на рождение и воспитание детей, образование семьи. Исследования сходятся во мнении с зарубежными. Густафссон С. [27] анализирует отсрочку материнства, изучая, как образование, участие на рынке труда и политика влияют на время первых родов. Подчеркивается компромиссность между ранним материнством и развитием карьеры, выделяя, что поддерживающая семейная политика может смягчить негативные последствия отсрочки деторождения в рамках ограничений биологических пределов фертильности. Амуэдо-Дорантес К., Киммел Дж. [28] отмечают тенденцию снижения числа первородящих женщин до 30 лет, особенно среди обладательниц высшего образования, при одновременном росте числа первых родов после 30. Это связано с карьерными приоритетами: женщины с высшим образованием чаще откладывают материнство ради профессионального роста. Более углубленное погружение в тему показывает, что несмотря на известный «штраф за материнство», женщины, ставящие приоритет в пользу карьерной реализации, впоследствии зарабатывают больше, чем бездетные сверстницы, особенно при отсроченной фертильности. Во многом это объясняется трудоустройством на позиции, сочетающие карьерный рост с семейной поддержкой. Вместе с тем также как позднее материнство может быть стратегией снижения карьерных потерь, оно сопряжено с рисками, среди которых возможная бездетность или меньшее число детей. Резюмируя данную поведенческую модель, стоит отметить, что уровень образования женщины определяет связь между временем рождения первого ребенка и карьерными результатами (например, менее образованные женщины рожают раньше, в то время как более образованные приходят к такому решению после 30 лет).

Исследователи Д. Книл и Х. Джоши [29] в число эффектов роста числа первых родов после 30 лет включили увеличение доли людей, чьи нереализованные планы стать родителями приводят к снижению рождаемости; росту использования репродуктивных технологий и распаду партнерств; а также влияние позднего родительства на развитие детей и семейную динамику, включая социально-экономические и уходовые аспекты. Подчеркивается, что отсрочка родительства связана не только с карьерой женщин. Мужчины с высшим образованием также склонны откладывать рождение детей. Это требует инклюзивной семейной политики, поддерживающей раннее родительство для обоих полов. Так, на примере выборочного исследования Д. Пронцато [30] оценивает влияние политики отпуска по уходу за ребенком на послеродовую занятость матерей. Сравнение женщин со схожими характеристиками, но разным доступом к национальным системам отпуска, показывает, что более длительный оплачиваемый отпуск увеличивает время, проводимое матерью дома, особенно при акценте на раннее развитие ребенка. При этом защита рабочих мест особенно способствует возвращению к занятости среди женщин с низким уровнем образования, демонстрируя важность отпуска для карьеры матерей. В поддержку исследования Мориен Эль Хадж [31] и соавторы анализируют дискриминацию в сфере труда, связанную с фертильностью, беременностью и родительством. Женщины сталкиваются с негативными последствиями на рынке труда на всех стадиях родительства: во время беременности, в фертильном возрасте и после рождения детей. При этом мужчины часто не испытывают негативных последствий, а иногда даже получают преимущества при наличии детей. Основным механизмом такой дискриминации является статистическая дискриминация, основанная на стереотипах и ожиданиях работодателей. В связи с этим актуален вопрос сбалансированной поддержки обоих родителей в направлении обеспечения справедливой занятости. Кроме того, внутрисемейные переговоры влияют на рождаемость в странах с низким уровнем фертильности, где рождение ребенка вероятно при согласии обоих партнеров. Авторы М. Допке, Ф. Киндерманн [32] разработали количественную модель внутрисемейного торга, направленную на снижение бремени ухода за детьми именно для матерей: она может быть более чем в два раза эффективнее в повышении рождаемости по сравнению с универсальными детскими пособиями. Эрмиш Дж. Ф. [33] разработал модель, связывающую решения матерей о работе, оптимальном размере семьи и использовании услуг по уходу за детьми. Доступность и стоимость этих услуг существенно влияют на фертильность и занятость женщин.

Эволюцию семейной политики в развитых странах анализирует А. Х. Готье [34]. Усиление поддержки обоих работающих родителей через отпуска и уход за детьми все ещё неравномерно. Макдональд П. [35; 36] описывает различия в уровнях рождаемости между странами с показателями, близкими к воспроизводству, и регионами с устойчиво низкой рождаемостью. Разный уровень гендерного равенства в институциональных

сферах (занятость, налогообложение, семейные роли) влияет на решение о рождении. В свою очередь К. Оливетти и Б. Петронголо [37] показывают, что политика, ориентированная только на матерей, укрепляет традиционные гендерные роли и замедляет равенство, особенно при отсутствии или низком использовании отпуска отцами. Так, субсидируемый уход и умеренный оплачиваемый отпуск способствуют занятости женщин. Однако очень длинный оплачиваемый отпуск может снизить возвращение к работе, уменьшить доходы и повысить риск дискриминации. При этом неоплачиваемый или низкооплачиваемый отпуск малоэффективен для малообеспеченных семей, а денежные пособия без условий занятости снижают мотивацию работать. В поддержку выводов, Анн-Цофия Дювандер, Томми Феррарини и Сара Тальберг [38] выявили, что отпуск по уходу за ребенком в большей мере по-прежнему берут матери, что, помимо прочего, мешает женщинам конкурировать на равных условиях с мужчинами на рынке труда. Следовательно, гендерное разделение отпуска по уходу за ребенком может способствовать сохранению традиционных гендерных ролей и неравенства.

В поддержку гендерности в вопросах фертильности А. Бассо [39] исследует связь равенства и рождаемости в итальянских провинциях. Региональные различия в гендерных нормах и ролях влияют на репродуктивное поведение. Более высокое гендерное равенство, особенно в занятости и распределении домашних обязанностей, связано с повышенной рождаемостью. Для пример, такие авторы, как Байзан П., Арпино Б., Делькрос К.Э. [40] выдвинули гипотезу, по которой политика поддержания гендерного равенства повышает рождаемость и сокращает различия по уровню образования. Данный подход особенно стимулирует рождаемость среди образованных женщин, уменьшая конфликт между работой и семьей. Вместе с тем эффективность данного подхода спорна и во многом зависит от социальных норм (например, традиционные установки в распределении ролей между мужчиной и женщиной могут ограничивать положительный эффект от политики гендерного равенства). В поддержку гендерного равноправия Эстер Фанелли и Паола Профета [41] обнаружили, что равномерное распределение домашних обязанностей между партнерами может способствовать увеличению рождаемости и поддержанию занятости женщин. При таком выборе участие отцов в домашних обязанностях помогает женщинам совмещать работу и семью, что способствует повышению рождаемости и продолжению трудовой деятельности матерей. В противовес мнению о гендерности выступают исследования Фарре Л., Гонсалес Л. [42], где растущая вовлеченность отцов в уход за детьми привела к более высокой привязанности к рабочей среде среди матерей в Испании. Это могло повысить альтернативные издержки дополнительного ребенка и привести к сдвигу предпочтений с количества детей на качество.

Так, Беккер Г. С. и Льюис Х. Г. [43] представили экономическую теорию рождаемости, акцентирующую компромисс между количеством детей и инвестициями в их качество. Авторы утверждают, что с ростом доходов родители выбирают меньше детей, но вкладывают больше в их образование и благополучие. Результаты Олан Наз [44] и соавторов подтверждают гипотезу о переходе от количества к качеству в репродуктивных стратегиях: семьи с растущими доходами и инвестициями в образование склонны ограничивать число детей, что отражает изменение ценностей и приоритетов в обществе. Анн Готье и Петра де Йонг [45] анализируют мотивации родителей, учитывая высокие экономические и эмоциональные затраты, связанные с воспитанием. Исследование подчеркивает, что в контексте снижения рождаемости родители стремятся компенсировать уменьшение количества детей за счет увеличения инвестиций в каждого ребенка, что отражается на образовательных и социальных ресурсах. При этом высокие затраты на качество снижают спрос на большие семьи, объясняя снижение рождаемости в развитых странах. Однако спорным все еще остается вопрос измерения качественной характеристики ребенка, потому как она будет отличаться в зависимости от локации родителей (развитая или развивающаяся страна), а также финансового и временного капитала, выделяемого на развитие и воспитание ребенка. Саката и Маккензи [46] выдвигают гипотезу о «песочнице» – ситуации, когда пары одновременно воспитывают детей и заботятся о пожилых родителях, что увеличивает вероятность бездетности пары. Среди последствий снижения рождаемости и её структурного дисбаланса особое внимание в научной литературе уделяется процессу старения населения и увеличивающемуся давлению на экономику, в том числе росту нагрузки на занятое население трудоспособного возраста. В этой связи К. Борнуков и Л. Львовский [47] исследуют взаимосвязь между численностью трудоспособного населения, экономическим ростом и уровнем фискальной нагрузки.

К группам экономических факторов, оказывающих влияние на рождаемость и репродуктивное поведение, относят множество показателей. К примеру, Т.М. Малева и О.В. Синявская [48] анализируют доход, образование, занятость и др. как влияющие на рождаемость. Среди прочих признаков, сказывающихся на рождаемости, находятся упущенные финансовые возможности со стороны женщин. В поддержку исследований Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. [49] рассматривают концепцию штрафа за материнство – цена, которую «платит» женщина за рождение и воспитание ребенка, что выражается как в ухудшении положения на рынке труда, так и снижении оплаты труда. В связи с этим макроэкономика имеет ситуацию, когда планирование рождения детей на уровне домохозяйств идет врозь с социально-экономической политикой, что реализуется в значительном снижении коэффициентов рождаемости и сказывается на показателях воспроизводства населения. Однако зачастую более позднее материнство связано с большими вложениями в образование и профессиональное развитие. Так, М.Л. Блэкберн, Д.Э. Блум, Д. Ноймарк [50] показал через модель жизненного цикла фертильности и инвестиций в человеческий капитал, что матери, отсрочившие рождение детей до 30 лет, имеют более высокую заработную плату. Вместе с тем автором не рассматривается, повышает ли отсрочка фертильности потенциальный доход у уже высокообразованных женщин. Шмидт Л. [51], исследуя категорию матерей-одиночек, показывает, что менее образованные незамужние матери зарабатывают в среднем 75% от дохода бездетных женщин, тогда как среди более

образованных – 95%. Числовые данные исследования Шмидта касаются только никогда не состоявших в браке женщин, однако результаты указывают на то, что материнский штраф снижается с ростом уровня образования.

Говоря об альтернативных точках зрения, автором проанализированы работы следующих ученых-экономистов, среди которых: С. П. Мартин [52] с мнением об отсрочке фертильности до 30 лет, которая объясняется карьерными требованиями и высокими затратами на качественный уход за детьми, которые становятся менее обременительными с ростом доходов и профессионального статуса; Кокатт и др. [53], которые показывают, что структура рынка труда стимулирует отсрочку деторождения, что помогает объяснить как разрыв в заработной плате матерей, так и фертильные тенденции; Дж. Дж. Хекман и Дж. Р. Уокер [54], отражающие в своих работах, что более высокая заработная плата женщин значительно откладывает зачатие и снижает общую рождаемость, отражая возросшие альтернативные издержки деторождения. Напротив, более высокие доходы мужчин, особенно среди сожительствующих пар, связаны с более ранним зачатием и более высокой рождаемостью, подчеркивая роль поддержки партнера в формировании семьи. Эти эффекты наиболее выражены в краткосрочной перспективе, в то время как долгосрочные воздействия на завершённую рождаемость слабее. Чжэн Му и Юй Се [55] исследуют влияние количества детей на занятость, доход и субъективное благополучие родителей. С увеличением числа детей отцы тратят больше времени на работу и меньше инвестируют в уход за семьей, в то время как матери сообщают о повышении субъективного благополучия. Результаты демонстрируют гендерные различия в последствиях фертильности, соответствующие модели внутрисемейной специализации. Чиньо показывает, что репродуктивное поведение систематически реагирует на пособия на детей, субсидии на образование и политику социального обеспечения. Детские пособия, субсидии на образование и отпуск по уходу за ребенком снижают стоимость воспитания детей, способствуя повышению рождаемости. Напротив, щедрые государственные пенсии могут препятствовать рождаемости, снижая потребность в поддержке со стороны детей в старости. Резонным становится вопрос о возможной взаимосвязи будущей модели рождаемости с системой пенсионного обеспечения как стимулирующего фактора воздействия на сбалансированный рост рождаемости.

В свою очередь в исследовании Цзивэй Ж. и И. Чжан [56] дети предоставляют финансовую и неформальную помощь, позволяя родителям раньше завершить трудовую деятельность без ущерба для здоровья или благосостояния. Исходя из данной модели, снижение рождаемости будет увеличивать нагрузку на пожилых людей, особенно в условиях ограниченной социальной защиты. В поддержку пенсионных стимулов как фундамента мотивации к росту рождаемости Дупта и Дубей [57] доказали, что в развивающихся странах бедные семьи часто сознательно выбирают иметь больше детей, рассматривая их как экономические активы и источник поддержки в старости из-за отсутствия систем соцзащиты. Кроме того, они живут в более бедных регионах, где риск того, что один ребенок не сможет содержать родителей, выше. С этим любое увеличение затрат на рождение и воспитание детей (прямых или косвенных) снижает рождаемость.

Материалы и методы. Объектом исследования является показатель рождаемости Республики Беларусь и взаимосвязанные показатели за период 2008 – 2024 гг., а также, по ряду отдельных показателей, за период с 1970 г. (при наличии статданных). Данные взяты из открытых источников Национального статистического комитета Республики Беларусь. Исследование носит теоретико-методологический характер и направлено на систематизацию знаний о факторах, влияющих на рождаемость, в контексте их стимулирования социально-экономического развития. В качестве методов использован комплексный анализ статистических данных, включающий корреляционный и сравнительный анализ. Для обработки и эмпирического анализа данных применялись статистические инструменты программного обеспечения Microsoft Office. Последовательность работы включала сбор и систематизацию данных, их статистическую обработку, анализ тенденций и взаимосвязей, а также интерпретацию результатов с учетом рассмотренных теоретических подходов.

Результаты. В более ранних авторских исследованиях [58] на основании линейной зависимости выявлены факторы, оказывающие влияние в кратко- и долгосрочной перспективе на показатель рождаемости в Республике Беларусь. Среди множества возможных причин идентифицированы значительный рост возраста матери при рождении первого ребенка, а среди последствий – снижение пороговых значений численности населения ниже 9 млн человек в перспективе ближайших десяти лет. В рамках настоящего авторского исследования для проведения эмпирического анализа взяты показатели, представленные в открытом доступе на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь за период с 2008 по 2024 годы (<https://www.belstat.gov.by/>). Одним из индикаторов последствий низкой рождаемости является темп роста населения в возрасте моложе трудоспособного. Среднегодовой темп роста доли населения моложе трудоспособного составил ни много ни мало +0.65 процентных пункта в год в период с 2009 по 2023 гг. За рассматриваемый период доля населения младше трудоспособного возраста постепенно увеличивается (с 15,9% в 2009 до 17,4% в 2023 гг.). Если тренд сохранится, в долгосрочной перспективе это может положительно сказаться на численности трудоспособного населения. Однако важно понимать, если уровень экономической активности останется низким, рост детей молодых возрастов не обязательно приведет к увеличению экономически активного населения. Более того, если общая численность населения снижается, но доля населения младше трудоспособного возраста увеличивается то, это может значить, что снижение идет за счет других возрастных групп (например, трудоспособного или старшего населения). За период 2008 – 2019 гг. падение показателя идет на 20,3 тыс. чел. за 11 лет, что составляет около 18,8%. Падение может быть признаком демографической депрессии, особенно если оно сопровождается сокращением численности трудоспособного населения.

Следующим рассмотрен коэффициент экономической активности населения, который снижается на фоне сокращения численности населения. Это указывает на несколько важных тенденций. Прежде всего, снижение коэффициента экономической активности свидетельствует о том, что численность трудовых ресурсов уменьшается быстрее, чем численность населения в целом. Это может быть связано с процессами старения населения, когда доля трудоспособного контингента сокращается, а доля пенсионеров, напротив, растет. Также возможна международная эмиграция трудоспособного населения, что приводит к потере рабочей силы и снижению уровня экономической активности. Последствия данной тенденции могут быть значительными. Например, снижение доли экономически активного населения приводит к росту нагрузки на занятых работников, так как именно они обеспечивают налоговые поступления и финансирование социальных программ. Дефицит рабочей силы может стать серьезной проблемой для отдельных отраслей экономики, особенно если речь идет о квалифицированных специалистах. Кроме того, в долгосрочной перспективе это может замедлить темпы экономического роста, увеличить нагрузку на социальные системы и потребовать пересмотра государственной политики в области занятости, образования и миграции. В связи с этим проанализирован коэффициент демографической нагрузки. В рамках рассматриваемой статистики абсолютный прирост коэффициента положителен и составил 81,1, что свидетельствует о росте демографической нагрузки. При этом темп роста за весь период 2008–2023 гг. (показывает, во сколько раз изменился коэффициент относительно 2008 г.) составляет 14%. А среднегодовой темп роста (на сколько процентов в среднем изменялся коэффициент каждый год) составляет 6,9%. Этот показатель демонстрирует среднегодовую скорость изменения коэффициента, сглаживая колебания. Стоит понимать, что рост коэффициента демографической нагрузки до 81,1 указывает на значительное увеличение нагрузки на трудоспособное население. Это означает, что на каждую тысячу занятых приходится больше нетрудоспособных граждан (детей и пенсионеров), что может создавать дополнительные экономические и социальные риски. Вдобавок, темп роста коэффициента демографической нагрузки за период 2008–2023 гг. составил 14%, что подтверждает долгосрочную тенденцию увеличения нагрузки. В то время как среднегодовой темп роста коэффициента 6,9% демонстрирует достаточно высокую скорость увеличения нагрузки на протяжении периода. То есть, в среднем коэффициент ежегодно рос на 6,9%, что свидетельствует о систематическом ухудшении баланса между трудоспособным и нетрудоспособным населением.

Как видится, выявленная динамика может привести к ряду экономических последствий, включая рост нагрузки на систему социального обеспечения, давление на рынок труда, а также вынужденные изменения государственной политики посредством стимулирования рождаемости, увеличения пенсионного возраста, привлечения трудовых мигрантов.

На основании анализа статистических данных выявлены устойчивые демографические тенденции, характеризующиеся снижением численности населения, депопуляцией и трансформацией репродуктивного поведения в Республике Беларусь. Для простоты восприятия и системности представления результатов анализируемые признаки сгруппированы следующим образом.

Группа 1. Население, рождаемость, смертность, естественное движение населения.

Доступна статистика за период с 1970 по 2024 годы. Анализ показателей рождаемости демонстрирует выраженную негативную динамику. Максимальные значения абсолютного числа родившихся зафиксированы в середине 1980-х годов (171,6 тыс. в 1986 г.), после чего наблюдается резкое снижение, особенно выраженное в 1990-е годы. К 2019 г. число родившихся сократилось до 87,6 тыс., что соответствует снижению коэффициента рождаемости с 17,1 до 9,3 на 1000 человек. Следует отметить кратковременную стабилизацию в 2010-х гг. (12,4–12,5 в 2014–2016 гг.), однако в последующие годы тренд вновь приобрел нисходящий характер. За исследуемый период наблюдается последовательное сокращение численности населения Беларуси: с 10,32 млн чел. в 1985 г. до 9,47 млн в 2019 г., что свидетельствует о долгосрочной депопуляции. Уровень смертности на протяжении большей части исследуемого периода оставался относительно стабильным, варьируясь в пределах 9,7–14,8 на 1000 чел. Наибольшие значения коэффициента смертности зафиксированы в начале 2000-х гг. (14,8 в 2002 г.), что может быть связано с последствиями социально-экономического кризиса 1990-х и старением населения. В 2010-е гг. показатель стабилизировался на уровне 12,6–14,4, однако его значения продолжают превышать показатели рождаемости, что усугубляет естественную убыль населения. До 1993 г. в Беларуси наблюдался естественный прирост населения, однако с 1994 г. начинается период устойчивой депопуляции, достигая пиковых значений в 2011 г. (–29,0 тыс. чел.). Несмотря на некоторое снижение темпов убыли в 2010-х гг., естественная убыль остается значительной (–32,9 тыс. в 2019 г.).

Группа 2. Брачно-семейная динамика.

Проведенный анализ статистических данных о браках и разводах в Республике Беларусь за период с 1970 по 2024 год выявил ряд устойчивых тенденций, характеризующих трансформацию института семьи. Например, данные о рождениях вне зарегистрированного брака (доступны за 1991–2008 гг.) свидетельствуют о росте доли таких рождений с 12,1% в 1991 г. до 21,2% в 2008 г. Это может указывать на трансформацию семейных моделей и снижение значимости института брака в репродуктивных стратегиях населения. Наблюдается выраженная негативная динамика показателей брачности. Если в 1970–1980-х гг. ежегодное количество заключаемых браков составляло 80–99 тыс. при коэффициенте брачности 9–10 на 1000 населения, то к 2023 г. этот показатель снизился до 56 тыс. при коэффициенте 6,1. Особенно резкое сокращение числа браков отмечалось в 1990-е гг. (до 60–70 тыс.), что может быть связано с социально-экономическими преобразованиями переходного периода. Характерно, что после кратковременного роста в 2007–2013 гг. (до 82–87 тыс.) в последующем вновь проявилась

тенденция к снижению. Показатели разводимости демонстрируют относительную стабильность на протяжении всего анализируемого периода. Количество разводов колеблется в диапазоне 30–40 тыс. ежегодно, а коэффициент разводимости сохраняется на уровне 3–4 на 1000 населения. Максимальные значения отмечались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (до 47 тыс. разводов в 1999 г. при коэффициенте 4,7), что может свидетельствовать о кризисных явлениях в семейной сфере в указанный период. Анализ структуры разводов по наличию детей (данные доступны с 2000 г.) показывает, что около 40% распадающихся семей не имели детей. При этом в семьях с детьми преобладают разводы в парах с одним ребенком (12 – 14 тыс. ежегодно), тогда как количество разводов в семьях с двумя и более детьми сократилось с 7–8 тыс. в начале 2000-х до 5–6 тыс. в последние годы. К тому же, ежегодно 24–30 тыс. детей остаются без одного родителя в результате разводов, при этом на 1000 расторгаемых браков приходится 700–900 общих детей. К слову, важной характеристикой современной брачности является устойчивый рост возраста вступления в первый брак. За анализируемый период средний возраст женихов увеличился с 23–24 лет в 1970 – 1990-х гг. до 28–29 лет в 2020-х, невест – с 21–22 до 26–27 лет, соответственно. Данная тенденция соответствует общемировым демографическим трендам (в частности, в разрезе концепции демографического перехода) и отражает изменение жизненных стратегий молодежи, связанное с удлинением периода образования и карьерного становления.

Группа 3. Возрастные коэффициенты рождаемости.

Проведенный анализ возрастных показателей рождаемости в Республике Беларусь за период с 1995 по 2023 год позволяет выявить ряд значимых тенденций в репродуктивном поведении населения. Исследование базируется на данных о числе родившихся на 1000 женщин различных возрастных групп, а также показателях суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Наблюдается устойчивая тенденция снижения интенсивности деторождения во всех возрастных группах. Наиболее существенное сокращение коэффициентов рождаемости отмечается среди женщин моложе 20 лет – с 39,5 в 1995 г. до 10,8 в 2019 г. (снижение в 3,7 раза). В возрастной группе 20–24 года показатель уменьшился с 124,6 до 68,4 (в 1,8 раза), в группе 25–29 лет – с 72,7 до 89,0 (при этом следует отметить временный рост в данном сегменте в 2010-х гг.). Особого внимания заслуживает снижение рождаемости у женщин 30–34 лет с 29,9 до 68,6, что свидетельствует о постепенном смещении деторождения на более поздние репродуктивные возрасты. Анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости демонстрирует его значительные колебания. В 1995 г. СКР составлял 1,406, достигнув минимального значения в 2005 г. (1,210). Последующий рост показателя до 1,733 в 2016 году сменился новым снижением до 1,382 в 2019 году. Однако на протяжении всего анализируемого периода СКР оставался ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1), что свидетельствует о сохранении режима суженного воспроизводства. Возрастная структура рождаемости претерпела существенные изменения. Если в 1990-х гг. максимальные показатели наблюдались в группе 20–24 года, то к 2019 г. пик рождаемости сместился на возрастную группу 25–29 лет. При этом значительно увеличился вклад женщин 30–34 лет в общий уровень рождаемости – с 12,5% в 1995 г. до 23,1% в 2019 г. Данная трансформация отражает тенденцию к более позднему рождению первого ребенка и увеличению среднего возраста материнства. Особого внимания заслуживает анализ когортных различий репродуктивного поведения. Женщины, вступившие в активный репродуктивный возраст в начале 2000-х годов, демонстрируют существенно более низкие показатели рождаемости в молодых возрастах по сравнению с поколениями 1990-х годов. Это может быть связано как с изменением социально-экономических условий, так и с трансформацией ценностных ориентаций в отношении семьи и деторождения. Отсутствие актуальных данных за 2020–2023 гг. не позволяет в полной мере оценить влияние пандемии COVID-19 и последующих социально-экономических изменений на репродуктивное поведение населения. Однако имеющаяся динамика показателей до 2019 г. свидетельствует об устойчивости выявленных тенденций.

Результатом проведенного эмпирического анализа является вывод о необходимости:

- а) анализа более длинных временных отрезков, позволяющих выявить как намерения, так и их исполнение, а также количественные показатели конверсии. Иначе влияние выявленных факторов может относиться к более ранним периодам (5–10 лет назад), что искажает интерпретацию результатов;
- б) построения многофакторной модели анализа взаимосвязи рождаемости и экономических/неэкономических стимулов.

Данный вывод обусловлен потребностью в разработке комплексных стратегий стимулирования рождаемости в условиях нарастающих демографических вызовов и необходимости обеспечения устойчивого воспроизводства человеческого капитала. Вместе с тем, как следует из проведенного анализа литературы, откладывание родительства (соответствующее репродуктивное поведение реализуемое в репродуктивном намерении) является характерной чертой не только женщин, но и мужчин (ввиду амбиций в сторону повышения образования, движения в карьере и в силу иных факторов). На этом фоне обосновывается важность формирования инклюзивной институциональной модели стимулирования рождаемости, способствующей более раннему родительству как для женщин, так и для мужчин, вне зависимости от их семейного статуса (в том числе в незарегистрированных отношениях). На уровне теории предлагается расширение субъектов демографической политики с учетом микроуровня: частный сектор может быть включен в систему стимулирования воспроизводства населения в силу прямой заинтересованности в стабильности социально-экономических показателей и обеспечении рынка квалифицированными трудовыми ресурсами. Таким образом, представляется актуальной разработка интегрированной модели стимулирования рождаемости, сочетающей фискальные, социальные и институциональные инструменты,

которые не только компенсируют текущие расходы на содержание детей, но и формируют долгосрочную инвестиционную траекторию поддержки семей с детьми в рамках более широкой стратегии устойчивого демографического развития. Возможная интегрированная модель стимулирования рождаемости представлена на рисунке.

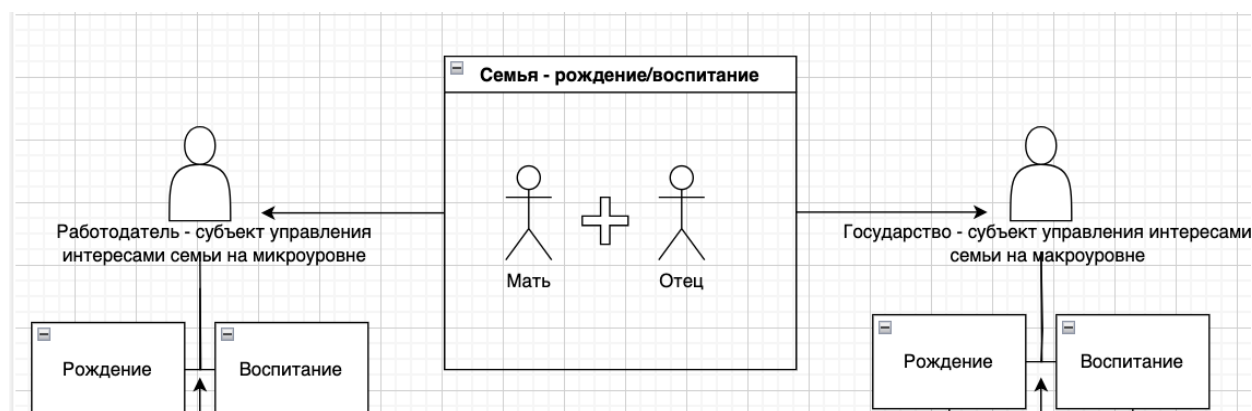

Рисунок. – Интегрированная модель стимулирования рождаемости

Данная концептуальная модель институциональной поддержки рождаемости и воспитания детей основана на многоуровневом подходе, который охватывает как макроуровень (государственные меры), так и микроуровень (инициативы работодателей). Модель структурирована таким образом, чтобы обеспечивать поддержку обеих ключевых родительских функций: рождения (как акта биологического и социального воспроизводства) и воспитания (как процесса «эксплуатации» человеческого капитала, включающего инвестиции в развитие ребенка). Теоретической основой модели выступает интерпретация рождения как экономического акта производства, а воспитания – как этапа эксплуатации родительского ресурса, что позволяет переосмыслить демографическую политику сквозь призму экономической и неэкономической рациональности в контексте влияния не просто на уровень рождаемости, но и на репродуктивное поведение и репродуктивное намерение населения в репродуктивном возрасте.

Заключение. В рамках проведенного авторского исследования обнаружено наличие устойчивых и системных изменений в демографической структуре Республики Беларусь. В эмпирической части работы выявлены характерные черты современного этапа демографического развития, среди которых устойчивое снижение рождаемости, старение населения, распространение модели отложенного материнства и трансформация брачно-семейных установок. По мнению автора, эти явления не только подтверждают наличие демографического кризиса, но и указывают на необходимость глубокого переосмысления репродуктивного поведения и факторов, его детерминирующих.

Говоря проактивно и с упором на долгосрочные эффекты, систематизация теории в части репродуктивного поведения и репродуктивного намерения, рождаемости через призму причинно-следственных связей позволила установить барьеры повышения рождаемости, среди которых выявлены стремление к получению высшего образования и повышению профессионального статуса (у женщин), значительные прямые и косвенные издержки воспроизводства (рождения), а также упущенные возможности (у женщин), связанные с временным или постоянным выходом из трудовой активности. Эти факторы формируют не только индивидуальное репродуктивное поведение, но и массовые установки, поддерживающие тенденцию откладывания рождения детей или отказа от многодетности.

Практическая значимость работы заключается в возможности системно выявить ключевые детерминанты снижения рождаемости, подсветить необходимые структурные компоненты демографической стратегии в долгосрочной перспективе с учетом экономических и неэкономических стимулов, оказывающих влияние на репродуктивные установки населения в репродуктивном возрасте.

Говоря о будущем развитии исследований, оно видится в расширении эмпирической базы за счет изучения поведенческих и институциональных факторов, в том числе в региональном разрезе. При этом особое внимание следует уделить рассмотрению и разработке типологии репродуктивных стратегий и механизмов формирования намерений родительства в условиях демографического перехода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Werding M. Children are costly, but raising them may pay: The economic approach to fertility // *Demographic Research*. – 2014. – Vol. 30(8). – P. 253–276. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.8>.
2. Goldin C. The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family // *AEA Papers and Proceedings*. – 2006. – Vol. 96(2). – P. 1–21. (Richard T. Ely Lecture).
3. Waring M. *If Women Counted: A New Feminist Economics*. – New York: HarperCollins, 1990. – 416 p.
4. Jayachandran S. Social Norms as a Barrier to Women's Employment in Developing Countries // *IMF Econ Rev*. – 2021. – Vol. 69(3). – P. 576–595. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41308-021-00140-w>.

5. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Popul Dev Rev.* – 2000. – Vol. 26(3). – P. 427–439. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x>.
6. Brewster K. L., Rindfuss R. R. Fertility and Women's Employment in Industrialized Nations // *Annu Rev Sociol.* – 2000. – Vol. 26. – P. 271–296. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.271>.
7. UNFPA (United Nations Population Fund). State of World Population 2019: Unfinished business: the pursuit of rights and choices for all [Internet]. – New York: UNFPA; 2019. – 180 p. – URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/UNFPA_PUB_2019_EN_State_of_World_Population.pdf (accessed 26 Jun 2024). (Cultural norms and fertility intentions” discusses the influence of cultural norms on fertility intentions).
8. Артеменко Е.К. Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* – 2019. – № 3. – С. 51–58.
9. Hart R. K., Bergsvik J., Fausch A., Kim W. Causal Analysis of Policy Effects on Fertility // CESifo Working Paper No. 10690 [Internet]. – Munich: CESifo GmbH, 2023 Oct [cited 2024 July 5]. – 35 p. Report No.: WP 10690. – URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp10690.pdf.
10. Вишневецкий А. Г. Демографической политике необходимо научное обоснование // *Национальные проекты.* – 2007. – № 4(11). – С. 7–10.
11. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. – М.: [б. и.], 2000. – 416 с.
12. Злотников А.Г., Раков А.А. Современная демографическая политика Беларуси // *Социология: Научно-теоретический журнал.* – 2010. – № 3. – С. 116–128.
13. Головач А.А. Способы решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь // *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук.* – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 7–14.
14. Бондаренко А.А. Демографическая политика в Республике Беларусь: реалии и перспективы // *Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст.* – Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2024. – Вып. 9. – С. 41–48.
15. Томашевская Н.А. Мировой опыт государственного регулирования социально-демографического процесса старения населения: ключевые организации и документы // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки.* – 2020. – № 14. – С. 112–119.
16. Шахотько Л.П. Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* – 2011. – Т. 4, № 16. – С. 73–85.
17. Карчевская Е.Н. Демографический потенциал Республики Беларусь: основные тенденции развития // *Псковский региональный журнал.* – 2010. № 10. – С. 72–77.
18. Артюхин М.И., Пушкиевич С.А. Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции // *Материалы Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук.* – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 158–165.
19. Тетерева И.В. Анализ взаимосвязи и согласованности целей, задач и мероприятий государственной демографической политики Республики Беларусь // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки.* – 2019. – № 5. – С. 52–59.
20. Сечко Н.Н., Таранова Е.В. Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения // *Социологический альманах.* – 2011. – № 2. – С. 182–191.
21. Тындык А.О. Образовательный фактор репродуктивного поведения населения: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 28 с.
22. Архангельский В.Н. Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // *Детерминация демографических процессов: Демографические исследования.* – Вып. 21 / под ред. Н.В. Зверевой, В.Н. Архангельского. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 5–30.
23. Balbo N, Billari F. C., Mills M. Fertility in advanced societies: a review of research // *European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie.* – 2013. – Vol. 29(1). – P. 1–38.
24. Buber-Ennsler I., Fux B. Families in Austria: Partnerships, fertility intentions and economic situation in challenging times / eds. N. Neuwirth. – Bad Vöslau: Print Alliance, 2023. – 82 p. DOI: <https://doi.org/10.25365/phaidra.449>.
25. Вишневецкий А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. Контрацептивная революция в России // *Демографическое обозрение.* – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>.
26. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал Высшей школы экономики.* – 2017. – Т. 21, № 1. – С. 145–182.
27. Gustafsson S. Optimal age at motherhood. Theoretical and empirical considerations on the postponement of maternity in Europe // *Journal of Population Economics.* – 2001. – Vol. 14(2). – P. 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/s001480000051>.
28. Amuedo-Dorantes C., Kimmel J. The motherhood wage gap for women in the United States: The importance of college and fertility delay // *Review of Economics of the Household.* – 2005. – Vol. 3(1). – P. 17–48. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-004-0978-9>.
29. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness – Evidence from two British cohorts // *Demographic Research.* – 2008. – Vol. 19(58). – P. 1935–1968. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.58>.
30. Pronzato D. Return to work after childbirth: Does parental leave matter in Europe? // *Review of Economics of the Household.* – 2009. – Vol. 7(4). – P. 341–360. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-009-9059-4>.
31. Fertility, pregnancy, and parenthood discrimination in the labour market: A systematic review / M. El Haj, S. Baert, L. Van Ootegem, E. Verhofstadt, L. Lippens // *IZA Discussion Paper No. 17435.* – November, 2024. – 46 p. – URL: <https://www.iza.org/publications/dp/17435/fertility-pregnancy-and-parenthood-discrimination-in-the-labour-market-a-systematic-review>.
32. Doepke M, Kindermann F. Bargaining over Babies: Theory, Evidence, and Policy Implications. – Human Capital and Economic Opportunity Working Group, 2016 [cited 2024 May 15]. Working Paper No. 2016-009. – URL: <https://ideas.repec.org/p/hka/wpaper/2016-009.html>.
33. Ermisch J. F. Purchased child care, optimal family size and mother's employment: Theory and econometric analysis // *Journal of Population Economics.* – 1989. – Vol. 2(2). – P. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00522403>.
34. Gauthier A.H. Family policies in industrialized countries: Is there convergence? // *Population.* – 2002. – Vol. 57(3). – P. 447–474.
35. McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility // *Popul Res.* – 2000. – Vol. 17(1). – P. 1–15.
36. McDonald P. Gender equity in theories of fertility transition // *Popul Dev Rev.* – 2000. – Vol. 26(3). – P. 427–439.

37. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: lessons from a century of legislation in high-income countries // *Econ Perspect.* – 2017. – Vol. 31(1). – P. 205–230.
38. Duvander A.-Z., Ferrarini T., Thalberg S. Swedish parental leave and gender equality: Achievements and reform challenges in a European perspective: Arbetsrapport // Institutet för Framtidsstudier. – 2005. – Vol. (11). – P. 1–31. – URL: http://www.framtidsstudier.se/wp-content/uploads/2005_011filU8YIJLRAaC7u4FV7gUmy.pdf.
39. Basso A. Gender equality and fertility: evidence from Italian provinces: working paper. – Plymouth Business School, University of Plymouth. Plymouth, 2017. – 30 p. – URL: <https://pearl.plymouth.ac.uk/handle/10026.1/8752>.
40. Baizan P., Arpino B., Delclós C.E. The effect of gender policies on fertility: The moderating role of education and normative context // *European Journal of Population.* – 2016. – Vol. 32(1). – P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9356-y>.
41. Fanelli E., Profeta P. Fathers' involvement in the family, fertility, and maternal employment: Evidence from Central and Eastern Europe // *Demography.* – 2021. – Vol. 58(5). – P. 1931–1954. DOI: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411306>.
42. Farré L., González L. Does paternity leave reduce fertility? – Revised Version: May, 2018 (June 2017). – Barcelona GSE Working Paper Series, Working Paper N° 979.
43. Becker G. S., Lewis H. G. On the interaction between the quantity and quality of children // *The Journal of Political Economy.* – 1973. – Vol. 81(S2). – P. 279–288. DOI: <https://doi.org/10.1086/260166>.
44. Naz O., Nayab, Ibrahim M., Khan A., Khan A. A. How investment in children shape fertility choices of families: Evidence from Pakistan // *PLOS Global Public Health.* – 2024. – Vol. 4(12): e0003957. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0003957>.
45. Gauthier A. H., de Jong P. W. Costly children: the motivations for parental investment in children in a low fertility context // *Genus.* – 2021. – Vol. 77(1). DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00111-5>.
46. Sakata K., McKenzie C. R. Does the expectation of having to look after parents in the future affect current fertility? // *Journal of Demographic Economics.* – 2022. – Vol. 88(3). – P. 283–311. DOI: <https://doi.org/10.1017/dem.2020.35>.
47. Борнукова К., Львовский Л. Демография как вызов для экономического роста // *Банковский вестник.* – 2020. – № 3(680). – С. 31–35.
48. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // *SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры.* – 2006. – № 5. – С. 70–98.
49. Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. Оценки «штрафа за материнство» в России // *Население и экономика.* – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 50–70.
50. Blackburn M. L., Bloom D. E., Neumark D. Fertility timing, wages and human capital // *NBER Cambridge.* – M.A.: National Bureau of Economic Research, 1990. – DOI: <https://doi.org/10.3386/w3422>.
51. Schmidt L. Murphy Brown revisited: human capital, search and nonmarital childbearing among educated women [unpublished manuscript]. – University of Michigan, 2002.
52. Martin S. P. Diverging fertility among U.S. women who delay childbearing past age 30 // *Demography.* – 2000. – Vol. 37(4). – P. 523–33. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0009>.
53. Caucutt E. M., Guner N., Knowles J. Why do women wait? Matching, wage inequality, and the incentives for fertility delay // *Rev Econ Dyn.* – 2002. – Vol. 5. – P. 815–55. DOI: <https://doi.org/10.1006/redy.2002.0191>.
54. Heckman J. J., Walker J. R. The relationship between wages and income and the timing and spacing of births: Evidence from Swedish longitudinal data // *Econometrica.* – 1990. – Vol. 58(6). – P. 1411–41. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938322>.
55. Mu Z, Xie Y. ‘Motherhood penalty’ and ‘fatherhood premium’? Fertility effects on parents in China // *Demogr Res.* – 2016. – Vol. 35(47). – P. 1373–1410. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.35.47>.
56. Cigno A. *Economics of the Family.* – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 212 p.
57. Gupta N. D., Dubey A. B. Poverty and fertility: An instrumental variables analysis on Indian micro data // *Working Papers 03-11.* Aarhus University, Aarhus School of Business, Department of Economics. Aarhus, 2003. – 50 p. – URL: https://econpapers.repec.org/paper/hhsaareco/2003_5f011.htm.
58. Сарвари Р. Д. Демографическая устойчивость: показатели и их влияние на социально-экономическое развитие // *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст. / отв. ред. О.А. Козлова.* – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 354–367.

Поступила 10.03.2026

A SOCIO-ECONOMIC STUDY OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SECURITY

R. SARVARY

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article presents a theoretical and methodological study of reproductive behavior, intentions, and fertility factors in the context of their impact on socio-economic development and demographic security. It analyzes the need to create an inclusive environment for expectant parents and compensate for the costs associated with parenting. The study is based on a spatio-temporal analysis of statistics for 2008–2024 (some indicators since 1970) on fertility, marital and family dynamics, and age-specific rates. The empirical section assesses the state of the fertility rate and the socioeconomic consequences of its dynamics using the Republic of Belarus as an example, taking into account international experience. It is shown that fertility is closely linked to the economic and non-economic interests of households. Proposals for an institutional model for stimulating fertility are systematized. Key features of demographic development are identified: declining fertility, population aging, increasing delayed motherhood, and changing family attitudes. The need for systemic measures to reduce the costs of parenting is emphasized.

Keywords: reproductive behavior, reproductive intention, fertility, demographic transition, fertility promotion, demographic security.

УДК 338.24.01

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-45-49

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ НОВЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Технологический уклад национальной экономики представляет собой системообразующий компонент социально-экономического устройства общества, определяющий характер производственных отношений, структуру экономики, приоритетные направления инвестиционной деятельности и уровень научно-технического прогресса. Ключевую роль в формировании и поддержании технологического уклада играет промышленность, выступающая ядром как производственной, так и инновационной системы государства. В Республике Беларусь промышленный сектор традиционно занимает доминирующее положение в национальной экономике, являясь основным драйвером роста, экспорта, занятости и модернизации. В связи с этим для эффективного развития экономики Республики Беларусь, в основе которого лежит успешная деятельность экономических систем национальной промышленности, исследуются методология экономики и организации новых промышленных технологий, так как выбор стратегически верных направлений инновационного технологического развития промышленности является важнейшей народно-хозяйственной задачей. Предлагается определить роль промышленности как ведущей отрасли технологического уклада национальной экономики и сконцентрировать ограниченные финансовые, материальные и трудовые ресурсы на стратегическом направлении развития национальной экономики, предусматривающем поступательное технологическое развитие базовых производств отечественной промышленности, доминировавших в период пятого технологического уклада, за счет внедрения технологической инноваций шестого технологического уклада мировой экономики. Выносятся на обсуждение методологический подход по организации новых промышленных технологий в условиях перехода мировой экономики с пятого на шестой технологический уклад.

Ключевые слова: технологический уклад, национальная экономика, промышленность, структура, экспорт, занятость, модернизация, ограниченные ресурсы, стратегические направления развития, методологический подход.

Введение. Технологический уклад представляет собой системообразующий компонент социально-экономического устройства общества, определяющий характер производственных отношений, структуру экономики, приоритетные направления инвестиционной деятельности и уровень научно-технического прогресса. В современных условиях именно технологический уклад формирует основу валового внутреннего продукта (ВВП) страны и во многом предопределяет темпы, устойчивость и направленность экономического развития. В условиях глобальной трансформации, сопровождающейся переходом мировой экономики от пятого к шестому технологическому укладу, значение адекватной структурной настройки национальной экономики возрастает многократно.

Ключевую роль в формировании и поддержании технологического уклада играет промышленность, выступающая ядром как производственной, так и инновационной системы государства. В Республике Беларусь промышленный сектор традиционно занимает доминирующее положение в национальной экономике, являясь основным драйвером роста, экспорта, занятости и модернизации. Согласно данным государственной статистики за 2025 год, доля промышленности в структуре ВВП по видам экономической деятельности составила 25%. Кроме того, в промышленности сосредоточено 24,2% от общей численности занятого населения, а её вклад в объем экспорта товаров достиг 91,5%, что подтверждает её роль как основного источника валютных поступлений и фактора внешнеэкономической устойчивости¹. Актуальность представленного исследования заключается в том, что для успешной инвестиционно-строительной деятельности экономических систем национальной промышленности необходимо знать и учитывать направления инновационного развития технологического уклада мировой экономики, так как выбор стратегически верных направлений экономики и организации новых промышленных технологий является важнейшим условием успешного развития промышленности и народного хозяйства в целом. Целью представленного исследования является развитие методологии экономики и организации новых технологий в экономических системах национальной промышленности в условиях перехода мировой экономики с пятого на шестой технологический уклад.

Основное содержание исследования. Классики и основоположники концепции технологических укладов экономики: В.И. Ленин – считается одним из разработчиков теоретической базы многоукладности, который сформулировал первое определение «экономического уклада»; Йозеф Шумпетер – хотя он чаще ассоциируется с теорией инноваций, его работы о «созидательном разрушении» описывают взаимодействие старых и новых технологических укладов в экономике; Н.Д. Кондратьев – основоположник теории больших технологических циклов экономической динамики. Современные российские и белорусские исследователи: С.Ю. Глазев – дал определение и заложил основы современного понимания технологических укладов экономики; А.В. Тебекин – в своих

¹ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_164239/.

многочисленных работах развивает теорию многоукладности национальной экономики и управления инновациями в промышленности; Е.К. Карпунина – разрабатывает научную концепцию развития многоукладности как ориентира современной экономической политики; Г.Н. Серяков – исследует структуру и тенденции развития технологического уклада национальной экономики; И.М. Лемешевский – автор учебных пособий по «Национальной экономике Беларуси», где многоукладность рассматривается как ключевая характеристика национальной модели. А также многие другие видные зарубежные, российские и белорусские ученые занимаются проблемой выбора эффективных направлений развития национальной промышленности в условиях смены технологического уклада мировой экономики.

Технологический уклад экономики является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и определяет динамику экономического развития, а промышленность является ядром технологического уклада и ведущей отраслью национальной экономики Республики Беларусь [1]. Технологический уклад национальной экономики Республики Беларусь — это многоуровневая система, включающая укладообразующие отрасли (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт) и инфраструктуру (производственную и социальную), которая обеспечивает условия для непрерывного общественного воспроизводства, внедрения инноваций и устойчивого развития [2]. Комплексный характер данной системы требует соответствующих научно обоснованных подходов к управлению инвестиционно-строительной деятельности в процессе планирования и организации новых промышленных технологий, интеграции отраслевой политики с инвестиционной и научно-технической стратегией, а также адекватной институциональной среды, способной обеспечить эффективное функционирование всех элементов уклада в условиях технологической модернизации.

Для лучшего восприятия всей сложности системы, технологический уклад экономики страны можно сравнить с крепостью, внутри которой находятся экономические субъекты, организации, институции, технологические процессы и устоявшиеся социально-экономические отношения, которые защищают привычный порядок, сформированный за десятилетия функционирования текущего технологического уклада. Носители старого уклада сопротивляются изменениям, реформам, внедрению новых технологий и моделей управления, поскольку они угрожают разрушением сложившейся системы взаимосвязей, рынков, распределения ресурсов и даже профессиональных ролей. Таким образом, всякое внедрение нового – будь то технологическая инновация, управленческое решение или экономическая модель – наталкивается на системное сопротивление. И для того, чтобы преодолеть это сопротивление и добиться реального прогресса, требуется не спонтанная или стихийная модернизация, а хорошо спланированная, структурированная и последовательная стратегия «наступления», направленная на внедрение и развитие принципов нового технологического уклада [3].

В контексте экономики это означает разработку и реализацию стратегии инновационного развития национальной промышленности и других ключевых отраслей, обеспечивающих формирование и функционирование современного технологического уклада. Причём промышленность в данном случае рассматривается как ядро, укладообразующая и ведущая отрасль, обладающая наибольшим потенциалом трансформации экономики в целом, её производственной базы и научно-технического фундамента. Следовательно, эффективная трансформация промышленности, как ядра технологического уклада и ведущей отрасли национальной экономики Республики Беларусь, возможна только путём системного и стратегического «штурма» – то есть постепенного переоснащения, внедрения новых технологических решений, переобучения кадров, изменения экономических стимулов и управления изменениями. Эта стратегия должна быть реалистичной, подкреплённой ресурсами и институциональной поддержкой на всех уровнях – от макроэкономической политики до локальных инициатив.

Исходя из этого образа и логики рассуждений, становится очевидным, что популярные представления о так называемой «многоукладности» национальной экономики, предполагающей одновременное сосуществование и развитие различных технологических укладов, в значительной степени иллюзорны и вводят в заблуждение. Такие подходы нередко формируют у управленцев иллюзию возможности развивать новый уклад без трансформации старого, в пределах того же пространства, ресурсов и управленческих механизмов. Однако в действительности это приводит к стратегическим ошибкам в процессе планирования инновационного технологического развития и инвестиционно-строительной деятельности в экономических системах национальной промышленности.

Таким образом, признание доминирующей роли промышленности как укладообразующей отрасли и осознание необходимости целенаправленной трансформации текущего технологического уклада – обязательные условия для формирования эффективной государственной и корпоративной стратегии. Только стратегически выстроенный и последовательно реализуемый курс на формирование и укрепление нового технологического уклада, опирающегося на промышленность как опорную отрасль, способен обеспечить реальный инновационный прорыв, устойчивое экономическое развитие и укрепление конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальных технологических трансформаций.

В целом инновационное развитие технологического уклада экономики и промышленности обусловлено закономерностями больших технологических циклов Н.Д. Кондратьева (рисунок) [4], которые отражают периодические волны технологических преобразований и смену доминирующих укладов в мировой экономике. Эти циклы обусловлены чередованием фаз расширенного воспроизводства капитала и структурных кризисов, в результате которых возникают новые технологические парадигмы, способные кардинально изменить экономический ландшафт.

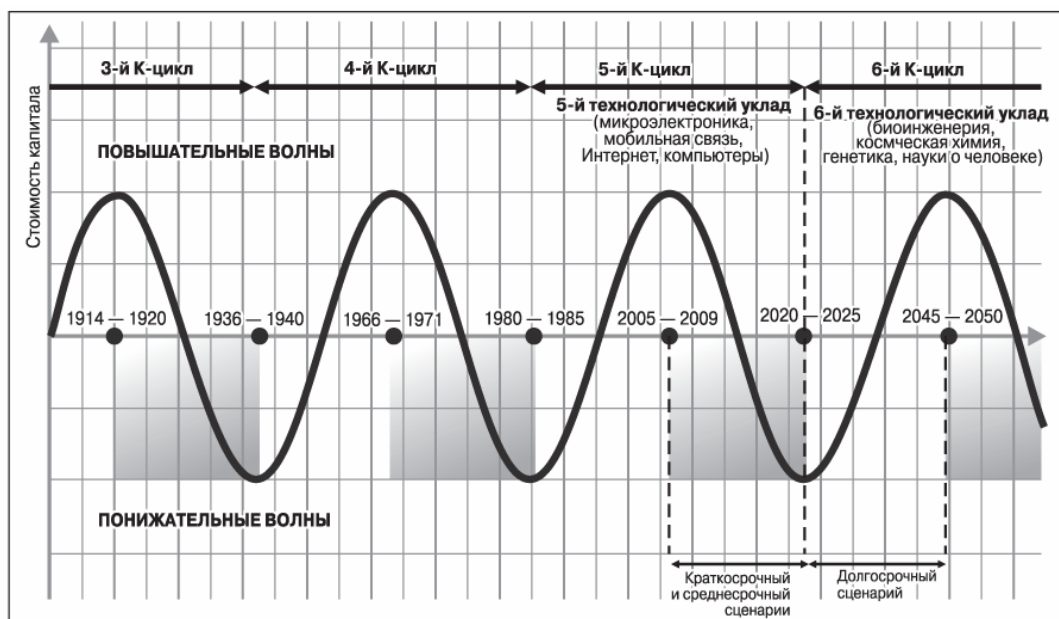

Рисунок. – Большие технологические циклы Н.Д. Кондратьева

Источник: [4].

В этих условиях возникает объективная необходимость в постоянном обновлении производственной базы, модернизации инфраструктуры и внедрении инноваций, особенно в промышленном секторе, который выступает основным носителем и транслятором технологических изменений в масштабах всей экономики. Безопасность страны в XXI веке будет определяться уровнем технологического развития промышленности как укладообразующей отрасли и производственной, и социальной инфраструктуры технологического уклада национальной экономики, влияющем на возможности внедрения инноваций шестого технологического цикла в экономических системах национальной промышленности.

Текущая глобальная экономическая ситуация характеризуется высокой степенью конкурентности, в том числе на региональном и мировом уровнях, что требует от экономических систем национальной промышленности способности к быстрой адаптации и стратегической мобильности. В частности, промышленность становится ареной интенсивной борьбы за технологическое лидерство, эффективное использование ресурсов и выход на перспективные рынки сбыта. На этом фоне инновационное технологическое развитие промышленности обретает ключевое значение не только как фактор роста, но и как условие экономического выживания и устойчивости. Однако, несмотря на растущую значимость технологических преобразований, вопросы выбора направлений инновационного развития, обоснования технологических решений, соответствующих перспективным вызовам, а также планирования инвестиционно-строительной деятельности в промышленности остаются слабо разработанными в методологическом плане. Это особенно актуально в условиях Республики Беларусь, где необходимость обеспечения ускоренного развития промышленного сектора требует построения целостной научной методологии, позволяющей на системной основе определять наиболее эффективные направления технологических преобразований, согласованные с национальными приоритетами и ресурсными ограничениями.

Предлагается определить роль промышленности как ведущей отрасли технологического уклада национальной экономики и сконцентрировать ограниченные финансовые, материальные и трудовые ресурсы на стратегическом направлении развития национальной экономики, предусматривающем поступательное технологическое развитие базовых производств отечественной промышленности, доминировавших в период пятого технологического уклада, за счет внедрения технологических инноваций шестого технологического уклада мировой экономики. В качестве отправной точки формирования методологии экономики и организации технологических преобразований в экономических системах национальной промышленности предлагается стратегический подход, предусматривающий поступательное технологическое развитие базовых производств отечественной промышленности, доминировавших в период пятого технологического уклада, за счет внедрения технологических инноваций шестого технологического уклада мировой экономики.

В качестве методологии исследования эффективности экономики и организации новых промышленных технологий в экономических системах национальной промышленности предлагается использовать алгоритм, включающий следующие основные этапы:

1. Определение состава базовых направлений развития новых промышленных технологий шестого технологического цикла мировой экономики, таких как информационные технологии, технологии построения интегрированных высокоскоростных транспортных систем, квантовые технологии, мембранные технологии, технологии

мобильной робототехники, технологии мехатроники, микромеханики, фотоники, проектирования систем с заданными свойствами, искусственного интеллекта и других высоких технологий промышленного производства [5–7], ориентируясь в первую очередь на потребности экономики Союзного государства.

2. Определение перспективных направлений технологического развития экономической системы национальной промышленности на технологиях шестого технологического цикла мировой экономики с учетом возможностей и потребностей сырьевых и товарных рынков Союзного государства, Евразийского экономического сообщества и мирового рынка.

3. Исследование всех аспектов, обеспечивающих устойчивость развития экономической системы национальной промышленности в условиях перехода мировой экономики с пятого на шестой технологический уклад.

4. Определение инвестиционных возможностей, анализ рыночной ситуации и конкурентной среды, формирование инвестиционного замысла и альтернативных вариантов реализации инвестиционно-строительного проекта.

5. Подготовка технико-экономического обоснования (ТЭО), разработка предпроектной документации (бизнес-плана, обоснования инвестиций).

6. Обеспечение сбора исходных данных и исходно-разрешительной документации, организация разработки проектной документации и получение необходимых согласований.

7. Организация производства строительно-монтажных и пуско-наладочных работ.

8. Ввод инвестиционно-строительного объекта в эксплуатацию и устранение выявленных дефектов в гарантийный период.

Следует особо отметить, что на всех этапах организация новых технологий в экономических системах национальной промышленности должна осуществляться на принципах инвестиционно-строительного инжиниринга. Это позволит минимизировать риски, оптимизировать затраты и получить максимальную эффективность инвестиций в основной капитал национальной промышленности.

Заключение. Таким образом, разработана методология исследования эффективности экономики и организации новых промышленных технологий в экономических системах национальной промышленности в условиях перехода мировой экономики с пятого на шестой технологический уклад. Методологический алгоритм включает следующие этапы:

1. Определение состава базовых направлений развития новых промышленных технологий шестого технологического цикла мировой экономики.

2. Определение перспективных направлений технологического развития экономической системы национальной промышленности на технологиях шестого технологического цикла мировой экономики.

3. Исследование всех аспектов, обеспечивающих устойчивость развития экономической системы национальной промышленности в условиях перехода экономики с пятого на шестой технологический уклад.

4. Определение инвестиционных возможностей, анализ рыночной ситуации и конкурентной среды, формирование инвестиционного замысла и альтернативных вариантов реализации инвестиционно-строительного проекта.

5. Подготовка ТЭО, разработка предпроектной документации (бизнес-плана, обоснования инвестиций).

6. Обеспечение сбора исходных данных и исходно-разрешительной документации, организация разработки проектной документации и получение необходимых согласований.

7. Организация производства строительно-монтажных и пуско-наладочных работ.

8. Ввод инвестиционно-строительного объекта в эксплуатацию и устранение выявленных дефектов в гарантийный период.

Применение на практике предложенной в исследовании методологии организации новых промышленных технологий в экономических системах национальной промышленности в условиях перехода мировой экономики на новый технологический уклад обеспечит возможность поступательного технологического развития базовых производств отечественной промышленности, доминировавших в период пятого технологического уклада, за счет внедрения технологических инноваций шестого технологического уклада мировой экономики. Она позволит повысить инвестиционную привлекательность предлагаемых к реализации инвестиционно-строительных проектов, эффективность инвестиций в основной капитал и инвестиционно-строительной деятельности экономических систем различного масштаба национальной промышленности, функционирующих в инвестиционно-строительной сфере национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования // Транспортное дело России. – 2013. – № 6–2. – С. 22–24.
2. Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Технологический уклад экономики как основа инновационного развития промышленности // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 1(70). – С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2025-70-1-28-32>.
3. Серяков Г.Н. Управление инвестиционно-строительными процессами в современной экономике // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 9. – С. 87–91.

4. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
5. Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – 2010. – № 4. – С. 2–7.
6. Прохоров И.А. Начало 7-го технологического уклада // Энергоинформ. – URL: <http://www.energoinform.org/pointofview/prohorov/7-tech-structure.aspx>. (дата обращения: 21.09.2025).
7. Тебекин А. В. Инновационное развитие экономики. – М.: МГАДА, 2008. – 347 с.

Поступила 28.04.2026

TECHNOLOGICAL MODEL AS THE BASIS OF THE ECONOMY AND ORGANIZATION OF NEW INDUSTRIAL TECHNOLOGIES

G. SERYAKOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The technological mode of the national economy is a system-forming component of the socio-economic structure of society, determining the nature of production relations, the structure of the economy, priority areas of investment activity, and the level of scientific and technological progress. Industry plays a key role in the formation and maintenance of this technological mode, serving as the core of both the production and innovation systems of the state. In the Republic of Belarus, the industrial sector has traditionally occupied a dominant position in the national economy, serving as the main driver of growth, exports, employment, and modernization. In this regard, to ensure the effective development of the Republic of Belarus's economy, based on the successful operation of national industrial economic systems, the methodology for the economics and organization of new industrial technologies is being explored, as the selection of strategically sound directions for innovative technological development of industry is a crucial national economic task. It is proposed to define the role of industry as the leading sector of the national economy's technological paradigm and to concentrate limited financial, material, and labor resources on a strategic direction for national economic development that envisions the progressive technological development of the core industries of domestic industry, which dominated during the fifth technological paradigm, through the implementation of technological innovations of the sixth technological paradigm of the global economy. A methodological approach to the organization of new industrial technologies in the context of the global economic transition from the fifth to the sixth technological paradigm is presented for discussion.

Keywords: *technological paradigm, national economy, industry, structure, export, employment, modernization, limited resources, strategic direction development, methodological approach.*

УДК 338.24:658.5

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-50-59

ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ И КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТОД ЕГО ОЦЕНКИ

*канд. техн. наук, доц. Е.В. ЧУКАСОВА-ИЛЬЮШКИНА
(Витебский государственный технологический университет)*

*Е.В. СУРИНА, Т.М. ИВЧИК
(ОАО «Конструкторское бюро «Дисплей»)*

В статье представлен ряд определений производственного потенциала, включая традиционные классические определения и доуточненные с учетом обновления условий существования предприятий в сложных экономических вызовах современной реальности. Предложен новый гибкий метод оценки производственного потенциала промышленного предприятия, включающий два направления. Первое – это экспертный анализ на основе анкетирования, второе – анализ хозяйственной деятельности на основе ключевых показателей. Гибкость метода заключается в возможности предприятия самостоятельно определяться с важностью компонент, представленных в первом направлении, заменять или добавлять их в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия, это позволяет предприятиям принимать тщательно разработанные управленческие решения и делать выводы о необходимости разработки более взвешенных стратегических направлений. Проведена апробация метода на примере конкретного промышленного предприятия, которая показала простоту его использования, низкую трудоемкость обработки данных и возможность формирования четких стратегических направлений развития производственного потенциала.

***Ключевые слова:** производственный потенциал, гибкий метод, промышленное предприятие, инновации, информационная составляющая, кадровые компетенции.*

Введение. Современные экономические условия требуют от предприятий высокой степени адаптивности, устойчивости и эффективности в использовании имеющихся ресурсов. Особенно актуальными становятся вопросы повышения результативности работы производственных организаций в условиях ограниченности материальных, трудовых и финансовых ресурсов, что обуславливает необходимость детального анализа и оценки производственного потенциала предприятий.

Производственный потенциал предприятия – это совокупность ресурсов и условий, обеспечивающих его способность производить продукцию установленного объема, ассортимента и качества. Эффективное использование этих ресурсов напрямую влияет на конкурентоспособность организации, её рыночную устойчивость и финансовые результаты деятельности. Именно поэтому оценка эффективности использования производственного потенциала приобретает важнейшее значение в стратегическом и оперативном управлении предприятием.

Ряд ученых рассматривают производственный потенциал как совокупность имеющихся ресурсов предприятия. Так, в одном из первых определений, данном академиком А.И. Анчишкиным, «производственный потенциал» трактуется как набор ресурсов, которые в процессе производства принимают форму его факторов. Академик Л.И. Абалкин считает, что «производственный потенциал есть обобщенная, собирательная характеристика ресурсов». Ряд авторов предлагает считать в качестве производственного потенциала организации суммарную стоимость ее основного, оборотного и человеческого капитала, патентного фонда и ноу-хау, информационных технологий, брендов и других конкурентных преимуществ организации в сферах науки, технологии и управления, обеспечивающих ей конкурентоспособность [1]. Согласно мнению Э.Б. Фигурнова, производственный потенциал характеризует ресурсы производства, их количественные и качественные параметры, определяющие возможности общества по производству материальных благ в каждый данный момент времени. Он также делает акцент на технологическом аспекте производственного потенциала и его зависимости от научно-технического прогресса [2]. В.И. Свободин определяет производственный потенциал как совокупность совместно функционирующих ресурсов, обладающих способностью производить определённый вид продукции. Он отмечает, что важным элементом является именно взаимодействие ресурсов, а не их наличие по отдельности [3]. Аналогичной позиции придерживается и Д.К. Шевченко, который считает производственный потенциал совокупностью производственных ресурсов, соединённых в процессе производства, обладающих определёнными потенциальными возможностями в области производства материальных благ и услуг. Его трактовка акцентирует внимание на потенциальной природе ресурсов, подчеркивая их возможность быть вовлечёнными в производственный процесс [4].

В последние годы наблюдаются существенные изменения в подходах к управлению производственными системами. Повышаются требования к качеству выпускаемой продукции, рациональному использованию основных фондов, трудовых ресурсов, увеличению производительности труда, снижению затрат и принятию определенной стратегии предприятия на основе оценки производственного потенциала. Современные исследования показывают новые условия для развития с учетом факторов внутреннего и внешнего характера.

В работе [5] авторов Н.В. Арсеньевой и Л.В. Путятиной рассмотрены вопросы возможности развития производственного потенциала машиностроительных предприятий Российской Федерации, указаны сложности, с которыми сталкиваются предприятия при развитии производственного потенциала, к которым авторы относят

ограниченность государственных заказов на выпускаемую продукцию, низкий уровень мобильности производственных мощностей при переходе на новые виды продукции, ограниченность как самофинансирования, так и финансирования со стороны государства. В качестве решения поставленных вопросов и устранения сложностей авторы предлагают разработку комплексных программ для качественного и количественного обновления и развития производственного потенциала как стратегической задачи. В таких программах предложено учитывать следующие направления: рациональное распределение ресурсов, изменение ассортимента продукции в сторону более инновационной и востребованной и соответствующее повышение квалификации персонала.

Автором М.Б. Афауновой в работе [6] указывается необходимость разработки современных стратегий, повышающих величину и уровень использования производственного потенциала, поскольку он существенно влияет на экономическую устойчивость и стоимость предприятия. Автор считает, что стратегически ориентированный производственный потенциал необходимо рассматривать в долгосрочной перспективе, а параметры производственного потенциала должны обладать способностью оперативно адаптироваться к изменениям внутренней и внешней среды. Особое внимание по мнению автора следует уделять качественным характеристикам производственного потенциала промышленного предприятия, включая высокую квалификацию персонала, внедрение инновационных производственных процессов и новых подходов к управлению, эффективность использования ресурсов, поскольку всё это дает возможность целенаправленно использовать достижения научно-технического прогресса и производить конкурентоспособную продукцию.

Этот же автор в работе [7] особое внимание уделяет такому ресурсу, как информационное обеспечение и соответствующей классификации информации, так как обнаружить потенциальные перспективы предприятия возможно только в результате анализа и систематизации внутренней и внешней информации. В результате регулярного анализа и разработки алгоритмов управленческих решений создается информационная база, позволяющая в короткие сроки сформировать или откорректировать стратегические направления промышленного предприятия.

Авторы Фомин Н.Ю. и Махметзянова А.И. в работе [8] предлагают рассматривать производственный потенциал как декомпозицию, состоящую из основного, оборотного трудового, технологического и информационного потенциалов, а в целом производственный потенциал трактуется как совокупность совместно функционирующих ресурсов в условиях экономической среды, включая в себя все вышеперечисленные компоненты. Факторами развития производственного потенциала авторы видят постоянный мониторинг и комплексный инструмент, учитывающий развитие всех составляющих производственного потенциала предприятия – бережливое производство.

В настоящее время большинство предприятий в Республике Беларусь не занимаются проблемой оценки производственного потенциала, причиной чего является отсутствие определенных методик и показателей, на основе которых можно проводить анализ. Базируясь на исследованиях авторов, занимающихся рассматриваемой проблемой, можно сделать вывод, что основой для проведения диагностики производственного потенциала служит анализ производственного состояния предприятия, его кадровая сила, информационные ресурсы в их динамическом проявлении, следует отметить, что факторы для анализа могут быть выбраны самим предприятием и могут быть различны в зависимости от особенностей рассматриваемого предприятия и экономического состояния региона, в котором оно функционирует.

Основная часть. Основываясь на ряде исследований [8; 9] установлено, что в рамках изучения производственного потенциала возможно применение гибкого метода оценки производственного потенциала, разработанного авторами, и состоящего из двух направлений.

Первое – это экспертный анализ на основе анкетирования, в результате чего оценивается наличие новых компонент, таких как инновации (новые технологические процессы, внедренные за последние 5 лет, новые виды оборудования), кадровые квалификации (периодичность повышения квалификации, обучение новым профессиям, принятие на работу новых специалистов с новыми знаниями и компетенциями), информационная составляющая, применение мониторинга, применение комплексного инструмента – бережливое производство.

Второе – это классический анализ хозяйственной деятельности промышленного предприятия по ряду совместно функционирующих ресурсов, при этом для снижения трудоемкости процесса оценки рекомендуется выделение либо группы показателей, объединенных по признаку вида ресурса, либо выделение одного ключевого показателя. Для технологической составляющей целесообразно принять группу показателей, в которую входят годность основных средств %, коэффициент обновления основных средств и коэффициент выбытия основных средств, для материальной составляющей целесообразно принять группу показателей, в которую входят материалоотдача, материалоемкость и удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции; для кадровой составляющей целесообразно принять среднегодовую выработку на одного работающего. Выбор данных показателей обусловлен их прямой связью с производственной деятельностью предприятия и доступностью данных, так группа таких показателей, как процент годности основных средств, коэффициент обновления основных средств и коэффициент выбытия основных средств показывает техническое состояние последних и при исследовании в динамике характеризует интенсивность и направленность воспроизводственного процесса основных средств; группа показателей эффективности использования материальных ресурсов (материалоотдача, материалоемкость, удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции) позволяет оценить, насколько рационально предприятие использует сырьё и материалы, в свою очередь, выбранный ключевой показатель по кадровой составляющей (среднегодовая выработка на одного рабочего) демонстрирует эффективность труда.

В таблице 1 представлен комплексный гибкий метод оценки производственного потенциала.

Таблица 1. – Комплексный гибкий метод оценки производственного потенциала

Первое направление		
Компонент	Сущность компонент	Критерий компонент
Инновации	Новые внедренные технологические процессы	Число новых внедренных за последние 5 лет технологических процессов
	Новые приобретенные виды оборудования	Число приобретенных или созданных новых видов оборудования за последние 5 лет
	Наличие собственного отдела НИОКР	Удельный вес подразделения в структуре предприятия (по количеству работников)
Кадровые квалификации	Образование и сертификация	Число работников, имеющих высшее образование
	Прохождение курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки	Число работников, повысивших свою квалификацию в течении года
	Опыт работы	Число работников с опытом работы в данной отрасли не менее 3х лет
Информационная составляющая	Знания и опыт (профессиональные знания, навыки, накопленный опыт)	Число работников с высшим образованием и с опытом работы на данном предприятии от 5 лет
	Данные и информация (массив данных о производстве, клиентах, рынке). Информационные системы (аппаратное и программное обеспечение)	Наличие регулярно пополняемого массива информации. Наличие системы ERP, CAD или иное
	Интеллектуальный капитал (нематериальные активы)	Число полученных патентов за последние 5 лет
		Число проведенных патентных исследований (число отчетов) за последние 5 лет
	Число проведенных научных исследований (число отчетов) за последние 5 лет	
Второе направление		
Вид ресурса	Группа показателей / Ключевой показатель	Характеристика
Технологический ресурс	Группа показателей оценки состояния и движения основных средств (% годности основных средств, коэффициент обновления основных средств и коэффициент выбытия основных средств) - <i>% годности основных средств</i> Процент годности = (Ост.ст. /Перв.ст.)×100%, где Ост.ст. – остаточная стоимость; Перв.ст. – первоначальная стоимость. - <i>коэффициент обновления основных средств</i> Кобн = Ст.пост.ОС / Ст.ОС _{кон.п.} , где Ст.пост.ОС – стоимость поступивших основных средств за исследуемый период; Ст.ОС _{кон.п.} – стоимость основных средств на конец периода. - <i>коэффициент выбытия основных средств</i> Квыб = Ст.выб.ОС / Ст.ОС _{нач.п.} , где Ст.выб.ОС – стоимость выбывших основных средств за исследуемый период; Ст.ОС _{нач.п.} – стоимость основных средств на начало периода	Группа показателей оценки состояния и движения основных средств (% годности основных средств, коэффициент обновления основных средств и коэффициент выбытия основных средств) показывает техническое состояние и пригодность оборудования к эксплуатации, интенсивность модернизации предприятия и технического перевооружения производства
Материальная составляющая	Группа показателей эффективности использования материальных ресурсов (материалоотдача, материалоемкость, удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции) - <i>материалоотдача</i> $MO = ОП/МЗ$; - <i>материалоемкость</i> $ME = МЗ/ОП$; - <i>удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции</i> $УВ (%) = МЗ/Сс$, где ОП – общий объем производства (в стоимостном выражении) МЗ – общая сумма материальных затрат на производство продукции Сс – полная себестоимость продукции	Группа показателей эффективности использования материальных ресурсов (материалоотдача, материалоемкость, удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции), показывает выход продукции на единицу затрат, величину материальных затрат на единицу продукции и ресурсоемкость, системное применение всех трёх показателей позволяет определить скрытые резервы, выявлять причины изменения показателей и определять точки роста
Кадровая составляющая	Среднегодовая выработка на одного работающего $СГВ = ОП / ЧР$, где ОП – общий объем производства за год (в натуральном или стоимостном выражении); ЧР – среднесписочная численность работников за год.	Среднегодовая выработка на одного работающего показывает уровень продуктивности, эффективность использования рабочего персонала

Гибкость метода заключается в возможности предприятия самостоятельно определяться с важностью компонент, представленных в первом направлении, заменять или добавлять их в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия, это позволяет предприятиям принимать тщательно разработанные управленческие решения и делать выводы о необходимости разработки более взвешенных стратегических направлений.

Для определения возможности исследования производственного потенциала конкретного промышленного объекта согласно предлагаемой методике рассмотрено предприятие единичного типа производства, производящее продукцию производственно-технического назначения, особенностью которой является её наукоемкость и повышенные требования к качеству и гарантийному обслуживанию.

Инновации. К инновациям исследуемого предприятия отнесено то новейшее оборудование, которое внедрено для совершенствования существующих технологий, что позволило плавно вписать приобретаемое оборудование в уже существующие технологические процессы с целью совершенствования последних. В таблице 2 приведен перечень оборудования, которое предприятие приобрело за исследуемый период в разрезе конкретных технологических операций.

Таблица 2. – Перечень оборудования, внедряемого в существующие технологические процессы

Группа оборудования (технология)	годы			
	2021	2022	2023	2024
Термическая обработка и нагрев	Электродпечь камерная типа ПКС-27860\2,5 Электродпечь SNOL 30\70	–	Термостол	Конвекционная печь оплавления припоя
Механическая обработка	Станок координатно-расточной 2E440A Станок круглошлифовальный 3У10РА	Станок токарный редуцированный	Станок универсально-за точной 3E642 Гриндер Полуавтоматический ленточношлипный станок Станок вальцовачный ручной	Станок фрезерный с ЧПУ VMC-L856 Станок шлифовальный тарельчато-ленточный Виброгноточная машина серии VKU
Слесарно-сборочные и резьбовые работы	Манипулятор резьбо-нарезной ЕТМ-16	–	Электрический резьбо-нарезной манипулятор	Станок сверлильно-резьбо-нарезной Резьбо-нарезной станок Machinery MO.5-M3
Сварка, пайка и лазерная обработка	–	–	Двухканальная паяльная станция Цифровая импульсная система пайки Сварочная машина Сварочный инвертор Лазерный станок Wattsan 1610 LT	Лазерный маркиратор DCB100 M7 Двухканальная паяльная станция
Прессование и гибка	–	Пресс гидравлический П6324Б	–	Пресс электромеханический гибочный с ЧПУ
Работа с композитами и вакуумные технологии	–	–	Мобильная установка для вакуумной инфузии MBC-20 Устройство вакуумного прижимного стола	Комплект вакуумного прижимного стола Вакуумформовочная машина
Дозирование, нанесение, очистка	Дозатор PERFORMUSx100	–	Пневмодозатор цифровой (3 шт.) Моечная машина (2 шт.)	Пневмодозатор цифровой YCC-986A (2 шт.) Пневмодозатор цифровой (6 шт.)
Специальная и электро-эрозионная обработка	–	–	–	Экстрактор электроэрозионный портативный

Установлено, что в период 2021–2024 гг. практически по каждой технологической операции произошло обновление технологического парка, следует отметить, что годы 2021 и 2022 отмечаются низкой активностью предприятия в плане приобретения оборудования, что продиктовано общим спадом экономики промышленного сектора в постпандемийный период, ситуация исправилась в 2023–2024 гг., демонстрируя уверенность и способность предприятия быть гибким в условиях постпандемийного кризиса и санкционного давления, проявляя стремление к повышению эффективности, улучшению качества продукции и, как следствие, укрепление своего потенциала.

Таким образом предприятие демонстрирует проявление одного из стратегических направлений: стандартизация технологических процессов. То есть новый технологический процесс выстраивается на основании имеющегося оборудования, что эффективно с производственной точки зрения, так как существуют уже апробированные инструкции и это даёт возможность простоты обучения персонала, передачи производственного опыта

и знаний. Таким образом персонал, понимая ряд унифицированных процессов будет сопровождать технологические операции согласованно между субъектами процесса и с минимальным количеством ошибок.

Кадровые квалификации. В исследовании кадровых квалификаций, представляющих собой совокупность знаний, опыта, образования, особое внимание было уделено такому процессу, как повышение квалификации. Очевидно, что знания устаревают, появляются новая техника, технологии, повсеместно внедряется «работник» искусственный интеллект, который помогает исключить рутинные задачи из повседневной деятельности, но не заменяет тонкого интеллектуального труда, присутствует неизбежность цифровой трансформации, что требует систематического обновления знаний на базе накопленного опыта. Повышение квалификации в рамках обозначенных изменений – это многогранный процесс, который не только повышает уровень кадрового потенциала предприятия, но и реализует повышение культурного и образовательного уровня работников, а для руководителей становится путеводителем в принятии верных управленческих решений. В таблице 3 представлены сведения регулярности повышения квалификации рабочими, руководителями и специалистами.

Таблица 3. – Регулярность повышения квалификации работниками предприятия

Категории	годы						
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего	391	395	400	404	409	475	472
Рабочие	111	108	111	113	117	146	140
Вспомогательные рабочие	35	36	38	37	38	46	45
Повышение квалификации рабочими	12	0	0	6	13	24	16
Руководители	53	52	54	53	51	57	59
Специалисты	192	199	200	204	203	226	228
Повышение квалификации руководителями и специалистами	15	15	23	3	7	10	8

По данным анализа за период с 2019 по 2025 гг. установлено, что предприятие систематически направляет своих работников на курсы повышения квалификации, в пандемийный период наблюдалась тенденция к снижению активности относительно рабочих, проходящих повышение квалификации, но к 2025 г. ситуация выровнялась. Это объясняется тем, что повышение квалификации среди рабочих – это стратегическое направление, ориентированное на инновационность и конкурентоспособность: быстрое внедрение новой техники, использования новых материалов и оборудования, минимизация брака в условиях применения ценных материальных ресурсов. Курсы для рабочих могут иметь несколько направлений: технологические (работа на новом оборудовании), цифровые (работа с цифровыми системами верхнего и среднего уровней, электронные паспорта), гибкие навыки (технический английский, работа в команде на сквозных проектах). Кроме того, инвестирование в персонал реализует одну из функций управления – мотивация, которая снижает текучесть кадров и удерживает ценных специалистов.

Несколько иная ситуация складывается относительно руководителей. За период с 2019 по 2025 наблюдается существенное снижение числа руководителей и специалистов, повысивших свою квалификацию, фактически в 2 раза (по данным таблицы 3). Это несомненно негативная тенденция для исследуемого предприятия, поскольку предприятие работает в условиях санкционного давления, требуется систематическое снижение зависимости от импортных комплектующих, руководители обязаны развивать свои лидерские качества, необходимые в управлении многопоколенческим коллективом с высокой долей ответственности.

Информационная составляющая. Информационная составляющая представляет собой совокупность технологий и компетенций, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, анализ и эффективное использование данных для принятия управленческих и производственных решений.

Первой подкатегорией информационной составляющей приняты знания и опыт. В таблице 4 приведены сведения о наличии высшего образования у руководителей и служащих.

Таблица 4. – Сведения о наличии высшего образования у руководителей и служащих за 2019–2025 гг.

Категории	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Руководители	53	52	54	53	51	57	59
Руководители с высшим образованием	45	46	49	47	45	54	55
Специалисты	192	199	200	204	203	226	228
Специалисты с высшим образованием	151	164	166	172	172	194	200

Установлено, что на предприятии доля руководителей, имеющих высшее образование находится на довольно высоком уровне и удерживает этот уровень на протяжении всего исследуемого периода (85% – 95%), в свою очередь, уровень доли специалистов с высшим образованием неукоснительно растет от 78% в 2019 г. до 87% в 2025 г. Это несомненно положительный сигнал, косвенно указывающий на модернизацию производства, цифровизацию, наукоёмкость и повышение значимости интеллектуализации труда.

Второй подкатегорией является совокупность информационных систем о производстве, клиентах, рынке, которые обеспечивают сбор, обработку, хранение, анализ, набор данных, которые могут быть использованы для принятия

эффективных управленческих и производственных решений. В исследуемом предприятии работы по цифровизации начаты в 2010 г., когда было принято решение о реализации автоматизации бизнес-процессов на основе системы «1С: Предприятие». Более интенсивно работы по цифровой трансформации стали осуществляться в 2022 г.

На сегодняшний день комплексная автоматизация бизнес-процессов осуществляется на базе программных решений на платформе «1С: Предприятие 8.3», функциональными возможностями шести внедрённых конфигураций 1С, таких как «1С: Документооборот», «1С: Зарплата и Управление Персоналом для Беларуси», «1С: Бухгалтерия для Беларуси», «1С: УПП», «1С: КТД» и «1С: Автоматизация отделов». В совокупности возможности и реализованные модули в каждой конфигурации соответствуют системе «1С:ERP». Кроме того, внедрена система САД, которая упрощает автоматизацию проектно-конструкторских работ, реализует принцип унификации, помогает в подборе программного обеспечения, интегрируется с управлением верхнего и среднего уровня. Всё вышперечисленное является ключевым шагом к цифровизации производства.

Третьей подкатегорией информационной составляющей является интеллектуальный капитал. Интеллектуальный капитал предприятия представляет собой нематериальные активы, защищенные законом, это патенты на изобретения, полезные модели, товарные знаки, отчеты о патентных исследованиях.

Обладая пакетом интеллектуальной собственности предприятие имеет конкурентное преимущество: разработки, защищенные патентом, выделяются среди аналогов, предприятие может заключать лицензионные договоры на использование объектов интеллектуальной собственности, предприятие является монополистом и может юридически запретить использование технических решений, находящихся под защитой охранных документов вне зависимости от степени внедрения технических решений на предприятии. Таким образом, наличие прав на объекты интеллектуальной собственности является не только средством защиты от конкурентов, но и средством нападения на последних.

За последние пять лет исследуемое предприятие существенно повысило свой интеллектуальный капитал: получено 6 патентов на полезные модели, 3 патента на изобретения, предприятие систематически проводит патентный поиск, исследуя мировые тенденции технических решений, стараясь быть конкурентоспособным не только на отечественном рынке, но и в мировом пространстве, за последние пять лет предприятие провело 16 патентных поисков по различным перспективным темам, соответствующим специфике деятельности предприятия, что позволяет организации принимать стратегически верные решения, следуя тенденциям мирового производства промышленной продукции.

Технологический ресурс. Технологический ресурс предприятия – это комплексная характеристика, которая показывает возможность производить качественную продукцию заданного объема в ограниченном периоде времени. Технологический ресурс показывает наличие оборудования, его возраст, способность к модернизации, возможность синтеза с информационно-управленческой составляющей.

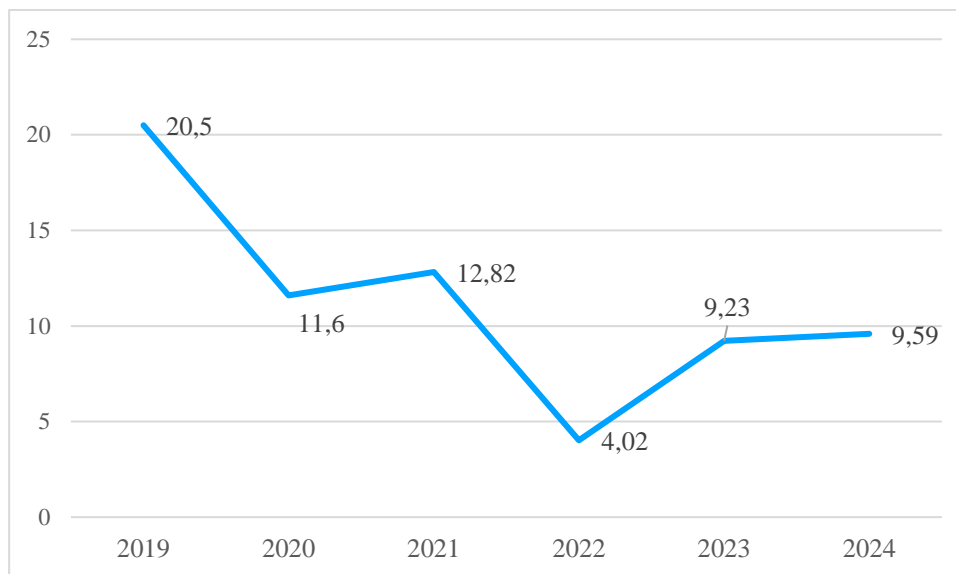
Учитывая ответственность продукции, специфика которой заключается в особых условиях эксплуатации (применения при сверхнизких температурах (до -60°C), при вибрациях, ударах и электромагнитных помехах), особое внимание предприятие уделило анализу именно основных средств как базы для получения качественных изделий, рассмотрев их состояние за пятилетний период. Сведения о годности основных средств представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Годность основных средств

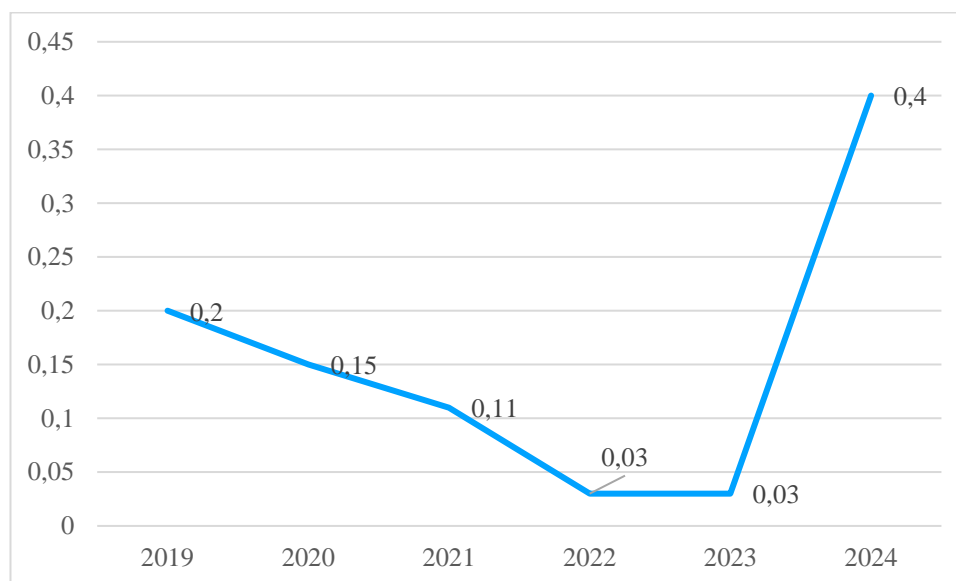
Наименование групп основных средств	Годность основных средств, %				
	2020	2021	2022	2023	2024
Здания и сооружения	72,3	69,4	67,0	65,5	63,8
Машины и оборудование	4,1	3,4	4,8	4,9	12,65
В т.ч. оборудование:	3,4	2,6	2,7	4,8	10,26
транспортные средства	1,7	3,9	2,4	1,9	31,63
инструменты, инвентарь и принадлежности	24,4	21,7	49,6	28,5	21,53
передаточные устройства	75,0	69,0	66,7	69,2	60,46
Другие основные средства	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего	24,8	22,8	24,5	24,8	29,3

В структуре основных средств наибольший удельный вес занимают машины и оборудование, на втором месте – здания и сооружения. В 2020 г. машины и оборудование составляли 64,1%, здания и сооружения – 32,3%, в 2021 г. машины и оборудование составляли 68,4%, здания и сооружения – 29,1%, в 2022 г. машины и оборудование составляли 65,6%, здания и сооружения – 30,7%, в 2023 г. машины и оборудование составляли 67,5%, здания и сооружения – 30,2%, в 2024 г. машины и оборудование составляли 64,5%, а здания и сооружения – 31,2%. Установлено, что предприятие систематически обновляет свой парк оборудования и особенностью внедрения основных средств на исследуемом предприятии является принятый способ начисления амортизации (варианты). При покупке нового оборудования определяется срок полезного использования, и амортизация списывается равными долями за весь планируемый период, при введении нового оборудования спустя некоторый период после покупки срок полезного использования определяется после оформления актов ввода в эксплуатацию, а в случае приобретения оборудования в лизинг амортизация списывается в течении 11 месяцев.

На рисунке 1 и рисунке 2 представлена динамика изменений коэффициента обновления основных средств и коэффициента выбытия основных средств соответственно.

Рисунок 1. – Изменение коэффициента обновления основных средств

Рисунок 2. – Изменение коэффициента выбытия основных средств

Согласно данным предприятия, коэффициент обновления основных средств в исследуемом периоде очень высокий, при более детальном анализе установлено, что предприятие наращивает основные средства в подкатегории «здания и сооружения», преследуя стратегические цели по расширению производства и освоению важных и востребованных видов продукции.

Анализ изменения коэффициента выбытия основных средств в исследуемом периоде показывает его медленное снижение с 0,2 в 2019 г. до 0,03 в 2023 г., однако рост этого показателя до 0,4 в 2024 г. свидетельствует о силе предприятия и способности к реализации запланированного сценария изменений в производственном аппарате. Отметим, что высокий коэффициент выбытия соотносится с высоким коэффициентом обновления основных средств, это говорит о том, что предприятие стремится к росту, однако тревожным сигналом остается тот факт, что обновляются здания и сооружения, а износ активной части основных средств остается высоким, несмотря на улучшение на 7,75 п.п. в 2024 г. (годность основных средств 2024 г. – 12,65%) относительно 2023 г. (годность основных средств 2023 г. – 4,9%) (см. таблицу 5).

Исходными данными для анализа материальной и кадровой составляющей являются показатели деятельности предприятия за период 2020–2024 гг., которые представлены в таблице 6.

Таблица 6. – Показатели деятельности предприятия за 2020–2024 гг.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Выручка от реализации	40267	43938,5	54278,8	73570,1	81828,8
Себестоимость реализованной продукции	33500,3	36520,8	44088,6	43322,7	52870,4
Материальные затраты	11606,8	12519,3	13782,3	17240,9	21100,6
Среднегодовая выработка на одного работающего	111,2	108,2	144,5	191,6	200,7

Материальная составляющая. Материальная составляющая имеет ключевую роль в процессе создания продукции, это тот предмет труда, к которому прилагаются средства труда (оборудование, активная часть основных средств) и сам труд (кадровый потенциал предприятия). От качества материальной составляющей на прямую зависит качество готовой продукции, эффективность использования является индикатором управленческой зрелости предприятия, доступность материалов показывает устойчивость предприятия и умелое управление рисками. В таблице 7 представлены показатели использования материальных ресурсов за период 2020–2024 гг.

Таблица 7. – Показатели использования материальных ресурсов за 2020–2024 гг.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Материалоотдача	3,5	3,2	3,9	4,3	4,1
Материалоемкость	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2
Удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции	0,34	0,34	0,3	0,4	0,4

По результату анализа динамики изменений показателей использования материальных ресурсов установлено, что предприятие по показателю материалоотдачи проявило эффективность использования ресурсов: произошел рост с 3,5 до 4,3 – 4,1 (рост на 22,9% на пике). Показатель материалоемкости снизился с 0,3 до 0,2, что является положительным моментом: политика компании по улучшению системы закупок и логистики. Произошел переход на производство более дорогой продукции с высокой добавленной стоимостью, но в то же время и удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции тоже увеличился с 0,3–0,34 до 0,4 (рост 33%), что свидетельствует об увеличении закупочных цен на материалы. Таким образом определено, что зависимость предприятия от цен на сырьё усилилась к концу исследуемого периода, поэтому для будущих периодов следует сделать более глубокий анализ по критичным материалам и приложить усилия и возможности по поиску отечественных аналогов. Это также важно и с точки зрения внедрения инноваций, так как возможность выпуска новой продукции часто встречает сопротивление из-за недоступности сырья с нужными характеристиками.

Кадровая составляющая. Ключевым показателем кадровой составляющей в производственном потенциале исследуемого предприятия принята среднегодовая выработка на одного работающего, которая демонстрирует следующую динамику: рост +33,6 в 2022 г. по отношению к 2021 г., рост + 32,6% в 2023 г. по отношению к 2022 г. и небольшой рост +4,7% в 2024 г. по отношению к 2023 году. Установлено, что производительность труда росла высокими темпами, что свидетельствует об успешном масштабировании деятельности организации.

Заключение. По результатам теоретического исследования сделан следующий вывод. Производственный потенциал представляет собой совокупность находящихся во взаимодействии элементов, к которым относятся основной, оборотный, человеческий капитал, инновации и информационные технологии. Развитие производственного потенциала, его стратегическая ориентация и способность к приспособляемости основаны на квалификации персонала, систематическим внедрением инноваций и эффективности использования ресурсов, а наличие информационной составляющей является условием выявления перспектив и выработки общего курса развития предприятия.

Авторами предлагается комплексный гибкий метод оценки производственного потенциала, позволяющий оценить производственный потенциал как многофакторное явление в короткий временной промежуток и с низкими трудовыми затратами. Суть метода основана на двух направлениях: это ресурсно-инновационное, включающее качественные и интеллектуальные аспекты, и операционно-результативное, показывающее эффективность использования ресурсов. Гибкость обеспечивается возможностью адаптации критериев под отраслевую специфику.

Преимущества разработанного метода:

1. Адаптивность. Предприятие самостоятельно определяет важность компонент, может заменять или добавлять их, корректируя метод под конкретные особенности и стратегические цели предприятия.
2. Снижение трудоемкости. Выделение по группе показателей, объединенных по признаку вида ресурса либо по ключевому показателю для оценки использования ресурсов существенно сокращает затраты времени на проведение оценки.
3. Доступность и практичность данных: для оценки эффективности использования ресурсов достаточно данных статистической отчетности предприятия по исследуемому периоду.
4. Комплексность. Объединение двух подходов экспертного и хозяйственного анализа позволяет получить целостное представление обо всех аспектах производственного потенциала.
5. Практическая применимость. Работоспособность комплексного гибкого метода оценки производственного потенциала подтверждается апробацией на конкретном предприятии.

В результате комплексного анализа деятельности исследуемого предприятия по предлагаемому методу определены плюсы и минусы деятельности организации в разрезе производственного потенциала:

– Предприятие наращивает темпы обновления технологического оборудования, охватывая все технологические переходы, не изменяя при этом производственную систему в целом, что снижает риски и сохраняет накопленный опыт компетенций с одновременной модернизацией.

– Рост материалоотдачи и снижение материалоёмкости является успешным результатом в исследуемом периоде, однако увеличение доли материальных затрат в себестоимости и возможная зависимость от импортных компонентов могут сформировать уязвимость в цепочке поставок.

– Интеллектуальный потенциал показывает рост патентной активности, систематическое проведение патентных исследований показывает стремление к формированию устойчивого конкурентного преимущества.

– Проведенная работа по цифровизации процессов на момент исследования дала нестабильный результат: успешно внедрены и используются системы на платформе «1С:Предприятие 8.3», САД-системы, однако информационные системы слабо задействованы в операционном управлении производством, что дает пространство для оптимизации цифровизации процессов в будущем.

– Что касается кадровых квалификаций, то повышение квалификации рабочего персонала соответствует задачам освоения новой техники, создавая базу для роста производительности, что подтверждается ростом среднегодовой выработки на одного рабочего. Руководящий состав демонстрирует снижение управленческой квалификации, что создает риск некоторого несоответствия принимаемых решений вызовам внешней среды в условиях санкционного давления и цифровой трансформации.

Подводя итоги проведенному исследованию установлено, что предприятие обладает современной информационной инфраструктурой, интеллектуальным капиталом, мотивированным рабочим потенциалом, стратегическим видением модернизации, однако развитие потенциала сдерживается низкой годностью активной части основных средств, снижением управленческих компетенций и опережающим ростом обновления пассивных фондов в ущерб замене оборудования.

На будущий период предприятие сформировало следующие цели:

– рост финансовых показателей по отношению к предыдущему периоду за счет расширения номенклатуры продукции и освоения новых направлений, в том числе на основе патентных исследований, включая монополию на защищенные объекты промышленной собственности;

– расширение производственных мощностей на основе программы ускоренного выбытия оборудования с полным износом, синхронизированную с планами загрузки новых машин, станков, аппаратов;

– разработка отечественных аналогов ключевых компонентов для снижения зависимости от импортных поставок за счет углубленной аналитики материальных ресурсов;

– повышение конкурентоспособности продукции за счет качества, функциональности и адаптации к требованиям заказчиков, расширение географии экспорта, включая предложения по локализации и партнерские программы;

– развитие кадрового потенциала с внедрением системы периодического повышения квалификации для руководителей с фокусом на управление изменениями, проектное управление и цифровые компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л.И. Стратегия: выбор курса. – М.: Ин-т экономики РАН, 2003. – 210 с.
2. Фигурнов Э. Производственный потенциал. – М., 1982. – 154 с.
3. Свободин В.И. Производственный потенциал сельскохозяйственного предприятия и оценка эффективности его использования // Вестник статистики. – 1984. – №10. – С. 8–14.
4. Шевченко В. Классификация потенциала предприятия: теоретический подход // Рыночная экономика: сегодня и завтра: тезисы X Междунар. науч. студ. конф., Минск, 18-19 марта 2021 г. – Минск: БГАТУ, 2021. – С. 119–122. – URL: <https://rep.bsatu.by/handle/doc/12527>.
5. Арсеньева Н.В., Путьгина Л.М. Развитие производственного потенциала машиностроительных предприятий в посткризисных условиях // Управленческий учет. – 2022. – № 3. – С. 11–18. – URL: <https://upravuchet.ru/index.php/journal/article/view/1721>.
6. Афаунова Б.М. Сущность понятия «Производственный потенциал промышленного предприятия» // Экономический вектор. – 2025. – № 1(40). – С. 79–82.
7. Афаунова Б.М. Структурные составляющие производственного потенциала промышленного предприятия // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2025. – № 1. – С. 59–63. DOI: <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.1.1.008>.
8. Фомин Н.Ю., Мухаметзянова А.И. Разработка методики интегральной рейтинговой оценки промышленно-производственного потенциала // Economy and Business: Theory and Practice. – 2023. – vol. 3-2(97). – С. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-3-2-115-120>.
9. Тертышник М.И. Производственный потенциал предприятия и оценка экономической эффективности производства // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 60–64. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1001-0079>.

Поступила 09.03.2026

ENTERPRISE POTENTIAL AND A FLEXIBLE METHOD OF ITS ASSESSMENT

E. CHUKASOVA-ILYUSHKINA
(Vitebsk State Technological University)

E. SURINA, T. IVCHIK
(JSC Dsigne office Display)

This article presents several definitions of production potential, including traditional classical definitions and refinements that take into account the evolving conditions of enterprise existence in the complex economic challenges of today's reality. A new flexible method for assessing the production potential of an industrial enterprise is proposed, comprising two components. The first is an expert analysis based on questionnaires. The second is an analysis of economic activity based on key performance indicators. The flexibility of this method lies in the ability of an enterprise to independently determine the importance of the components presented in the first component, replacing or adding them depending on the enterprise's industry affiliation. This allows enterprises to make carefully crafted management decisions and draw conclusions about the need to develop more balanced strategic directions. The method was tested using a specific industrial enterprise, demonstrating its ease of use, low data processing complexity, and the ability to formulate clear strategic directions for the development of production potential.

Keywords: *production potential, flexible method, industrial enterprise, innovation, information component, personnel competencies.*

УДК 338.24

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-60-66

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

канд. экон. наук, доц. Н.В. ЯЦЕВИЧ

(Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3455-3845>

В статье рассматриваются прямые (административные) и косвенные (экономические) методы государственного регулирования предпринимательства. Среди инструментов прямого регулирования в статье выделены административное регулирование, налогообложение, лицензирование, валютное регулирование, таможенное регулирование, приватизация, субсидирование, государственные закупки. В рамках косвенного государственного регулирования предпринимательства рассмотрены денежно-кредитное регулирование, ценовое регулирование, антимонопольное регулирование, страхование, развитие рыночной инфраструктуры, развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства. Инструменты государственного регулирования предпринимательства, представленные в статье, проанализированы в рамках действующей нормативной правовой базы Республики Беларусь. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе и систематизации инструментов государственного регулирования предпринимательства в Республике Беларусь, что позволяет более глубоко понять роль государства в формировании институциональных условий для развития предпринимательства в условиях белорусской модели социально ориентированной рыночной экономики.

Ключевые слова: предпринимательство, государство, государственное регулирование, методы регулирования, инструменты регулирования.

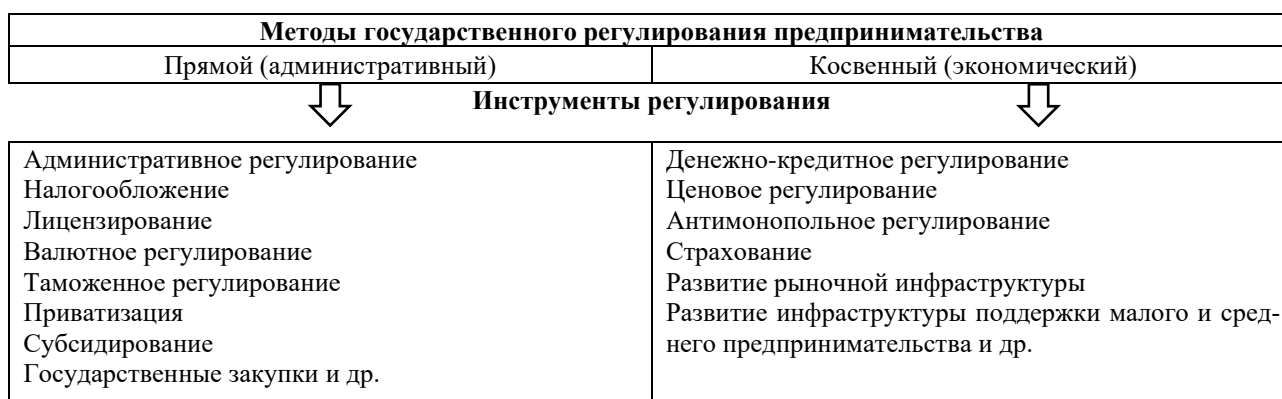
Введение. Предпринимательство выступает как существенный фактор развития национальной экономики и выполняет важнейшие функции, обусловленные его активным участием в процессе общественного воспроизводства. Как особая форма социально-экономической активности, предпринимательство развивается на основе инициативной, связанной с риском и неопределенностью деятельности, направленной на получение прибыли. Оно вносит существенный вклад в формирование национального дохода, сбалансированность рынка труда, инновационное развитие, накопление человеческого капитала. При этом предпринимательство может активно развиваться только при поддержке со стороны государства, основная роль которого проявляется в осуществлении регулирующих воздействий, формирующих соответствующую деловую среду.

Государственное регулирование предпринимательства можно определить как целенаправленное системное воздействие государства на предпринимательский сектор экономики, при этом функционально взаимосвязанное с рыночными процессами самоорганизации и саморегулирования. Оно осуществляется с целью поддержания оптимальных макроэкономических пропорций, экономического роста, повышения эффективности национальной экономики, роста занятости населения, обеспечения социальной стабильности и т.д.

Проблема государственного регулирования предпринимательства, в частности, применения отдельных методов и инструментов регулирования в условиях белорусской социально-экономической модели, рассматривалась в трудах белорусских ученых. Так, А.И. Лученок, исследовал сущность административных методов государственного регулирования и определил единую конечную цель применения средств прямого и косвенного регулирования как реализацию управленческого воздействия на поведение объекта управления [1, с. 75]. Р.А. Смирнова рассматривает государственное воздействие на предпринимательство с точки зрения социологического подхода, а предпринимательство – как социальный институт и объект регулирующего воздействия [2]. Соавторы коллективной монографии под редакцией Т.В. Садовской рассматривают вопросы повышения эффективности государственного регулирования предпринимательства, в частности, аспекты институционального анализа, реструктуризации отношений собственности, реализации кластерной политики [3]. А.С. Попкова исследует цели, принципы и направления государственного регулирования предпринимательства [4]. Авторы коллективной монографии под редакцией В.К. Ладутько и М.Н. Сатолиной уделяют внимание оценке регулирующего воздействия законодательства на осуществление предпринимательской деятельности, в частности, институтов налогообложения и лицензирования [5]. Исходя из изложенного, представляется важным систематизировать инструменты государственного регулирования и конкретизировать применяемые методы для повышения эффективности государственного воздействия на предпринимательскую деятельность в условиях белорусской социально-экономической модели, учитывая особенности институциональной системы и специфику национальных условий. Это позволит не только более точно определить баланс между административными и экономическими методами, но и обеспечить гибкое их использование в зависимости от текущих задач и особенностей развития предпринимательства, что, в свою очередь, способствует созданию стимулирующей и устойчивой бизнес-среды, способной адаптироваться к современным вызовам.

Цель статьи – исследовать методы и систематизировать инструменты государственного регулирования предпринимательства в Республике Беларусь в контексте действующей нормативной правовой базы.

Основная часть. Государственное регулирование предпринимательства осуществляется с применением различных методов и инструментов, позволяющих упорядочить данный процесс в соответствии с целями государства и с учетом интересов предпринимательского сектора экономики. В общем виде методы государственного регулирования могут быть разделены на метод прямого регулирования (или административный метод) и метод косвенного регулирования (или экономический метод). Прямое регулирование предполагает непосредственное воздействие государства на процесс осуществления предпринимательской деятельности, а применяемые инструменты направлены на достижение конкретных целей и предполагают высокий уровень контроля со стороны государства. Инструменты косвенного регулирования создают условия, влияющие на экономические интересы и экономическое поведение субъектов хозяйствования, формируют предпринимательскую среду и деловой климат. Поскольку достаточно сложно однозначно классифицировать применяемые в государственном регулировании инструменты по данному принципу, с определенной долей условности выделим некоторые инструменты прямого и косвенного государственного регулирования предпринимательства (рисунок).

Рисунок. – Методы и инструменты государственного регулирования предпринимательства

Административное регулирование включает вопросы, связанные с государственной регистрацией субъектов предпринимательской деятельности и проведением иных административных процедур, в том числе государственного контроля за соблюдением законодательных норм. Как отмечает Н.Г. Колесень, «процедура государственной регистрации является обязательным условием осуществления предпринимательской деятельности, а также по сути представляет собой первостепенный официальный этап предпринимательства» [5, с. 155]. При этом отметим, что наличие необоснованных административных барьеров для развития бизнеса, предпринимательской активности в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5 (ст. 32),¹ названо одним из внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере. Административное регулирование предполагает также установление меры ответственности за нарушение законодательства в сфере предпринимательской деятельности. Например, для осуществления деятельности в качестве индивидуального предпринимателя в Республике Беларусь разрешены только виды деятельности по перечню, определяемому Советом Министров Республики Беларусь в соответствии с постановлением от 28.06.2024 г. № 457². С 1 октября 2024 года осуществление предпринимательской деятельности в нарушение требований данного постановления и п. 1 ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь³ является незаконным и влечет административную ответственность.

Налогообложение как инструмент прямого регулирующего воздействия предполагает обязательную уплату налогов и сборов в соответствии с законодательством. Согласно ст. 14 Налогового кодекса Республики Беларусь «плательщиками налогов, сборов (пошлин) признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с налоговым или таможенным законодательством возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины)»⁴. Поскольку, как отмечает Н.Г. Колесень, «на субъектов предпринимательской деятельности в полной мере распространяются требования налогового законодательства», то «уплата налоговых платежей также является одним из условий функционирования субъектов предпринимательства» [5, с. 155]. Субъекты предпринимательской деятельности уплачивают налоги в общеустановленном порядке или в рамках особых режимов налогообложения. По общеустановленному порядку организации и индивидуальные предприниматели являются плательщиками всех республиканских налогов и сборов согласно требованиям законодательства: налог на добавленную стоимость, акцизы, налог на прибыль (плательщиками являются организации), налог на недвижимость, земельный налог и др. При соблюдении определенных критериев субъекты предпринимательства

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400457>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166>.

вправе применять особые режимы налогообложения, к которым относятся: упрощенная система налогообложения, единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, единый налог для производителей сельскохозяйственной продукции и иные в соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь⁵.

Лицензирование как «комплекс реализуемых государством мер, связанных с предоставлением лицензий, их изменением, приостановлением, возобновлением, прекращением, контролем за выполнением лицензиатами законодательства о лицензировании, в том числе лицензионных требований»⁶ также может рассматриваться как инструмент прямого государственного регулирования при осуществлении отдельных специфических видов предпринимательской деятельности, для которых вводится обязанность получения специального разрешения. Лицензия или «право на осуществление вида деятельности, отнесенного к лицензируемому виду деятельности» законом Республики Беларусь от 14.10.2022 г. № 213-З «О лицензировании» предоставляется по решению лицензирующего органа в установленном порядке.

Валютное регулирование и таможенное регулирование применяются как административные инструменты государственного регулирования в случае осуществления субъектами предпринимательства внешнеэкономической деятельности и проведения валютных операций. Валютное регулирование производится в соответствии с законом от 22.07.2003 г. № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле»⁷. Действие закона распространяется на резидентов и нерезидентов, которые проводят валютные и валютно-обменные операции в Республике Беларусь и на резидентов, проводящих данные операции за рубежом, в том числе операции, связанные с экспортом и импортом товаров. Таможенно-тарифное регулирование осуществляется в соответствии с единым правом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В государствах-членах ЕАЭС в рамках общей таможенной территории применяются единые меры тарифного и нетарифного регулирования. Перемещение товаров через таможенную границу регулируется Таможенным кодексом Евразийского экономического союза⁸, законом Республики Беларусь от 10.01.2014 г. № 139-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»⁹ и иными нормативными актами Республики Беларусь и ЕАЭС.

Приватизация государственного имущества может рассматриваться как инструмент прямого государственного регулирования предпринимательской деятельности, поскольку напрямую воздействует на перераспределение активов и ресурсов в экономике. В соответствии с законом Республики Беларусь от 19.01.1993 г. № 2103-ХП «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»¹⁰ приватизация государственного имущества означает продажу объектов приватизации субъектам приватизации в порядке и на условиях, установленных законодательством. Объектами приватизации в законе названы предприятия как имущественные комплексы государственных унитарных предприятий и акции хозяйственных обществ, находящиеся в собственности Республики Беларусь. Субъектами приватизации государственного имущества являются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, юридические лица за исключением государственных организаций и иные субъекты.

Субсидирование или поддержка государства в форме прямых выплат из бюджета или других видов финансовой помощи субъектам предпринимательской деятельности выступает важным инструментом прямого государственного регулирования, позволяющим перераспределять ресурсы в пользу определенных секторов экономики. Например, согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 г. № 459 «О мерах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства» государственная финансовая поддержка за счет средств республиканского бюджета предоставляется субъектам малого и среднего предпринимательства при реализации ими инвестиционных или бизнес-проектов по различным направлениям (создание, развитие и расширение производства продукции; организация производства экспортноориентированной, импортозамещающей продукции, производство продукции, направленной на энерго- и ресурсосбережение и др.) в порядке конкурсного отбора¹¹. В рамках поддержки экспортной активности субъектов предпринимательства государство компенсирует часть расходов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на участие в международных выставках (ярмарках) в иностранных государствах согласно указу Президента Республики Беларусь от 14.11.2019 г. № 412 «О поддержке экспорта»¹². Субъектам хозяйствования, осуществляющим деятельность в области агропромышленного производства, государство оказывает поддержку, в том числе путем предоставления прямых выплат, производимых на единицу реализованной сельскохозяйственной продукции, компенсации потерь при установлении диспаритета цен и иные виды поддержки, определенные указом Президента Республики Беларусь от 17.07.2014 г. № 347 «О государственной аграрной политике»¹³.

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071>.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12200213>.

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10300226>.

⁸ URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf.

⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129&p1=1>.

¹⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302103>.

¹¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400459>.

¹² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31900412>.

¹³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31400347>.

Государственные закупки представляют собой приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов согласно закону Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»¹⁴ и могут выступать одним из инструментов прямого государственного регулирования, например, в качестве меры поддержки отечественных производителей, производителей инновационной продукции, при реализации социальных программ. В процедуре государственных закупок могут принимать участие юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели путем представления предложения в случае проведения конкурса (открытого или закрытого), электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений, либо принятия участия в биржевых торгах, или путем получения предложения от заказчика о заключении договора.

Представленные инструменты прямого (административного) государственного регулирования предпринимательства, как отмечено ранее, могут в определенных случаях рассматриваться и в качестве косвенных (экономических) мер, поскольку в большинстве своем оказывают не только прямое регулирующее воздействие на предпринимательский сектор экономики, но и влияют на уровень конкуренции на рынке, общую деловую среду, инновационную активность субъектов хозяйствования и т.д. Например, налогообложение может стимулировать либо дестимулировать предпринимательскую активность, и, соответственно, может рассматриваться в качестве экономического метода регулирования. Приватизация может привести к изменению структуры собственности на средства производства, что, в свою очередь, влияет на структуру рынка и способствует привлечению инвестиций. Субсидирование может влиять на изменение условий конкуренции и снижение барьеров входа на рынок в определенных секторах экономики. При этом А.И. Лученок отмечает, что «сами по себе методы административного регулирования малоэффективны, поскольку не создают долговременных стимулов к улучшению результатов труда, но тем не менее позволяют создать относительно стабильную во времени институциональную структуру» [6, с. 82]. По мнению автора, «в предпринимательской сфере возможности использования административных методов ограничены, так как предприниматели исходят прежде всего из своих экономических интересов, недостаточно учитываемых при административных подходах. Поэтому в основу регулирования предпринимательской активности должны быть положены экономические методы управления» [6, с. 227].

Денежно-кредитное регулирование как инструмент косвенного (экономического) государственного регулирования представляет собой «совокупность мероприятий, которые предпринимает центральный банк для поддержания ценовой стабильности в целях содействия устойчивому и сбалансированному развитию экономики» и влияет на долгосрочный рост экономики «через формирование благоприятной ценовой среды для инвестиционной деятельности»¹⁵. Изменение ставки рефинансирования влияет на кредитные условия для бизнеса, а ее снижение стимулирует инвестиции и рост предпринимательской активности вследствие повышения доступности кредитных ресурсов. Согласно постановлению Правления Национального банка Республики Беларусь от 20.05.2026 г. № 117 «О ставке рефинансирования Национального банка» данный показатель установлен в размере 9,25%¹⁶. Реализация денежно-кредитной политики также подразумевает проведение курсовой политики, которая в Республике Беларусь осуществляется в режиме плавающего курса¹⁷. Колебания обменных курсов оказывают существенное влияние на экономические интересы субъектов предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Ценовое регулирование и антимонопольное регулирование могут рассматриваться как косвенные инструменты государственного регулирования предпринимательства в рамках государственной ценовой и антимонопольной политики. В Республике Беларусь, согласно закону от 10.05.1999 г. № 255-З «О ценообразовании»¹⁸, применяются свободные цены (тарифы), за исключением случаев, предусмотренных законодательством (ст. 6). В условиях свободного ценообразования большую роль в формировании рыночной среды играет конкуренция, способствующая установлению справедливых ценовых условий. В то же время в Республике Беларусь применяются регулируемые цены на товары, произведенные и реализуемые в условиях естественных монополий, а также на отдельные товары, конкретный перечень которых устанавливается Президентом Республики Беларусь или по его поручению Советом Министров Республики Беларусь (ст. 7). Способы регулирования цен (тарифов) установлены ст. 8 закона: фиксированные цены (тарифы), предельные цены (тарифы), предельные надбавки (скидки, наценки), предельные нормативы рентабельности, используемые для определения суммы прибыли, подлежащей включению в регулируемую цену (тариф), порядок установления и применения цен (тарифов), индексация цен (тарифов), декларирование цен (тарифов). Например, для реализации на внутреннем рынке Беларуси юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями товаров, включенных в Перечень регулируемых потребительских товаров согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 19.10.2022 г. № 713 «О системе регулирования цен»¹⁹, установлены предельные максимальные надбавки (торговая, оптовая, надбавка импортера). Антимонопольное регулирование является одним из инструментов поддержки и защиты добросовестной

¹⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200419>.

¹⁵ URL: <https://www.nbrb.by/mp/target/general-character>.

¹⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=B22606257>.

¹⁷ URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/denezhnaja-i-bankovskaja-sistema/politika>.

¹⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19900255>.

¹⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22200713>.

конкуренции и контроля ценообразования в случае установления монопольно высоких цен и иных злоупотреблений субъектами хозяйствования, занимающими доминирующее положение на рынке в соответствии с законом от 12.12.2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»²⁰.

Страхование и регулирование отношений, связанных с осуществлением страхования для субъектов предпринимательской деятельности, может рассматриваться как один из инструментов косвенного государственного регулирования предпринимательства, поскольку развитая система страхования позволяет эффективно управлять финансовыми рисками и минимизировать их, поддерживать функционирование в кризисных ситуациях, способствовать улучшению производственных процессов, привлекать инвестиции и т.д. В Республике Беларусь в соответствии с законом от 05.01.2024 г. № 344-З «О страховой деятельности»²¹ выделяются следующие виды страхования: личное страхование, имущественное страхование, страхование ответственности. К имущественному страхованию относится страхование имущества, страхование имущественных прав, страхование предпринимательских рисков, страхование расходов. К видам страхования ответственности относится страхование гражданской ответственности за причинение вреда, страхование ответственности по договору. Страхование, согласно ст. 5 закона, может осуществляться в формах добровольного, обязательного и вмененного страхования. Примером добровольного страхования можно назвать страхование экспортных рисков, которое в Республике Беларусь может осуществляться с государственной поддержкой. Так, указом Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)»²² утверждено Положение о страховании (перестраховании) экспортных рисков, целью которого является защита интересов государства, экспортеров и банков от рисков на международных рынках.

Вмененное страхование представляет собой обязанность по страхованию жизни, здоровья или имущества либо их гражданской ответственности в качестве обязательного условия осуществления предпринимательской деятельности или получения определенных благ и преимуществ и возлагается законодательными актами на определенных лиц. Обязательное страхование подразумевает соответствующую обязанность по страхованию, возложенную на определенных лиц актами Президента Республики Беларусь. Так, указом Президента Республики Беларусь от 18.03.2025 г. № 108 «О страховании»²³ утверждено Положение об обязательном страховании, регулирующее порядок и условия обязательного страхования. Согласно нему, к видам обязательного страхования отнесены обязательное страхование ответственности коммерческих организаций, осуществляющих ризлтерскую деятельность, обязательное страхование гражданской ответственности временных (антикризисных) управляющих в производстве по делу о несостоятельности или банкротстве, обязательное страхование гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией отдельных объектов и иные виды.

Отдельно можно выделить законодательное регулирование вопросов государственного социального страхования и порядок уплаты взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения (ФСЗН). Так, законом Республики Беларусь от 12.07.2025 г. № 90-З «Об изменении законов по вопросам государственного социального страхования и пенсионного обеспечения»²⁴ установлен новый порядок уплаты взносов в ФСЗН индивидуальными предпринимателями в зависимости от суммы полученного дохода, а также урегулированы иные вопросы социального страхования.

Развитие рыночной инфраструктуры как инструмент косвенного государственного регулирования предпринимательства создает благоприятные условия для функционирования субъектов предпринимательской деятельности, способствует конкуренции и экономическому росту. Рыночную инфраструктуру можно рассматривать как «комплекс отраслей, подотраслей и сфер деятельности, главная задача которых заключается в доведении товаров от производителей к потребителям»²⁵, а также как «учреждения, фирмы, компании всех видов собственности, обеспечивающие взаимодействие между субъектами рыночных отношений»²⁶. Таким образом, поддержка государством развития рыночной инфраструктуры создает условия для бесперебойного и эффективного рыночного процесса, важного для всех субъектов рыночных отношений и устойчивости экономики. Понятие рыночной инфраструктуры весьма широкое. В её структуре выделяют, например, инфраструктуру товарного рынка (предприятия оптовой и розничной торговли, товарные биржи и т.д.), инфраструктуру финансового рынка (банковская система, валютные биржи, брокерские и страховые компании и т.д.), инфраструктуру рынка труда. Отметим некоторые аспекты развития рыночной инфраструктуры, важные, по нашему мнению, с точки зрения государственного регулирования предпринимательства.

Развитие логистической инфраструктуры позволяет обеспечивать эффективное товародвижение как внутри Беларуси, так и через территорию страны в случае международного перемещения товаров при транзите

²⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300094>.

²¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12400344>.

²² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30600534>.

²³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32500108>.

²⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12500090>.

²⁵ Словарь-справочник по современной экономике на пяти языках / М. В. Мишкевич [и др.]; под общ. ред. М. И. Плотницкого, М. В. Мишкевича. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – С. 84.

²⁶ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2004. – С. 348.

или осуществлении внешнеэкономических операций. Наличие современной логистической инфраструктуры обеспечивает возможность выбора оптимальных маршрутов и экономию логистических затрат субъектов хозяйствования. В Республике Беларусь постановлением Совета Министров от 28.12.2017 г. № 1024 утверждена Концепция развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 года²⁷, в которой логистическая система рассматривается как составная часть экономики Республики Беларусь, связанная с развитием логистических услуг, инфраструктуры и вовлечением предприятий в международные логистические схемы продвижения товаров на мировом рынке. Государственное участие в развитии логистической системы, согласно Концепции, осуществляется путем формирования системы требований к осуществлению логистической деятельности на объектах инфраструктуры для всех участников рынка товародвижения, поддержки инвестиционных проектов развития инфраструктуры логистической системы Республики Беларусь, способствующих росту объемов товародвижения, контроля за соблюдением требований к ее эксплуатации и реализации иных функций (гл. 5).

Развитие информационной инфраструктуры в современных условиях цифровизации общества играет все более важную роль в развитии экономики в разных отраслях и сферах деятельности. Информационная инфраструктура, согласно определению, данному в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 г. № 1, представляет собой совокупность технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации²⁸. Поддержка государством развития цифровой среды и информационно-коммуникационной инфраструктуры значительно влияет на качественную трансформацию предпринимательского сектора экономики и бизнес-процессов в организациях. Например, Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.05.2025 г. № 254²⁹, предусматривает цифровую трансформацию инфраструктуры потребительского рынка и внедрение практики фиджитал-формата в торговых объектах.

Важным элементом государственного регулирования рыночной инфраструктуры является обеспечение инфраструктурной безопасности, которое включает, по нашему мнению, комплекс следующих составляющих безопасности инфраструктуры: физическую, экономическую и информационную [7].

Развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства является важным инструментом косвенного регулирования, направленным на поддержку предпринимательских инициатив населения и формирования активной предпринимательской среды в обществе. К субъектам малого предпринимательства в соответствии с законом Республики Беларусь от 01.07.2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства»³⁰ относятся физические лица, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность, малые организации (зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников до 100 человек). К субъектам среднего предпринимательства относятся зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников от 101 до 250 человек включительно. Законом предусмотрена поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства путем реализации особых режимов налогообложения, упрощенного порядка по осуществлению административных процедур. Важным направлением в Законе является реализация мер по обеспечению финансовой, имущественной, информационной поддержки, содействию внешнеторговой деятельности, поддержка в сфере обучения и переподготовки. Законом определены субъекты инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, к которым относятся центры поддержки предпринимательства и инкубаторы малого предпринимательства. Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей осуществляет финансовое обеспечение государственной политики в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства. По данным Министерства экономики Республики Беларусь по состоянию на май 2026 г. в стране функционируют 60 центров поддержки предпринимательства и 16 инкубаторов малого предпринимательства³¹, которые оказывают информационные, консультационные услуги, содействуют в получении финансовых ресурсов, участием в выставках, ярмарках, налаживанию деловых контактов, создают иные условия для роста и инновационного развития субъектов малого предпринимательства. Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.05.2025 г. № 254, одной из задач на 2025–2026 годы предусмотрено формирование цифровой инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, в рамках которой планируется разработка и внедрение информационной системы «Цифровая платформа для субъектов малого и среднего предпринимательства», предоставляющей доступ к широкому перечню электронных услуг и сервисов для бизнеса.

Отметим, что рассмотренные инструменты косвенного (экономического) регулирования предпринимательства, как отмечено ранее, могут рассматриваться в качестве инструментов прямого (административного) регулирования в отдельных случаях, например, обязательное страхование или регулируемое ценообразование.

²⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21701024>.

²⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001>.

²⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500254>.

³⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000148>.

³¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/msb2025/subjekty-infrastruktury-podderzhki-msp-na-18052026.pdf>.

Заключение. Таким образом, методы и инструменты, применяемые государством для осуществления регулирующих воздействий на предпринимательскую деятельность, играют важную роль в развитии предпринимательского сектора экономики. Государство применяет как административные методы, оказывающие прямое регулирующее воздействие на субъекты предпринимательской деятельности, так и экономические методы, которые косвенно и более мягко влияют на их функционирование путем воздействия на экономические интересы и формирование общего делового климата.

В статье выделены инструменты прямого регулирования предпринимательства, такие как административное регулирование, налоговая политика, лицензирование, валютное и таможенное регулирование, а также приватизация, субсидирование и государственные закупки. Что касается косвенных методов государственного воздействия на предпринимательство, то в качестве ключевых рассмотрены денежно-кредитное регулирование, ценовая политика, антимонопольная политика, страхование, развитие рыночной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса. Научная новизна статьи заключается в систематизации существующих методов и инструментов государственного регулирования предпринимательства в контексте белорусской правовой и институциональной системы. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для совершенствования регулирующего воздействия государства на формирование предпринимательской среды с учетом баланса интересов предпринимательского сектора и всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лученок А.И. Институты права экономики. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 280 с.
2. Развитие предпринимательства и факторы деловой активности в Беларуси (социологический анализ) / Р.А. Смирнова, В.Э. Смирнов, Т.В. Кузьменко, Т.С. Балакирева. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 210 с.
3. Государственное регулирование институционального развития экономики Беларуси / Т.В. Садовская, И.А. Грибоедова, А.И. Лученок и др. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 300 с.
4. Попкова А.С. Макроэкономическое регулирование предпринимательства в Республике Беларусь // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2014. – № 2. – С. 107–112.
5. Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / Д.В. Шаблинская, В.К. Ладутько, М.Н. Сатолина и др.; под ред. В.К. Ладутько, М.Н. Сатолиной. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 278 с.
6. Лученок А.И. Государственное регулирование предпринимательской деятельности. – Минск: Право и экономика, 1999. – 244 с.
7. Яцевич Н.В. Оценка инфраструктурной безопасности как элемента экономической безопасности Республики Беларусь // Импортзамещение, научно-техническая и экономическая безопасность: сб. ст. V Междунар. науч.-техн. конф. «Минские научные чтения-2022». В 3 т. – Минск: БГТУ, 2022. – Т. 2. – С. 75–79.

Поступила 19.02.2026

METHODS AND TOOLS OF THE GOVERNMENT REGULATION OF ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. YATSEVICH

(Gomel Branch of the International University «MITSO»)

The article discusses direct (administrative) and indirect (economic) methods of government regulation of entrepreneurship. Direct regulation instruments include administrative regulation, taxation, licensing, currency regulation, customs regulation, privatization, subsidies, and public procurement. Indirect state regulation of entrepreneurship includes monetary regulation, price regulation, antitrust regulation, insurance, market infrastructure development, and the development of infrastructure to support small and medium-sized businesses. The tools of government regulation of entrepreneurship presented in the article are analyzed within the framework of the current regulatory legal framework of the Republic of Belarus. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive analysis and systematization of the instruments of state regulation of entrepreneurship in the Republic of Belarus, which allows for a deeper understanding of the role of the state in creating institutional conditions for the development of entrepreneurship in the conditions of the Belarusian model of socially oriented market economy.

Keywords: *entrepreneurship, state, government regulation, regulatory methods, regulatory instruments.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.95

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-67-72

СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.С. БЕЗБОРОДОВ

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

В статье осуществлен комплексный анализ административно-правового статуса ОВД Республики Беларусь как фундаментальной категории административного права, посредством которой определяется положение указанных органов в иерархии публичной власти. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии ряда системных недостатков в правовом положении территориальных подразделений ОВД. В частности, выявлена фрагментарность составляющих их статус элементов, выявлена нехватка процессуального инструментария для осуществления отдельных властных предписаний, а также установлена зависимость эффективности деятельности от уровня нормативной согласованности межведомственного взаимодействия. Обоснована позиция, согласно которой ключевым, структурообразующим компонентом рассматриваемого статуса выступает компетенционный блок, нуждающийся в целостном правовом и организационном сопровождении.

Ключевые слова: *ОВД, административно-правовой статус, административная деятельность, административный процесс.*

Введение. Административно-правовое положение органов внутренних дел (далее – ОВД) Республики Беларусь представляет собой одну из фундаментальных правовых конструкций в системе административно-правового регулирования. Именно посредством данной категории происходит институционализация роли и значимости ОВД в иерархической структуре государственного аппарата, детерминируются пределы и содержание их предметно-функциональной компетенции, специфицируются механизмы осуществления властных публичных прерогатив, а также формализуются правовые инструменты и способы реализации административно-служебных функций. Как отмечает Д.А. Орлова, функции и задачи ОВД предопределяют специфику их правового положения и обуславливают особый характер участия в обеспечении общественного порядка и законности [1, с. 160–161]. В этой связи исследование административно-правового статуса ОВД приобретает особую значимость в контексте развития системы публичного управления в Республике Беларусь.

Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена тем, что правовой статус ОВД закреплён на уровне Конституции Республики Беларусь, специального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, формирующих многоуровневую систему правового регулирования. Ю.В. Гончаров указывает, что для сферы деятельности ОВД характерна сложная и иерархически выстроенная система нормативных правовых актов, что непосредственно влияет на определение их компетенции и порядок реализации административных полномочий [2, с. 19–20]. В условиях такой регламентации особое значение приобретает согласованность нормативных предписаний и их практическая реализуемость на уровне территориальных ОВД.

В научных исследованиях подчеркивается, что административно-правовой статус ОВД не ограничивается формальным закреплением полномочий, а включает совокупность прав, обязанностей, гарантий и механизмов ответственности. С.С. Касьянчик, анализируя систему правовой защиты сотрудников ОВД, обращает внимание на то, что устойчивость функционирования данного органа как субъекта административного права обусловлена нормативным закреплением гарантий, вытекающих из особенностей служебной деятельности [3, с. 32]. Вышеупомянутые утверждения позволяют рассматривать административно-правовой статус ОВД как организационно-правовую структуру, предусматривающую как материальные, так и процедурные элементы.

Научные изыскания по рассматриваемому вопросу указывают на увеличение области административной деятельности ОВД и усугубление взаимодействия с иными субъектами публичной власти и гражданами. В своих работах С.Н. Климов отмечает, что взаимодействие ОВД с населением, которое принимает участие в охране правопорядка, является устойчивым и значимым направлением деятельности, воздействующим на продуктивность обеспечения правопорядка, общественное доверие и авторитет правоохранительных органов. Помимо этого, правовед указывает на потребность нормативной регламентации указанных форм взаимодействия, что продиктовано их постоянным характером и практической значимостью для реализации правоохранительной функции государства [4, с. 30].

В научной литературе административно-деликтная политика рассматривается как составная часть правовой политики государства, направленная на обеспечение законности и правопорядка, а также борьбу с административными правонарушениями. В.К. Ладутько характеризует административно-деликтную политику как стратегию управления государством, реализуемую посредством системы мер по предупреждению и пресечению административных правонарушений и совершенствованию законодательства об административных правонарушениях [5, с. 112]. Данные положения создают теоретическую основу для анализа участия органов, осуществляющих административный процесс, в реализации административной ответственности и обеспечении законности в сфере публичных отношений.

Основная часть. Административно-правовой статус ОВД Республики Беларусь представляет собой совокупность юридически закрепленных элементов, определяющих их место в системе органов государственной власти, объем и характер полномочий, а также особенности участия в реализации публичных функций. Как полагает Д.А. Орлова, функциональное назначение ОВД, выражающееся в защите прав и свобод граждан, обеспечении общественного порядка и законности, выступает основой формирования их правового статуса как субъекта административного права [1, с. 160–161]. В этой связи административно-правовой статус ОВД следует рассматривать как производный от их задач и функций, закрепленных в законодательстве Республики Беларусь.

В научной литературе административно-правовой статус ОВД характеризуется рядом признаков. К числу таких признаков относятся, во-первых, публично-властный характер деятельности, выражающийся в наделении ОВД полномочиями по применению мер административного воздействия, во-вторых, нормативная определенность компетенции и, в-третьих, включенность в систему исполнительной власти. Ю.В. Гончаров указывает, что правовое положение ОВД формируется в условиях многоуровневого нормативного регулирования, включающего Конституцию Республики Беларусь, специальные законы и подзаконные нормативные правовые акты, что обуславливает комплексный характер их административно-правового статуса [2, с. 19]. Данный признак отражает специфику правового регулирования деятельности ОВД и отличает их от иных субъектов публичного управления. Структура административно-правового статуса органов внутренних дел в научных исследованиях раскрывается как совокупность взаимосвязанных элементов. С.С. Касьянчик отмечает, что устойчивость их правового положения обеспечивается не только объемом предоставленных полномочий, но и системой прав и обязанностей, гарантий и условий их реализации, вытекающих из особенностей служебной деятельности [3, с. 32–34]. Это позволяет включать в структуру административно-правового статуса ОВД такие элементы, как компетенция, права и обязанности, организационно-правовые основы деятельности, а также гарантии законности и правовой защищенности.

Таким образом, административно-правовой статус ОВД Республики Беларусь представляет собой комплексную правовую конструкцию, включающую совокупность нормативно закрепленных элементов, взаимосвязанных с задачами, функциями и компетенцией ОВД. Его структура и признаки позволяют рассматривать ОВД как особый субъект административного права, осуществляющий публично-властную деятельность в рамках, установленных действующим законодательством и раскрытых в отечественных научных исследованиях.

Рассматривая вопрос о нормативно-правовой регламентации деятельности территориальных ОВД Республики Беларусь, следует отметить, что последняя характеризуется многоуровневым и иерархически выстроенным характером. Как отмечает Ю.В. Гончаров, система нормативных правовых актов, регулирующих деятельность ОВД, включает конституционные нормы, специальные законы, указы Президента и ведомственные нормативные правовые акты, что предопределяет сложную структуру правового регулирования и специфику правового положения территориальных органов [2, с. 19]. В этой системе территориальные ОВД выступают основным звеном практической реализации публичных полномочий. Особенность нормативно-правовой регламентации территориальных ОВД заключается в том, что их компетенция и организационные основы деятельности формируются как на уровне общегосударственного законодательства, так и посредством подзаконного регулирования, конкретизирующего порядок исполнения возложенных задач. Д.А. Орлова подчеркивает, что функции и задачи ОВД носят комплексный характер и реализуются преимущественно на территориальном уровне, что обуславливает особое значение правового закрепления полномочий именно территориальных подразделений [1, с. 160–162]. Вместе с тем многоуровневость нормативного регулирования обуславливает необходимость четкого разграничения полномочий между различными уровнями системы ОВД. Ю.В. Гончаров указывает, что результативность правовой регламентации зачастую определяется упорядоченностью различных нормативных предписаний по их юридической силе и применению к практическим условиям деятельности территориальных органов [2, с. 21–22]. Указанный факт предоставляет возможность рассматривать нормативно-правовое регулирование территориальных ОВД как подвижную правовую систему, требующую регулярного анализа с точки зрения ее внутренней целостности и практической значимости.

Исходя из этого, нормативное регулирование территориальных ОВД Республики Беларусь складывается как совокупность взаимосвязанных нормативных положений, которые обеспечивают структурную упорядоченность системы ОВД и определяющих особенности реализации административно-правового статуса территориальных подразделений в сфере государственного регулирования.

Важно обратить внимание на тот факт, что правовое положение территориальных ОВД Республики Беларусь является неотъемлемой составляющей их административно-правового статуса и определяет содержание практической административной деятельности. В рамках действующего законодательства ОВД наделяются комплексом публичных полномочий, реализация которых направлена на обеспечение правопорядка, профилактику правонарушений и защиту прав и законных интересов граждан. Как отмечает А.А. Деминская, участие ОВД в реализации мер административной ответственности характеризуется сочетанием властных полномочий и процессуальных обязанностей, что предопределяет особый характер их правового положения в административных правоотношениях [6, с. 29–31]. А.А. Косенко, анализируя вопросы освобождения несовершеннолетних от административной ответственности, указывает, что ОВД при применении административных мер обязаны учитывать цели профилактики и воспитательного воздействия, что отражает социально-ориентированный характер части их административных функций [7, с. 16–18]. Данное положение свидетельствует о том, что права и обязанности территориальных ОВД взаимосвязаны и реализуются в рамках нормативно заданных целей административного воздействия. Таким образом, права и обязанности территориальных ОВД Республики Беларусь формируют содержательное ядро их административно-правового статуса и реализуются в рамках установленной нормативной

модели административной деятельности. Их изучение предоставляет возможность установить характерные черты задействия ОВД в административных правоотношениях и определить значение нормативного регулирования процесса, для обеспечения законности и результативности правоприменения.

Необходимо подчеркнуть, что административно-правовой статус территориальных ОВД Республики Беларусь представляет собой детализацию общего статуса ОВД к уровню непосредственного осуществления властных полномочий. Многие авторы сходятся во мнении, что целевое назначение ОВД выражается в выполнении общественно значимых целей, которые направлены на защиту прав и свобод граждан, охрану общественного порядка и обеспечение законности. Например Д.А. Орлова указывает, что осуществление функций ОВД выполняется в условиях непосредственного сотрудничества с населением, что определяет их роль в механизме реализации права [1, с. 160–161]. Структура административно-правового статуса территориальных ОВД включает совокупность взаимосвязанных элементов, обеспечивающих реализацию их компетенции в сфере публичного управления. К числу таких элементов относятся компетенция, права и обязанности, организационно-правовые основы деятельности, а также процессуальные формы реализации административных полномочий. С.С. Касьянич подчеркивает, что устойчивость правового положения ОВД как субъектов административного права обеспечивается не только объемом предоставленных полномочий, но и наличием нормативно закрепленных гарантий, вытекающих из особенностей служебной деятельности и статуса сотрудников [3, с. 32–34]. Указанные положения в полной мере применимы к территориальным органам внутренних дел, в рамках которых осуществляется основная часть служебных и административных функций.

Системообразующим элементом административно-правового статуса территориальных ОВД выступает их компетенция, определяющая пределы и направления административной деятельности. А.В. Лубенков, исследуя административное и административно-правовое принуждение в деятельности ОВД, указывает, что именно компетенция формирует основу правового положения ОВД и обуславливает специфику их участия в административных правоотношениях [8, с. 50–52]. Территориальные ОВД реализуют данную компетенцию в формах, предусмотренных административным и административно-процессуальным законодательством, что подчеркивает их ключевую роль в системе органов, осуществляющих административное принуждение и производство по делам об административных правонарушениях.

Административно-правовой статус территориальных органов внутренних дел (ОВД) тесно увязан с процессуальными нормами, которые гарантируют выполнение их полномочий в рамках закона. Действие мер административного принуждения и других властных функций ОВД неотделимо от административного процесса, предполагающего строгий учет процессуальных правил. Соблюдение этих правил – ключевой фактор для обеспечения законности и предсказуемости правоприменения. Процессуальные формы занимают особое место в административно-правовом статусе территориальных ОВД, выступая как ключевой фактор, определяющий его структуру и функционирование.

Отдельным элементом структуры административно-правового статуса территориальных ОВД являются организационно-кадровые основы их деятельности. В работах О.З. Рыбаключевой обращается внимание на то, что реализация полномочий ОВД осуществляется в рамках государственной кадровой политики, определяющей требования к служебной деятельности, профессиональной подготовке и ответственности сотрудников [9, с. 163–165]. Кадровый компонент, таким образом, выступает важным фактором обеспечения устойчивости административно-правового статуса территориальных ОВД и эффективности их функционирования.

Таким образом, административно-правовой статус территориальных ОВД Республики Беларусь представляет собой комплексную систему взаимосвязанных элементов, включающую компетенцию, процессуальные формы деятельности, организационно-правовые и кадровые основы. Выявление структуры и системообразующих элементов данного статуса позволяет перейти к анализу факторов и принципов формирования компетенционного блока территориальных ОВД, что имеет значение для дальнейшего исследования направлений совершенствования их административной деятельности.

Рассматривая компетенционный блок административно-правового статуса территориального ОВД Республики Беларусь следует отметить, что он формируется под воздействием совокупности нормативных, организационных и функциональных факторов, определяющих объем и содержание публичных полномочий, реализуемых на территориальном уровне. В научной литературе подчеркивается, что именно компетенция выступает центральным элементом административно-правового статуса органа публичной власти, поскольку через нее конкретизируются задачи, функции и пределы административной деятельности. А.В. Лубенков указывает, что в деятельности ОВД компетенция непосредственно связана с реализацией мер административного принуждения и участием в административном процессе, что придает ей особое значение в системе публичного управления [8, с. 50–52].

К числу ключевых факторов формирования компетенционного блока территориальных ОВД относится нормативно-правовая регламентация, закрепляющая объем полномочий и направления деятельности данных органов. Ю.В. Гончаров отмечает, что многоуровневый характер правового регулирования деятельности ОВД обуславливает необходимость согласования компетенции территориальных подразделений с общими задачами системы ОВД и требованиями законодательства различной юридической силы [2, с. 21–22]. Это предопределяет зависимость компетенционного блока от структуры нормативных правовых актов и степени их детализации. Важным фактором формирования компетенции территориальных ОВД является функциональная направленность их деятельности. Д.А. Орлова подчеркивает, что функции и задачи ОВД, реализуемые преимущественно на территориальном уровне, определяют содержание и пределы их административных полномочий [1, с. 160–161].

В этом контексте компетенционный блок статуса территориального ОВД формируется с учетом необходимости сочетания охранительных, профилактических и административно-юрисдикционных функций в рамках единой системы публичного управления.

Административно-правовой статус территориальных ОВД складывается на основании определенных принципов, которые определяются как нормативно-правовыми актами, так и исследованиями в области правоведения. В число основополагающих принципов входят законность, функциональная обусловленность и процессуальная обеспеченность. Законность диктует рамки полномочий, ограничивая их установленной компетенцией. Функциональная обусловленность связывает компетенцию с конкретными задачами и функциями, возложенными на органы. Принцип процессуальной обеспеченности гарантирует, что деятельность органов осуществляется в рамках установленного порядка. Благодаря этим принципам компетенционный блок тесно интегрируется с другими составляющими административно-правового положения территориальных ОВД.

На основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать авторский вывод о том, что компетенционный блок административно-правового статуса территориального ОВД Республики Беларусь представляет собой сложносоставную конструкцию, генерируемую взаимодействием нормативных, функциональных и организационно-кадровых факторов, и реализуется в рамках принципов законности, функциональной обусловленности и процессуальной гарантированности. Указанное положение обуславливает рассматривать совокупность полномочий не в качестве статичного набора, а в роли системного звена, определяющего административно-правовую деятельность территориальных ОВД в сфере государственного управления.

Стоит акцентировать внимание на том, что юридическая регламентация территориальных ОВД и органов исполнительной власти осуществляется на основе нормативно-правовых актов, определяющих круг полномочий соответствующих органов и порядок их взаимоотношений. Например, Ю.В. Гончаров отмечает, что система нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ОВД, подразумевает разделение полномочий между субъектами публичного управления и потребность координации их действий [2, с. 21–22]. Данное обстоятельство позволяет взаимодействию ОВД с иными органами исполнительной власти обрести официальный статус.

В контексте административно-правового статуса территориальных ОВД, взаимодействие с органами исполнительной власти находит отражение в совместной реализации административных и контрольных полномочий, а также в сотрудничестве по обеспечению правопорядка и законности. Л.А. Краснобаева подчеркивает, что предоставление публичных услуг и осуществление административных процедур требуют согласованных действий различных органов власти, что обуславливает необходимость четкого правового регулирования межведомственных связей [10, с. 26–28]. В этом контексте территориальные ОВД выступают как субъект, интегрированный в систему межведомственного административного взаимодействия. Значение правового регулирования взаимодействия территориальных ОВД и органов исполнительной власти проявляется и в сфере реализации административных полномочий, связанных с применением мер административного воздействия и участием в административном процессе. А.А. Деминская указывает, что эффективность применения административной ответственности во многом зависит от согласованности действий органов, участвующих в административном производстве, и четкого распределения их полномочий [6, с. 30–31]. Это позволяет рассматривать правовое регулирование взаимодействия как фактор, обеспечивающий согласованность компетенционного блока территориальных ОВД с деятельностью иных органов исполнительной власти.

Таким образом, именно установление нормативно-правовых взаимоотношений территориальных ОВД и органов исполнительной власти выступает тем системообразующим фактором, который формирует необходимую юридическую платформу для реализации административно-правового статуса территориальных подразделений ОВД. Наличие детально проработанных и законодательно закреплённых форм межведомственного взаимодействия, равно как и отлаженных механизмов их практической реализации, в значительной степени предопределяет уровень скоординированности публично-управленческой деятельности и выступает гарантом выполнения функциональных задач, стоящих перед ОВД, исключительно в рамках очерченного законом объема полномочий. Также важно заметить, что взаимодействие территориальных ОВД с органами государственного управления проявляется в различных формах: от участия в совместных управленческих и профилактических мероприятиях до обмена информацией и координации действий в рамках административных процедур. Л.А. Краснобаева полагает, что правовое регулирование публичных услуг и административных процедур требует четкого распределения ролей между субъектами публичной власти, что позволяет повысить согласованность и предсказуемость административных решений [10, с. 29–30]. В данном контексте территориальные ОВД выступают как один из ключевых участников межведомственного административного взаимодействия.

Особое значение в системе взаимодействия ОВД с иными субъектами публичного управления приобретает использование информационных и цифровых инструментов. С.М. Филипович, анализируя функционирование автоматизированных информационных систем Государственной автомобильной инспекции, указывает, что внедрение цифровых технологий способствует повышению оперативности и координации действий ОВД с иными органами власти, а также обеспечивает единообразие правоприменительной практики [11, с. 18–20]. Это позволяет рассматривать цифровые механизмы как инструмент совершенствования взаимодействия территориальных ОВД в рамках их административно-правового статуса.

На основании проведенного анализа организационно-правовых аспектов взаимодействия территориальных ОВД с органами государственной власти и общественными объединениями представляется возможным сформулировать авторский вывод о целесообразности развития данных форм взаимодействия в рамках действующей

нормативной модели. Оптимизационный процесс в сфере межведомственных отношений должен быть ориентирован на три ключевых направления: во-первых, уточнение процедурных моментов координации; во-вторых, активизацию использования современных информационных систем и технологий; в-третьих, повышение уровня согласованности совершаемых административных действий. Последовательная реализация этих направлений позволит существенно укрепить институциональные позиции территориальных подразделений ОВД в общей системе публичного управления.

Стоит упомянуть, что повышение эффективности реализации административно-правового статуса территориального ОВД Республики Беларусь связано с оптимизацией механизмов осуществления административных полномочий и совершенствованием правовых и организационных основ их деятельности. В научной литературе указывается, что эффективность административной деятельности ОВД определяется не только объемом предоставленных полномочий, но и качеством их процессуальной реализации. Н.А. Шелегова отмечает, что соблюдение процессуальных требований в административном процессе способствует обеспечению прав и законных интересов граждан и повышает результативность правоприменительной деятельности ОВД [12, с. 6–8]. Одним из путей усиления эффективности административно-правового статуса территориальных ОВД выступает трансформация процессуальных форм их деятельности. Использование мер административного принуждения и иных полномочий, основанных на власти, требует четкой процессуальной регламентации, обеспечивающей законность и предсказуемость административных решений. В этой связи процессуальное оформление выступает ключевым фактором реализации компетенции территориальных ОВД.

Значимым направлением повышения эффективности реализации административно-правового статуса выступает также совершенствование организационно-кадровых механизмов. О.З. Рыбаключева указывает, что качество реализации административных полномочий ОВД напрямую связано с уровнем профессиональной подготовки сотрудников и условиями прохождения службы в рамках государственной кадровой политики [9, с. 166–167]. Это позволяет рассматривать кадровый фактор как один из ключевых элементов повышения эффективности административной деятельности территориальных ОВД. Одновременно эффективность применения мер административного принуждения, являющихся существенной частью компетенции ОВД, обусловлена не только формальной законностью их использования, но и качеством юридической конструкции и организационного механизма реализации. А.В. Лубенков подчеркивает, что в рамках инструментального подхода административное принуждение рассматривается как средство регулирования общественных отношений, эффективность которого определяется соразмерностью ограничения прав поставленным целям и фактическим результатом правоприменения [13, с. 4, 6].

Обобщая результаты проведенного исследования, представляется возможным сформулировать комплекс прикладных мер, направленных на повышение эффективности реализации административно-правового статуса территориальных ОВД. В отличие от общетеоретических направлений, предложенные ниже пути решения детализированы применительно к действующей правовой системе Республики Беларусь и ориентированы на устранение выявленных дисфункций.

В целях совершенствования процессуальных форм административной деятельности предлагается законодательное закрепление закрытого перечня «оценочных полномочий», а именно внесение изменений в Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях (ПИКоАП) в части минимизации ситуаций, где решение принимается исключительно на субъективном усмотрении сотрудника (административное усмотрение), с заменой их на формализованные критерии. В целях оптимизации организационно-кадровых механизмов необходимо внедрение системы ротации кадров с обязательным прохождением службы на разных территориальных уровнях (районный – областной) для заместителей начальников территориальных ОВД, курирующих административную практику. Это позволит унифицировать правоприменительную практику на всей территории Республики Беларусь. Для обеспечения соразмерности и результативности мер административного принуждения предлагается законодательное закрепление принципа пропорциональности. Внесение дополнений в ПИКоАП, обязывающих должностное лицо при выборе меры взыскания обосновывать, почему менее строгая мера (предупреждение) не может быть применена вместо штрафа (ареста) в конкретных обстоятельствах.

Реализация вышеперечисленных мер позволит устранить конкретные правовые пробелы и организационные барьеры, обеспечив не просто «согласованное функционирование», а переход к эффективной модели административной деятельности территориальных ОВД в рамках действующего законодательства.

Заключение. В результате осуществленного исследования была сформирована целостная картина системных недостатков, присущих административно-правовому статусу территориальных подразделений Республики Беларусь, которые находят свое выражение как в текущей конфигурации нормативной базы, так и в процессе реализации властных публичных функций. Анализ показал, что, несмотря на формальную юридическую фиксацию статуса ОВД, наблюдается рассогласованность его внутренней структуры, дисбаланс между компетенционным блоком и процедурными механизмами его осуществления, а также отсутствие унифицированных регламентов межведомственной координации в контуре публичного администрирования.

Автором аргументируется позиция, согласно которой преодоление выявленных дефектов должно базироваться не на экстенсивном наращивании объема функций ОВД, а на интенсификации качественных параметров их статуса. Приоритетными направлениями признаются: оптимизация структуры административно-правового статуса, упорядочивание компетенционной составляющей, повышение уровня процессуальной регламентации деятельности и интеграция цифровых технологий в осуществление публично-правовых процедур. Ключевым

условием выступает также обеспечение взвешенного и прагматичного применения инструментов административного принуждения, наряду с совершенствованием нормативных и институциональных форм кооперации территориальных ОВД с исполнительными органами власти и структурами гражданского общества.

Научная новизна работы детерминирована применением структурно-компетенционного и инструментально-процессуального подходов к исследованию административно-правового статуса территориальных ОВД, что обеспечило возможность идентификации глубинных проблем его реализации и формулирования обоснованных векторов их нейтрализации. Практическая ценность полученных результатов заключается в их прикладном потенциале для корректировки ведомственных нормативных актов, регламентирующих функционирование территориальных ОВД, выработки оптимальных управленческих моделей, а также использования в педагогической и научно-исследовательской практике в области административного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова Д.А. К вопросу о функциях и задачах ОВД Республики Беларусь // Научные материалы: сб. Бел. гос. экон. ун-та. – 2021. – С. 160–162. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93243/1/Orlova_D.A._160_162.pdf.
2. Гончаров Ю.В. О системе нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь // Вестник Могилевского института МВД. – 2024. – № 2(10). – С. 19–23. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/8768/1/goncharov.pdf.
3. Касьянчик С.С. О системе гарантий правовой защиты сотрудника ОВД Республики Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 2. – С. 62–69. – URL: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3150/1/Kasjanchik.pdf.
4. Климов С.Н. О взаимодействии ОВД с гражданами, участвующими в охране правопорядка // Вестник Могилевского института МВД. – 2024. – № 2(10). – С. 30–34. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/8770/1/klimov.pdf.
5. Ладутько В.К. Административно-деликтная политика Республики Беларусь: тенденции, достижения, повышение эффективности реализации // Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2022. – Т. 67. – № 1. – С. 110–117. – DOI: <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-110-117>.
6. Деминская А.А. Особенности административной ответственности юридических лиц // Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты: сб. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь; редкол.: Ю.П. Шаплеров (председ.) – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2022. – С. 29–32. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/6882?utm_source=chatgpt.com.
7. Косенко А.А. Об освобождении несовершеннолетних от административной ответственности // Вестник Могилевского института МВД. – 2023. – № 1(7). – С. 15–20. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/7236/1/kosenko.pdf.
8. Лубенков А.В. Административное (административно-правовое) принуждение в деятельности ОВД: соотношение понятий и особенности // Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты: сб. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь; редкол.: Ю.П. Шаплеров (председ.) – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2022. – С. 50–56. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/6886.
9. Рыбаклочева О.З. Административно-правовое регулирование реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел Республики Беларусь // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 4. – С. 163–168. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/267715>.
10. Краснобаева Л.А. Структурно-функциональный анализ правовых отношений, обусловленных предоставлением публичных услуг // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2025. – № 2. – С. 26–33. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/338464/1/26-33.pdf>.
11. Филипович С.М. Автоматизированные информационные системы Государственной автомобильной инспекции: проблемы функционирования, направления повышения эффективности // Вестник Могилевского института МВД. – 2023. – № 2(8). – С. 16–23. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/7910/1/filipovich.pdf.
12. Шелегова Н.А. Обеспечение прав потребителей и товароведческая экспертиза в административном процессе // Вестник Могилевского института МВД. – 2022. – № 2(6). – С. 4–11. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/6978/1/shelegova.pdf.
13. Лубенков А.В. Новый подход и результаты исследования административного принуждения, реализуемого органами внутренних дел Республики Беларусь // Вестник Могилевского института МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 2. – С. 4–8. – URL: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/5096/1/lubenkov.pdf.

Поступила 17.03.2026

CONTENTS OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. BEZBORODOV

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article provides a comprehensive analysis of the administrative and legal status of internal affairs bodies in the Republic of Belarus as a fundamental category of administrative law, determining their position within the hierarchy of public authority. The results of the study reveal a number of systemic shortcomings in the legal status of territorial divisions of internal affairs bodies. Specifically, the fragmentation of the elements constituting their status, the lack of procedural tools for implementing certain governmental orders, and the dependence of operational effectiveness on the level of regulatory consistency in interagency cooperation are identified. The position is substantiated that the key, structure-forming component of this status is the competence block, requiring comprehensive legal and organizational support.

Keywords: *internal affairs bodies, administrative and legal status, administrative activity, administrative process.*

УДК 343.985.8

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-73-78

**ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ РИСКА ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ***канд. юрид. наук, доц. П.Л. БОРОВИК**(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Статья посвящена разработке интегративной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в цифровой среде. Обосновывается необходимость применения методов количественного анализа и математического моделирования для изучения подростковой преступности в условиях цифровизации общественных процессов. На основе анализа классических криминологических теорий и современных исследований представлена система факторов, отражающих влияние цифровой коммуникационной среды, мотивационных установок личности, особенностей сетевого взаимодействия, группового влияния и защитных механизмов социального контроля. Предложена формализованная модель интегральной оценки риска, позволяющая количественно учитывать совокупное воздействие указанных факторов. Показано, что использование предложенного подхода способствует повышению объективности диагностики факторов риска и может применяться при разработке профилактических мер, направленных на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, противоправная деятельность, цифровая среда, девиантное поведение, риск-ориентированный подход, оценка риска, математическое моделирование, профилактика правонарушений.*

Введение. Проблемам оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность и профилактики совершаемых ими правонарушений уделяли внимание многие отечественные и зарубежные исследователи в области криминологии, социологии и педагогики. Значительный вклад в разработку теоретических и прикладных аспектов предупреждения подростковой преступности внесли такие ученые, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов, В.Д. Ларичев, А.И. Алексеев, а также ряд других исследователей, изучавших социальные и криминологические детерминанты девиантного поведения молодежи. В их работах раскрываются общие механизмы формирования противоправных установок, роль социальных институтов в предупреждении правонарушений, а также различные аспекты влияния социально-экономических факторов на криминализацию подростковой среды. Существенное влияние на развитие теоретических представлений о механизмах преступного поведения оказали также работы зарубежных исследователей, посвятивших свои исследования осмыслению условий, факторов и закономерностей совершения противоправных деяний. Так, значительный вклад в становление концептуальных криминологических теорий внесли Р. Мертон, Э. Сазерленд, Л. Коэн, М. Фелсон, Т. Хирши и др.

Отдельное направление научных исследований в данной области связано с анализом влияния информационно-коммуникационных технологий на преступность несовершеннолетних. В частности, в работах Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева, В.Т. Кондрашенко и ряда других исследователей рассматриваются вопросы киберсоциализации подростков, трансформации механизмов противоправного поведения в цифровой среде, а также проблемы профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Проведенный анализ показывает, что большинство существующих исследований, посвященных указанной проблематике, ориентировано преимущественно на качественное изучение факторов девиантного поведения, при котором основное внимание уделяется содержательному анализу причин, условий и механизмов девиантности, без их строгого количественного измерения и математической формализации. Результатом подобных изысканий, как правило, становится описательная характеристика детерминант девиантного поведения и выявление общих закономерностей формирования противоправных установок, связанных с влиянием социальной среды, особенностями межличностного взаимодействия и процессами социализации подростков. При этом взаимосвязи между отдельными факторами девиантного поведения чаще всего рассматриваются на уровне теоретических обобщений и интерпретаций, без их формализованного представления в виде системы количественных показателей.

Как отмечает ряд исследователей, классические криминологические концепции – теория социальной аномии, теория дифференциальной ассоциации и теория социального контроля, лежащие в основе значительной части научных публикаций по данной тематике, – сохраняют свою научную и практическую значимость при анализе девиантного поведения. Вместе с тем подчеркивается, что их применение в современных условиях требует определённой методологической адаптации, учитывающей особенности социального взаимодействия, формирующегося в цифровой коммуникационной среде [1, с. 343–344; 2, с. 162; 3, с. 945–946]. Утверждается, что ограниченность исключительно качественного подхода, сфокусированного на описательном анализе единичных случаев, проявляется в невозможности объективной верификации детерминант девиантного поведения и затрудняет разработку алгоритмов оценки рисков при работе с массивами больших данных или анализе конкретных социальных групп [1, с. 344].

В отличие от качественного анализа, основанного преимущественно на интерпретации отдельных эмпирических наблюдений и экспертных оценок, количественный анализ позволяет выявлять статистически значимые закономерности и формализовать взаимосвязи между факторами девиантного поведения. Использование

количественных методов дает возможность представлять криминологические категории через систему измеряемых показателей и применять их в математических моделях анализа формирования противоправных установок. По мнению отдельных исследователей данной проблемы, это существенным образом повышает объективность исследования, снижает влияние субъективных интерпретаций и обеспечивает воспроизводимость полученных результатов [1, с. 345; 4, с. 23; 5, с. 28–29]. При этом важно отметить, что в условиях практического применения криминологических методов оценки риска принципиальное значение приобретает воспроизводимость результатов, поскольку использование формализованных моделей и количественных методов позволяет обеспечить единообразие процедуры анализа. Так, если для оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность используется одна и та же система переменных, индикаторов и формул расчёта, то аналогичные результаты могут быть получены при повторном применении модели к иным выборкам. Это отличает формализованные методы от исключительно качественных подходов, где выводы часто зависят от индивидуальной интерпретации исследователя.

Отсюда следует, что внедрение методов количественного анализа и формализованных моделей в деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних выступает необходимым условием повышения объективности и научной обоснованности оценки факторов риска. Интеграция инструментов автоматизированного мониторинга открытых сегментов информационного пространства – публичных страниц, сетевых сообществ и тематических каналов – позволяет осуществлять масштабируемый системный контроль за состоянием коммуникационной среды, в которой происходит цифровая социализация несовершеннолетних. Представляется, что подобная трансформация аналитического инструментария способствует не только оперативному выявлению криминогенных факторов в цифровом пространстве, но и существенному повышению эффективности превентивных мер, направленных на недопущение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего развития криминологических исследований в направлении консолидации классических теорий девиантного поведения с современными методами количественного анализа и учета особенностей цифровой среды. Соответственно, актуальной научной задачей становится разработка интегративной формализованной модели, позволяющей оценивать риск вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность на основе системы измеряемых показателей, отражающих влияние соответствующих факторов.

Основная часть. Методологический подход к решению поставленной задачи предполагает выделение совокупности факторов, отражающих различные аспекты цифровой социализации подростков и их взаимодействия с социальной средой. Результаты изучения фундаментальных криминологических концепций, объясняющих механизмы формирования девиантного и преступного поведения, а также соответствующих современных исследований, посвященных рассматриваемой тематике, позволяют сгруппировать данные факторы в несколько взаимосвязанных блоков.

Первую группу факторов составляют *характеристики цифровой среды*, с которой взаимодействует несовершеннолетний. К ним относятся степень доступности криминогенного или девиантного контента, наличие закрытых интернет-сообществ с соответствующей тематикой, распространённость материалов, связанных с незаконными способами получения дохода, а также общая насыщенность коммуникационного пространства примерами противоправного поведения. В условиях цифровизации подобные коммуникационные каналы становятся важным пространством формирования и трансляции норм поведения. Научное обоснование выделения данной группы факторов связано прежде всего с положениями теории дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда, согласно которой преступное поведение формируется в процессе социального взаимодействия через усвоение соответствующих норм, установок и моделей поведения [6, р. 214; 7, с. 130–132]. В цифровой среде аналогичные процессы социального обучения могут происходить посредством сетевых сообществ, онлайн-групп и каналов коммуникации, где подростки сталкиваются с примерами девиантного поведения, обсуждением противоправных действий и их возможных способов реализации. Цифровая среда может выступать каналом передачи криминогенных норм и установок, усиливая вероятность их усвоения несовершеннолетними.

Вторую группу факторов образуют *мотивационные установки личности*, связанные с восприятием социально одобряемых целей и допустимых способов их достижения. К числу таких факторов относятся интерес подростка к схемам «быстрого заработка», склонность рассматривать противоправные действия как приемлемый способ достижения материальной выгоды, а также формирование установок на получение социального статуса вне традиционных институциональных механизмов. Теоретическое объяснение данных факторов связано с положениями теории социальной аномии Р. Мертона, согласно которой девиантное поведение может возникать в условиях противоречия между социально одобряемыми целями и доступными легальными средствами их достижения [7, с. 223–224; 8, с. 372]. В современной цифровой среде подобное противоречие может усиливаться за счет постоянного демонстрирования в медиaprостранстве моделей быстрого материального успеха, не сопровождаемых реальными возможностями их легальной реализации. В результате у части подростков формируется мотивационная установка на поиск альтернативных, в том числе противоправных, способов достижения желаемых целей.

Третью группу факторов составляют *поведенческие индикаторы цифровой активности* несовершеннолетних. К ним относятся интенсивность использования социальных сетей, частота участия в сетевых группах специфической тематики, характер публикуемого контента, а также факты взаимодействия с аккаунтами, распространяющими противоправные материалы. Подобные показатели могут рассматриваться как эмпирически

наблюдаемые признаки формирования девиантных установок. Их выделение тесно связано с положениями теории дифференциальной ассоциации и теории рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона. Согласно последней, преступное поведение формируется при совпадении нескольких условий: наличия мотивированного субъекта, подходящей цели и отсутствия эффективного контроля [7, с. 298; 9, с. 594–596]. В цифровой среде поведенческие индикаторы активности отражают формирование таких ситуационных условий, поскольку участие в определённых сетевых сообществах или использование анонимных каналов коммуникации создаёт дополнительные возможности для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, реализуя уже сформированные установки.

Четвертая группа факторов связана с *механизмами социального контроля* и отражает степень включенности несовершеннолетнего в систему социальных связей и институтов социализации. К числу таких факторов относятся уровень родительского контроля за цифровой активностью подростка, степень вовлеченности несовершеннолетнего в образовательную деятельность и социально одобряемые формы активности, а также наличие доверительных отношений с родителями и педагогами. Научное обоснование данной группы факторов основывается на положениях теории социального контроля Т. Хирши, согласно которой устойчивые социальные связи индивида с семьей, образовательными учреждениями и другими социальными институтами выступают важным механизмом сдерживания девиантного поведения [7, с. 314–316; 10, с. 26–27]. Ослабление таких связей снижает эффективность социального контроля и повышает вероятность вовлечения подростков в противоправную деятельность. В условиях цифровой коммуникационной среды значение указанных факторов возрастает, поскольку значительная часть активности подростков переносится в онлайн-пространство, где традиционные механизмы контроля со стороны взрослых могут быть менее эффективными. В контексте предлагаемой модели данные элементы рассматриваются как защитные факторы, представляющие собой характеристики личности, семьи и социальной среды, уменьшающие вероятность реализации девиантных сценариев [12, с. 64–66]. В отличие от факторов риска, защитные факторы формируют устойчивость подростка к криминогенному воздействию.

Приведенная совокупность групп факторов отвечает логике классических криминологических концепций (усвоение норм в среде → мотивационные структурные предпосылки → ситуационные возможности поведения → социальные «сдерживания») и отражает взаимосвязанную систему криминогенных и защитных детерминант. Они могут быть представлены в виде измеряемых показателей, используемых в рамках формализованной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

С учетом изложенного интегративная модель оценки риска строится на предположении, что итоговый риск является функцией нескольких взаимосвязанных переменных, каждая из которых отражает определенный механизм формирования девиантного поведения. При этом факторы, усиливающие вероятность вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность, включаются в модель со знаком положительного влияния, тогда как защитные факторы, напротив, снижают уровень риска и потому учитываются как сдерживающий компонент. В формализованном виде данная зависимость может быть представлена следующим образом:

$$R = w_1E + w_2M + w_3B - w_4P,$$

где R – интегральный показатель риска вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность;

E, M, B и P – агрегированные показатели, отражающие перечисленные ранее группы факторов (характеристики цифровой среды; мотивационные установки личности; особенности поведенческого взаимодействия в цифровом пространстве; защитные социальные факторы, соответственно);

w_1, w_2, w_3, w_4 – весовые коэффициенты, отражающие относительную значимость соответствующих переменных.

Представленная формализация соответствует общепринятым подходам криминологического моделирования, предполагающим использование системы количественных показателей и установление зависимостей между преступностью и влияющими факторами. Так, в криминологических исследованиях отмечается, что построение аналитических моделей преступности возможно на основе совокупности параметров, характеризующих социальную среду, поведенческие и иные детерминанты девиантного поведения [1, с. 349; 13, с. 68–69 и др.]. Следовательно, искомое представление модели позволяет учитывать совокупное влияние различных факторов и использовать интегральный показатель риска для аналитической оценки степени вовлеченности несовершеннолетних в криминогенно значимую цифровую среду. При этом значения переменных E, M, B и P не задаются произвольно, а формируются на основе совокупности эмпирических данных, получаемых из нескольких взаимодополняющих источников. Такой подход позволяет обеспечить как содержательную валидность модели, так и её практическую применимость.

Так, значение переменной E , характеризующей особенности цифровой среды, формируется посредством комплексного подхода, исключающего прямой доступ к личной информации несовершеннолетнего в целях соблюдения этических норм и законодательства о персональных данных. Ее установление базируется на сочетании следующих источников: анализе самоотчета подростка через специализированные опросники, выявляющих восприятие доступности криминогенного контента в сети Интернет, экспертной оценке используемых цифровых платформ с точки зрения их деструктивного содержания, а также сборе косвенных индикаторов от родителей, педагогов и сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Ключевым методологическим принципом выступает четкое разграничение факторов среды (объективная доступность девиантных ресурсов и насыщенность

информационного пространства) и поведенческих индикаторов (активность взаимодействия с данными ресурсами), что позволяет избежать дублирования переменных в модели. Полученные качественные данные трансформируются в количественные показатели, отражающие степень криминогенной насыщенности цифрового окружения, что обеспечивает валидность модели оценки риска при сохранении конфиденциальности участников исследования. В перспективе данная переменная может уточняться и с использованием инструментов автоматизированного мониторинга открытых сегментов цифрового пространства.

Переменная *M*, отражающая мотивационные установки, определяется посредством стандартных психодиагностических процедур, направленных на диагностику латентных ценностно-смысловых устремлений, обуславливающих готовность к девиантному поведению. В качестве методического инструментария могут быть использованы адаптированные опросники и ситуационные задачи, позволяющие оценить степень расхождения между социально одобряемыми целями и воспринимаемой доступностью легальных средств их достижения в соответствии с теорией социальной аномии. Ключевыми индикаторами здесь выступают выраженность интереса к схемам быстрого обогащения, толерантность к противоправным способам получения материальной выгоды и ориентация на альтернативные механизмы социального статуса.

Переменная *B*, описывающая особенности поведенческого взаимодействия в цифровом пространстве, формируется на основе сочетания как самоотчетных, так и экспертных косвенно наблюдаемых данных, не предполагающих прямого вторжения в частную цифровую коммуникацию подростка. Методологически данная группа показателей выявляется посредством анкетирования, интервью, экспертной оценки со стороны педагогов и законных представителей, а также анализа общедоступных материалов в сети «Интернет», отражающих цифровое поведение несовершеннолетнего.

В качестве эмпирических параметров могут использоваться частота обращения к отдельным цифровым платформам, устойчивость участия в сетевых сообществах определенной направленности, характер публикуемых материалов, выраженность интереса к контенту деструктивного либо противоправного содержания, а также использование анонимизированных каналов коммуникации. Принципиально важным является разграничение собственно поведенческих индикаторов и факторов цифровой среды: если последние отражают объективные характеристики информационного пространства, то поведенческие индикаторы фиксируют форму индивидуального взаимодействия несовершеннолетнего с соответствующими цифровыми ресурсами. Полученные сведения подлежат стандартизации и последующей количественной интерпретации в виде шкальных оценок, характеризующих степень выраженности цифровой вовлеченности в потенциально криминогенные коммуникационные практики.

Переменная *P*, определяющая защитные факторы, формируется на основе комплексной оценки ближайшего социального окружения несовершеннолетнего и степени его включенности в устойчивые институты социализации. Эмпирическое выявление данных факторов возможно посредством анкетирования родителей, педагогов и самих несовершеннолетних, использования психолого-педагогических диагностических методик, а также анализа сведений о характере семейного взаимодействия, учебной вовлеченности и участии подростка в социально одобряемых формах деятельности. В качестве ключевых параметров учитываются регулярность и содержательность родительского контроля, наличие согласованных воспитательных требований, уровень доверительности внутрисемейных отношений, степень включенности в образовательный процесс, участие в кружковой, спортивной и иной социальной активности, а также характер взаимодействия с педагогами и иными значимыми взрослыми. Методологическое значение данной группы факторов состоит в том, что они отражают не отдельные эпизодические проявления поведения, а устойчивость социальных связей и эффективность внешних механизмов нормативного сдерживания. В рамках представленной модели именно эта переменная выполняет компенсирующую функцию, уменьшая суммарный уровень риска.

Таким образом, каждая переменная модели получает своё значение на основе эмпирически наблюдаемых и измеряемых данных, собранных из разных источников. Это позволяет, с одной стороны, сохранить связь модели с теоретическими конструкциями криминологии, а с другой – обеспечить её практическую применимость в профилактической деятельности. В результате интегральный показатель риска выступает не как абстрактная математическая величина, а как формализованное выражение реально фиксируемых социальных, поведенческих, мотивационных и средовых характеристик, влияющих на вероятность вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность. При этом значения указанных переменных могут быть нормированы в диапазоне от 0 до 1, где нулевое значение соответствует отсутствию соответствующего фактора риска, а значение, близкое к единице, свидетельствует о высокой степени его выраженности.

Весовые коэффициенты w_i позволяют учитывать различную значимость указанных факторов в структуре общего риска и могут определяться на основе экспертной оценки либо статистического анализа эмпирических данных. В контексте настоящего исследования весовые коэффициенты целесообразно рассматривать не как фиксированные значения, а как параметры, подлежащие поэтапному уточнению. На начальном этапе разработки модели их определение может основываться на экспертной оценке, однако такая оценка должна использоваться не как окончательная истина, а как предварительная теоретико-прикладная калибровка модели. Для минимизации субъективности экспертная процедура должна строиться на заранее заданных критериях оценки значимости факторов, включать несколько независимых специалистов и предусматривать последующую проверку согласованности их суждений. На следующем этапе весовые коэффициенты могут уточняться с применением статистических методов – корреляционного, регрессионного или факторного анализа, что позволяет перейти от заданной

экспертами структуры модели к эмпирически верифицируемой системе параметров. Экспертная оценка в данном случае выступает не альтернативой количественному анализу, а его предварительным этапом.

Для иллюстрации практического применения предложенной модели рассмотрим условную ситуацию, отражающую типичные особенности цифровой социализации подростков в современной информационной среде.

Предположим, что в ходе профилактической работы в образовательной организации проводится диагностика факторов риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. В рамках данной работы педагог-психолог совместно с социальным педагогом и классным руководителем анализирует особенности цифровой активности одного из обучающихся старших классов. Основанием для проведения такой диагностики может служить информация, полученная от сотрудников ОВД о наличии у несовершеннолетнего контактов с лицами, вовлеченными в сомнительную онлайн-активность, сведений о подписке на сетевые ресурсы криминогенной направленности, а также данных о его возможной заинтересованности в схемах «быстрого заработка» в сети Интернет, включая участие в посреднических финансовых операциях, распространение рекламных ссылок и использование банковских карт третьих лиц. Кроме того, анализ активности подростка показывает регулярное взаимодействие с аккаунтами пользователей, распространяющих информацию о подобных схемах. При этом дополнительное изучение социального окружения несовершеннолетнего показывает, что уровень родительского контроля за его цифровой активностью является ограниченным. Родители не обладают достаточными знаниями о характере интернет-коммуникаций подростка и не используют инструменты мониторинга цифровой активности. При этом сам подросток демонстрирует выраженный интерес к материалам, демонстрирующим модели быстрого материального успеха, активно обсуждаемым в социальных сетях и видеохостингах.

С точки зрения предложенной модели указанные обстоятельства могут быть интерпретированы как проявление нескольких факторов риска. Во-первых, наблюдается значительный уровень контакта подростка с криминогенным или потенциально противоправным цифровым контентом. Во-вторых, фиксируется участие в сетевых сообществах, где распространяются девиантные модели поведения и формируются соответствующие ценностные установки. В-третьих, имеет место ослабление механизмов социального контроля со стороны семьи, что снижает эффективность традиционных профилактических барьеров.

При переводе указанных факторов в систему количественных показателей каждому из них может быть присвоено определенное значение на шкале от 0 до 1, отражающее степень выраженности соответствующего риска. Например, уровень контакта с девиантным контентом может оцениваться как 0,7, участие в сетевых сообществах с потенциально противоправной тематикой – 0,6, выраженность мотивационных установок на быстрый доход – 0,5, а уровень ослабления социального контроля – 0,4. При этом наличие определенных защитных факторов, например, участие подростка в спортивной секции или поддерживающие отношения с педагогами, может снижать итоговое значение интегрального показателя.

После подстановки значений соответствующих индикаторов в формулу модели рассчитывается интегральный показатель риска. Если полученное значение превышает установленный порог, подросток может быть отнесен к группе умеренного или повышенного риска вовлечения в противоправную деятельность. Это позволяет специалистам системы профилактики своевременно принять необходимые меры. К таким мерам могут относиться проведение индивидуальной профилактической беседы, направленной на формирование правовой и цифровой грамотности, вовлечение подростка в социально одобряемые виды деятельности, а также работа с родителями, направленная на повышение уровня контроля за цифровой активностью ребенка. При необходимости информация может быть передана в комиссию по делам несовершеннолетних или инспекцию по делам несовершеннолетних для организации дополнительной профилактической работы.

Следует специально оговорить, что использование формализованного подхода не означает полного устранения субъективного компонента из криминологического анализа. Речь идет не об исключении интерпретации как таковой, а о снижении степени её произвольности за счет стандартизации процедуры оценки, унификации системы показателей и фиксации правил их обработки. В отличие от исключительно качественного подхода, при котором итоговый вывод в значительной мере зависит от индивидуальной исследовательской интерпретации конкретного случая, формализованная модель задает единые критерии отбора факторов, их измерения и последующего расчета интегрального показателя. Тем самым субъективный элемент не исчезает полностью, но переводится из неявной и трудно контролируемой формы в процедурно фиксированную и методологически проверяемую форму.

Не менее важно отметить, что предложенная модель не претендует на прямое доказательство жестких причинно-следственных связей между отдельными факторами и противоправным поведением несовершеннолетних. В рамках настоящего исследования она выполняет прежде всего аналитическую и прогностическую функции, позволяя выявлять статистически и теоретически значимые сочетания признаков, ассоциированных с повышением риска вовлечения в противоправную деятельность. Поэтому более корректно говорить не о прямом установлении причинности, а о формализованном представлении теоретически мотивированных и эмпирически наблюдаемых взаимосвязей между факторами риска. Окончательный вывод о причинной роли выделенных факторов требует дополнительных исследований, позволяющих проследить их влияние на поведение несовершеннолетних в динамике.

Заключение. На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Формирование противоправных установок у несовершеннолетних в цифровой среде обусловлено комплексным воздействием нескольких взаимосвязанных групп факторов, включающих характеристики цифровой среды, мотивационные установки личности, особенности цифровой активности и уровень социального контроля

со стороны значимых социальных институтов. Их формализованное объединение в виде интегрального показателя риска позволяет выстроить многоуровневую объяснительную модель, отражающую причинную логику формирования противоправного поведения несовершеннолетних – от структурных предпосылок и усвоения девиантных норм до возникновения ситуационных возможностей и действия сдерживающих социальных механизмов.

2. Ключевым результатом проведённого исследования является разработка интегративной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в цифровой среде. Предложенная модель основывается на систематизации значимых криминологических факторов девиантного поведения и их представлении в виде взаимосвязанных измеряемых показателей. В рамках данной модели риск вовлечения интерпретируется как формализованное выражение реально фиксируемых социальных, мотивационных, поведенческих и средовых характеристик, подлежащих последующей количественной оценке.

Научная и практическая ценность представленной модели состоит в том, что она обеспечивает стандартизацию процедуры анализа факторов риска и сопоставимость полученных результатов, создавая тем самым методологическую основу для последующей эмпирической проверки модели на более широких и динамических выборках и, как следствие, разработки воспроизводимых инструментов риск-ориентированной профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суходолов А.П., Иванцов С.С. Цифровая криминология: математические методы прогнозирования преступности (часть 1) // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 341–351.
2. Тарабрина К.С. Влияние цифровых технологий на совершение преступлений против несовершеннолетних // Проблемы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 161–166.
3. Демидова-Петрова Е.В. Исследование преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – № 4. – С. 945–960.
4. Криминогенность как объект математического анализа: модельно-прогностический подход: кол. моногр. / В.Н. Босюк, В.В. Бондарь, Н.Н. Гошина и др. – СПб.: Научное издание, 2025. – 60 с.
5. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: авторский курс. – 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Алеф-Пресс, 2018. – 517 с.
6. Sutherland E. H., Cressey D. R. Principles of Criminology. – Chicago: J. B. Lippincott Company, 1960. – 646 p.
7. Иншаков С.М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с.
8. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. – 873 с.
9. Cohen L. E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. – 1979. – Vol. 44, № 4. – P. 588–608.
10. Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.
11. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 222 с.
12. Farrington D. P., Ttofi M. M., Piquero A. R. Risk, promotive, and protective factors in youth offending: Results from the Cambridge Study in Delinquent Development // Journal of Criminal Justice. – 2016. – Vol. 45. – P. 63–70.
13. Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. – Т. 11, № 1. – 2017. – С. 61–70.

Поступила 04.05.2026

INTEGRATIVE CRIMINOLOGICAL MODEL FOR ASSESSING THE RISK OF INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL ACTIVITIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

P. BOROVIK

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article develops an integrated model for assessing the risk of minors engaging in illegal activity in the digital environment. It substantiates the need to apply quantitative analysis and mathematical modeling to study juvenile delinquency in the context of the digitalization of social processes. Based on an analysis of classical criminological theories and contemporary research, this article presents a system of factors reflecting the influence of the digital communication environment, individual motivational attitudes, characteristics of online interaction, group influence, and protective mechanisms of social control. A formalized model for integrated risk assessment is proposed, allowing for a quantitative consideration of the combined impact of these factors. It is demonstrated that the proposed approach contributes to a more objective assessment of risk factors and can be used in the development of preventive measures aimed at preventing minors from engaging in illegal activity.

Keywords: minors, illegal activity, digital environment, deviant behavior, risk-oriented approach, risk assessment, mathematical modeling, crime prevention.

УДК 342.9

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-79-81

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А.С. ВАЛЕВКО

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1187-4681>

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматриваются современные цифровые формы недобросовестной конкуренции. Актуальность темы обусловлена необходимостью оперативного реагирования на цифровые проявления недобросовестной конкуренции и закрепления их в административно-делiktном законе. Сделан вывод о том, что использование современных цифровых технологий в условиях конкуренции требует постоянного совершенствования законодательства, технологий и методов борьбы.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, цифровизация, цифровые технологии, кибершпионаж, киберсаботаж, фальсификация, конкуренты.

Введение. В современную эпоху цифровых технологий бизнес-среда претерпевает значительные изменения. Глобальная сеть Интернет и связанные с ней информационные платформы предоставляют компаниям новые возможности для продвижения товаров и услуг, расширения рынка и укрепления позиций. Однако, наряду с этим, появились и новые формы недобросовестной конкуренции, которые используют все преимущества цифровых технологий для достижения собственных целей любыми средствами, зачастую нарушающими законодательство и этические нормы.

В соответствии с абз. 2 ст. 13 Конституции Республики Беларусь государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Законом Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г. № 94-3 (далее – Закон № 94-3) запрещается недобросовестная конкуренция, под которой понимаются направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат Закону № 94-3, иным актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации¹.

В белорусском законодательстве определено шесть форм недобросовестной конкуренции, среди которых представлены дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и (или) использованием объектов интеллектуальной собственности, создание смешения, недобросовестная конкуренция, связанная с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую и иную охраняемую законом тайну, служебной информации ограниченного распространения. Все перечисленные формы недобросовестной конкуренции могут проявляться и в цифровой среде, однако с развитием цифровизации недобросовестные действия конкурентов не ограничиваются этими формами, а приобретают новые внешние способы выражения.

Вопросами противодействия недобросовестных конкурентных практик в цифровой среде активно занимаются такие ученые, как И.Р. Игнатъева и Ю.А. Некрасова [1], С.В. Запольский [2], Н.С. Печникова [3], Б.О. Дударова [4], И.Ф. Фролова [5] и др. Недобросовестная конкуренция в цифровой сфере включает широкий спектр деяний, от распространения ложной информации и фальшивых отзывов до кибершпионажа и взломов корпоративных систем. Эти практики наносят серьезный урон как добросовестным участникам рынка, так и потребителям, вводя их в заблуждение и разрушая доверие к электронным платформам и бизнесу в целом. Поэтому исследование проявлений недобросовестной конкуренции в цифровую эпоху и механизмов борьбы с ними становится актуальным и необходимым направлением в современной экономике и юриспруденции.

Основная часть. К числу распространенных видов цифровых проявлений недобросовестной конкуренции можно отнести следующие:

1. *Недобросовестное использование данных, кибершпионаж и киберсаботаж.* В цифровую эпоху кибершпионаж стал одним из самых опасных инструментов недобросовестной конкуренции. Конкуренты используют методы взлома, внедрения вредоносного программного обеспечения, фишинга и слежки за деятельностью компаний с целью получения конфиденциальной информации, секретных бизнес-стратегий или данных о клиентах. Это позволяет получить преимущество в конкурентной борьбе или выполнить незаконные задачи – например, подорвать репутацию или вывести из строя предприятие. Киберсаботаж проявляется в виде атак на серверы, распространения вредоносных программ, DDOS-атак и вмешательства в работу цифровых платформ и сайтов, что приводит к временному или постоянному выводу бизнеса из строя. В результате компании сталкиваются не только с потерями финансовых ресурсов, но и с ущербом для репутации.

Анализируя вопросы противодействия недобросовестным киберпрактикам, А.И. Дауров отмечает необходимость совершенствования законодательства, включающего нормативные акты, которые бы отвечали за регулирование отношений в киберпространстве, а также указывает на необходимость проведения конференций, форумов, мероприятий, способствующих повышению компьютерной грамотности населения и госслужащих [6, с. 127].

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300094>.

2. *Использование алгоритмов и искусственного интеллекта, фальшивых отзывов и рейтингов.* Еще одной проблемой является создание фейковых отзывов и оценок продуктов и услуг. С целью повышения рейтинга и привлечения новых клиентов, конкуренты используют ботов, фальшивых пользователей или платных респондентов, что приводит к умалению репутации компании-конкурента. Такая практика распространена в онлайн-магазинах, сервисах бронирования, платформах отзывов. Известны случаи, когда недобросовестные компании заказывали положительные отзывы для повышения интереса потребителей к их деятельности. В то же время использовались негативные отзывы о конкурентах, чтобы снизить их рейтинг и разрушить репутацию. Такие действия не только недобросовестны, но и противоречат законодательству в области защиты прав потребителей.

Немаловажным фактором влияния на бизнес является формирование мнений о компаниях нейросетями. В этой связи стало возможным считать искусственный интеллект новым полем нечестной борьбы с конкурентами. Основные приемы конкурентной борьбы стали проявляться в:

- накрутке негативных отзывов на доступных площадках;
- публикации однотипных «разоблачительных» текстов на малопосещаемых сайтах без редакционной проверки;
- создании псевдорейтингов и сравнительных таблиц с заниженными оценками;
- массовых обсуждений на форумах и в соцсетях с одинаковыми тезисами;
- копировании и размножении ложных фактов на десятках ресурсов².

3. *Вмешательство (манипулирование) в работу сервисов и платформ.* Как справедливо заметила О.В. Гавриленко: «власть цифровых платформ над пользователями все более увеличивается, используя все новые формы манипулирования их сознанием» [7, с. 78]. Некоторые недобросовестные конкуренты используют злоумышленные методы для вмешательства в работу онлайн-сервисов и платформ, например, с помощью спам-распространения, атаки ботов, фальшивых аккаунтов или фишинговых схем. Так, они могут оставлять отзывы или сообщения негативного характера, создавать искусственный ажиотаж или вводить платформы в заблуждение. Всё это делается для дискредитации конкурента, снижения его позиций и вытеснения с рынка. Кроме того, атакующие могут использовать такие схемы для кражи данных клиентов, что грозит серьезными репутационными потерями и штрафами.

4. *Использование смарт-контрактов, технологий распределенного реестра (блокчейн).* Смарт-контракт может представлять риск для добросовестной конкуренции через включение запрещенных условий (например, скидка только при отказе от покупок у конкурента), блокчейн создаёт среду для «невидимых» злоупотреблений благодаря неумничтожимости информации и псевдонимности пользователей, а недобросовестный конкурент способен использовать распределённый реестр для хранения украденной базы данных, которую, в отличие от сайта, невозможно заблокировать или удалить.

Современная практика демонстрирует, что недобросовестные методы цифровой конкурентной борьбы применяются как крупными, так и малыми компаниями. Например, по результатам анализа, проведенного на маркетплейсе «Wildberries», установлено, что у добросовестных продавцов, которые не занимаются искусственным (за счет цифровых технологий) увеличением товарного предложения, количество проданных товаров в значительной степени превышает число созданных товарных карточек. Так, по состоянию на 8 апреля 2025 г. продавец магазина «Forall Textile» в категории «одежда» имеет 320 товарных карточек, при этом товаров продано в количестве 162 276 ед., продавец магазина «ANNEMORE» в категории «одежда» имеет 194 товарные карточки, при этом товаров продано в количестве 1 737 762 ед., продавец магазина «Glamuriki» в категории «одежда и обувь» имеет 808 товарных карточек, при этом товаров продано в количестве 2 154 441 ед., продавец магазина «ФОСФОР» в категории «одежда (футболки)» имеет 51 товарную карточку, при этом товаров продано в количестве 3 949 660 ед.³ Вместе с большим количеством отзывов и оценок, оставленных покупателями практически под каждой товарной карточкой, дополнительно свидетельствует о применении указанными продавцами достаточных, разумных и законных мер по вводу своих товаров в гражданский оборот, несению значительных затрат на их производство и реализацию.

Что касается продавцов, использующих цифровые технологии для искусственного увеличения товарного ассортимента, можно сделать противоположные выводы: количество созданных товарных карточек значительно превышает число реально проданных товаров, а количество отзывов и оценок в каждой карточке обычно невелико или вовсе отсутствует. Такое соотношение может указывать на упущенную прибыль для добросовестных продавцов, реализующих соответствующую категорию товаров на данном маркетплейсе.

Законодательство большинства стран предусматривает механизмы борьбы с недобросовестной конкуренцией, включая меры по защите интеллектуальной собственности, запрет на распространение ложной информации и введение в заблуждение потребителей. Однако технологическая динамичность и постоянное появление новых методов требуют постоянного обновления нормативных актов, создания специальных подразделений в антимонопольном органе и развития превентивных мер.

В Республике Беларусь и в Российской Федерации вопросы недобросовестной конкуренции регулируются законами и гражданским законодательством. В целом, противодействие в цифровой сфере осуществляется через механизмы административных штрафов, судебных исков о защите деловой репутации, а также через сотрудничество с цифровыми платформами и технологическими компаниями. Выявление нарушений зачастую связано с применением информационных технологий: анализ отзывов и комментариев, мониторинг поисковых запросов с помощью специальных программ, внедрение систем искусственного интеллекта для автоматического обнаружения подделок

² URL: <https://megagroup.ru/blog/nejroset-govorit-o-brende-ploho-cto-delat>

³ URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/08/zloupotreblenie_cifrovymi_tehnologiyami_na_marketplejsah_kak_vid_nedobrosovestnoj_konkurencii.

и мошеннической рекламы. Государственные органы и компании активно работают над разработкой и внедрением систем кибербезопасности, а также обучают персонал по выявлению попыток недобросовестных действий. Так, например, Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации использует систему ГИС «Антикартель», улавливающую риски и отмечающую подозрительные связи между участниками торгов⁴. В Республике Беларусь аналога такой системы на текущий момент не представлено. Среди превентивных мер стоит отметить жесткие требования к регистрации аккаунтов, использование цифровых подписей, внедрение систем идентификации.

Заключение. Текущая ситуация в сфере цифровых проявлений недобросовестной конкуренции характеризуется сохраняющейся сложностью, при этом дальнейшее развитие технологий и усиление правовых механизмов рассматриваются в качестве факторов, способствующих её улучшению. Полагаем, что разумным шагом в направлении противодействия недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь будет закрепление вышеуказанных недобросовестных цифровых практик в Методических рекомендациях по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденных приказом Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 18 декабря 2020 г. № 235⁵. Кроме того, разнообразие форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде должно регулироваться Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП). В этой связи видится перспектива редакции ст. 13.33 КоАП с включением недобросовестных цифровых практик.

Развитие технологий искусственного интеллекта, автоматизированных систем обнаружения нарушений и совместное сотрудничество бизнеса, государства и платформ помогают бороться с недобросовестными практиками более эффективно. Однако злоумышленники тоже совершенствуют свои методы, поэтому борьба с ними требует постоянного совершенствования и внедрения инновационных решений. С учётом вышесказанного заслуживает внимания внедрение в Республике Беларусь специализированной системы, аналогичной российской ГИС «Антикартель», но с расширенным функционалом, позволяющим в онлайн-режиме не только оперативно реагировать на подозрительные действия со стороны конкурентов, но также осуществлять разграничение товарных знаков, выявлять смешение и иные нарушения интеллектуальных прав, что в совокупности будет способствовать более эффективному противодействию недобросовестным практикам в цифровой среде.

Цифровая эпоха предоставила бизнесу огромные возможности, но вместе с тем открыла новые горизонты для недобросовестной конкуренции, которая при использовании современных технологий приобретает более сложные и опасные формы. Для защиты честных участников рынка и обеспечения доверия потребителей необходимо постоянное совершенствование законодательства, технологий и методов борьбы с недобросовестными действиями, что требует совместных усилий всех заинтересованных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатъева И.В., Некрасова Ю.А. Развитие конкурентной среды как правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика – 2025. – № 6. – С. 234–237.
2. Запольский С.В. О правовой защите экономической конкуренции в Российской Федерации // Правовая информатика – 2025. – № 4. – С. 180–185. – DOI: <https://doi.org/10.24412/1994-1404-2025-4-180-185>.
3. Печникова Е.С. Конкуренция в условиях цифровой экономики: возможности и ограничения // E-SCIO. – 2021. – № 11. – С. 106–111.
4. Дударова Б.О. Манипулирование отзывами на маркетплейсах как форма недобросовестной конкуренции: российский и зарубежный опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2025. – № 8. – С. 43–52. – DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.132.8.043-052>.
5. Фролова И.Ф., Седракин Ф.К. Влияние цифровой конкуренции на отраслевые рынки: анализ и перспективы развития // Вестник Академий знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 476–478.
6. Дауров А.И. Киберпреступность в современной экономике // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 7. – С. 124–128.
7. Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 3. – С. 74–79. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.3.7>.

Поступила 04.05.2026

DIGITAL FORMS OF UNFAIR COMPETITION: A LEGAL ANALYSIS

A. VALEVKO

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article examines modern digital forms of unfair competition. The topic's relevance necessitates a prompt response to digital manifestations of unfair competition and their codification in administrative and tort law. It concludes that the use of modern digital technologies in a competitive environment requires legislation, technologies, and countermeasures.

Keywords: *unfair competition, digitalization, digital technologies, cyber espionage, cyber sabotage, falsification, competitors.*

⁴ URL: https://zakupki.kontur.ru/site/articles/83538-gis_antikartel.

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u620e4213>.

УДК 342.565.2

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-82-89

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
НОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ****В.С. ГРИНЕВИЧ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9188-9049>

В статье анализируется новое полномочие Конституционного Суда Республики Беларусь по проверке конституционности выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики, закрепленное по результатам референдума 2022 года. Рассматриваются процедурные особенности реализации данного полномочия (порядок внесения предложения в Конституционный Суд, сроки, основания для вынесения заключений). Выявляется правовая неопределенность в регламентации механизма реализации рассматриваемого полномочия, включая отсутствие критериев, которыми должен руководствоваться Суд при оценке конституционности выборов, нерешенность вопроса о судьбе неконституционного нормативного акта, исключение выборов в местные Советы из предмета проверки. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о конституционном судопроизводстве.

Ключевые слова. Конституционный Суд Республики Беларусь, конституционный контроль, конституционность выборов, Всебелорусское народное собрание, избирательная система.

Введение. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы (ст. 3 Конституции). Наличие избирательной системы и института выборов является одним из способов выражения власти народа, обеспечения участия граждан в формировании органов государственной власти. В связи с этим особая роль принадлежит Конституционному Суду, который в рамках предоставленных ему полномочий осуществляет контроль за конституционностью проведения выборов. Наделение Конституционного Суда такими полномочиями – один из итогов республиканского референдума 2022 г.

Защите избирательных прав граждан посвящены исследования ряда белорусских ученых: Н.А. Карпович проводит глубокий анализ правовых позиций Конституционного Суда, направленных на надлежащую реализацию конституционных принципов и норм об избирательной системе и проведении референдумов [1, с. 55]. А.Н. Бодак, исследуя конституционно-правовые аспекты совершенствования избирательной системы, обращает внимание на различную правовую природу полномочий Конституционного Суда по проверке конституционности выборов и Всебелорусского народного собрания по разрешению вопроса о легитимности выборов [2, с. 14]. При этом комплексного анализа нового полномочия Конституционного Суда по проверке конституционности выборов в науке белорусского конституционного права не проводилось. Ранее учеными неоднократно высказывались мнения о наделении Конституционного Суда новыми полномочиями, в том числе путем расширения предмета конституционного контроля. Так, Г.А. Василевич предлагал наделить Конституционный Суд правом проверки конституционности выборов [3, с. 31]. А.В. Гулякевич целесообразным называет как возложение на Конституционный Суд обязанности осуществлять контроль за проведением референдумов и ходом выборов, обязанности выносить решения о законности проведенного референдума, избрания Президента, депутатов Палаты представителей, так и наделение его правом проверки законности формирования избирательных фондов и обоснованности финансовых расходов на проведение избирательных кампаний [4, с. 40].

В действующем законодательстве рассматриваемое полномочие закреплено в ч. 4 ст. 116¹ Конституции Республики Беларусь. В главе 22 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О Конституционном судопроизводстве» в редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З (далее – Закон) устанавливается порядок производства по делам о конституционности проведения выборов: порядок внесения предложения о проверке, требования к содержанию и его допустимость, пределы рассмотрения дела и пределы проверки, порядок дачи заключения. Соответствующие нормы также содержатся в избирательном законодательстве (стст. 81¹, 88¹, 110¹ Избирательного кодекса¹).

Конституционное законодательство зарубежных стран также закрепляет за органами конституционного контроля полномочия по проверке проведения выборов. Зачастую различия в этих полномочиях выражаются в круге объектов контроля, пределах контроля и наличии возможности органа конституционного контроля самостоятельно инициировать такую проверку.

Широкими полномочиями за конституционностью проведения выборов наделен Конституционный совет Французской республики. В соответствии со ст. 58 и 59 Конституции Франции орган конституционного контроля следит за правильностью избрания Президента и выносит решения о правильности избрания депутатов и сенаторов². Во Франции Конституционный совет, по сути, осуществляет общий контроль за организацией и проведением

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000370>.

² URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5560>.

выборов Президента и наделен различными полномочиями на всех стадиях избирательного процесса, на него возложены функции контроля за кандидатами и их соответствием требованиям законодательства, соблюдением процедуры выдвижения, контроль за ходом голосования, опубликование результатов в форме провозглашения нового президента, проверка финансирования избирательных кампаний кандидатов.

Родоначальник конституционного контроля в Европе – Конституционный Суд Австрии – в соответствии со ст. 141 Конституции Австрии также наделен полномочиями в сфере контроля за выборами³. В суде рассматриваются дела об опротестовании выборов Федерального президента, выборов в представительные органы, Европейский парламент, высшие руководящие органы представительств, местные органы власти. Также предусмотрено рассмотрение дел о лишении мандата отдельных членов представительных и руководящих органов по ходатайству этих органов соответственно. В 2016 году Конституционным Судом были признаны недействительными результаты второго тура выборов Президента и принято решение о проведении новых выборов⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации не наделен полномочиями по проверке проведения или результатов выборов какого-либо уровня. Однако в ходе осуществления иных полномочий по проверке конституционности нормативных правовых актов может проверять, в том числе, нормы избирательного права, тем самым осуществляя косвенный контроль в этой сфере. Таким примером может являться Постановление Конституционного Суда от 17.05.2024 № 23-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 37 и 38 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» в связи с жалобами Регионального отделения Всероссийской политической партии «Партия дела» в Республике Северная Осетия – Алания.

Практика возложения на судебный орган конституционного контроля полномочий по проверке конституционности выборов широко распространена в мире, что обусловлено особой значимостью этого института, однако сущностно полномочия органов конституционного контроля по проверке выборов и их реализация могут значительно различаться. Так в белорусском законодательстве закреплена своя модель конституционного контроля за проведением выборов.

Основная часть. Единственным субъектом, наделенным правом инициировать рассмотрение вопроса о конституционности выборов в Конституционном Суде, является Президиум Всебелорусского народного собрания (далее ВНС). Президиум ВНС – постоянно действующий коллегиальный орган, подотчетный ВНС, обеспечивающий оперативное решение вопросов, входящих в его компетенцию. Видится, что именно критерий оперативности определяет отнесение полномочия по инициированию проверки конституционности выборов к компетенции Президиума, а не ВНС в целом, в силу ограничения срока для внесения такого предложения. Непредоставление такого права Президенту или Национальному собранию видится обоснованным в целях обеспечения объективности субъекта обращения. ВНС же, являясь высшим представительным органом народовластия, в лице коллегиального Президиума является независимым субъектом инициирования такой проверки. Реализуя при этом основные задачи, поставленные перед ВНС Конституцией – определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающие незыблемость конституционного строя и преемственность поколений.

Закон «О конституционном судопроизводстве» в ст. 147 устанавливает критерий допустимости предложения: предложение должно быть внесено не позднее 5 дней со дня опубликования итогов выборов. Установление срока видится обоснованным. Если после выборов возникают сомнения в их соответствии Конституции, ситуация требует немедленного разрешения, поскольку промедление здесь недопустимо. Суд должен оперативно либо подтвердить конституционность состоявшейся избирательной кампании, либо, напротив, констатировать нарушения и признать выборы неконституционными. Быстрое принятие решения позволяет избежать развития неконституционных отношений в государстве: при необходимости назначить новые выборы и не допустить возникновения политической напряженности.

Среди общих требований, предъявляемых к предложению, особо выделим следующие: Президиумом ВНС указывается вид, название, реквизиты нормативного правового акта или его отдельных положений, примененных при проведении выборов, соответствие Конституции которых подлежит проверке (пп. 1.2 п. 1 ст. 148); позиция Президиума ВНС по поставленному в предложении вопросу, сведения о фактах, которые вызывают сомнения в соблюдении конституционных принципов и норм применением нормативного правового акта или его отдельных положений при проведении выборов, а также правовое обоснование своей позиции (пп. 1.4 п. 1 ст. 148).

Таким образом, можно сделать вывод, что предметом проверки, в ходе реализации рассматриваемого полномочия Конституционным Судом, является конкретный нормативный правовой акт, примененный при проведении выборов. Избирательный кодекс в качестве правовой основы избирательной системы определяет Конституцию, сам Кодекс, иные акты законодательства и постановления Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК). Важно отметить, что Закон «О нормативных правовых актах» в систему законодательства постановления ЦИК не включает, таким образом они не могут являться предметом рассмотрения при проверке конституционности выборов. Также важную роль играет и позиция Президиума Всебелорусского народного собрания: именно

³ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22636>.

⁴ URL: https://www.vfgh.gv.at/downloads/VFGH_W_I_6-2016_Bundespraesidentenwahl.pdf.

она очерчивает границы судебной проверки. Согласно пункту 2 статьи 54 Закона, по данной категории дел Конституционный Суд не вправе рассматривать вопросы, выходящие за рамки внесённого предложения.

Результатом рассмотрения дела в Конституционном Суде может быть заключение двух видов: о конституционности проведения выборов и о неконституционности проведения выборов.

Закон «О конституционном судопроизводстве» определяет два случая, когда может быть дано заключение о неконституционности выборов. В обоих случаях речь идет о нарушении конституционных принципов и норм при проведении выборов. При нарушении конституционных норм речь, очевидно, идет о прямом отступлении от конкретных, текстуально закрепленных правил поведения. Принципы по своей природе не являются строгими правилами, а представляют собой основополагающие идеи и начала и не всегда закрепляются в виде конкретной нормы. Именно эта особенность и предопределяет необходимость более пристального рассмотрения вопроса о том, какие именно принципы могут быть нарушены в ходе избирательного процесса.

Исходя из сформулированной нормы можно предположить, что рассматриваемые последствия могут наступить как в связи с нарушением конституционных принципов избирательного права, так и иных конституционных принципов. При этом при определении понятия «конституционные принципы» ученые часто исходят из их закрепления в конкретных нормах. Н.А. Богданова различает принципы как правовые явления (нормы) и принципы как правовые идеи (начала), которые взаимосвязаны между собой и раскрывают грани одного явления – конституционного права [5, с. 168]. А.Н. Пугачев разграничивает конституционные принципы (принципы конституционализма) – идеи, которые не всегда закреплены на уровне текста Основного Закона, но предопределяют содержание норм Конституционного права и принципы собственно Конституции [6, с. 110]. Видится, что действующие положения Закона также предопределяют случаи, когда в ходе проведения выборов могут быть нарушены конституционные нормы – правила поведения, закрепленные в статьях Конституции и конституционные принципы – идеи и начала, которые могут быть не сформулированы в виде конкретной конституционной нормы. Такой широкий круг оснований для признания выборов неконституционными определенно подчеркивает значимость этого института для демократического государства и важность его соответствия конституционным принципам – основополагающим идеям, определяющим направления конституционно-правового регулирования. Однако проблемной в таком случае кажется возможность расширительного толкования и излишнего «поиска» нарушений тех или иных конституционных принципов при проведении выборов, что впоследствии может вызывать сомнения в конституционности проведенных выборов как со стороны отдельных субъектов избирательного процесса (избирателей, кандидатов), так и со стороны народа.

Нарушение конституционных принципов избирательного права представляется более вероятным при проведении выборов. При этом в науке также существуют споры об отнесении принципов, закрепленных в Конституции и в Избирательном кодексе (ст. 3), к избирательному праву, избирательной системе или выборам. А.И. Курак считает, что рассматриваемые принципы имеют определенное отношение ко всем трем из обозначенных понятий [7, с. 44]. Полагаем в контексте рассматриваемого вопроса такой подход наиболее подходящим.

Глава 1 Конституции «Избирательная система» содержит в себе последовательное закрепление основных конституционных принципов организации и проведения выборов – всеобщее, равное, свободное, прямое избирательное право при тайном голосовании. По мнению В.Д. Ипатова, о придаваемой важности принципам выборов в Беларуси говорит не просто их закрепление в Конституции, а подробное раскрытие сущности каждого из них [8, с. 8]. Также нормы Конституции закрепляют в себе базовые положения, определяющие порядок проведения выборов Президента Республики Беларусь, органов представительной и законодательной власти, которые свое развитие получают в нормах избирательного законодательства.

В широком смысле термин «избирательная система» раскрывается как определенный порядок выборов, в узком – это способ распределения депутатских мандатов в зависимости от результатов выборов [9, с. 143]. На наш взгляд, предметом проверки в Конституционном Суде может быть нормативный правовой акт, примененный на любой стадии проведения выборов, начиная от назначения выборов и заканчивая подведением итогов и опубликованием результатов выборов.

Первый случай, при котором Суд даёт заключение о неконституционности выборов предполагает, что конституционные принципы и нормы были нарушены в связи с применением в ходе выборов нормативного правового акта, который не соответствует Конституции. Данная ситуация фактически означает, что в правовом поле государства содержался неконституционный нормативный правовой акт, применение которого ставит под сомнение как прошедшую избирательную кампанию в целом, так и её итоги. При этом Президиум ВНС в рамках ч. 1 ст. 116¹ Конституции наделен правом обращаться в Конституционный Суд с предложением о проверке соответствия Конституции законов, указов Президента, постановлений Совета Министров и нормативных правовых актов других государственных органов. Однако, очевидно, в рассматриваемой ситуации существование и применение неконституционного нормативного правового акта повлекло наступление более «тяжких» конституционных последствий в виде нарушения конституционных принципов и норм при проведении выборов и требующих более серьезных ответных мер для их устранения: не просто признание акта неконституционным, а признание неконституционными выборов и в дальнейшем проведение новой избирательной кампании.

Второй случай, предусмотренный в Законе, предполагает, что примененный нормативный правовой акт соответствует Конституции, но его применение повлекло нарушения конституционных принципов и норм при проведении выборов. Необходимо отметить, что по данной категории дел Законом в ч. 2 ст. 55 в пределы проверки Конституционным Судом включается не только буквальный смысл правовых норм, но и смысл, придаваемый им

практикой применения. Это позволяет Суду оценивать порядок применения нормативного правового акта при проведении выборов.

Анализируя новое и, безусловно, значимое для защиты конституционных избирательных прав граждан, полномочие Конституционного Суда, важно выявить возможные проблемные аспекты в его регламентации и дальнейшей реализации.

1. По нашему мнению, при разрешении вопроса о признании выборов неконституционными, исходя из предложения Президиума ВНС, Конституционному Суду следует рассматривать примененный в ходе выборов нормативный правовой акт, а также смысл, придаваемый ему практикой применения в первую очередь по критериям, вытекающим из конституционных принципов выборов:

– всеобщность избирательного права – устанавливаются необоснованные ограничения для реализации пассивного и/или активного избирательного права;

– равенство при реализации избирательного права – не обеспечивается равенство голосов избирателей и равенство возможностей для кандидатов;

– свобода волеизъявления – не обеспечиваются условия для свободного формирования и выражения воли избирателя;

– прямое и тайное голосование – нарушаются условия для обеспечения реальной тайны голосования (введение непроверенных технологий электронного голосования, не обеспечивающих одновременно тайну и верифицируемость результата).

Как пример нарушения свободы волеизъявления при проведении выборов может быть рассмотрена ситуация, сложившаяся в Российской Федерации. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 30 октября 2003 г. неконституционными были признаны нормы Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав, которые предоставляли широкие возможности для квалификации действий СМИ, как нарушающие запреты на проведение предвыборной агитации. Позиция Суда заключалась в определении различий между деятельностью по информированию и агитацией, и сохранением границ между ними, с целью не допустить ограничения свободы слова и права на информацию, что, в свою очередь, нарушило бы принципы свободных и гласных выборов [10, с. 256].

Рассмотрение нарушения принципа прямого и тайного голосования было в практике Федерального конституционного суда Германии, который в своем решении от 3 марта 2009 г. признал противоречащим конституционным принципам использование электронных машин для голосования в силу невозможности граждан осознанно контролировать процесс голосования и быть уверенными в достоверности его результатов⁵.

2. Необходимо уточнить регламентацию в части последствий, наступивших в результате применения неконституционного или ненадлежащего применения конституционного нормативного правового акта при проведении выборов.

При обращении к Избирательному кодексу можно рассмотреть такие последствия при признании выборов Центральной избирательной комиссией недействительными. Выборы Президента – если допущенные в ходе выборов нарушения повлияли на итоги выборов в целом по республике. Выборы в Палату представителей – если нарушения в ходе выборов или при подсчете голосов, или при определении результатов повлияли на итоги выборов или не позволили с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей. Аналогичные правовые конструкции используются и для регламентации признания недействительными выборов в Совет Республики. Для признания выборов недействительными должно быть нарушение норм Избирательного кодекса. Очевидно, нарушения норм Кодекса и нарушения конституционных принципов и норм не равнозначны по своей сути. При этом выборы достаточно сложный, массовый, трудозатратный и дорогостоящий процесс, но и это все нельзя противопоставлять нарушению конституционных норм и принципов, основываясь на базовом постулате Конституции, устанавливающим в Республике Беларусь принцип верховенства права.

Учитывая вышесказанное, на наш взгляд, при признании выборов неконституционными, что является основанием для признания выборов недействительными и впоследствии проведения повторных выборов, необходимо учитывать принцип соразмерности. Признание выборов недействительными в рассматриваемой нами ситуации – результат, который направлен на защиту демократического института выборов в целом и на восстановление нарушенного (при этом, видится, как активного, так и пассивного) избирательного права в частности. Однако, можно предположить, что в ходе проведенных выборов могли быть нарушены права отдельных избирателей и/или кандидатов и имеющиеся нарушения не повлияли на результат выборов. При этом действующее законодательство предписывает признать выборы недействительными.

По нашему мнению, при разрешении вопроса о признании выборов неконституционными Конституционному Суду следует рассматривать нарушения конституционных принципов и норм вследствие применения неконституционного нормативного правового акта или ненадлежащего применения конституционного нормативного правового акта исходя из критерия соразмерности выявленных нарушений. Следует учитывать, являлось ли нарушение единичным или системным и могло ли повлиять на общие результаты выборов. Так, возвращаясь к ранее упоминаемому Решению Федерального конституционного суда Германии, в ходе процесса проверялась

⁵ URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/cs20090303_2bvc000307.html.

конституционность правовых актов, допускающих использование компьютеризированных машин для голосования и соответствие их основополагающим избирательным принципам, при этом ставился вопрос о признании частично недействительными выборов в 16-й Бундестаг Германии, при проведении которых применялись электронные машины. Правовые акты, регламентирующие использование устройств для голосования были признаны несоответствующими конституционному принципу публичности выборов. Однако относительно проведенных выборов Суд пришел к выводу, что выявленные нарушения не являются основанием для пересмотра результатов. Разрешение использования машин для голосования, по мнению суда, само по себе на результаты выборов и распределение мандатов не влияет. Кроме того, в решении была сформулирована позиция Суда относительно ситуаций, когда нарушения могли повлиять на итоги выборов: решение Суда о пересмотре выборов должно базироваться на принципе минимального вмешательства и соблюдения баланса интересов.

Поскольку для белорусской правовой действительности возможность признания выборов неконституционными – новое явление, при формировании практики следует учесть опыт зарубежных органов конституционного контроля. Практика, сформировавшаяся в Германии, представляется положительной, ведь в ходе признания выборов неконституционными, а в дальнейшем и недействительными отрицательные последствия наступают и для лиц, которые должным образом исполнили предписания избирательного закона. В связи с этим каждый конкретный случай нарушений необходимо оценивать с позиции его влияния на итоговый результат выборов и максимальной охраны и недопущения ограничения прав и законных интересов субъектов избирательного процесса. На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Республики Беларусь, отмечая в своих решениях, что правовые ограничения должны обеспечивать баланс между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами государства и общества. Любые ограничения конституционных прав и свобод должны быть не только юридически допустимыми, социально оправданными, но и справедливыми, необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений⁶.

3. Нерешенным и вызывающим правовую неопределенность кажется вопрос о признании выборов неконституционными в случае, предусмотренном пп. 2.1 п. 2 ст. 151 Закона, когда нормативный правовой акт, примененный при проведении выборов, или его отдельные положения, не соответствуют Конституции. Законом, по результатам рассмотрения данной категории дел, предусмотрено вынесение заключений двух видов: о конституционности проведения выборов и о неконституционности проведения выборов. Формально не решенным остается вопрос с наличием в правовом поле нормативного правового акта, несоответствующего Конституции.

Действующее правовое регулирование не дает ответа на вопрос может ли Конституционный Суд, принимая заключение о неконституционности выборов, в этом же заключении признать нормативный правовой акт или его отдельные положения несоответствующими Конституции, или этот вопрос требует решения в рамках отдельного производства по делу о соответствии Конституции нормативного правового акта.

Такая же неясность, на наш взгляд, связана с принятием заключения о конституционности выборов при отсутствии оснований, предусмотренных пп. 2.1 п. 2 ст. 151 Закона. Указанная норма закрепляет фактическое основание для признания выборов неконституционными: это нормативный правовой акт, примененный при проведении выборов, несоответствующий Конституции, нарушение конституционных принципов и норм при проведении выборов и причинно-следственная связь между ними. Реальной видится ситуация, в которой отсутствует совокупность указанных фактов. Например, примененный нормативный правовой акт, действительно, не соответствует Основному Закону, однако при рассмотрении дела судом не будет выявлено нарушений или данные нарушения не связаны с применением конкретного нормативного правового акта, даже если он неконституционный. Или, возвращаясь к нашему предложению, выявленные нарушения не повлияли на ход и результат выборов и не могут влечь признание выборов неконституционными, а в дальнейшем недействительными в силу несоразмерности нарушений с принятием решения, ограничивающего права всех участников избирательного процесса. В такой ситуации опять нерешенным остается вопрос с процессуальным порядком признания акта неконституционным.

Устранение выявленной правовой неопределенности возможно путем закрепления в Законе права Суда решать вопрос о конституционности нормативного правового акта при производстве по делу о конституционности проведения выборов и принятия соответствующего заключения. Учитывая требования к предложению о проверке конституционности выборов, закрепленные в ст. 141 Закона, принцип всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела, закрепленный в ст. 10 Закона, Конституционным Судом может быть сделан обоснованный вывод о несоответствии нормативного правового акта Конституции. А в соответствии с основаниями для признания выборов неконституционными, закрепленными в пп. 2.1. п. 2 ст. 151 Закона, Конституционным Судом должен быть сделан вывод о несоответствии нормативного правового акта Конституции. Таким образом, рассматриваемое предложение не связано с расширением предмета проверки, а лишь с уточнением процессуальных вопросов при производстве по данной категории дел.

Для устранения выявленной неопределенности предлагаем изложить п. 1 ст. 151 Закона следующим образом:

«1. По результатам рассмотрения и разрешения дела Конституционный Суд дает заключение:

- 1.1. о конституционности проведения выборов;
- 1.2. о неконституционности проведения выборов;

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=K92301304>.

1.3 о конституционности проведения выборов и несоответствии Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений;

1.4. о неконституционности проведения выборов и несоответствии Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений.»

В обоснование этого предложения стоит сказать о принципе процессуальной экономии в конституционном судопроизводстве. Несмотря на то, что Закон не называет его среди других принципов, предусмотренных в главе 2, его существование отрицать невозможно. В.Н. Витрук относит принцип процессуальной экономии к иным принципам, вытекающим из природы конституционного судопроизводства, наравне с конституционностью, публичностью и принципом достижения объективной истины [11, с. 379]. Данный принцип обуславливает возможность объединения в одно производство обращений (ст. 36) и возможность рассмотрения дел с использованием письменной формы конституционного судопроизводства (ст. 11).

Предложенные изменения позволят не допустить возникновения сомнений в возможности Конституционного Суда в одном заключении разрешить сразу два вопроса: о конституционности или не конституционности выборов и о несоответствии Конституции нормативного правового акта. А также исключат формально возможную ситуацию, при которой суд фактически вынужден излишне несколько раз проверять на соответствие Конституции один и тот же нормативный правовой акт в рамках нескольких производств, что, в числе иного, позволит оптимизировать использование различных ресурсов (время, средства и т.д.).

4. Конституция в ст. 116¹ и нормы Закона конкретно указывают, конституционность каких выборов может быть предметом проверки в Конституционном Суде: выборы Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Однако немаловажную роль в жизни общества и государства играют местные Советы депутатов. Выборы в местные органы самоуправления – такое же важное государственно-правовое событие, как выборы Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. О высоком значении депутатского корпуса местных советов для политической и социальной устойчивости общества и государства говорит Г.А. Василевич [12, с. 32], в том числе об усилении их роли в контексте конституционных преобразований 2022 г. [13, с. 17]. Принятая в 2023 г. Концепция правовой политики одним из направлений развития конституционного законодательства и законодательства о государственном управлении в пп. 41.8 закрепляет расширение полномочий местных органов власти⁷. В силу вышеназванного видится возможным расширение предмета проверки при рассмотрении дел о конституционности выборов и включении в него выборов в местные Советы. Закрепление такого полномочия возможно на уровне Закона, с внесением соответствующих изменений в Избирательный кодекс.

5. Существенные трудности, на первый взгляд, вызывает разрешение вопроса о возникновении конкуренции между Конституционным Судом и Всебелорусским народным собранием и их полномочиями в проверке конституционности проведения выборов и легитимности выборов, соответственно. Оба полномочия, как и высший представительный орган народовластия, появились в белорусской правовой действительности после референдума 2022 г. Наиболее широко вопрос соотношения полномочий рассматривался Г.А. Василевичем, который предлагает для устранения противоречий определить, в каких случаях целесообразно обращаться в тот или иной орган [12, с. 31–32]. Видится, что закрепление в обновленной Конституции двух механизмов проверки выборов подтверждает важность института выборов для государства и общества и обеспечивает его многоуровневую защиту. Механизм проверки конституционности выборов представляет собой более детально урегулированную процедуру, безусловно, это связано с тем, что речь идет о деятельности судебного органа в рамках конкретного судопроизводства. Полномочие ВНС, в свою очередь, регламентировано менее детально: не определено понятие легитимности или нелегитимности, отсутствует даже примерный перечень оснований для признания выборов нелегитимными. На наш взгляд именно с этим связано возникновение споров о конкуренции между двумя формами проверки выборов, призванных обеспечивать законность и незыблемость этого института.

Для решения этого вопроса считаем возможным принятие Конституционным Судом акта толкования Конституции в части положений, закрепляющих право ВНС рассматривать вопрос о легитимности выборов. В том числе разъяснить, что проверка конституционности выборов является правовой оценкой соблюдения конституционных принципов и норм, тогда как рассмотрение Всебелорусским народным собранием вопроса о легитимности выборов представляет собой общественно-политическую оценку их соответствия воле народа.

Заключение. В ходе проведенного исследования обновленных полномочий Конституционного Суда сформулированы следующие выводы:

1. Полномочие Конституционного Суда по проверке конституционности проведения выборов – это установленный Конституцией Республики Беларусь специализированный вид последующего, факультативного, абстрактно-конкретного судебного контроля, посредством которого Конституционный Суд, выступая в качестве независимого арбитра конституционности избрания высших органов народного представительства, проверяет соответствие Основному Закону как формальных источников избирательного права (нормативные правовые акты, примененные при проведении выборов), так и правоприменительной практики их реализации, оценивая соблюдение фундаментальных конституционных принципов избирательного процесса (свободы, равенства, всеобщности, прямого и тайного голосования).

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>.

2. Наделение Конституционного Суда Республики Беларусь полномочиями по проверке конституционности выборов является важным шагом в развитии демократических институтов и обеспечении верховенства права. Это позволит не допустить возникновения сомнений в законности проводимых избирательных кампаний и обеспечить соответствие выборов конституционным принципам и нормам.

3. Выявлены проблемные аспекты в реализации рассматриваемого полномочия и предложены способы их решения, в том числе путем совершенствования нормативно правового регулирования:

– обоснована необходимость оценки нарушений с точки зрения их влияния на результаты выборов, с целью недопущения необоснованного признания выборов неконституционными. В качестве критерия такой оценки предложено использовать принцип соразмерности, позволяющий соотнести характер нарушений с последствиями признания выборов недействительными для всех участников избирательного процесса;

– выявлена правовая неопределённость, связанная с отсутствием чёткого регулирования возможности одностороннего признания выборов неконституционными и нормативного правового акта не соответствующим Конституции. Для устранения выявленной правовой неопределённости предложено внести изменения в Закон «О конституционном судопроизводстве», предусмотрев возможность принятия заключений, которые одновременно разрешают вопросы о конституционности выборов и соответствии Конституции нормативных правовых актов;

– установлено, что действующее законодательство ограничивает проверку конституционности выборов только выборами Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики, оставляя выборы в местные Советы депутатов вне контроля. В целях усиления защиты избирательных прав граждан предлагается расширить предмет проверки за счёт включения в него выборов в местные органы власти, что соответствует общей тенденции укрепления роли местного самоуправления.

Отдельно отметим важность использования опыта зарубежных государств по осуществлению конституционного контроля за выборами при формировании практики реализации рассматриваемого полномочия. Как, например, применение принципа минимального вмешательства и баланса интересов при оценке выявленных нарушений Конституционным судом Германии.

Таким образом, видится обоснованным некоторое совершенствование правового регулирования рассматриваемого полномочия для обеспечения его соответствия демократическим принципам, оптимизации работы Конституционного Суда и усиления защиты избирательных прав граждан. При этом, безусловно, только формирование практики конституционного контроля за выборами покажет реальную значимость наличия такого механизма для общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпович Н.А. Конституционный Суд Республики Беларусь на защите избирательных прав граждан и их права на участие в референдуме // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 55–73.
2. Бодак А.Н. Конституционно-правовые аспекты совершенствования избирательной системы Республики Беларусь на современном этапе // Право.by. – 2022. – № 6(80). – С. 5–15.
3. Василевич Г.А. Конституционные принципы избирательного права в Республике Беларусь // Реформирование отечественного избирательного законодательства: проблемы и перспективы: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Тюмень, 23 сент. 2005 г. / Под ред. М.С. Матейковича, И.Н. Халина. – Тюмень: «Вектор Бук», 2006. – 184 с. – С. 21–32.
4. Гулякевич А.В. Расширение объектов конституционного контроля – важнейшее направление укрепления конституционной законности // Актуальные проблемы развития правовой системы Республики Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 26 окт. 2012 г. / Белор. гос. экон. ун-т; редкол.: Г.А. Короленок (отв. ред.). – Минск: БГЭУ, 2012. – С. 39–41.
5. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристь, 2001. – 256 с.
6. Пугачёв А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2014. – № 13. – С. 109–118.
7. Курак А.И. Принципы избирательной системы, избирательного права или выборов: теоретико-правовые и прикладные аспекты // Право.by. – 2024. – № 2(88). – С. 39–46.
8. Ипатов В.Д., Пестунов А.Н. Избирательный процесс Беларуси: этапы развития и основные принципы // Право.by. – 2016. – № 3(41). – С. 5–8.
9. Василевич Г.А., Василевич Д.Г. Конституционное право Республики Беларусь: учеб. пособие. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 240 с.
10. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 384 с.
11. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 592 с.
12. Василевич Г.А. Легальность и легитимность выборов в конституционно-правовом измерении // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 2. – С. 29–33.
13. Василевич Г.А. Актуальные направления укрепления представительной ветви власти в контексте конституционных изменений // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 нояб. 2022 г. / Белор. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2022. – С. 14–19.

Поступила 15.05.2026

**CONSTITUTIONAL CONTROL OF ELECTIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS:
NEW POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION****V. GRINEVICH***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

This article analyzes the new authority of the Constitutional Court of the Republic of Belarus to review the constitutionality of presidential elections, elections to the House of Representatives, and elections to the Council of the Republic, as enshrined in the 2022 referendum. It examines the procedural aspects of implementing this authority (the procedure for submitting a proposal to the Constitutional Court, deadlines, and grounds for issuing opinions). It identifies legal uncertainties in the regulation of the mechanism for implementing this authority, including the lack of criteria the Court should use when assessing the constitutionality of elections, the unresolved issue of the fate of unconstitutional regulations, and the exclusion of elections to local councils from the scope of review. Proposals for improving the legislation on constitutional proceedings are formulated.

Keywords: *Constitutional Court of the Republic of Belarus, constitutional control, constitutionality of elections, The Belarusian People's Congress, electoral system.*

УДК 347.91.95

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-90-96

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ПРОЦЕССУАЛИСТОВ

А.С. КОСТЮК

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3501-5530>e-mail: sudebn_ispolnicel@mail.ru

В статье рассмотрены концептуальные идеи советского периода по вопросу сущностного понимания процессуальной экономии. Выявляются проблемы правового и организационного характера в судопроизводстве и исполнительном производстве, которые детерминировали зарождение и развитие принципа процессуальной экономии. Рассмотрена дискуссия по вопросу целесообразности законодательного закрепления процессуальной экономии в числе принципов гражданского судопроизводства. Сделан вывод, что именно в советской юридической доктрине впервые в научный оборот входит термин «процессуальная экономия», но длительное время за процессуальной экономией сохранялся статус квазипринципа, что предопределялось рядом причин, в том числе и политического характера. В итоге сделан вывод, что наследие советских правоведов в части сущностного понимания принципа процессуальной экономии может быть использовано и сегодня при совершенствовании гражданского судопроизводства и исполнительного производства, основываясь на недопустимости компромисса между экономией и качеством правосудия.

Ключевые слова: процессуальная экономия, принцип процессуальной экономии, оптимизация, судопроизводство, советский период, советское судопроизводство.

Введение. На современном этапе развития отечественного процессуального законодательства значимость изучения процессуальной экономии в научных трудах советских процессуалистов обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, советский период представляет собой уникальный исторический опыт формирования и развития правовой системы, в котором принцип процессуальной экономии приобрел особое значение в условиях ограниченных ресурсов и необходимости обеспечения доступности правосудия для широких слоев населения. Во-вторых, изучение советского опыта позволяет выявить теоретические и практические подходы к оптимизации гражданского процесса и, в частности, исполнительного производства, которые могут быть полезны для решения современных правоприменительных проблем. Кроме того, потребность обращения к советским научным концепциям обусловлена тем, что многие современные идеи о процессуальной экономии, в том числе, лежащие в основе действующего законодательства, основываются на результатах советской юридической науки. Анализ научных трудов советских процессуалистов позволяет проследить эволюцию представлений о процессуальной экономии, выявить сильные и слабые стороны различных подходов, а также определить возможности их адаптации к современным условиям. Отметим, что значимость понимания процессуальной экономии проявлялась как при исполнении решений судов судебными исполнителями советского периода, так и при деятельности органов принудительного исполнения Республики Беларусь на современном этапе. Рациональное использование ресурсов, сокращение сроков исполнения, минимизация издержек – все это является неотъемлемой частью эффективного исполнения судебных решений. Изучение советского опыта в данной сфере позволяет выявить эффективные механизмы оптимизации исполнительного производства.

Цель исследования заключается в установлении направлений научной мысли советского периода о сущностном понимании процессуальной экономии в судопроизводстве и исполнительном производстве посредством проведения обзора литературных источников данного периода развития правовой науки. Объектом исследования выступают теоретические концепции, научные взгляды и толкования сущности процессуальной экономии в юридической науке советского периода, изучающие её содержание, цели, а также способы реализации в законодательстве для обеспечения быстрого, эффективного и наименее затратного разрешения правовых споров и исполнения судебных решений.

Основная часть. В современной практике реализации принципа процессуальной экономии в гражданском процессе и исполнительном производстве до сих пор существует ряд проблем, с которыми еще в конце XIX в. – начале XX в. столкнулись правоведы. К ним относятся, в частности, чрезмерная формализация процедур, недостаточная эффективность применения альтернативных способов разрешения споров, а также не всегда оправданное увеличение сроков рассмотрения дел и исполнения решений судов. Применение опыта советского периода, в частности, разработка и внедрение упрощенных процедур, усиление роли суда в активном управлении процессом, а также использование примирительных процедур, может способствовать решению этих проблем и повышению эффективности правосудия.

Анализ научной литературы советского периода становления доктрины цивилистического процесса позволяет утверждать, что новый этап развития научной мысли о процессуальной экономии открывается после Октябрьской революции 1917 г. Но прежде чем переходить к анализу влияния концептуальных идей советского периода на сущностное содержание принципа процессуальной экономии, необходимо понимать, какие изменения проходили в государственной и общественной жизни этого периода, прямо влиявшие на становление и развитие советского права.

Отметим, что Октябрьская революция 1917 г., фундаментально трансформировавшая общественно-политическую структуру страны, радикально переориентировала правовую систему и юридическую доктрину, инициировав формирование принципиально новой теоретической базы взамен прежней, что, по мнению идеологов коммунистического режима, являлось необходимым условием для легитимации нового государственного устройства. Дореволюционное право, включая отраслевое процессуальное право, квалифицированное как «буржуазное», сохраняло временную применимость в период становления социалистического права, что объяснялось объективной невозможностью оперативной разработки и принятия всеобъемлющего нормативно-правового регулирования общественных отношений [1]. Особую роль в этот период играло «социалистическое правосознание», которое служило ориентиром для судей в условиях отсутствия прямого нормативного регулирования.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в развитии системы принудительного исполнения судебных решений, которая к началу XX в. испытывала потребность в модернизации, что было связано с громоздкостью процесса исполнения судебных решений, активным участием полиции в принудительном исполнении и недостаточно эффективным принудительным взысканием. Таким образом, реформирование системы принудительного исполнения предопределялось необходимостью ускорения процесса исполнения судебных решений, устранения бюрократизма, характерного для дореволюционной системы, а также потребностью в усилении защиты прав сторон исполнительного производства.

Советские исследователи первой половины XX в. периодически указывали на необходимость экономии при отправлении правосудия, упрощения судебных процедур, устранения формализма и бюрократизма, а также повышения производительности судебной системы, но прямо не отмечали существование или необходимость выделения принципа процессуальной экономии.

Так, если мы обратимся к тезисам к докладу Прушицкого о Гражданском Процессуальном кодексе, прочитанному в Обществе работников советского права, которые были опубликованы в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 46-47 (декабрь 1922 г.), то увидим указание на следующие требования к гражданскому судопроизводству: «максимальный эффект при минимальных затратах сил» [2, с. 37]. В этих же тезисах подчеркивалось, что «производительность судебной работы определяется не только количеством произведенных решений, но и их качеством» [2, с. 37]. Исходя из анализа представленных тезисов, можно выделить следующие установки, в рамках которых зарождалось сущностное понимание процессуальной экономии: во-первых, отказ от формализма судебного процесса, при котором главенствующая роль отдавалась не нормативно закреплённому порядку судейского разбирательства, а судейскому усмотрению; во-вторых, гражданский процесс должен был развиваться, основываясь на основополагающих идеях будущего гражданского процессуального кодекса Советского союза и некоторых императивных требованиях (их количество было незначительным); в-третьих, отказ от состязательности, которая признавалась злейшим врагом формируемой идеологии, и допущение принятия мер принуждения, что обосновывается целью получения максимального эффекта от правосудия и принципом экономии сил. Примечательно, что вопросы исполнения судебных решений в докладе не освещались.

Схожее настроение мы выявляем и в работе А. Лисицына, опубликованной в 1922 г. в журнале «Еженедельник советской юстиции». Автор задается вопросом о том, каким должен быть новый суд и судебный процесс, противопоставляя дореволюционный медленный и бюрократический суд новому направлению развития судебного процесса, выступающему простым, быстрым и понятным каждому советскому гражданину. Автором поднимается существовавшая проблема, связанная с бюрократизмом судебного аппарата (в рамках уголовного судопроизводства). По итогу А. Лисицын заключает следующее: «Тот, кто задумывается над будущим нашего суда, кто любит и знает его работу, не может не ломать головы о том, как упростить судопроизводство, как свести до минимума формальности. Иначе, делается обычным явление, когда сотни дел в каждом суде лежат в ожидании очереди, так как пропускная способность судьи при указанных условиях ничтожная» [3, с. 2].

Говоря о необходимости нового кодифицированного гражданско-процессуального законодательства, П.И. Стучка отстаивал необходимость упрощения права и создания доступного «социалистического права», противопоставляя новый суд, приближенный к населению, «буржуазному» суду, обремененному формальностями. Упрощение правовых норм и экономия в отправлении правосудия отражали политику государства, направленную на повышение производительности. В частности, выдвигался тезис о достижении «максимального эффекта при минимальных затратах сил» [4, с. 5-8].

Судебный исполнитель Ульяновской губернии Э. Юргенс, анализируя статью П. Коновалова «Исполнение решений» (1927 г.), согласился с тем, что в 1927 г. был ряд причин, которые замедляли и снижали эффективность работы исполнительного аппарата судов. При этом решение проблемы виделось в укреплении авторитета судов через эффективное исполнение решений [5, с. 996-997]. Можно выделить два предложения автора, которые он рассматривал в качестве средств по устранению существовавших проблем: 1) централизацию (предлагалось передать всю работу по исполнению решений судов в исключительное ведение судов); 2) изменение системы оплаты труда судебных исполнителей. В представленном анализе Э. Юргенса возможно проследить глубокую связь между выбранным вектором реформирования советской системы исполнения судебных решений и становлением фундаментальных правовых принципов, включая и предпосылки становления принципа процессуальной экономии в исполнительном производстве и, в целом, в гражданском процессе. Так, несмотря на то, что термин «процессуальная экономия» в тексте автором напрямую не упоминался, фактически обосновывалась его

необходимость. К примеру, предложенная централизация предполагала устранение дублирующих функций и ликвидацию межведомственной путаницы, что выступает классическим примером экономии ресурсов системы принудительного исполнения. Автор устанавливает прямую взаимосвязь эффективной работы с «быстротой и продуктивностью». Создание специализированной судебной системы с аппаратом принудительного исполнения должно было сократить сроки прохождения дела от вынесения решения до его фактического исполнения.

Таким образом, Э. Юргенсом были сформулированы прикладные механизмы реализации процессуальной экономии, несмотря на то что в первые годы советской власти данный термин еще не использовался. Здесь стоит сделать важное замечание: несмотря на радикальную смену политического строя, советское исполнительное производство на ранних этапах сохранило верность дореволюционным правовым традициям, продолжая свое развитие в качестве части гражданского судопроизводства, поэтому между судом и органами, исполняющими судебные решения, все крепче устанавливались взаимосвязи для достижения общих целей построения новой системы правосудия, которая, в противовес буржуазной, должна была стать быстрой, простой, лишенной формализма и бюрократизма. Важнейшим историко-правовым аспектом является трансформация статуса исполнительного производства от полицейской дореволюционной модели (функции исполнения решений судов часто возлагались на полицейские органы, использовалось административное принуждение и т.п.) до процессуальной советской модели (передача функций по исполнению решений в ведение судов окончательно закрепила за исполнительным производством статус завершающей стадии гражданского процесса, крайнего этапа реализации права на защиту). Соответственно, несмотря на отсутствие закрепленных специальных принципов исполнительного производства, на него распространялись принципы гражданского судопроизводства. Можно предположить, что именно по этой причине советские исследователи долгое время не обращались к разработке принципов исполнительного производства, не видя в этом нужды при имеющейся системе принципов гражданского процесса.

Подход отмеченных авторов определяется доминировавшей в советский период парадигмой приоритета достижения оптимальных результатов при минимальных ресурсных затратах. Не следует, однако, делать вывод о полном отсутствии процессуальных задержек в советском гражданском судопроизводстве, несмотря на декларируемые принципы упрощения и ускорения, обусловленные отказом от дореволюционного законодательства и соответствующей теоретической базы.

Предпринимаемые советским правительством мероприятия по оптимизации судопроизводства, направленные на достижение экономии и оперативности в вынесении судебных решений, вызывали критику в 1930-х гг. А.П. Вершинин, анализируя специфику судебной защиты гражданских прав в период конца 20-х – начала 30-х гг., справедливо отметил, что критика была вызвана такими факторами, как несовершенство процессуального законодательства, отсутствие его единообразного применения, недостаточная квалификация судей, зачастую не имевших юридического образования, а также проявление произвола в судебной практике [6, с. 132–133]. Рассматривая задачи органов юстиции, Н.В. Крыленко в 1935 г. указал, что необходимость реагирования на критику судебной системы и курса на упрощение судопроизводства привела к принятию нормативных правовых актов, подчеркивающих важность укрепления законности и борьбы с «упрощенчеством», что стало одной из первоочередных задач в 1930-х гг. [7, с. 29–30].

Термин «процессуальная экономия» на начальном этапе развития советской правовой мысли практически не использовался. Но, к примеру, А.А. Бугаевский (1924 г.) отмечал принцип концентрации, отражающий то, что «стороны под угрозой тех или иных процессуальных невыгод, побуждаются к представлению всех имеющихся у них доказательств в самом начале процесса, во всяком случае, ими должна быть сделана ссылка тогда же на те доказательства, которые не могут быть ими представлены в начале процесса» [8, с. 38]. По мнению исследователя, «это ведет к более скорому окончанию дела и, кроме того, благодаря применению принципа концентрации, суд, получая все материалы сразу, может лучше уяснить и усвоить дело, чем когда представление доказательств будет растянуто на продолжительное время» [8, с. 39]. Рассматривал А.А. Бугаевский и особенности исполнения решений судов, в том числе и принципы исполнения. Но стоит заметить, что несмотря на то что автор называл часть своего исследования «Общие принципы исполнения решения», он не указывал какие-либо конкретные принципы, ограничиваясь лишь указанием на право взыскателя на обращение за принудительным исполнением к государству, а также на отсутствие необходимости в обращении взыскания на личность должника и др. [8, с. 69]. Таким образом, А.А. Бугаевский представил основные идеи нового исполнительного производства, но не его принципы.

Анализируя потенциальные способы оптимизации кассационного процесса, Н. Кабанов подчеркивал, что вопросы упрощения судебного производства имеют значение не только в контексте экономии ресурсов и рационального использования сил и средств. Данные меры, с одной стороны, должны быть направлены на ускорение процесса, сокращение временного интервала между возбуждением дела и его завершением. С другой стороны, подразумевается создание условий для повышения доступности правосудия посредством уменьшения излишних процессуальных формальностей [9, с. 354]. Другими словами, автор акцентирует внимание на необходимости баланса между процессуальной экономией, скоростью рассмотрения дел и доступностью судебной защиты, что является важным аспектом реформирования судебной системы. Этот баланс, как отмечает автор, является ключевым фактором для обеспечения эффективности и справедливости отправления правосудия [9, с. 354].

Единственное упоминание в трудах советских правоведов до 1930 г. термина «процессуальная экономия» мы встречаем в исследовании А.Ф. Клейнмана, посвященном третьим лицам в гражданском процессе. Он не раскрывал сущности процессуальной экономии, но использовал данную терминологию в контексте оптимизации

и ускорения гражданского судопроизводства. В рамках проводимого нами исследования важно указать на то, что А.Ф. Клейнман установил неразрывную связь процессуальной экономии с рационализацией и оперативностью гражданского процесса [10, с. 11]. Следует отметить, что, анализируя советское гражданское процессуальное право, автор опирался на фундаментальные теоретические разработки ученых-процессуалистов дореволюционного периода, среди которых Е.В. Васьковский, А.В. Боровиковский, Т.М. Яблочков и др.

Таким образом, рассмотрение исследований, относящихся к раннему периоду советской власти, позволяет сделать вывод о наличии явной дихотомии между новообразованным судом коммунистического режима, ориентированным на близость к населению и оперативность рассмотрения дел, и судом буржуазным, который представлялся как институт, затягивающий разрешение гражданско-правовых конфликтов из-за множества формальных требований, закрепленных в законодательстве. Обсуждение в юридической литературе в первые годы советской власти вопроса о необходимости упрощения правовых норм и повышения эффективности судебного производства получило широкое распространение, отражая государственную политику, нацеленную на увеличение производительности труда и достижение максимальной результативности во всех сферах. Данная тенденция находила свое отражение в стремлении к созданию более доступной и понятной правовой системы, отвечающей потребностям нового общества и задачам экономического строительства. Это соответствовало общей стратегии советской власти, направленной на реформирование всех аспектов жизни общества в соответствии с принципами коммунистической идеологии.

Примечательно, что, несмотря на обсуждение вопросов оптимизации и ускорения судопроизводства, термин «процессуальная экономия» практически не использовался в терминологии того времени. Данное обстоятельство, вероятно, объясняется отрицанием буржуазной правовой доктрины и, как следствие, отсутствием развитой науки гражданского процессуального права в рассматриваемый исторический период.

Переходя к анализу советского этапа развития научной мысли о принципе процессуальной экономии после 30-х гг. XX в., отметим, что, хотя эпоха повсеместного упрощения процессуальных норм завершилась к середине 1930-х гг., ее влияние на интерпретацию принципов процессуального права было значительным и послужило фундаментом для многочисленных научных трудов советской эпохи. В то же время возникла диаметрально противоположная позиция о необходимости исключения или сохранения экономии в судопроизводстве, что косвенно обусловило отсутствие данного принципа в системе процессуальных правовых принципов. Обе эти позиции, по сути, представляли собой крайности: экономия часто приводила к снижению качества правоприменительной деятельности, а акцент на запрете экономии – к неоправданным издержкам и бюрократическим задержкам.

В годы Великой Отечественной войны вопрос упрощения судопроизводства вновь приобрел актуальность. Ужесточение уголовно-процессуальных норм было обусловлено обстоятельствами военного времени и сложной криминогенной обстановкой в тылу. Завершение войны, прекращение массовых репрессий, либерализация общественных отношений и неоднозначная оценка репрессивной практики стимулировали развитие концепции усложнения процессуальной формы, в частности с целью усиления гарантий законности. Нельзя не обратить внимание на существовавший в юридической доктрине послевоенного времени спор, связанный с целесообразностью возведения процессуальной экономии в ранг принципов судопроизводства. Данный спор развернулся среди процессуалистов, изучающих как гражданское, так и уголовное судопроизводство.

Наиболее ярко данная дискуссия прослеживается между специалистами в области уголовно-процессуального права П.А. Пашкевичем [11] и М.С. Строговичем [12]. Предметом дискуссии выступали вопросы дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы, однако идея процессуальной экономии стала ключевым элементом дебатов. М.С. Строгович критически относился к концепции процессуальной экономии, отрицая её значимость и считая надуманной. Он утверждал, что рационализация уголовного судопроизводства несовместима с «процессуальной экономией», которая, по его мнению, влечет нарушение законности и ограничение процессуальных гарантий [12, с. 51]. П.А. Пашкевич, напротив, поддерживал идею процессуальной экономии, рассматривая её как принцип уголовного процесса. Он определял суть принципа как устранение излишних элементов из процессуальной формы с заменой их более экономичными средствами, обеспечивающими надлежащее отправление правосудия [11, с. 54]. Исследователь делал акцент на рациональной составляющей процессуальной экономии, критикуя М.С. Строговича за отрицание рационального использования процессуальных средств. Бесспорно то, что концепция процессуальной экономии тесно связана с упрощением процессуальной формы. П.А. Пашкевичем предлагалось введение упрощенного судопроизводства по делам с очевидными обстоятельствами. М. С. Строгович считал недопустимым выделение категории «простых» дел, указывая на субъективность такой оценки и опасность предвзятости.

Разногласия в вопросе дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы продемонстрировали принципиальный методологический аспект, затрагивающий интерпретацию концепции процессуальной экономии. Приверженцы упрощения процессуального порядка наделяют процессуальную экономию статусом основополагающего принципа (П.А. Пашкевич). В свою очередь, сторонники унификации, допуская вариативность процессуальных форм только в направлении усложнения, отказывают идее процессуальной экономии в праве на признание в качестве принципа и даже в самом существовании (М.С. Строгович). Представляется, что подобная разрозненность взглядов обусловлена ограниченным подходом к интерпретации сущности процессуальной экономии. В юридической литературе советского и постсоветского периодов термин «процессуальная экономия» используется преимущественно в контексте упрощения процессуальной формы, исключения отдельных элементов из судопроизводства, сокращения процессуальных сроков, издержек и т. д. Подобная узкая трактовка характерна как для

сторонников, так и для противников данной концепции. На наш взгляд, такое толкование неоправданно сводит содержание исследуемого понятия лишь к упрощению процессуальной формы и минимизации затрат.

Если мы обратим внимание на идеи советских исследователей по вопросу принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве, то увидим менее категоричные суждения в контексте «за» и «против» выделения данного принципа. Анализ литературных источников демонстрирует тяготение научной мысли в пользу необходимости возведения процессуальной экономии в ранг принципов гражданского процессуального права. Так, в советской юриспруденции идея интеграции принципа процессуальной экономии в число фундаментальных начал гражданского процесса впервые была предложена М.А. Гурвичем в работе, посвященной разработке системы принципов советского гражданско-процессуального права (1974 г.), который считал, что данный принцип, направленный на обеспечение оперативного и эффективного судопроизводства, служит ключевым механизмом противодействия волоките и порождаемым ею бюрократизму, являясь важным условием социалистического демократизма судебного разбирательства, которое характеризуется стремлением к быстроте, точности и действенности в достижении целей правосудия [13, с. 24]. Однако не можем не отметить, что еще ранее в 1950 г. в курсе лекций по советскому гражданскому процессу М.А. Гурвич обращался к принципу процессуальной экономии, прямо не относя его к системе принципов советского гражданского процессуального права, а рассматривая исключительно в контексте встречного иска [14, с. 28, 57, 97, 140–141]. Данный институт, по мнению исследователя, стремился к достижению цели экономии в процессе [14, с. 57, 140–141].

В.В. Тихонович (1971 г.) определял «процессуальную экономию» как принцип, обеспечивающий продвижение процесса к наиболее полному и рациональному использованию процессуальных средств для достижения правильного и быстрого разрешения гражданских дел с минимальными затратами ресурсов и времени всех участников, включая суд и лиц, участвующих в деле [15, с. 10]. Примечательно, что автор указывал на двух адресатов принципа процессуальной экономии: законодателя и участников процесса. Законодатель, следуя принципу процессуальной экономии должен разрабатывать наиболее рациональные правила судопроизводства. Путем оптимизации законодательством процессуального законодательства устраняются препятствия к движению дела на всех стадиях гражданского процесса. Что же касается участников гражданского процесса, то здесь В.В. Тихонович имел в виду, в первую очередь, суд, который, подчиняясь принципу процессуальной экономии при рассмотрении и разрешении дела, должен использовать процессуальные средства рационально [15, с. 9]. Стоит признать, что диссертация В.В. Тихоновича представляет собой первое комплексное, глубокое и всестороннее исследование принципа процессуальной экономии в советской процессуальной науке, на уровне которого удалось не только доказать существование данного принципа, но и обосновать его значимость для судопроизводства посредством раскрытия сущностных элементов и их эффективности в процессе реализации при рациональном использовании. Вклад исследования в науку цивилистического процесса подтверждается и тем, что после выхода в свет его диссертации в научном сообществе все более активно начинает поддерживаться тезис о необходимости выделения процессуальной экономии в качестве принципа гражданского судопроизводства.

Так, В.Н. Щеглов (1976 г.) относил принцип процессуальной экономии к базовым принципам судопроизводства, закрепленным в основных законодательных актах, регулирующих процессуальные отношения. Он подчеркивал, что систематический анализ законодательства указывает на то, что процессуальная экономия является руководящим принципом гражданского процесса в целом на всех его этапах. Реализация процессуальной экономии подразумевает одновременное обеспечение оперативности процесса и вынесение юридически обоснованного решения. Он отмечал, что процессуальная экономия обеспечивается посредством различных институтов и правовых норм, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством [16, с. 37, 41].

Однако было и немало противников теории возведения процессуальной экономии в ранг принципов судопроизводства. Так, к примеру, в учебнике по советскому гражданскому процессу К.С. Юдельсона (1956 г.) при характеристике принципов судопроизводства мы не находим никакого упоминания о принципе процессуальной экономии. Здесь важно отметить, что исследователь придерживался позиции, что принципами гражданского процесса могут быть лишь те принципы, которые на законодательном уровне прямо закреплены, отрицая возможность признания принципами доктринально выработанных идей [17, с. 32]. Схожей позиции придерживался и В.А. Семенов, утверждая, что принципы, не нашедшие закрепления в законодательстве, выступают не принципами права, а принципами правосознания [18, с. 28, 29]. Поддерживала такой подход и Н.А. Чечина, прямо указывая на невозможность рассмотрения процессуальной экономии в качестве принципа права [19, с. 84]. Представляется, что именно это стало причиной тому, что К.С. Юдельсон и Н.А. Чечина основывали свой анализ исключительно на системе принципов, нашедших отражение лишь в процессуальном законодательстве, обходя стороной доктринально выработанные принципы.

Включение принципа процессуальной экономии в структуру основополагающих начал гражданского судопроизводства встретило в свое время критику со стороны С.Н. Абрамова. Его контраргументы сводились к утверждению, что оперативность, минимизация издержек и открытость не являются всеохватывающими для процессуальной системы и ее отдельных институтов, данные характеристики присущи не только судебной деятельности, но и работе любого советского учреждения [20, с. 22; 21, с. 25–26]. Но одновременно исследователь отмечал, что минимальные судебные издержки упрощают процесс, что способствует доступности суда для советских граждан [21, с. 25–26]. Исследователь вступает в противоречие со своими же утверждениями, указывая, что оперативность, минимизация издержек и открытость не являются всеохватывающими для процессуальной

системы, но далее отмечает, что скорость, экономичность и доступность свойственны функционированию всех элементов государственного аппарата. Вызывает вопрос и второй аргумент в части того, что процессуальная экономия свойственна не только суду, но и другим государственным органам, ведь, следуя такой логике, мы должны отказаться и от такого универсального принципа, как законность, которому также подчиняются все государственные органы и учреждения.

Таким образом, спор о месте и роли процессуальной экономии в советской юридической доктрине был связан не столько с противоположными методологическими подходами, сколько с неоднозначностью толкования сущностного содержания процессуальной экономии, что не позволяло научному сообществу однозначно прийти к единому выводу о целесообразности закрепления на законодательном уровне процессуальной экономии в качестве принципа гражданского судопроизводства. Сведение советскими процессуалистами сущностного понимания процессуальной экономии к упрощению процессуальной формы и сокращению судебных издержек представляется явно недостаточным для полного понимания такого многогранного явления.

В 1980-х гг. появляются первые учебные пособия по исполнительному производству [22; 23]. Обратим внимание, что в первом учебнике по исполнительному производству, который был выпущен в 1983 г. под редакцией Л.Ф. Лесницкой, Л.В. Филатовой и М.К. Юкова, содержался отдельный параграф, посвященный принципам исполнительного производства (§ 1 главы 3) [22]. Анализ данного параграфа позволяет заключить, что советские исследователи начали уделять пристальное внимание принципам исполнительного производства, рассматривая их не изолированно, а в тесной взаимосвязи с основополагающими принципами гражданского судопроизводства. Данный подход демонстрирует преемственность исполнительного производства как стадии гражданского судопроизводства. Примечательно, что правоведы, рассматривая функции судебного исполнителя и суда в исполнительном производстве, указывают на необходимость быстрого и реального исполнения судебных решений. Это, бесспорно, демонстрирует стремление к реализации процессуальной экономии, то есть к достижению результата в кратчайшие сроки с минимальными затратами. Нельзя сказать, что Л.Ф. Лесницкая, Л.В. Филатова и М.К. Юков стали первыми, кто указал на существование и содержательную специфику принципа процессуальной экономии относительно исполнительного производства, так как данный термин исследователями все-таки не использовался, однако реализация данного принципа явно прослеживается в акценте исследователей на скорости и эффективности совершения исполнительных действий.

Таким образом, научный труд Л.Ф. Лесницкой, Л.В. Филатовой и М.К. Юкова свидетельствует о глубоком понимании советскими учеными сложной природы исполнительного производства и его тесной связи с гражданским процессом, а также признании важности процессуальной экономии в целях эффективной защиты прав и интересов участников исполнительного производства. Обратим внимание, что спустя год М.К. Юков рассматривал вопросы исполнения решений в отношении социалистических организаций, однако принципы исполнительного производства в нем отражены не были [23].

Заключение. Приходим к выводу, что советская доктрина процессуального права развивала научные воззрения на сущностное понимание принципа процессуальной экономии через призму социально-политического контекста. В советской научной среде на протяжении значительного периода времени продолжались дискуссии относительно целесообразности признания процессуальной экономии в качестве основополагающего принципа. Анализ показывает, что значительная часть советских исследователей демонстрировала ограниченное понимание мировоззренческого аспекта, сводя его преимущественно к политическим факторам. Подобная интерпретация, по нашему мнению, обуславливала сомнения среди советских ученых, что детерминировало длительное сохранение за процессуальной экономией статуса квазипринципа: когда фактически принцип процессуальной экономии был направлен на судебную деятельность, но юридически оставался вспомогательным инструментом. Иными словами, процессуальная экономия обладала внешними признаками руководящей идеи, но была лишена ряда ключевых характеристик классического правового принципа, выступая не как самостоятельная цель, а как инструмент реализации права на правосудие в разумный срок. Принцип процессуальной экономии не был законодательно закреплён, но выводился исследователями из некоторых частных норм, представляясь в качестве «кандидата в принципы» (квазипринципа) по причине того, что он описывал, по мнению советских юристов, скорее рациональную технологию судопроизводства, чем его сущностную нравственно-правовую основу.

Возникший спор о необходимости и целесообразности выделения в качестве принципа судопроизводства процессуальной экономии позволил рассмотреть важную проблему – необходимость комплексного подхода к определению принципов судопроизводства. Важно понимать, что любой принцип должен проецировать не только идеалы эффективности и экономии, но и выступать гарантией соблюдения законности, прав и интересов граждан, а также обеспечивать надлежащий уровень правовой защищенности всех участников процесса. Исключительно при таком подходе возможно достигнуть баланса между качеством правосудия и процессуальной экономией.

В советский период появляются первые научные исследования, в рамках которых делается акцент на специфике процессуальной экономии в рамках исполнительного производства. Эволюция исполнительного производства прошла путь от дореволюционной полицейской формы к советской судебной модели, где начинает пониматься как завершающая стадия гражданского процесса. Такая тесная интеграция обуславливала то, что на исполнительное производство долгое время автоматически распространялись принципы гражданского процессуального права, что сдерживало развитие его собственной концептуальной идеи, обладающей своей спецификой. Несмотря на отсутствие прямого закрепления, принцип процессуальной экономии фактически внедрялся через требования оперативности и централизации системы принудительного исполнения. Лишь к 1980-м гг. в советской доктрине наблюдается

системное выделение специфических принципов исполнения, ориентированных на результативность взыскания, что заложило фундамент для последующей модернизации исполнительного производства.

Полагаем, что дальнейшие исследования в данном направлении, учитывая современные экономические реалии, необходимы для переоценки значимости процессуальной экономии как принципа гражданского судопроизводства, так и для переосмысления её специфики в рамках исполнительного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новицкая Т.Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год советской власти // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 48–54.
2. Тезисы к докладу т. Прушицкого о Гр.-Пр. код. прочит. В Общ. раб. сов. права // Ежедневник советской юстиции. – 1922. – № 46–47. – URL: <https://www.prlib.ru/node/331833/source>.
3. Лисицын А. Нужно упростить судопроизводство // Ежедневник советской юстиции. – 1922. – № 43. – С. 1–2. – URL: https://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3340/1/sovetskaya_yustitsiya_1922_43.pdf.
4. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. – 3-е изд., пересм. и доп. – М.: Изд-во Ком. Акад. 1924. – 141 с.
5. Юргенс Э. Исполнение судебных решений // Ежедневник советской юстиции. – 1927. – № 32. – С. 996–997.
6. Вершинин А.П. Деформация судебной защиты гражданских прав и интересов в конце 20-х – начале 30-х годов // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 132–133.
7. Крыленко Н.В. Задачи органов юстиции. – М.: «Советское законодательство», 1935. – 31 с.
8. Бугаевский А.А. Гражданский процесс в его движении. – Л.: [б. и.], 1924. – 111 с.
9. Кабанов Н. Упрощение кассационного производства // Ежедневник советской юстиции. – 1927. – № 12. – С. 354–356.
10. Клейнман А.Ф. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. – 83 с.
11. Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54–56.
12. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
13. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. – 1974. – № 12. – С. 20–27.
14. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. – М.: Тип. «Красная звезда», 1950. – 198 с.
15. Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бел. гос. ун-т. – Минск, 1975. – 28 с.
16. Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право. – Томск: Изд-во Томск. госуниверситета, 1976. – 81 с.
17. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: учеб. для юрид. вузов. – М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.
18. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1982. – 152 с.
19. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 104 с.
20. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 483 с.
21. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 420 с.
22. Лесницкая Л.Ф., Филатова Л.В., Юко М.К. Исполнительное производство: учеб. для сред. спец. учеб. заведений, спец. № 1803 «Правоведение». – М.: Юрид. лит., 1983. – 175 с.
23. Юков М.К. Исполнение решений в отношении социалистических организаций. – М.: Юрид. лит., 1984. – 128 с.

Поступила 10.03.2026

PROCEDURAL ECONOMY IN THE SCIENTIFIC WORKS OF SOVIET PROCESSUALISTS

A. KASTSIUK

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The article examines the conceptual ideas of the Soviet period on the issue of the essential understanding of procedural economy. The problems of a legal and organizational nature in legal proceedings are identified, which became the basis for the emergence and development of the principle of procedural economy. The discussion on the expediency of legislative consolidation of procedural economy among the principles of civil proceedings is considered. It is concluded that it was in the Soviet legal doctrine that the term "procedural economy" was first introduced into scientific use, but for a long time procedural economy retained the status of a quasi-principle, which was predetermined by a number of reasons, including political ones. As a result, it is concluded that the legacy of Soviet jurists can still be used today in improving civil proceedings, based on the inadmissibility of a compromise between economy and the quality of justice.

Keywords: procedural economy, principle of procedural economy, optimization, judicial proceedings, Soviet period, Soviet judicial proceedings.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-97-103

СОРАЗМЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (Часть 1)

С.С. ОЛЕСЬКО

(Полоцкий государственный университет имени Ефросинии Полоцкой)

Рассматривается соразмерность конституционных ценностей как правовые категория и явление. Определяются её сущность, содержание и значение. Исследуются основные свойства соразмерности конституционных ценностей. Предлагается её понимание как презумпции, принципа правотворческой и правоприменительной деятельности. Изучается тест на пропорциональность в качестве инструмента, основанного на ценности соразмерности. Отмечается её взаимосвязь с феноменом конституционной идентичности. На практике конституционного правосудия показывается специфика соразмерности в условиях цифровизации. Приводятся примеры нарушения соразмерности конституционных ценностей в новых реалиях. Выявляются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: конституционные ценности, конституционная аксиология, конституция, основной закон, соразмерность, цифровизация, конституционное правосудие, орган конституционного правосудия.

Введение. Ещё в V в. до н. э. древнегреческий философ Протагор возгласил: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Спустя два с половиной тысячелетия высказывание не утратило актуальности и стало постулатом в обеспечении сбалансированного состояния конституционных ценностей, оговаривая их соразмерность. Неслучайно в наше время высшими ценностями общества и государства в конституциях провозглашаются человек, его права и свободы, гарантии их реализации – это те самые мерилы, линейка соразмерности. Но личность, общество и государство находятся на непростом этапе развития. Причина – в цифровизации, коснувшейся чуть ли не каждого уголка современной жизни. В итоге одновременное удовлетворение возрастающих личностных и общественных интересов, основанных на разных конституционных ценностях, всё более затруднительно. Под воздействие процессов попали и ценности как важнейшие ориентиры, определяющие вектор развития государственности. Цифровизация заставила пересмотреть многое, и ценностная соразмерность не стала исключением.

Проблемы, связанные с соразмерностью конституционных ценностей в условиях цифровизации, в правовой доктрине не освещены, и лишь юридическая практика осязала это явление. Тема обсуждения, вынесенная в заглавие, заявляет об актуальности и значимости настоящего исследования, задавая темпы новым открытиям. Выражаясь словами Б. де Спинозы: «рассмотрим в естественном свете».

Основная часть. В общенаучном смысле *соразмерность (пропорциональность)* рассматривается как соответствие тех или иных вещей либо явлений по определённым однородным критериям: значению, достоинству, количеству, качеству, размеру и прочим. Категория используется в разных отраслях права с некоторой спецификой и поэтому выступает обще- и частноправовой одновременно. В Республике Беларусь в Конституции изучаемые слова не встречаются, их можно отыскать в ином законодательстве. Часть 2-я ст. 1.4 Кодекса об административных правонарушениях отсылает к обязательной соразмерности административного взыскания тяжести правонарушения. Уголовный же кодекс не апеллирует к данным понятиям, но в чч. 6 и 7 ст. 3, применительно к мерам уголовной ответственности, употребляются такие категории как «справедливый», «необходимый» и «достаточный», ст. 62 о правилах назначения наказания – «принцип индивидуализации». Хотя соразмерность не называется, её наличие как *универсальной правовой категории* презюмируется, так как соразмерность выступает *важнейшим общеправовым маркером правильности решения*. Её использование в законодательстве, правотворчестве и правоприменении лишней раз доказывает практическое значение.

В новых условиях конституционные ценности сосуществуют в реальной и виртуальной областях, где их реализация, правовая охрана и юридическая защита должны обеспечиваться на равных. Проблема, опосредованная процессами цифровизации, предопределяется в первую очередь затруднением либо упрощением реализации определенных ценностей. Создаются предпосылки к их дисбалансу, хотя соразмерность должна соблюдаться в каждой жизненной параллели, в противном случае случится правовой коллапс и в возникших нестандартных условиях реальные охрана и защита ценностей станут невозможными.

Осознавалось значение соразмерности даже в те времена, когда о конституционном правопорядке не было и речи. В эпоху Возрождения её важность подчёркивал флорентийский государственный деятель Н. Макиавелли в своей риторике: «если [...] соблюдать меру между теми, кто применяет насилие, и теми, кто его терпит, то каждый [...] примирится с отведенным ему положением» [1, с. 210]. Его высказывание свидетельствует о понимании соразмерности критерием некой социальной справедливости. Белорусский историк права Д.В. Щербик уточняет, что «понимание принципа общесоциальной справедливости [...] изменялось на различных этапах развития права, [...] различные подходы к пониманию справедливости с очевидностью определяют отличие феодальной справедливости от современной. [...] Однако [...] общие представления о необходимости эквивалентности как основы справедливости лежат в основе каждого исторического типа права» [2, с. 116]. Справедливости

ради, следует отметить, что, независимо от эпохи, «правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности [...] и жить с народом в мире и согласии» [1, с. 65].

Размышляя над справедливостью в правовом ключе, М.И. Марченко рассматривал этот принцип в двух аспектах: равном юридическом масштабе поведения и соразмерности юридической ответственности правонарушению [3, с. 24–25]. Вспоминается тезис И. Канта «юристы ищут и никак не могут найти формулу права». Это относится и к справедливости. Хотя изыскать её формулу, полагаем, всё-таки можно, если рассматривать справедливость сквозь призму ценностей. А.В. Малько недаром уверяет: в принципах права, в том числе общеправовом – справедливости, должны отражаться основные ценности, на которые ориентируется право [4, с. 111–112].

В контексте конституционных ценностей соразмерность неразрывно связана с их балансом. Тем не менее важно чётко разделять эти понятия как часть и целое. С морфологической точки зрения наиболее правильно понимать слово «соразмерность» не через существительное, а как глагол «соразмерить», то есть составить «*пропорцию конституционных ценностей*». Такая алгебраическая формула позволяет отыскать оптимальный баланс ценностей для целей конституционного правосудия, в чём соразмерность выступает не только *способом*, но и *инструментом* его определения. Органы конституционного правосудия нередко апеллируют к изучаемой категории в своих актах. В Послании от 22 января 2013 г. «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2012 году»¹ Конституционный Суд записал, что в случае необходимости в интересах защиты конституционных ценностей допускается соразмерное ограничение прав и свобод человека. Причем речь идет о ценностях разного порядка, и высших (права и свободы личности), и всех остальных.

Исследуя соразмерность, важно определить её сущностные и специфические характеристики. По сути своей *соразмерность конституционных ценностей* – это выраженное в конституции требование к органам публичной власти, чтобы при введении тех или иных ограничений реализации ценностей высшего порядка *соблюдалось разумное соотношение используемых для этого средств, с одной стороны, и преследуемой цели* – с другой. Содержание данного требования определено в положениях ст. 23 Основного Закона Беларуси, отражающих конституционно-правовую природу соразмерности. В них закреплены чёткие критерии обоснованности ограничения конституционных прав и свобод личности, выступающие индикатором соразмерности ценностей, иллюстрируя состояние конституционной законности. Стеснение реализации таких ценностей допустимо, но при одновременном соблюдении двух условий:

1) только в случаях, предусмотренных законом – нормативным правовым актом, который выступает основным источником права, закрепляющим принципы и нормы регулирования наиболее важного пласта общественных отношений; не имеет значения разновидность акта, будь то обыкновенный, программный, кодифицированный или другой закон (ст. 14 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»²). В Конституции закреплено ограничение: никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону;

2) исключительно в мере необходимого, в целях защиты интересов национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения, прав и свобод иных лиц. Данный перечень исчерпывающий и в силу ограничительного характера расширительному толкованию не подлежит.

Соразмерность, таким образом, выступает мерной лентой регулирования прав и свобод (правового статуса) личности как высших конституционных ценностей, по большей мере, именно ограничительного характера, требующего обоснования решения органа публичной власти в контексте избрания конкретной конституционной цели и предполагая индивидуализацию мер юридической ответственности публичного характера.

Соразмерность конституционных ценностей – качество, характеризующееся двумя аспектами:

1) *пригодностью регуляторных средств правового воздействия* для достижения цели с позиции предмета, времени, территориальных пределов ограничения и круга затрагиваемых им лиц;

2) *соответствием регуляторных мер критерию необходимости*, что означает отсутствие каких-то иных средств воздействия, подходящих для достижения той же цели, но при меньшем вмешательстве в осуществление прав и свобод личности как высших ценностей.

Соразмерность ценностей подразумевает, что недостаточное и чрезмерное регулирующее правовое воздействие («недерегулирование» и «зарегулирование») на конституционные права и свободы личности недопустимо. Адекватность правового регулирования презюмируется, если не установлено иное. В свою очередь, недостаточная регламентация проявляется и выражается в юридических коллизиях, пробелах в праве и правовых неопределённостях нормативных правовых актов и, как правило, выявляется в рамках конституционного контроля, реже – правотворческой и правоприменительной деятельности. Но регулирующее воздействие может обладать не только явным, но и скрытым ограничительным потенциалом. Проблема осложняется условиями цифровизации, в которых спрогнозировать тенденцию дальнейшего развития технологий и общественных отношений затруднительно. Как следствие, выявить скрытое ограничительное воздействие в ходе конституционного контроля можно и получается не всегда.

Продолжительное время в Республике Беларусь не было специального правового регулирования обращения цифровой валюты, но общественные отношения, связанные с реализацией конституционного права собственности, затрагивающие финансовую систему государства (эмиссия криптовалюты не всегда ему подконтрольна), фактически существовали. Положение дел было обусловлено наличием «правового окна» для бесконтрольного

¹ URL: <http://www.kc.gov.by/document-32353>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

оборота цифровой валюты, и не вызывает сомнений отсутствие в этом случае баланса конституционных ценностей: права собственности, с одной стороны, и целей государственного регулирования экономической деятельности – с другой (ст. 13 Конституции Республики Беларусь), так как первое исключало последнее. 21 декабря 2017 г. Президентом был издан Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики»³, упорядочивший оборот криптовалюты и, во многом, решивший проблему, но приходится констатировать, что возникновение цифровой валюты, трудности её государственного контроля создали беспрецедентные предпосылки финансированию запрещённой деятельности, отмыванию доходов, полученных преступным путём. Некоторым государствам это известно. Так, в Республике Беларусь регистрировались факты финансирования экстремистской деятельности, наркооборота с использованием криптовалюты, в Российской Федерации и США – финансирования легализации преступного дохода и террористической деятельности. Связано это с возникновением и массовым распространением идеологии криптоанархизма, основанной на лоббировании цифровой латентности (анонимности) с позиции права личности на тайну частной жизни. Недаром превалирующее большинство запрещённых сделок и иных деяний в виртуальной сфере совершается именно в теневом сегменте информационной сети – Даркнете. В обеспечении соразмерности конституционных ценностей на передний план выдвигаются прежде всего публичные интересы, опосредованные объективной необходимостью обеспечить общественный порядок, национальную безопасность и другие цели конституционного развития.

Возвращаясь к исследуемой категории, отметим, что соразмерность также охватывает определение предметов ведения и компетенции самых разных органов публичной власти различных уровней.

Содержание соразмерности конституционных ценностей обусловлено не только обязательным соответствием ограничения реализации высших ценностей (прав и свобод личности) конституционным целям, но и его реальной необходимостью. Допустимость ограничения высших ценностей на основании таких целей означает, что государство, обеспечивая тем самым иные ценности, в которых заинтересовано в конкретных условиях, должно использовать не чрезмерные меры, а лишь строго обусловленные целями и объективно необходимые для их достижения. Ограничение через законодательное стеснение должно осуществляться с тем, чтобы регулирующее воздействие не посягало на существо высших ценностей, не приводило к утрате их реального содержания. Итак, соблюдение соразмерности связано с обеспечением достаточного уровня реализации ценностей, исключаяющего их умаление. Но внесём уточнения. Конституционные цели ограничения реализации высших конституционных ценностей также должны быть оправданы – необходимы, ведь именно за счёт них публичные интересы, основанные на приоритете иных ценностей, оправдывают стеснение реализации прав и свобод личности. Одновременно должны соблюдаться условия: ограничение соответствует справедливости и адекватности, не затрагивает существа высших ценностей, не имеет обратной силы. Необходимость пропорционально зависит от объективности обстоятельств – *реальности и степень имеющейся или предполагаемой угрозы*, поэтому формального оправдания конституционными целями недостаточно.

Соразмерность ценностей можно рассматривать в качестве особого принципа правотворчества и правоприменения, который обусловлен имманентными высшими конституционными ценностями – правами и свободами личности – *характером их неотчуждаемости*, что отражено в ст. 58 Основного Закона Беларуси, согласно которой никто не может быть понуждён к отказу от своих прав. Данные ценности определяют национальную конституционную идентичность, указывают на ценностную универсальность, так как по объёму и составу, обычно, совпадают с общепризнанными правами и свободами (преамбула, ч. 1 ст. 8 и ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь; преамбула и ст. 30 Всеобщей декларации прав человека; ст. 17 Европейской конвенции по правам человека). Именно с помощью принципа соразмерности устанавливаются рамки допустимого ограничения высших конституционных ценностей в правотворческой и пределы усмотрения – правоприменительной деятельности. По общему правилу соразмерность ценностей должна иметь априорный характер, если не доказано обратное. Оспаривание соразмерности возможно через конституционное правосудие, например, по индивидуальной конституционной жалобе (абзац второй ч. 5 ст. 116-1 Основного Закона Беларуси). Поэтому можно говорить о *презумпции соразмерности конституционных ценностей*.

Соразмерности ценностей характерны определённые **свойства**, вытекающие из конституционных положений, позволяющие идентифицировать данное явление как состояние. Выделим основные из них:

- запрет на обременение человека неблагоприятными последствиями из-за ошибочного признания за ним по вине органа публичной власти и его лиц тех или иных прав и свобод;
- обязательность обеспечения организационно-правовых гарантий для защиты человеком личных интересов в указанном случае, исходя из характера ошибки, периода времени, прошедшего с момента её совершения, значимости полученных в результате этого благ для поддержания уровня жизни конкретного лица и иных обстоятельств;
- недопустимость избегания государством юридической ответственности за свои неправомерные деяния, стесняющие реализацию высших конституционных ценностей – прав и свобод личности, то есть феномена «принцип умалчивания в праве».

Свойства соразмерности важно учесть, проверяя конституционность нормативного правового акта, поскольку они указывают на реальное состояние защищённости человека от произвольных ограничений. В случае неосновательного предоставления человеку прав и свобод, предметом правового воздействия может являться

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1>.

лишь минимизация неблагоприятных последствий для государства без вреда для личности. В противном же случае это не будет соответствовать посылу ч. 2 ст. 2, чч. 2 и 3 ст. 59 Конституции Республики Беларусь об ответственности государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности и, в связи с указанным, обязанности государственных органов, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности, их ответственности за нарушение её прав и свобод.

В условиях цифровизации соразмерности следует отводить центральное место в арсенале методик балансирования. Как способ, соразмерность востребована, прежде всего, при проверке мер юридической ответственности, вводимых в целях защиты неких ценностей, на предмет конституционности. В данном смысле соразмерность означает их избрание исходя из адекватности юридических последствий реально и потенциально причиняемому вреду. Для целей обеспечения баланса конституционных ценностей это есть уравнивание индивидуальных ценностей (прав и свобод личности) с коллективными, связанными с одновременной защитой личности, общества и государства от любых противоправных посягательств. В свою очередь, соразмерность предопределяет и дифференцирование юридической ответственности.

Принцип соразмерности ценностей фундаментален для теста на пропорциональность – особого методологического инструмента конституционного правосудия по определению состояния их баланса. В частности, он заключается в проверке нормативного правового акта, ограничивающего реализацию прав и свобод личности как высших конституционных ценностей, на соответствие целям принятия (издания). В этом его колоссальное практическое значение. Правовая доктрина считает тест на пропорциональность эвристической составляющей оценки конституционности нормативного правового акта⁴. Сравнительно-правовое исследование показало, что тест на пропорциональность весьма активно практикуется национальными органами конституционного правосудия (Федеральный Конституционный Суд Федеративной Республики Германия, Конституционные суды Федеративного Королевства Бельгия и Российской Федерации, Верховный суд Республики Израиль и Федерации Канады) и международными органами (Европейский Суд по правам человека и Суд справедливости Европейского союза). Тест имеет немецкие корни и реципирован в конституционное правосудие государств, относящихся прежде всего к романо-германской правовой семье. Интерес представляют сущность, алгоритм и специфика тестирования. Остановимся на этом.

Федеральным Конституционным судом Федеративной Республики Германия применяется тест из пяти самостоятельных этапов. Выявляются запретные средства регулятивно-правового вмешательства в реализацию конституционных ценностей (ч. 3 ст. 25 Основного Закона Беларуси запрещает пытки, жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство обращение и наказание). Далее выясняются реальные цели воздействия на права и свободы личности путём их стеснения. Проверяется адекватность избранных средств для достижения обозначенных целей. Изучается реальная необходимость выбранного средства. Определяется надлежащий баланс ценностей, нарушенный несоразмерным ограничением прав и свобод личности как высших ценностей.

Конституционным судом Федеративного Королевства Бельгия тестирование осуществляется в пяти стадиях: 1) выявление стеснений в основном праве; 2) оценка соответствия правового регулирования верховенству права (воздействие должно обладать ясностью и предсказуемостью); 3) выяснение реальной цели вмешательства в осуществление прав и свобод личности; 4) определение реальной необходимости ограничительного воздействия; 5) определение пропорциональности как балансировка конституционных ценностей. Активно применяются способы телеологического и исторического толкования. Суд, разрешая жалобы, исходит из постулата, что любое вмешательство в реализацию прав и свобод личности должно допускаться законом, отвечать актуальным потребностям социума, соразмеряться с целью, преследуемой ограничением⁵. По делам внимание обращается на обоснованность целей оспариваемого акта.

Верховным судом Республики Израиль тестирование проводится в стадиях: 1) проверка реальных целей стеснения прав и свобод личности; 2) обнаружение их разумной связи с избранным средством правового воздействия; 3) изучение реальной необходимости в использовании указанного средства; 4) определение пропорциональности (балансировка) конституционных ценностей в оценке как социальной значимости цели вмешательства, так и того, является ли оно минимальным.

Интересна позиция и Верховного суда Федерации Канады. В частности, значимость целей правового ограничительного воздействия должна объяснять стеснение конституционных ценностей посредством её достижения. Оценка наличия состояния ценностной сбалансированности даётся в начале проверки⁶.

Точки соприкосновения в понимании теста на пропорциональность в методологическом подходе к проверке допустимости вмешательства в реализацию прав и свобод как высших ценностей обнаружены в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Специфика тестирования Конституционным Судом Российской Федерации в формализованности процедуры. Как правило, сначала используются нужные стадии, а все остальные аспекты подвергаются менее доскональному изучению, отражая ранее сформулированные общие выводы, которые применимы и к рассматриваемому делу. Европейский Суд по правам человека изредка «опускает» конкретный способ тестирования, допуская

⁴ URL: <https://base.garant.ru/402979492/>.

⁵ URL: <https://www.const-court.be/public/f/2013/2013-146f.pdf>.

⁶ URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/117/index.do>.

(презюмируя) отсутствие нарушений. Российская же практика характеризуется лавированием в тестировании соблюдения принципа соразмерности конституционных ценностей, когда избирается лишь необходимое и достаточное. В оценивании оправданности ограничения прав и свобод личности Европейским Судом по правам человека используется критерий необходимости, исходя из условий стеснения в публичных целях (п. 2 ст. 8 Европейской конвенцией по правам человека). Такое ограничение допустимо в целях публичного интереса, основанного на защищаемых ценностях, но его оправданность проверяется с точки зрения правомерности вмешательства. В случае несоблюдения условий, его оправдывающих, Суд констатирует отсутствие как соразмерности ценностей, так и нарушение их баланса. В постановлении от 30 мая 2017 г. по делу «Давыдов и другие против Российской Федерации»⁷ Европейский Суд по правам человека сообщил, что государства-участники Европейской конвенции по правам человека властны определять условия реализации гражданами избирательного права, но лишь он правомочен давать окончательную оценку соблюдению документа. Нарушением такого права вызван общественный резонанс, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет, поэтому – полагает Суд – в условиях цифровизации значимость соразмерности ценностей возрастает, а её определение между правами и свободами личности и их ограничениями является исключительно его прерогативой. Впрочем, здесь поднимается другая сторона медали – национальная конституционная идентичность. Разрешая дела, следует убедиться, что условия реализации прав и свобод личности, определённые государством, не стесняют их настолько, что это посягает на их существо, лишая реальности; стеснения пропорциональны и произвольны; преследуется законная цель. Из постановления Европейского Суда по правам человека от 7 ноября 2017 г. по делу «Константин Москалев против Российской Федерации»⁸ по поводу ограничения права на уважение частной жизни прослушиванием телефонных разговоров следует, что это не нарушает Европейскую конвенцию по правам человека, если основано на законе, преследует законную цель и необходимо для её достижения.

Европейский Суд по правам человека проводит трёхэтапное тестирование. На первом изучается законность ограничения прав и свобод личности, включая соответствие верховенству права, отражение в законе (оценка качества регулирующего воздействия на предсказуемость, ясность и доступность). Второй этап связан с изучением правомерности целей вмешательства в права и свободы, что означает сравнение стеснения с оправдывающими его целями. Заключительный этап – изучение необходимости ограничения, и здесь проверяется соответствие характера стеснения его провозглашённой цели, включая возможность достижения менее строгими средствами. Формулируются выводы, в чём может использоваться метод сравнительно-правового анализа.

В некотором смысле последний этап теста на пропорциональность неоднозначен. Дело в разности терминологических подходов. Решения Европейского Суда по правам человека одновременно содержат понятия «пропорциональность» и «балансирование». Но замысловатость и терминологическая путаница ведут к закономерной смысловой неопределенности. Рассматривать балансирование итоговой стадией тестирования некорректно. Само по себе, тестирование целенаправленно стремится определить, есть ли соразмерность конституционных ценностей. Значит, вывод об этом является предпосылкой баланса в его функционально-стратегическом смысле. Правильно понимать пропорциональность в более узком смысле – последней стадией тестирования.

Последовательность и количество этапов тестирования на пропорциональность у того или иного органа во многом зависит от сути рассматриваемого дела, специфики культурного и правового контекста, поэтому определение однозначной стадийности как наиболее правильной представляется неразумным. Тем более, тест на пропорциональность – инструмент, применяемый не всеми органами конституционного правосудия. Конституционным советом Французской Республики, как и Верховным судом Соединённых Штатов Америки, тестирование не проводится. Во Франции принято отражать окончательные выводы и поэтапное деление изучения не осуществляется.

Сравнительное изучение практики национальных и международных юрисдикционных органов по отправлению конституционного правосудия показало большую эффективность безусловного соблюдения всех этапов теста на пропорциональность. Оказывая дисциплинирующее воздействие, это способствует скрупулёзной и разносторонней проверке нормативного правового акта. Но, если вопрос лишь в выборе ограничительного средства, в целях процессуальной экономии допускается и переход непосредственно к проверке соблюдения критерия необходимости стеснения прав и свобод личности.

Тестирование соразмерности конституционных ценностей применимо не всегда. При ограничении реализации прав и свобод личности, в защиту которых действует *абсолютный запрет*, установленный на национально-или международно-правовом уровне, проводить его нецелесообразно. Так, запрещаются создание и деятельность общественных объединений, ведущих пропаганду войны, расовой, религиозной, национальной и социальной вражды, преследующих насильственное изменение конституционного строя; деятельность религиозных структур и представителей против конституционного строя, суверенитета и гражданского согласия государства, а равно сопряжённая с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствующая исполнению ими государственных, общественных и семейных обязанностей, наносящая вред их здоровью и нравственности; принудительный труд, кроме работы и службы согласно судебному постановлению, законам о чрезвычайном и военном положениях; противодействие оказанию правовой помощи (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 16, ч. 4 ст. 41, ч. 2 ст. 62 Конституции Республики

⁷ URL: <https://base.garant.ru/71923288>.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/72067002>.

Беларусь). Выявляя, вопреки абсолютным запретам, попытки правового регулирующего воздействия на общественные отношения, орган конституционного правосудия должен с принципиальностью признавать соответствующие положения документа проверки неконституционными.

Приходится констатировать, что в конце декабря 2009 г. в ходе обязательного предварительного конституционного контроля Конституционным Судом Республики Беларусь не была дана должная оценка положениям Закона «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них»⁹ об обязательном привлечении их к труду на основании решения суда как вида индивидуального правоприменительного акта, поскольку ч. 4 ст. 41 действовавшей на тот момент редакции Конституции принудительный труд допускала только по приговору суда. Только в 2020 г. судами общей юрисдикции было вынесено 4 494 решения о направлении граждан в лечебно-трудовой профилакторий с обязательным привлечением к труду¹⁰. Направлением в лечебно-трудовой профилакторий стеснены права и свободы граждан, в том числе в виртуальной среде в связи с ограничениями в пользовании мобильной связью и ресурсами глобальной компьютерной сети Интернет¹¹.

Тестирование возможно исключительно в отношении высших конституционных ценностей (прав и свобод), способных к ограничению. Обусловлено это априорно заданным балансом между ценностями абсолютного и относительного порядка. Аподиктическим примером выступают ценности, отражённые в ст. 31 Конституции Республики Беларусь: право на свободное вероисповедание, с одной стороны, и религиозное самовыражение – с другой. Первое признаётся абсолютным, а второе – относительным, ведь реализация последнего не должна противоречить закону, а относительно первого оговорок нет.

Доктринально соразмерность конституционных ценностей понимается преимущественно в ключе *конституционной идентичности*. Полагаем, отождествлять их нельзя. Если соразмерность оговаривает ценности, признаваемые конкретным государством, из-за чего их спектр может сужаться или расширяться, то идентичность помогает выявлять равноуровневые ценности. Конституционная идентичность – важная категория для ценностной соразмерности, ведь предметом последней могут выступать и национальные, и макроценности, как вместе, так и порознь. В.Д. Зорькин связывает возникновение категории «конституционная идентичность» с массовым распространением популизма как идеологического течения, с одной стороны, и возникновением коллизий между национальными и наднациональными системами судов – с другой [5, с. 7]. Актуализация вопроса – отмечает А. Бланкенгель – происходит на фоне трудностей в согласовании внутрисударственного и международного правопорядков [6, с. 43]. Сегодня проблема обострилась, а возникла – после холодной войны. С. Ф. Хантингтон объясняет это так: «[н]ароды и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос [...]: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность [...], используя [...] понятия [...] происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты» [7, с. 15]. Человечество стремится к самоидентификации в границах не столько юридических, сколько своей исторической государственности для сохранения естественной ценности – безопасности. Правильность вывода подтверждают и слова судьи Конституционного Суда Республики Беларусь С.П. Чигринова о том, что «конституционная идентичность является одним из основных факторов, определяющих ценностные доминанты индивидуального конституционного правосознания» [8, с. 36].

Проблема проявляется, таким образом, в конкуренции национальных конституционных ценностей и макроценностей. Как решение, В.Д. Зорькин предлагает распознавание «ядерных» правовых традиций посредством выработки методов, позволяющих определять собственную конституционную идентичность конкретного государства, и, в свою очередь, разрушение традиций говорило бы об её утрате [7, с. 30]. Думается, что определение точных критериев соблюдения идентичности позволит обозначить рамки допустимости, с точки зрения учёта макроценностей в их противоречии с конституционными, в процессе проверки соразмерности с последующим балансированием. Потому признание макроценностей, не соотносящимися с национальной конституционной идентичностью, значило бы недопустимость их учёта при определении соразмерности и обеспечении баланса. Иначе нарушится принцип суверенности государства.

Показывая проблемные грани суверенитета, А.В. Шавцова недаром полагает, что «[р]азмыывание государственных границ [...] в наибольшей степени отражает суть современного этапа глобализации. Сначала границы [...] оказались прозрачными в экономической сфере. Затем этот процесс перекинулся на социальные, военные, политические, культурные и иные отношения» [9, с. 152]. Обеспечение реального суверенитета в условиях цифровизации закономерно и предсказуемо становится краеугольным камнем современного государства, и это не может не сказаться на национальной конституционной идентичности и не затрагивать реализацию, правовую охрану и юридическую защиту конституционных ценностей, её определяющих. На фоне развития информационных и цифровых технологий трансграничность резко обострила дискуссию об «информационном суверенитете». Так, в абзаце девятом п. 8 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утверждённой постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1¹², информационный суверенитет

⁹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11000104>.

¹⁰ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/95f97011a1cc4ba2.html.

¹¹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=W22137014>.

¹² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>.

определён как неотъемлемое и исключительное верховенство права на самостоятельное формирование национальной информационной инфраструктуры, осуществление независимой внешней и внутренней информационной политики, обеспечение информационной безопасности и определение правил владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами. И хотя правильнее вести речь именно о проявлении суверенитета, а не его разновидности, в информационной сфере, в том числе виртуальной среде, концептуальные тезисы подлинно подтверждают осознание реальных и потенциальных угроз для реализации, правовой охраны и юридической защиты конституционных ценностей; угроз, возникающих и трансформирующихся в условиях цифровых преобразований, где по воле судьбы личность, общество и государство сосуществуют в двух жизненных параллелях – реальной и виртуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
2. Щербик Д.В. Принципы права и преемственность в праве // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2013. – № 13. – С. 113–117.
3. Общая теория государства и права: акад. курс в 2 т. – Т. 2: Теория права / В.В. Борисов, Н.В. Витрук, Н.Л. Гранат и др.; под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
4. Теория государства и права: Курс лекций / М.И. Байтин, В.В. Борисов, Ф.А. Григорьев и др.; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
5. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4(58) – С. 1–12.
6. Бланкенгагель А. «Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов»: что делать с конституционной идентичностью? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 5(126). – С. 42–64. DOI: <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-5-42-64>.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2020. – 640 с.
8. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 32–38.
9. Шавцова А.В. Роль и значение государственного суверенитета в условиях глобализации // Юридическое образование в Республике Беларусь и зарубежных странах: сб. науч. ст. [по итогам науч.-практ. конф., Витебск, 2–3 нояб., 2018 г.]. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – С. 149–153.

Поступила 15.05.2026

PROPORTIONALITY OF CONSTITUTIONAL VALUES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

S. ALESKA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The category of «proportionality of constitutional values» is considered. The essence, content and significance of the named legal phenomenon are determined. The main properties of proportionality of constitutional values are investigated. It is proposed to consider it as a principle of law-making and law enforcement activities, as well as a presumption. The proportionality test is being studied as a tool based on the proportionality of constitutional values. The relationship of proportionality with the phenomenon of constitutional identity is noted. Using examples from the practice of constitutional justice, the specifics of value proportionality in the context of digitalization are shown. Examples of violation of the proportionality of constitutional values in the new realities are given. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: *constitutional values, constitutional axiology, constitution, the basic Law, proportionality, proportionality of constitutional values, digitalization, constitutional justice, body of constitutional justice.*

УДК 343.98

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-104-108

**ПОНЯТИЕ ВРЕДНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ****В.И. ПИКТА***(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

В статье исследуются теоретико-методологические аспекты понятия «вредоносные компьютерные программы» в контексте современного состояния уголовного законодательства, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Актуальность работы обусловлена отсутствием унифицированного понятийного аппарата, что приводит к терминологической разрозненности в нормативных правовых актах, научной доктрине и правоприменительной практике. Автором проводится семантический и сравнительно-правовой анализ таких дефиниций, как «вредоносная программа», «вредоносная компьютерная программа» и «вредоносное программное обеспечение», а также рассматриваются подходы к их определению в технических и юридических науках. По итогам исследования сформулировано авторское определение вредоносной компьютерной программы, предложены пути унификации терминологии на нормативном уровне, а также рекомендации по применению терминов «вредоносные компьютерные программы» в качестве базовой законодательной категории.

Ключевые слова: вредоносные компьютерные программы, компьютерные вирусы, вредоносное программное обеспечение, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, уголовное право, компьютерная информация.

Введение. При совершении преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, злоумышленниками зачастую используются вредоносные компьютерные программы (далее – ВКП), корректное изъятие и последующее исследование которых сопряжено с определенной теоретико-методологической сложностью, обусловленной отсутствием унифицированного понятийного аппарата. В научной литературе, нормативных и правовых актах наблюдается терминологическая несогласованность поскольку используемые понятия «вредоносная программа», «вредоносная компьютерная программа» «вредоносное программное обеспечение», зачастую не совпадают по своему объему и содержанию. Технические науки определяют такие объекты по принципу деструктивности функционала, уголовно-правовые – по целевому назначению и общественной опасности, тогда как криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, интегрирующие эти подходы, нуждаются в собственном определении, отражающем слеодообразующие свойства ВКП и их значение для доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным делам. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость анализа сложившихся подходов к определению ВКП и выработки дефиниции, соответствующей современным реалиям и потребностям оперативно-розыскной и следственной практики. Унификация терминологии позволит исключить разночтения при документировании и последующей квалификации деяний, повысив таким образом эффективность деятельности органов уголовного преследования.

В науке проблемы определения ВКП рассматривались в работах Л.Н. Соловьева, М.М. Менжеги, М.М. Мальковцева, Е.А. Маслаковой, К.Н. Евдокимова, З.И. Харисовой, В.Б. Вехова и других авторов. Исследователи предлагают разнообразные определения и подходы к пониманию этого явления. Одной из основных причин отсутствия единого понятия является многообразие форм ВКП, а также постоянное изменение уголовного законодательства, где на примере Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) законодательное определение ВКП эволюционировало от понятия «вредоносные программы» к «вредоносным компьютерным программам»¹. В настоящее время указанные программы следует рассматривать не только как техническое средство совершения преступлений против компьютерной безопасности, но и как одну из наиболее опасных угроз кибербезопасности, которая проявляется в различных формах, от простых компьютерных вирусов и троянских программ до сложных шифровальщиков и ботнетов. Каждая из форм имеет свои особенности, что затрудняет определения универсальной дефиниции.

Основная часть. Анализ научных публикаций последних лет показывает, что авторы используют различные подходы к обозначению объектов, связанных с противоправным воздействием на компьютерную информацию, устройства, системы и сети. Часть исследователей придерживается законодательной терминологии и преимущественно применяет понятие «вредоносные компьютерные программы» (или просто «вредоносные программы»). Такой подход чаще встречается в работах, где основное внимание уделяется уголовно-правовой характеристике преступлений против компьютерной безопасности, опираясь на диспозицию ст. 354 УК Республики Беларусь, где прямо используется формулировка «вредоносные программы» или «вредоносные компьютерные программы»². Другие авторы предпочитают технически ориентированное понятие «вредоносное программное

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

² Соловьев Л.Н. Расследование преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2003. – 25 с.; Менжега М.М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд.

обеспечение». Этот термин чаще используется в публикациях, посвящённых криминалистическим методам выявления, фиксации и исследования вредоносных объектов, анализу их структуры, цифровых следов, механизмам распространения и сокрытия, а также особенностям методики раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием ВКП [1; 2].

Такая разница в выборе терминов частично отражает ситуацию на нормативном уровне, в ряде правовых актов Республики Беларусь встречаются сходные выражения («вредоносные компьютерные программы» (УК Республики Беларусь), «вредоносные программы»³, «вредоносное программное обеспечение»⁴). В результате такой разрозненности возникают сложности с единообразным описанием объектов в исследованиях, выдвижения оперативно-розыскных версий и тактических приёмов раскрытия данного вида преступлений.

Семантический анализ терминов «вредоносные компьютерные программы» и «вредоносное программное обеспечение» показывает их неравнозначность в криминалистическом контексте.

Термин «вредоносные компьютерные программы», используемый в диспозиции ст. 354 УК Республики Беларусь, не сопровождается легальным определением их сущности. Законодатель ограничивается указанием на альтернативные способы использования таких программ и на общественно опасные последствия, которые могут наступить в результате этого использования. Из анализа конструкции нормы следует, что под ВКП понимается разновидность «компьютерной программы», однако само понятие «компьютерная программа» в указанном нормативном правовом акте не раскрывается. Для уточнения содержания термина «компьютерные программы», следует обратиться к гражданскому законодательству в области авторского права и интеллектуальной собственности. Аналогичной позиции придерживается и В.В. Крылов, который в своих работах в рамках исследования компьютерных преступлений предложил использовать правовые определения, сформулированные в гражданском законодательстве [3, с. 42].

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» компьютерная программа – это представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. При адаптации данного гражданско-правового определения к уголовно-правовой сфере «вредоносную компьютерную программу» логично понимать как упорядоченную совокупность команд и данных, представленную в объективной форме, основной целью которой выступает противоправное воздействие на компьютерную информацию или средства её обработки. Представляется обоснованной поддержка рассматриваемого определения, поскольку оно детализирует форму внешнего выражения компьютерной программы, а также конкретизирует вредоносный характер через целевую установку – деструктивное воздействие на компьютерную информацию или средства её обработки.

Сравнительно-правовой анализ положений ст. 354 УК Республики Беларусь и ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий свидетельствует об идентичности подходов к определению ВКП. Несмотря на незначительные расхождения в текстуальном выражении, оба нормативных акта единообразно закрепляют альтернативные способы использования ВКП и указывают на общественно опасные последствия как на обязательный признак состава преступления. В этой связи для уточнения содержания и признаков соответствующего предмета преступления целесообразно обратиться к научным источникам.

В научной литературе, аналогично законодательному, отсутствует единство терминологического подхода к обозначению рассматриваемого объекта, где в работах постсоветского периода преобладали термины «компьютерный вирус» или «вирусная программа», тогда как в более поздних исследованиях постепенно закрепился более широкий термин «вредоносная компьютерная программа» (или «вредоносная программа»), а иногда – «вредоносное программное обеспечение».

Ранние работы в области противодействия компьютерной преступности еще не использовали современной терминологии, а в основном употребляли термин «компьютерный вирус». В монографии В.Б. Вехова указывается, что термин «компьютерный вирус» можно рассматривать с программно-технической и уголовно-правовой точек зрения. С уголовно-правовой автор отмечает, что компьютерный вирус следует понимать как вредоносную программу для ЭВМ, приводящую к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети [4, с. 75]. С технической точки зрения автор понимает его как специальную программу, способную самопроизвольно присоединяться к другим программам и при запуске последних выполнять различные нежелательные действия [14, с. 78]. Несмотря на ценность такого двойственного подхода для раннего этапа исследований, сегодня он представляется узким, поскольку ограничивает объект анализа преимущественно самореплицирующимися формами, вместе с тем автором не детализировано что относится к «программе для ЭВМ» и «специальной программе».

юрид. наук: 12.00.09. – Саратов, 2005. – 22 с.; Мальковцев М.М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2006. – 24 с.; Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 23 с.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N01800099>.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000145>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=B22239010>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W22238937>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=T62004637&p1=1>.

Л.Н. Соловьёв определял ВКП как «программу для ЭВМ», которая наделена функциями, выполнение которых может оказать неправомерное воздействие на средства компьютерной техники, приводящее к их уничтожению, блокированию или иному нарушению их работы, и на компьютерную информацию, приводящее к ее уничтожению, блокированию, модификации или копированию⁵. М.М. Малыковцев предлагал понимать под вредоносной программой «программу, специально написанную на любом языке программирования», использование и распространение которой приводит к неправомерному воздействию на информацию и(или) на средства компьютерной техники и связи, выражающемуся в незаконном уничтожении, копировании, повреждении, блокировании, искажении информации и(или) иному нарушению установленного законным владельцем порядка работы указанных устройств»⁶. Подходы данных авторов в целом схожи, однако избыточная ориентация определений на субъективный признак «специального» или «неправомерного» предназначения программы делает их недостаточно точными и усложняет квалификацию предмета преступления, что требует доказывания умысла создателя уже на стадии признания программы вредоносной, что проблематично в случаях, когда легитимные инструменты используются третьими лицами противоправно.

Маслакова Е.А. предлагает под ВКП понимать компьютерную программу, функционирование которой вызывает несанкционированное собственником компьютерной информации ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование⁷. Авторская дефиниция сужает круг признаков вредоносности, ограничиваясь исключительно деструктивным воздействием на информацию и полностью игнорируя иные формы противоправного использования. К.Н. Евдокимов определяет вредоносные компьютерные программы как «специальные компьютерные программы, созданные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, а также достижения иных преступных целей или совершения противоправных деяний (например, рассылки спама, фишинга, кибершпионажа, кибершантажа, дистанционного управления зараженным компьютером, создания ботнетов и др.)» [5, с. 330]. Данное определение шире и включает расширение перечня целей, что является достоинством. Однако оно сохраняет избыточную зависимость от субъективного признака «специального создания» для преступных целей, что усложняет квалификацию в случаях, когда вред возникает от модификации или неправомерного использования изначально легитимных программ.

Таким образом, несмотря на различия в формулировках, все рассмотренные авторы понимают ВКП исключительно как «компьютерную программу», однако содержание понятия «компьютерная программа» авторами не раскрывается. Кроме того, в каждом из определений перечень вредоносных последствий практически дословно воспроизводит диспозицию уголовного закона, что приводит к тавтологичности, вредоносность программы определяется через те же самые последствия, которые уже перечислены в уголовно-правовой норме. Такой подход не позволяет охватить современные угрозы, где вред носит опосредованный или экономический характер (например, несанкционированное использование вычислительных ресурсов, сбор данных без изменения информации и т.п.). В связи с этим представляется необходимым обратиться также к дефинициям употребляемым в контексте ВКП, а именно «вредоносное программное обеспечение» (далее – ВПО) и провести сравнительный анализ указанных терминов, чтобы определить, какой из них в большей степени соответствует современным технологическим реалиям и потребностям правоприменительной практики.

В научной литературе авторы часто употребляют термин ВПО, однако не раскрывают его содержания, поскольку данный вопрос не нашел своего отражения в самостоятельных научных исследованиях.

Например, З.И. Харисова, проводит исследование криминалистической характеристики создания, использования и распространения «вредоносных компьютерных программ», однако в содержании статьи данный термин практически не употребляет, отдав предпочтение термину «ВПО» [1]. Исследуя криминалистические аспекты интернета вещей, А.В. Коринь, рассматривает именно ВПО как ключевую угрозу, с акцентом на цифровые следы и криминалистически значимую информацию [2]. Кроме того, Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский в рамках исследования вопроса о трактовании термина ВКП отмечают, что компании, занимающиеся разработкой программного обеспечения и создания средств защиты, относят данный вид программно-технических средств к «вредоносному программному обеспечению» [6].

Подтверждая позицию Е.Р. Россинской и И.А. Рядовского стоит отметить, что в англоязычной терминологии используется термин «malware», образованный от слияния двух слов: malicious – ‘злонамеренный’ и software – ‘программное обеспечение’. Национальный институт стандартов и технологий США (NIST), трактует «malware» как «аппаратное обеспечение, микропрограммное обеспечение или программное обеспечение, намеренно включенное или внедренное в систему с целью нанесения вреда»⁸. В своде федеральных нормативных актов США содержится определение «malware», под которым понимается «компьютерное программное обеспечение или

⁵ Соловьёв Л.Н. Расследование преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2003. – 25 с. – С. 11.

⁶ Малыковцев М.М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2006. – 24 с. – С. 9.

⁷ Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 23 с. – С. 8.

⁸ URL: <https://csrc.nist.gov/glossary/term/malware>.

встроенное программное обеспечение (микропрограмму), предназначенное для выполнения несанкционированного процесса, который оказывает негативное воздействие на конфиденциальность, целостность или доступность информационной системы»⁹. Стоит отметить, что оба определения выходят за рамки узкого понимания «компьютерной программы». Они охватывают не только классические исполняемые файлы, но и иные формы вредоносного кода, такие как встроенное микропрограммное обеспечение, скрипты, фрагменты кода, инъекции в память и другие технические конструкции, способные реализовывать несанкционированное воздействие.

Таким образом, анализ научной литературы в рамках проблематики исследования свидетельствует о том, что дефиниция «вредоносное программное обеспечение» традиционно употребляется исследователями исключительно для описания его целевого назначения, в то время как понятийный аспект данной категории до настоящего времени не выступал предметом самостоятельного научного исследования.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к выводу, что в целях сохранения единства понятийного аппарата уголовно-правовой и криминалистической доктрины, обеспечения предсказуемости правоприменения и соответствия тексту закона целесообразно в научных исследованиях, экспертных заключениях и процессуальных документах отдавать приоритет термину «вредоносные компьютерные программы» как базовому, прямо закреплённому в национальном законодательстве. Термин «вредоносное программное обеспечение» рекомендуется использовать в качестве обобщающей технико-криминалистической категории, описывающей функциональное многообразие угроз, но не заменяющей законодательную терминологию. Обобщая позиции законодательства, научного сообщества и выводов исследования данного вопроса, предлагается следующее определение «*вредоносной компьютерной программы*», под которой следует понимать

представленную в объективной форме совокупность команд, данных, кода или их комбинации, заведомо предназначенных или фактически используемых в целях противоправного воздействия на информационную инфраструктуру и информационные ресурсы.

Предлагаемое определение обладает рядом преимуществ по сравнению с ранее рассмотренными подходами и законодательной формулировкой.

Во-первых, смещение акцента с единичной «компьютерной программы» на совокупность команд, данных, кода или их комбинацию позволяет отражать комбинированный характер современных ВКП.

Во-вторых, включение наряду с «заведомо предназначенными» также программ, фактически используемых в противоправных целях, обеспечивает возможность отнесения к ВКП легитимно разработанных средств, применённых для совершения преступлений.

В-третьих, замена конкретного перечня альтернативных последствий (уничтожение, блокирование, модификация и т.п.) обобщающей формулировкой «противоправного воздействия» позволяет охватить не только прямо указанные в уголовном законе формы вреда, но и иные современные проявления, в частности несанкционированное использование вычислительных ресурсов, сбор и утечку данных без изменения их содержания, нейтрализацию защитных механизмов, создание условий для последующих атак, что делает дефиницию более устойчивой к технологической эволюции угроз.

В-четвёртых, использование терминов «информационная инфраструктура и информационные ресурсы» вместо узкого перечня объектов, закреплённого в уголовном законе, обеспечивает обобщение всех элементов, упомянутых в законодательстве (компьютерные системы, сети, машинные носители, компьютерная информация), и дополняет их актуальными объектами воздействия – устройствами Интернета вещей (IoT), облачными сервисами, системами промышленного интернета (IIoT), распределёнными реестрами, а также иными элементами, в настоящем не получившие широкого распространения, но уже предугадываемые в контексте развития цифровой среды.

В целях унификации понятийного аппарата целесообразно привести нормативные правовые акты к единой терминологии – «вредоносные компьютерные программы», а также закрепить на нормативном уровне предлагаемое определение в целях обеспечения единообразного толкования и применения всеми заинтересованными субъектами.

Заключение. Таким образом, подводя итог представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

– анализ научной литературы и нормативных правовых актов Республики Беларусь свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению ВКП, отраженного в терминологической разрозненности, что подтверждается использованием понятий «вредоносные программы», «вредоносные компьютерные программы», «вредоносное программное обеспечение» в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике;

– термины «вредоносные компьютерные программы» и «вредоносное программное обеспечение» по существу являются близкими и взаимодополняющими, однако ни один из них в полной мере не отражает современные формы и проявления ВКП, а также случаи противоправного воздействия с использованием легитимного программного обеспечения;

– в целях унификации понятийного аппарата предлагается определение термина ВКП, которое позволит более точно интерпретировать современные виды с учётом технической эволюции угроз;

⁹ URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/48/1252.239-74>.

– в целях единообразного толкования и применения всеми заинтересованными субъектами целесообразно привести нормативные правовые акты к единой терминологии – «вредоносные компьютерные программы», а также закрепить на нормативном уровне определение «вредоносной компьютерной программы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Харисова З.И. Криминалистическая характеристика создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 2. – С. 20–33.
2. Коринь А.В. Интернет вещей: криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 2(171). – С. 125–133.
3. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления: учеб. и практ. пособие. – М.: Инфра-М-НОРМА, 1997. – 285 с.
4. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / Под ред. акад. Б.П. Смагоринского. – М.: Право и Закон, 1996. – 182 с.
5. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М., 2021. – 557 с.
6. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 5. – С. 699–709.

Поступила 15.04.2026

THE CONCEPT OF MALICIOUS COMPUTER PROGRAMS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS AND WAYS TO RESOLVE THEM

U. PIKTA

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

The article examines the theoretical and methodological problems of defining the concept of «malicious computer programs» in the context of the current state of criminal legislation, criminology and operational-investigative activities. The relevance of the work is due to the absence of a unified conceptual framework, which leads to terminological inconsistency in normative legal acts, scientific doctrine and law enforcement practice. The author carries out a semantic and comparative legal analysis of such definitions as «malicious program», «malicious computer program» and «malware», as well as examines approaches to their definition in technical and legal sciences. Based on the results of the study, the author's definition of a malicious computer program is formulated, ways to unify terminology at the normative level are proposed, as well as recommendations for the use of the term «malicious computer programs» as a basic legislative category.

Keywords: *malicious computer programs, computer viruses, malware, criminalistics, detective activity, criminal law, computer information.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-109-113

**МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ****А.Н. СЕНКЕВИЧ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Проанализированы положения правовых актов Республики Беларусь, регулирующие отношения в области здравоохранения. Обозначена роль механизмов реализации права граждан на охрану здоровья в Республике Беларусь, разработана классификация механизмов реализации права граждан на охрану здоровья. Проанализированы механизмы защиты прав пациента в Республике Беларусь. Разработаны и предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования рассматриваемых отношений: создание и введение в практическую деятельность института специалиста по правам пациента в порядке правового эксперимента.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, права пациента, гарантии, омбудсмен.

Введение. Право на охрану здоровья является одним из фундаментальных социально-экономических прав человека, закрепленным в международных актах и национальном законодательстве Республики Беларусь. Данное право гарантировано статьей 45 Конституции, которая обязывает государство создать доступную и эффективную систему здравоохранения. Актуальность исследования механизмов реализации права на охрану здоровья на сегодняшний день обусловлена рядом факторов, среди которых выделяется процесс трансформации законодательства о здравоохранении, направленный на принятие Кодекса Республики Беларусь «О здравоохранении». Также необходимо отметить социальный запрос, который выражается в росте ожиданий населения относительно качества медицинских услуг и разрешения таких системных проблем, как очередность, кадровый дефицит, финансирование здравоохранения, правовая незащищенность пациента.

В статье 45 Конституции Республики Беларусь каждому гражданину гарантируется право на охрану здоровья, бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, а также доступное для всех граждан медицинское обслуживание. Кроме того, в указанной статье закреплён и механизм обеспечения указанного права, в том числе: через развитие физической культуры и спорта; создание мер для развития условий оздоровления окружающей среды; предоставление каждому возможность пользоваться оздоровлением в профильных учреждениях; развитие института охраны труда. Право на охрану здоровья нашло свое отражение через закрепление в Конституции и иных прав, реализация которых имеет непосредственное отношение к охране здоровья граждан. Согласно ст. 41 Конституции «запрещается принудительный труд, кроме случаев, предусмотренных законом, гарантируется право на здоровые и безопасные условия труда». В ст. 43 закреплено право работников на отдых, 40-часовую рабочую неделю, сокращенную продолжительность ночных смен, отпуска. В Конституции Республики Беларусь отражены и такие права, как «право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права», «право на социальное обеспечение в старости, в случае инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом».

Отдельные механизмы реализации права на охрану здоровья исследовались белорусскими учёными. Так, Н.Н. Панков отмечает формирование конституционно-правового механизма защиты права человека на охрану здоровья в Республике Беларусь, а также относит к структуре данного механизма органы государственной власти во главе с Президентом [1, с. 129]. Шавцова А.В. рассматривает институциональные системы как механизм защиты прав и свобод человека и выделяет государственную и общественную формы, а также судебный и внесудебный порядок защиты прав и свобод [2, с. 130]. Вместе с тем, в юридической науке на сегодняшний день нет единого подхода в отношении классификации механизмов реализации столь значимого права. Исходя из анализа действующего законодательства, организационных и финансовых аспектов системы здравоохранения, можно выделить следующие группы механизмов реализации права на охрану здоровья.

- Конституционно-правовые гарантии.
- Институциональные механизмы.
- Финансовые механизмы.
- Механизмы защиты прав пациента.

Основная часть. Конституционно-правовые гарантии представляют собой не только закрепление права на охрану здоровья в нормах национального законодательства, но и подробную регламентацию прав и обязанностей субъектов правоотношений, складывающихся в сфере здравоохранения. Так, статьей 45 Конституции Республики Беларусь устанавливаются фундаментальные гарантии исследуемого права:

- 1) бесплатность – гражданам гарантируется бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом;
- 2) доступность – государство обязуется создавать условия доступного медицинского обслуживания для всех граждан;
- 3) всеобщность – право на охрану здоровья распространяется на всех граждан независимо от социального статуса.

В развитие конституционных положений принят ряд нормативных правовых актов, направленных на реализацию гражданами права на охрану здоровья. основополагающим правовым актом, обеспечивающим реализацию перечисленных выше конституционных гарантий, является Закон Республики Беларусь «О здравоохранении». В указанном Законе заложены правовая и экономическая основы системы здравоохранения, установлено регулирование организации и оказания медицинской помощи населению, регламентирован порядок допуска к осуществлению медицинской и фармацевтической деятельности, определено правовое положение пациента, организация медицинской экспертизы, регулируется порядок обеспечения лекарственными средствами, регламентированы как профессиональные обязанности, так и права медицинских работников, а также заложены основы их социальной защищенности. В целях всесторонней регламентации правоотношений в различных отраслях медицины приняты законодательные акты, регулирующие деятельность в области трансплантации органов и тканей, донорство крови, санитарно-эпидемиологического благополучия, психиатрической помощи, лекарственного обеспечения и т.д. Важно отметить, что с 2024 года ведётся активная работа над проектом Кодекса Республики Беларусь «О здравоохранении». Полагаем, что Принятие проекта Кодекса позволит обеспечить системность и стабильность в регулировании общественных отношений в области здравоохранения и их развитие на новом качественном уровне.

К правовым гарантиям также стоит отнести принятие правовых актов Совета Министров, Министерства здравоохранения Республики Беларусь, органов государственного управления, а также локальные правовые акты организаций здравоохранения. В указанных актах получают закрепление организация, деятельность и функционирование лечебно-профилактических учреждений, вопросы лечения и реабилитации больных, профилактика заболеваний.

Институциональные механизмы реализации права на охрану здоровья представляют из себя систему государственных органов, деятельность которых прямо или косвенно направлена на обеспечение возможности граждан получить медицинскую помощь. Указанные механизмы включают в себя два аспекта: органы государственного управления и контроля и многоуровневую систему организаций здравоохранения, оказывающих медицинскую помощь.

Основным ведомством, осуществляющим разработку и реализацию политики в области охраны здоровья граждан, регулирование и координацию деятельности организаций здравоохранения является Министерство здравоохранения. Министерство осуществляет свою деятельность во взаимодействии с республиканскими органами государственного управления и иными организациями, подчиненными Правительству Республики Беларусь, местными Советами депутатов, местными исполнительными и распорядительными органами, международными и иными организациями. Немаловажную роль в управлении белорусским здравоохранением играют главные управления по здравоохранению облисполкомов и Комитет по здравоохранению Минского горисполкома. Указанные органы входят в систему Министерства здравоохранения осуществляют управленческие функции на региональном уровне.

К институциональным механизмам также можно отнести государственные органы, осуществляющие контроль и надзор за соблюдением законодательством. Так, Генеральная прокуратура Республики Беларусь в пределах своей компетенции осуществляет надзор за соблюдением качества и своевременности оказания гражданам медицинских услуг, импортозамещения, соблюдения законности при закупке лекарственных средств, медицинских изделий и оборудования, их целевое и эффективное использование во всех учреждениях здравоохранения. Комитетом государственного контроля Республики Беларусь осуществляется деятельность по контролю за целевым использованием бюджетных средств.

В Республике Беларусь действует многоуровневая система оказания медицинской помощи населению. В зависимости от функционала и ресурсного обеспечения можно выделить четыре уровня оказания медицинской помощи:

Уровень	Учреждения	Функции
I уровень	Фельдшерско-акушерские пункты (ФАП), врачебные амбулатории	Первичная доврачебная помощь в сельской местности
II уровень	Городские/районные поликлиники, центральные районные больницы	Первичная врачебная помощь, базовая стационарная помощь
III уровень	Областные больницы, специализированные диспансеры	Специализированная медицинская помощь
IV уровень	Республиканские научно-практические центры (РНПЦ)	Высокотехнологичная помощь, научные исследования

По состоянию на 2025 год в Республике Беларусь действуют 536 больничных организаций, оказывающими медицинскую помощь в стационарных условиях, 1381 амбулаторно-поликлиническая организация, оказывающая медицинскую помощь в амбулаторных условиях, 15 Республиканских научно-практических центров (включая Минский научно-практический центр). Указанная система позволяет обеспечить оказание медицинской помощи населению в зависимости от профиля и тяжести заболевания¹.

¹ URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/healthcare>.

К **финансовым механизмам** реализации права на охрану здоровья следует отнести систему финансирования системы здравоохранения. Так, финансовое обеспечение организаций здравоохранения осуществляется из средств государственного бюджета (республиканского и местного), собственных средств учреждений от приносящей доход деятельности (платные медицинские услуги, иные услуги), средств безвозмездной помощи учреждениям (спонсорская помощь, гуманитарная помощь, пожертвования). Указанные источники регламентированы соответствующими актами законодательства и направлены на удовлетворение функциональных потребностей учреждений по оказанию медицинской помощи населению.

Исследуя финансовые механизмы реализации права граждан на охрану здоровья целесообразно отметить утверждение Постановлением Совета Министров от 30 декабря 2025 г. № 798 государственной программы «Здоровье нации» на 2026 – 2030 годы. В соответствии с задачами указанной программы приоритетными направлениями является совершенствование профилактики, диагностики, лечения, увеличения охвата профилактическими осмотрами до 95% населения; развитие функциональных возможностей и внедрение высоких технологий в медицине; оптимизацию инфраструктуры здравоохранения и повышение кадрового потенциала. Предполагается, что для реализации Программы потребуются средства в размере 98 042 619 544 рубля из различных источников финансирования, что, по нашему мнению, гарантирует совершенствование системы здравоохранения, а также обеспечит её доступность для населения.

Таким образом, конституционно-правовые, институционные и финансовые механизмы в своей совокупности создают прочную организационно-правовую основу реализации гражданами конституционного права на охрану здоровья. Вместе с тем, в условиях создания организационно-правовых возможностей для граждан реализовать своё право на охрану здоровья, необходимо выделить имеющиеся **механизмы защиты прав пациента**, связанные с оказанием ему медицинской помощи.

Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» закреплены следующие основные права пациента:

- Право на медицинское обслуживание, включая медицинскую помощь, которая выражается в бесплатной помощи в государственных учреждениях по месту жительства (ст. 4).
- Право на выбор лечащего врача и организации здравоохранения (абз. 3 ч. 1 ст. 41), на получение в доступной форме информации о состоянии здоровья, уважительное и гуманное отношение со стороны работников здравоохранения, ознакомление с медицинскими документами (ч. 1 ст. 41).
- Право на информированное согласие на оказание медицинской помощи, которое выражается в обязательном получении добровольного, осознанного согласия перед любым медицинским вмешательством (ст. 44).
- Право на сохранение медицинскими работниками врачебной тайны, т.е. информации о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, иными связанными с получением медицинской помощи сведениями (ст. 46).

К механизмам защиты прав пациента на сегодняшний день следует отнести три основных института: внутриведомственный (административный) порядок обжалования, вневедомственный порядок обжалования и судебная защита нарушенных прав. Внутриведомственный (административный) порядок обжалования представляет собой наиболее распространенный вид защиты своих прав пациентами и выражается в направлении жалоб и обращений в адрес организаций здравоохранения, территориальные органы здравоохранения и Министерство здравоохранения в порядке, предусмотренном Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц». Под вневедомственным порядком защиты прав пациента следует понимать обращения в государственные органы, выходящие за пределы системы здравоохранения (Следственный комитет Республики Беларусь, Генеральная прокуратура Республики Беларусь) в целях инициировать процесс проверки деятельности организаций здравоохранения и медицинских работников на предмет бездействия, халатности, грубого нарушения законодательства о здравоохранении и др. Судебная защита как способ реализации своих прав в области охраны здоровья выражается в обращении пациентов в судебные инстанции с исковыми заявлениями о возмещении вреда здоровью, причиненного лечением, о возмещении денежных средств по договорам на оказание платных медицинских услуг, отмене административных решений.

Можно сделать вывод, что действующим законодательством не предусмотрены отдельные правовые институты, направленные исключительно на защиту нарушенных прав пациента. Действующие механизмы являются общими практически для всех видов правоотношений и не учитывают специфику отношений в области охраны здоровья.

Полагаем, что характерной чертой большинства правоотношений в области охраны здоровья является наличие особого субъекта – пациента, а также его близких родственников, законных представителей. Особенностью такого субъекта зачастую является социально уязвимое положение, которое может быть обусловлено широким рядом факторов: физические страдания от болевого синдрома; душевные страдания из-за тяжелой болезни, длительного лечения, визуальных дефектов тела, смерти; значительные финансовые затраты на медикаментозное лечение и реабилитацию и др. Зачастую указанные обстоятельства могут быть препятствием самостоятельной защите своих прав. Также необходимо учитывать специфику медицинской отрасли, понимание которой практически невозможно для лиц, не имеющих медицинского образования. Таким образом, в виду особой важности права на охрану здоровья в системе прав человека, а также тесной связи с правом на жизнь, усматривается необходимость создания дополнительных механизмов защиты прав пациента, которые будут учитывать особенности сферы здравоохранения и статуса пациентов.

Для поиска оптимальных решений для нашего государства следует проанализировать опыт зарубежных стран в вопросе дополнительной защиты права граждан на охрану здоровья. В данном контексте особо актуален опыт реализации института омбудсмана, который на сегодняшний день введён практически в половине государств. Омбудсмены функционируют во многих зарубежных странах: Латинской Америке, Испании, Португалии, Польше, Румынии, Анголе и многих других. Институт омбудсмана представлен во многих странах и на территории бывшего СССР в следующих политико-правовых институтах: Уполномоченный по правам человека в Республике Узбекистан, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный Верховной рады по правам человека в Украине, Контролеры Сейма в Литве [3, с. 200].

Так, в Российской Федерации в системе органов публичной власти в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан действует институт Уполномоченного по правам человека. Уполномоченный по правам человека в РФ не имеет специализированных полномочий в сфере здравоохранения, поскольку его компетенция распространяется на все права человека. К полномочиям Уполномоченного по правам человека относится рассмотрение жалоб граждан о нарушении прав, в том числе на действия или бездействие государственных органов и должностных лиц. Он направляет рекомендации и требования об устранении нарушений прав пациента и законодательства о здравоохранении, вносит предложения об изменении нормативных правовых актов.

В ряде стран вопрос защиты прав человека в сфере здравоохранения разрешён посредством введения института медицинского омбудсмана. Например, в Бразилии данный институт реализован посредством создания офиса Генерального омбудсмана Бразильской государственной системы здравоохранения. Указанный орган функционирует в структуре Министерства здравоохранения и осуществляет работу в отношении жалоб и обращений пациентов, проводя анализ потребностей и передачу информации о возможных нарушениях в компетентные органы для проведения проверок². Аналогичный институт в Израиле (Уполномоченный по рассмотрению жалоб населения в сфере здравоохранения) также функционирует в государственной системе здравоохранения и имеет равноуровневую структуру, проводя работу по жалобам пациентов как на уровне Минздрава, так и на местном уровне в организациях здравоохранения. Отметим пример Южно-Африканской Республики, в которой создан независимый орган – Управление омбудсмана по вопросам здравоохранения. Наряду с приемом обращений граждан, указанное Управление вправе проводить инициативные расследования без наличия жалобы, а также выдавать в адрес государственных и частных организаций здравоохранения обязательные к рассмотрению рекомендации.³

Полагаем, что рассматриваемые зарубежные модели позволяют сделать вывод о том, что институт уполномоченного по правам пациента признаётся многими современными странами и является дополнительным источником защиты прав пациента. Внедрение зарубежного опыта в законодательство Республики Беларусь не только позволит создать дополнительный мощный механизм реализации конституционного права человека на охрану здоровья, но и частично «разгрузит» государственные органы системы здравоохранения в части работы над жалобами и обращениями.

Необходимо отметить, что белорусскими учёными активно исследуются возможность и перспективы введения института уполномоченного по правам человека. Профессором Г.А. Василевичем разработана Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси, которая определяет организационные и правовые вопросы, касающиеся создания и функционирования данной структуры, а также предусматривает введения института Уполномоченного по правам человека и устанавливает определенные требования к кандидатам: возраст не моложе 50 лет, юридическое образование как предпочтительное, знание государственных языков [4, с. 19]. Пастухов М.И., являясь соавтором авторской модели законопроекта об уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь, отмечает необязательность юридического образования для данной должности и полагает разумным наличие у уполномоченного в первую очередь общественного признания своей правозащитной деятельностью [5, с. 52].

Исходя из целей настоящего исследования полагаем, что в Республике Беларусь институт, направленный именно на права пациента, может быть реализован посредством введения специалистов по правам пациента в порядке эксперимента с изданием нормативного правового акта в порядке, предусмотренном ст. 8 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». На первоначальном этапе указанный институт может быть представлен главным специалистом Министерства здравоохранения по правам пациентов, а также группой специалистов при территориальных органах здравоохранения в каждом регионе и г. Минске, что поможет избежать дополнительной финансовой нагрузки на государство в виду наличия действующей материально-технической базы вышеуказанных органов здравоохранения. В полномочия специалистов по правам человека должны быть включены право на принятие и рассмотрение жалоб граждан на некачественное оказание медицинской помощи, действие (бездействие) организаций здравоохранения; право на проведение независимого расследования, примирение пациентов и учреждений, передача материалов расследований в правоохранительные органы, оказание содействия пациентам в судебной защите прав. При этом на данном этапе предлагается ограничить круг жалоб случаями причинения тяжелого ущерба здоровью, внешнему виду пациента, смерти, иных тяжелых последствий для пациента и его близких, что поможет исключить излишнюю нагрузку на созданный институт.

² URL: <https://www.gov.br/saude/pt-br/canais-de-atendimento/ouvsus>.

³ URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6293341/>.

В дальнейшем полагаем возможным создание отдельной независимой в своей деятельности государственной структуры по правам пациента по примеру зарубежных моделей, что позволит избежать возможной необъективности и зависимости в своей деятельности.

Заключение. Таким образом, в Республике Беларусь действует система реальных правовых, организационных и финансовых механизмов защиты прав граждан на охрану здоровья. Действие данных механизмов обеспечено конституционным и подконституционным закреплением исследуемого права, системой государственных органов здравоохранения и контроля, значительное финансирование медицинской отрасли из средств государственного бюджета и иных источников. Законодательство о здравоохранении закрепляет права граждан при оказании им медицинской помощи. Вместе с тем, в целях систематической и специализированной защиты прав граждан в вопросах получения медицинской помощи целесообразно введение института специалиста по правам пациента, деятельность которого создаст дополнительные гарантии защиты прав граждан, находящихся в социально уязвимом положении в связи с состоянием здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панков Н.Н. К вопросу формирования конституционно-правового механизма защиты права граждан на охрану здоровья // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 мар. 2008 г. – Минск, 2008. – С. 129–130.
2. Права человека: учеб. пособие / С.А. Балашенко, И.В. Вегера, М. Гибни и др.; науч. ред.: С.А. Балашенко, Е.А. Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.
3. Дорина В.В. Развитие института омбудсмана в сфере здравоохранения в Республике Беларусь // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2019. – С. 199–201.
4. Василевич Г.А. Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси: концепция предполагаемого проекта Закона об Уполномоченном по правам человека в Беларуси. – Минск: БГУ, 2013. – 29 с.
5. Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь: колл. монография / М.И. Пастухов, Н.В. Мисаревич, В.Н. Цед и др.; под общ. ред. М.И. Пастухова. – Минск: БИП, 2019. – 117 с.

Поступила 03.04.2026

MECHANISMS FOR IMPLEMENTING THE RIGHT TO HEALTHCARE IN THE REPUBLIC OF BELARUS: ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

A. SENKEVICH
(*Belarusian State University, Minsk*)

This article analyzes the provisions of Belarusian legal acts regulating healthcare. The role of mechanisms for implementing citizens' rights to healthcare in the Republic of Belarus is outlined, and a classification of mechanisms for implementing citizens' rights to healthcare is developed. Mechanisms for protecting patient rights in the Republic of Belarus are analyzed. Recommendations for improving the legal regulation of these relationships are developed and proposed: the establishment and practical implementation of the institution of a patient rights specialist as a legal experiment.

Keywords: *right to healthcare, patient rights, guarantes, ombudsman.*

УДК 340.130:342:004

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-114-118

ЦИФРОВОЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ: ПЕРЕХОД ОТ ТЕКСТА К ИНТЕРФЕЙСУ

*канд. юрид. наук, доц. П.В. СОЛОВЬЁВ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2800-9405>

В статье исследуется цифровой нормативный правовой акт как возможное направление эволюции формы права в условиях цифровой трансформации общества. Цель работы – определить сущность цифрового нормативного правового акта и его место среди направлений цифровизации права. Раскрыт онтологический аспект перехода от понимания нормативного акта как статичного текста к его функционированию в виде интерактивной, адаптивной и динамической цифровой среды. Предложена типология форм цифрового нормативного правового акта: электронный структурированный акт, интерактивный акт, алгоритмический акт и машиноисполняемый акт. Обосновано применение риск-ориентированного подхода к внедрению каждой из форм в зависимости от степени их автономности и потенциального влияния на права граждан. Проанализирована трансформация классических требований юридической техники и выявлены новые вызовы. Особое внимание уделено конституционно-правовым рискам: деформации правовой определённости, алгоритмической предвзятости, дегуманизации права и подмене демократической легитимности технологическим управлением; предложены соответствующие правовые пределы.

Ключевые слова: *правотворчество, нормотворчество, цифровизация права, цифровой нормативный правовой акт, машиночитаемое право, машиноисполняемое право, правовая определённость, риск-ориентированный подход, юридическая техника, конституционные риски.*

Введение. Цифровая трансформация права представляет собой одно из наиболее значимых явлений современной юридической действительности. В 2023 г. в Республике Беларусь курс на цифровизацию нормотворчества законодательно закреплён в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»¹ через признание принципа цифровизации основным принципом нормотворческой деятельности. Необходимость внедрения передовых информационных технологий и осуществления цифровизации нормотворческой деятельности также обозначена в Концепции правовой политики (п. 41), утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196². Цифровизация нормотворчества предусматривает широкое применение информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счёт развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности. При этом цифровизация нормотворческого процесса – это также изменение нормотворческих подходов к наполнению нормативных правовых актов (закрепление положений о цифровых субъектах правовых отношений, о цифровых правах и обязанностях личности, граждан, юридических лиц, государственных органов, о цифровом порядке реализации прав и обязанностей, о юридической ответственности и др.) [1, с. 188]. Следовательно, с позиций нормотворчества цифровизация меняет его процедурную и содержательную стороны. Как представляется, в условиях цифровизации права меняется и форма существования нормативного материала, т.е. оболочка, в которую облекается результат нормотворчества. В данном случае мы говорим о формировании концепции цифрового нормативного правового акта [2], которая знаменует переход от традиционного текстуального выражения правовых предписаний к их функционированию в виде интерактивных, адаптивных и динамических информационных систем.

В белорусской юридической науке динамично развиваются исследования в сфере цифровой трансформации нормотворчества. Это труды таких учёных, как М.С. Абламейко, Г.А. Василевич, А.Ф. Мательский, В.А. Шаршун, И.В. Шахновская, а также исследователей из Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Однако вопрос цифровой трансформации формы нормативного материала остаётся малоисследованным. Цель настоящей работы – определить сущность цифрового нормативного правового акта как одного из направлений цифровизации права, что предполагает решение следующих задач: во-первых, раскрыть онтологический аспект перехода нормативного правового акта от статичного текста к цифровой правовой среде; во-вторых, разработать типологию форм цифрового нормативного правового акта; в-третьих, выявить основные новации, которые эта концепция привносит в юридическую технику; в-четвертых, определить конституционно-правовые риски и установить допустимые пределы цифровизации нормативного правового акта как формы права. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы. Главным образом, исследование строится на методе правового моделирования, который позволяет сконструировать теоретические модели цифрового нормативного правового акта и описать их свойства. Прогностический метод используется для оценки потенциальных рисков и вызовов, связанных с внедрением новых форм права. В работе также находят применение системный подход, что отражается в преломлении технологических аспектов цифрового нормативного правового акта на положения общей теории права и конституционной доктрины.

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>.

Основная часть. 1. Переход от статичного текста к интерактивной правовой среде. Классическое понимание нормативного правового акта неразрывно связано с его письменной формой. Право традиционно отождествляется с текстом, зафиксированным на материальном носителе и облечённым в установленную форму. Именно текст выступает эталоном, с которым субъекты права сверяют своё поведение, а правоприменители обосновывают решения. Эта парадигма выработала устойчивые требования юридической техники. К ним относятся ясность, обозримость, логичная структурированность и компактность изложения нормативных предписаний. Все эти требования служат единой цели – обеспечить доступность права для человека, который вынужден самостоятельно ориентироваться в массиве статичного текста.

Цифровой нормативный правовой акт меняет существенные характеристики правового документа, так как происходит переход от «текста» к «среде». Нормативный правовой акт перестаёт быть пассивным источником информации, он становится активным интерфейсом взаимодействия субъекта и правовой системы. В цифровой среде право не просто хранится в виде файла или размещается на правовом портале, оно начинает функционировать как программа, способная настраиваться под конкретного пользователя и отвечать на его целевые запросы. Этот переход изменяет непосредственно роль текста. В аналоговой модели текст – это одновременно и форма, и содержание. Человек должен прочитать, понять и мысленно применить норму к своей ситуации. В цифровой среде функция доступа и первичного применения передаётся поисково-аналитическому механизму. Текст сохраняет значение эталонного содержания, но его восприятие опосредуется интерфейсом, который способен генерировать ответы на запросы пользователя, в т.ч. визуализировать сложные правовые конструкции, детализировать алгоритм юридически значимых действий, необходимых для реализации конкретного правового интереса. Субъект права взаимодействует не с безмолвным документом, а с интерактивной справочно-правовой системой.

Онтологический сдвиг также проявляется в изменении временной характеристики правового предписания. Традиционный текст статичен, он фиксирует волю законодателя на момент принятия акта, а всякое последующее изменение требует новой нормотворческой процедуры и нового текста. Цифровой нормативный правовой акт потенциально динамичен, и его содержание может актуализироваться на основе объективных данных, поступающих из государственных информационных систем. Это не означает автоматического изменения текста «закона», но предполагает, что актуальное содержание нормы, адресованное субъекту, может собираться из множества источников и параметров в режиме реального времени. Такой переход от единого застывшего документа к распределённой актуализируемой информации и составляет суть онтологической трансформации. Например, цифровой нормативный правовой акт определяет для истца размер государственной пошлины; формирует для заявителя в административной процедуре перечень необходимых документов с учётом индивидуальной ситуации; определяет процессуальный срок и т.д.

Важно подчеркнуть, что среда не отменяет текст нормативного правового акта. Она надстраивается над ним и меняет режим его существования. Эталонный текст сохраняется как конституционная гарантия правовой определённости, но коммуникация между правом и его адресатом перемещается в цифровую оболочку. Эта оболочка способна снять с человека когнитивную нагрузку по поиску, систематизации и первичной оценке применимых норм. В этом заключается фундаментальное изменение роли нормативного правового акта в реализации права. Он превращается из пассивного свода правил в активный инструмент правовой навигации. Технологически цифровой нормативный правовой акт, представляет собой информационную систему, базирующуюся на технологиях искусственного интеллекта. Это позволяет экстраполировать на него ключевые доктринальные позиции о правовом регулировании искусственного интеллекта. Как подчёркивается в исследованиях, посвящённых этическим и правовым аспектам применения таких технологий, центральным элементом их применения должен стать риск-ориентированный подход [3, с.72], что мы рассмотрим далее через типологию цифрового нормативного правового акта.

2. Типология форм цифрового нормативного правового акта. Как представляется, цифровой нормативный правовой акт не является единой унифицированной формой. Он представляет собой определенный вектор эволюции, на котором можно выделить несколько качественно различных ступеней. Разработка типологии этих форм имеет важное теоретическое и практическое значение. Она позволяет дифференцировать технологические решения, оценивать степень их воздействия на правовую систему и устанавливать адекватные правовые требования.

Первую, начальную форму можно обозначить как электронный структурированный правовой акт. На этой стадии официальный текст «закона» существует в цифровом формате и снабжён развитой системой навигации. Ключевыми элементами выступают гипертекстовые перекрёстные ссылки, полнотекстовый поиск, автоматическое отображение действующей редакции с учётом всех внесённых изменений (контрольное состояние текста). Содержание остаётся традиционным и статичным. Однако доступ к нему качественно меняется. Субъект получает возможность быстро находить релевантные фрагменты и видеть системные связи между нормами. Уже на этом уровне многие классические требования юридической техники, касающиеся физической обозримости и компактности, теряют своё абсолютное значение. Навигация перекладывается с человека на машину. Примером практического воплощения элементов этой формы может служить различные справочно-правовые системы, например, информационно-поисковая система «Эталон-online», разработанная Национальным центром законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Второй формой выступает интерактивный нормативный правовой акт. К свойствам структурированного акта здесь добавляется способность интерфейса к диалогу с пользователем. Система не просто выдаёт текст по запросу, а генерирует ответы на целевые вопросы. Она способна детализировать алгоритм юридически значимых

действий для конкретной жизненной ситуации. Интерактивный акт также интегрирует в себя визуализацию права. Сложные процедуры, алгоритмы действий, системы прав и обязанностей представляются в виде инфографики, блок-схем, интерактивных сценариев. Это выполняет важнейшие когнитивные функции. Субъект не обязан обладать профессиональными юридическими знаниями для понимания общего порядка реализации своего права. Подобные сервисы могут реализовываться на базе справочно-правовых систем, в т.ч. через порталы правовой информации. Законодательное закрепление возможности дублирования текста акта его визуализированной интерактивной формой может стать следующим шагом в повышении доступности права.

Третья, высшая на сегодняшний день, форма – это алгоритмический нормативный правовой акт. Его сущностной новеллой является интеграция в правовую ткань алгоритмических норм, которые не являются статичным текстом, а определяются на основе исходных условий применения и объективных данных из верифицированных источников. Примеры таких норм уже сегодня существуют в праве. Размер государственной пошлины может автоматически определяться в зависимости от изменения базовой величины. Ставка налога может дифференцироваться на основе характеристик транспортного средства, содержащихся в государственной базе данных. Перечень документов, необходимых для административной процедуры, может корректироваться при изменении состава сведений, доступных через систему межведомственного электронного взаимодействия. Алгоритмический акт создаёт правовую среду, способную к оперативной самонастройке. Это знаменует переход от статичной модели права к динамической.

Возможной, но требующей крайне осторожного подхода перспективой является четвертая форма – машинночитаемый и, главным образом, машиноисполняемый нормативный правовой акт. Это модель, при которой правовые нормы изначально формулируются и публикуются в формате, структурированном для машинного чтения и автоматического применения; а в правовую систему внедрены системы искусственного интеллекта, которые автоматически исполняют такие нормы [4, с. 88–90]. Такая форма остаётся скорее футуристическим сценарием, требующим отдельного глубокого конституционно-правового осмысления.

Предложенная типология демонстрирует эволюцию не только технологий, но и самой философии права. На начальных стадиях цифровой инструментарий служит лишь более удобной оболочкой для традиционного текста. На высших стадиях форма начинает влиять на содержание, открывая возможности для ранее недоступных способов нормативного регулирования. При этом, как мы ранее отмечали, центральным элементом внедрения цифрового нормативного правового акта должен стать риск-ориентированный подход. В его основе лежит классификация систем по уровням риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Применительно к разработанной нами типологии форм цифрового нормативного акта это означает прямую зависимость строгости предъявляемых требований от степени автономности акта и его потенциального влияния на права граждан. Так, электронный структурированный акт, выполняющий сугубо навигационные функции, создаёт минимальный риск. Интерактивный акт, генерирующий разъяснения, требует контроля за достоверностью выводов, что соответствует ограниченному риску. В свою очередь, алгоритмический акт, способный динамически изменять содержание правовых предписаний на основе данных информационных систем, должен быть отнесён к категории высокого риска. Для такого акта становятся обязательными строгие требования прозрачности, объяснимости и верифицируемости заложенных в него алгоритмов, а также обеспечение постоянного человеческого надзора. Наконец, машиноисполняемый акт, предполагающий автоматическое применение права без участия правоприменителя в сферах, затрагивающих конституционные права и свободы, может создавать неприемлемый риск (например, отправление правосудия по уголовным делам).

3. Трансформация юридической техники и новые вызовы. Появление цифрового нормативного правового акта в его различных формах влечёт за собой переосмысление ряда фундаментальных постулатов юридической техники и ставит перед правовой системой новые вызовы.

Первое значимое изменение касается традиционных требований к форме акта. Классические постулаты о ясности, обозримости и компактности изложения, а также логичной структурированности разрабатывались для восприятия человеком. Их функциональное назначение состояло в том, чтобы обеспечить доступность, систематизированность права, простоту и быстроту поиска нужной нормы. В условиях интерактивной и алгоритмической среды эти функции в значительной степени переходят к интерфейсу. Субъекту не требуется вручную обозреть весь массив текста. Он взаимодействует с поисковым механизмом и диалоговой системой.

Это открывает возможность для создания беспрецедентно детализированных правовых актов. Цифровой нормативный правовой акт может содержать исчерпывающие предписания, регулирующие не только общие, но и многочисленные частные случаи. В него могут быть включены обширные перечни исключений и специальные процедуры. Опасения по поводу громоздкости и запутанности такого акта, справедливые для бумажной эпохи, в цифровой среде нивелируются. Пользователь не читает весь документ подряд. Алгоритм выдаёт ему релевантную именно для его ситуации норму. Таким образом, детализация правового регулирования и его простота для конечного адресата перестают быть противоречащими друг другу целями.

Вторым фундаментальным сдвигом является появление алгоритмических норм как элемента содержания акта. Этот процесс ставит проблему нормативной определённости. Классическая правовая норма существует как статичный императив. Субъект может заблаговременно ознакомиться с её текстом и предвидеть правовые последствия своих действий. Содержание алгоритмической нормы зависит от изменения данных информационных систем. Субъект зачастую не может с абсолютной достоверностью знать точное значение диспозиции до момента

её актуализации. Правовая норма из категорического веления, адресованного сознанию и воле человека, рискует трансформироваться в «черный ящик». Это подрывает один из краеугольных принципов правового государства – правовая определённость. Требования прозрачности алгоритмов и их верифицируемости становятся не техническими свойствами системы, а конституционно значимыми условиями легитимности акта.

Третьим вызовом является проблема аутентичности и сохранности цифровой правовой информации. В аналоговую эпоху официальный текст «закона» существовал в статичной, материальной форме, что позволяет однозначно определить его содержание на конкретный момент времени. Цифровой нормативный правовой акт, особенно функционирующий как платформа, требует принципиально новых механизмов верификации. Как представляется, необходимо обеспечить, чтобы результат поискового запроса, выданный пользователю, полностью соответствовал официальному эталону. В этой связи разработка стандартов подтверждения подлинности, долгосрочной архивной сохранности цифровых нормативных массивов становится задачей первостепенной важности.

4. Конституционно-правовые риски и пределы цифровизации. Цифровой нормативный правовой акт – это не только возможность повысить эффективность права, но и ряд фундаментальных рисков для конституционного правопорядка. Определение этих рисков и установление правовых пределов цифровизации является необходимым условием сохранения гуманистической сущности права.

Первую группу составляют риски деформации онтологических свойств права. Внедрение динамических, алгоритмических норм способно привести к эрозии принципа правовой определённости, как уже было отмечено. К этому добавляется риск утраты системности права. Стремление к предельной детализации каждого частного случая средствами алгоритма может разрушить внутренние системные связи между общими и специальными нормами. Вместо стройной иерархической системы, основанной на принципах, право рискует превратиться в конгломерат ситуационных алгоритмических решений. Это затруднит формирование единой правовой доктрины и стабильной правоприменительной практики. Пределом здесь должно выступать чёткое законодательное определение сфер, в которых допустимо применение алгоритмических норм. Например, такие нормы могут применяться для расчёта: пошлин, сроков, перечней документов, привлечение к административной ответственности с формированием размера штрафа по формализованным составам. Применение алгоритмов для уголовно-правовой квалификации деяний, оценки субъективной стороны преступления или определения меры уголовного наказания должно быть исключено из допустимых сфер.

Вторую группу образуют риски углубления социального неравенства и дискриминации. Цифровой нормативный правовой акт предполагает, что субъект обладает доступом к сети Интернет, необходимыми цифровыми устройствами и навыками их использования. Безальтернативное внедрение исключительно цифровых форм доступа к праву и реализации прав через цифровые алгоритмы способны трансформировать формально-юридическое равенство в фактическое неравенство. Граждане, оказавшиеся по ту сторону «цифрового разрыва», исключаются из полноценной правовой жизни.

Более глубокая проблема – это риск «алгоритмической предвзятости» [5, с. 509]. Алгоритмы, даже добросовестно разработанные, могут наследовать скрытые дискриминационные паттерны из обучающих данных. Если системы искусственного интеллекта будут задействованы в процессах, прямо или косвенно определяющих объем прав и обязанностей субъектов, заложенные в них предубеждения способны привести к систематическому ущемлению прав целых социальных групп, причём это может происходить в скрытой, неподконтрольной традиционным антидискриминационным механизмам, форме. Пределом здесь должен выступать абсолютный запрет на принятие юридически значимых решений, затрагивающих права и свободы граждан, исключительно на основе автоматизированной обработки данных без участия человека. В этой связи важно обеспечить нормативное закрепление гарантий прозрачности, включая обязательную маркировку решений, принятых искусственным интеллектом [6, с. 595], и права на пересмотр человеком решений, принятых системой искусственного интеллекта [7, с. 162].

Третья группа рисков – это риск дегуманизации права и отчуждения гражданина от государства. Право является не только инструментом социального регулирования, но и формой выражения справедливости. Справедливость требует учёта уникальных обстоятельств, нравственной оценки и эмпатии. Замена правоприменителя алгоритмом в вопросах определения судьбы человека несёт угрозу утраты гуманистического содержания права. Физическое присутствие должностного лица или судьи, возможность личного взаимодействия с представителем государства выполняют важнейшие символические и психологические функции. Полная цифровизация способна вызвать у граждан чувство отчуждения от государства и недоверие к правовой системе. Пределом цифровизации здесь является правило: человек всегда в контуре правоприменения. Право гражданина на рассмотрение его дела физическим лицом, а не системой искусственного интеллекта, должно носить абсолютный характер в сферах, где решение связано с ограничением конституционных прав и свобод.

Четвертую группу составляют риски подмены демократической легитимности технологическим управлением. Цифровой нормативный правовой акт, интегрирующий предиктивную аналитику и большие данные, создаёт соблазн рассматривать статистические закономерности как объективную необходимость, требующую автоматического правового реагирования. Право может начать формироваться не как результат согласованной воли общества, а как продукт алгоритмического анализа данных. Это противоречит конституционной природе закона как акта высшей политической легитимности. Пределом здесь выступает требование о том, что решение о содержании правовых норм всегда остаётся за уполномоченным нормотворческим органом, действующим на основе демократических процедур. Цифровые инструменты на стадии прогнозирования и планирования могут играть лишь вспомогательную, консультативную роль.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Концепция цифрового нормативного правового акта представляет собой не просто технологическое усовершенствование формы права, а его качественную онтологическую трансформацию. Происходит переход от статичного текста к интерактивной, адаптивной и потенциально динамической правовой среде. Этот переход изменяет социальную роль акта, превращая его из пассивного свода правил в активный инструмент правовой навигации и коммуникации между государством и гражданином. Эволюционное развитие цифрового нормативного правового акта – это три основные ступени: электронный структурированный акт, интерактивный акт и алгоритмический акт. Каждая ступень характеризуется определенным набором технологических свойств и порождает различные по глубине последствия для правовой системы. Наибольшие перспективы в обозримом будущем связаны с развитием интерактивных и алгоритмических актов.

Основными рисками внедрения цифрового нормативного правового акта выступают деформация принципа правовой определённости, возникновение новых форм дискриминации, дегуманизация права и отчуждение граждан, а также подмена демократической легитимности технологическим детерминизмом. В качестве императивных пределов обоснованы: ограничение сферы применения алгоритмических норм, запрет на автоматизированное принятие решений без человеческого участия в делах, затрагивающих конституционные права, сохранение аналоговых альтернатив доступа к праву и безусловный приоритет воли законодателя над техническими выводами аналитических систем.

Цифровой нормативный правовой акт является инструментом повышения эффективности и доступности права. Однако его внедрение должно осуществляться не как самоцель, а как средство для более полной реализации принципов правового государства. Только взвешенный подход, сочетающий технологические инновации с неукоснительным соблюдением конституционных гарантий прав и свобод человека, позволит цифровому нормативному правовому акту занять достойное место в правовой системе будущего, не разрушая её фундаментальных устоев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев П.В. Принципы нормотворчества: конституционно-правовое закрепление и реализация в Республике Беларусь. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025. – 256 с.
2. Соловьёв П.В. Цифровой нормативный правовой акт как направление развития правотворческой и правоприменительной деятельности // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Нац. центр прав. информации Респ. Беларусь; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 356–360.
3. Абламейко М.С. Этические и правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта с учетом международного опыта // Право.by. – 2023. – № 5(85). – С. 66–74.
4. Шаршун В.А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. – 2022. – № 1(75). – С. 88–94.
5. Харитонов Ю.С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53. – С. 488–515.
6. Виноградов В.А. Intellectus ex machina: видимость, потенциальная правосубъектность, ответственность за действия и решения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – № 3. – С. 588–607.
7. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. – 3-е изд., обнов. и доп. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. – 321 с.

Поступила 15.05.2026

DIGITAL LEGAL ACT: TRANSITION FROM TEXT TO INTERFACE

P. SOLOVJOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the digital legal act as a natural stage in the evolution of legal forms in the context of the digital transformation of society. The objective of the work is to define the essence of the digital legal act and its place among the areas of legal digitalization. The ontological aspect of the transition from understanding a legal act as a static text to its functioning as an interactive, adaptive and dynamic digital environment is revealed. A typology of forms of digital legal acts is proposed: an electronic structured act, an interactive act, an algorithmic act and a machine-executable act. The application of a risk-oriented approach to the implementation of each of the forms is substantiated, depending on the degree of their autonomy and potential impact on the rights of citizens. The transformation of the classical requirements of legal technique is analyzed, and new challenges are identified. Particular attention is paid to constitutional and legal risks: deformation of legal certainty, algorithmic bias, dehumanization of law and the substitution of democratic legitimacy with technological management; the corresponding legal limits are proposed.

Keywords: *lawmaking, digitalization of law, digital legal acts, machine-readable law, machine-executable law, legal certainty, risk-based approach, legal technique, constitutional risks.*

УДК 349.6

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-119-126

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*канд. экон. наук, канд. юрид. наук, доц. Д.М. СТЕПАНЕНКО
(Белорусско-Российский университет, Могилёв)*

В статье исследуются роль и место реализуемых в Республике Беларусь государственных программ в системе национального законодательства, регулирующего осуществление экологической и инновационной политики государства. Обоснована целесообразность юридического закрепления в законодательстве Республики Беларусь положений, ориентированных на использование потенциала научно-технического прогресса в ходе разработки и реализации государственных программ в экологической сфере жизнедеятельности общества. Сформулированы и обоснованы авторские рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь о государственном планировании инновационного развития, направленные на поддержку научно-технического прогресса и инноваций в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Исследованы положения реализуемых в Республике Беларусь государственных программ, ориентированных на поддержку развития науки, энергетики, агропромышленного комплекса, транспорта и строительства, в контексте их роли в реализации экологической и инновационной политики государства.

Ключевые слова: государственная программа, экономический механизм, правовой инструмент, охрана окружающей среды, природопользование, закон, государственная экологическая политика, государственная инновационная политика, научно-технический прогресс.

Введение. Экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования играет важную роль в системе реализации экологической политики государства. При этом правовое регулирование как всего указанного механизма в целом, так и каждого из составляющих его элементов является важным фактором эффективности функционирования обозначенного экономического механизма. В частности, исследованию проблематики правового регулирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования, а также его отдельных элементов посвящены работы А.Г. Ахатова, С.А. Балашенко, М.М. Бринчука, О.В. Вагиной, А.К. Голиченкова, А.В. Егорова, В.Е. Лизгаро [1–7]. С.А. Балашенко и М.М. Бринчук акцентируют внимание на необходимости обеспечения эколого-экономической согласованности между общественными и частными интересами в рамках функционирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования [2; 3]. А.Г. Ахатов исследует роль экологического страхования в системе реализации указанного механизма [1], А.К. Голиченков и В.Е. Лизгаро – соответствующую роль экологического контроля [5; 7], А.В. Егоров – институциональные аспекты функционирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования [6], О.В. Вагина – место в системе реализации данного механизма стимулирующих и поощрительных норм [4].

В то же время явно недостаточно исследований, посвященных правовому регулированию государственного прогнозирования и планирования в экологической сфере жизнедеятельности общества как важного элемента экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования. Кроме того, в современных условиях высокой актуальностью и значимостью обладает исследование проблемы использования потенциала научно-технического прогресса и обусловленной им инновационной деятельности в законодательной базе государства, регулирующей как экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования в целом, так и каждый из его системных элементов.

Результаты исследования роли и места реализуемых в Республике Беларусь государственных программ в системе правового регулирования реализации экологической и инновационной политики государства способны выступить в качестве важной предпосылки системной интеграции двух обозначенных важных направлений государственной деятельности, достижения синергетического эффекта от их комплексного осуществления.

Основная часть. Статья 40 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» устанавливает, что экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования включает следующие элементы: 1) разработка государственных прогнозов и программ социально-экономического развития Республики Беларусь в части рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; 2) финансирование программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды; 3) установление платежей за природопользование; 4) экономическая оценка экосистемных услуг; 5) установление мер экономического стимулирования в области охраны окружающей среды, в том числе с применением наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, «зеленых» закупок; 6) возмещение в установленном порядке вреда, причиненного окружающей среде; 7) компенсационные выплаты стоимости удаляемых объектов растительного мира, компенсационные выплаты за вредное воздействие на объекты животного мира и (или) среду их обитания; 8) возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства; 9) экологическое страхование¹. Таким образом, государственное

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982>.

прогнозирование и планирование в области охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала обозначено законодателем в качестве важной составляющей экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и государственном планировании» государственные программы разрабатываются для достижения целей и решения задач социально-экономического развития, определенных в программе социально-экономического развития Республики Беларусь и требующих межотраслевого и (или) межрегионального взаимодействия государственных органов и иных организаций, а также для достижения иных целей и решения иных задач, определенных законодательными актами². Практика соответствующей государственной деятельности свидетельствует о том, что все государственные программы, реализуемые в Беларуси, утверждаются либо указом Президента Республики Беларусь, либо постановлением Совета Министров Республики Беларусь. Как следствие данной ситуации, положения государственных программ обладают юридической силой соответствующих нормативных правовых актов.

Статья 41 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» устанавливает, что государственные программы рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды разрабатываются Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды совместно с заинтересованными государственными органами (государственными организациями) и утверждаются Советом Министров Республики Беларусь. В настоящий момент в Республике Беларусь утверждена и реализуется Государственная программа «Экология» на 2026 – 2030 годы. Реализация утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Экология» на 2026 – 2030 годы призвана обеспечить решение задач «Сохранение и восстановление природной среды и естественных экосистем» и «Максимальное вовлечение производственных и коммунальных отходов в хозяйственный оборот» Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы³. В контексте взаимосвязи положений Государственной программы «Экология» на 2026 – 2030 годы с научно-техническим прогрессом и инновационной деятельностью необходимо обратить внимание на цели указанной программы, в качестве которых обозначены улучшение качества охраны окружающей среды и обеспечение рационального природопользования. Именно перспективные научно-технические достижения, воплощенные в инновациях, вне всяких сомнений, являются ключевой предпосылкой того, чтобы улучшить качество окружающей среды и сделать использование природных ресурсов более рациональным и эффективным.

Анализ положений отдельных подпрограмм Государственной программы «Экология» на 2026 – 2030 годы позволяет выделить ожидаемые результаты реализации соответствующих подпрограмм, для реального достижения которых на практике объективным образом требуется тесная координация мер и мероприятий, предпринимаемых государственными органами в рамках осуществления экологической политики государства и его инновационной политики: 1) сокращение выбросов парниковых газов (подпрограмма 1 «Гидрометеорология и климат»); 2) вывод в полном объеме из эксплуатации всего оборудования, содержащего полихлорированные бифенилы (подпрограмма 2 «Стойкие органические загрязнители»); 3) экологическая реабилитация торфяников и восстановление открытых луговых и болотных естественных экологических систем (подпрограмма 3 «Биологическое и ландшафтное разнообразие»); 4) увеличение удельного веса площади особо охраняемых природных территорий в общей площади страны (подпрограмма 3 «Биологическое и ландшафтное разнообразие»); 5) обеспечение достоверности количественного и качественного учета природных ресурсов, оценки фактического состояния природно-ресурсного потенциала (подпрограмма 4 «Охрана окружающей среды»); 6) улучшение экологического состояния поверхностных водных объектов (подпрограмма 5 «Экология регионов»); 7) озеленение и воспроизводство объектов растительного мира (подпрограмма 5 «Экология регионов»); 8) рациональное использование и охрана земель (подпрограмма 5 «Экология регионов»); 9) возведение заводов по сортировке и использованию твердых коммунальных отходов (подпрограмма 6 «Цель 99»); 10) возведение станций сортировки, пунктов досортировки твердых коммунальных отходов в целях создания условий для сортировки коммунальных отходов потребления в объемах их образования (подпрограмма 6 «Цель 99»).

В то же время утвержденная Советом Министров Республики Беларусь Государственная программа «Экология» на 2026 – 2030 годы не содержит непосредственных положений, акцентирующих внимание на поддержке со стороны государства реализации перспективных достижений научно-технического прогресса в экологической сфере жизнедеятельности общества, создания и внедрения экологических инноваций.

Потенциальная возможность достижения положительного синергетического эффекта от комплексного осуществления экологической и инновационной политики Белорусского государства обуславливает целесообразность нормативного закрепления учета фактора научно-технического прогресса в ходе разработки и реализации государственных программ в сфере экологии. В частности, в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» представляется целесообразным установить положения о том, что утверждаемые Советом Министров Республики Беларусь государственные программы рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в обязательном порядке должны включать в себя: 1) программы и планы научных исследований, ориентированных на нахождение новых решений, позволяющих снизить нагрузку на

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=H19800157>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500791>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P925v0001>.

окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества; 2) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение ее качества; 3) программы и планы научных исследований, ориентированных на нахождение новых решений, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала; 4) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала.

Необходимость учета фактора научно-технического прогресса в ходе разработки и реализации государственных программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды также обуславливает целесообразность закрепления в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» норм, предусматривающих: 1) возложение на Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь обязанности разработки прогнозов развития технологий, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение её качества, повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала, использовать в интересах Республики Беларусь природно-ресурсные потенциалы зарубежных государств; 2) возложение на Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь обязанности ведения мониторинга передового зарубежного опыта в части рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды и оценки возможностей использования указанного опыта в Республике Беларусь.

Нормативное закрепление в тексте Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» предлагаемых положений позволит в полной мере использовать потенциал научно-технического прогресса в ходе разработки и реализации в Республике Беларусь государственных программ рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды на 2031 – 2035 годы и последующие периоды времени.

Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» устанавливает в качестве одной из форм государственного регулирования инновационной деятельности разработку и реализацию государственной программы инновационного развития Республики Беларусь. При этом обеспечение разработки и реализации соответствующей программы отнесено законодателем к компетенции Совета Министров Республики Беларусь, а утверждение государственной программы инновационного развития Республики Беларусь – к компетенции Президента Республики Беларусь⁴.

В настоящий момент утверждена и реализуется Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы. В качестве цели указанной программы, утвержденной Президентом Республики Беларусь, провозглашено устойчивое развитие национальной инновационной системы, направленное на обеспечение научно-технологической безопасности посредством внедрения инноваций и передовых технологий в реальный сектор экономики и другие сферы⁵. Обозначенная формулировка цели указанной программы предполагает по своему смыслу поддержку со стороны государства процессов создания и внедрения инноваций не только в национальной экономике, но и в иных сферах и областях жизнедеятельности общества. Тем самым подразумевается в том числе и государственная поддержка разработки и внедрения новых прогрессивных решений в области охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов. Кроме того, в рамках государственной поддержки инновационной деятельности необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что многие инновации могут быть одновременно направлены как на повышение экономической эффективности производственной деятельности, так и на снижение (устранение) негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Программа предусматривает фокусирование мер государственной поддержки инновационной деятельности на внедрении технологий высших технологических укладов, основанных на отечественных исследованиях и разработках. В частности, речь в данном случае идет о реализации прорывных высокотехнологичных проектов за счет усиления взаимодействия организаций, осуществляющих научные исследования и разработки, и предприятий реального сектора экономики, стимулировании создания и развития высокотехнологичных импортозамещающих и экспортоориентированных производств.

Необходимо отметить, что использование технологий высших технологических укладов предполагает решение задачи декарбонизации производства, то есть снижения выбросов углекислого газа на единицу валового выпуска продукта [8]. В целом, повсеместное внедрение технологий высших технологических укладов является важным фактором снижения нагрузки на окружающую среду, так как указанные технологии в своем большинстве носят эколого-ориентированный характер, связаны с созданием и развитием безотходных и малоотходных производств, направлены на снижение материалоемкости и энергоемкости производства. Кроме того, поскольку экологичность продукции выступает в современных условиях в качестве одной из существенных составляющих ее конкурентоспособности на внешних рынках, внедрение экологических инноваций, находящихся свое воплощение в технологиях высших технологических укладов, может в значительной мере способствовать росту экспортного потенциала Республики Беларусь.

В Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы акцентируется внимание в том числе на поддержке со стороны государства развития высокотехнологичных производств, осуществляющих выпуск продукции с применением передовых высокоэффективных технологий,

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200425>.

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32500448>.

основанных на экологических («зеленых») принципах, предполагающих снижение рисков для окружающей среды и предотвращение истощения ее компонентов. При этом следует учитывать, что статья 7 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в качестве одной из основных задач в области охраны окружающей среды и направления государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды устанавливает стимулирование применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, перехода к «зеленой» экономике, низкоуглеродной экономике.

Таким образом, государственная поддержка создания и внедрения новых технологий, основанных на экологических («зеленых») принципах, иных экологических инноваций направлена на достижение целей как инновационной, так и экологической политики Республики Беларусь, является сферой пересечения двух обозначенных важных направлений государственной деятельности.

Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы предусматривает реализацию ряда инновационных проектов, имеющих в том числе определенную экологическую составляющую. К числу такого рода инновационных проектов могут быть отнесены проекты по: 1) обработке и хранению больших объемов данных; 2) разработке и внедрению передовых технологий в металлургии, производстве высококачественной и легированной стали; 3) созданию и освоению производства инновационных строительных материалов с уникальными прочностными и эксплуатационными характеристиками; 4) обеспечению строительства жилых и общественных зданий высоких классов энергоэффективности А и А+, в том числе с использованием в системах их жизнеобеспечения возобновляемых и вторичных источников энергии; 5) постоянному техническому, технологическому, организационному и социально-экономическому совершенствованию аграрного производства путем внедрения достижений науки и инноваций; 6) повышению продуктивности и объемов валового производства сельскохозяйственной продукции высокого качества посредством внедрения в растениеводстве и животноводстве инновационных технологий; 7) созданию и внедрению технологий производства высококачественных кормов, кормовых добавок и ветеринарных препаратов; 8) созданию и внедрению современных систем, машин и оборудования, средств диагностики патогенов и защиты сельскохозяйственных растений; 9) созданию инновационного научно-образовательного центра биотехнологий в растениеводстве; 10) созданию и внедрению инновационных проектных и конструктивно-технологических решений для строительства жилых и общественных зданий, основанных на принципах «зеленого» строительства.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» целью государственной инновационной политики в Республике Беларусь является создание благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий для инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Указанная формулировка цели инновационной политики государства, увязывающая соответствующую деятельность государственных органов исключительно с повышением конкурентоспособности национальной экономики (при всей безусловной важности и значимости данного целевого ориентира), представляется неоправданно узкой. Данная формулировка не учитывает возможность осуществления государственной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования, необходимость государственной поддержки инновационной деятельности не только в социально-экономической сфере, но и в иных сферах жизнедеятельности общества.

Исходя из соображений необходимости поддержки научно-технического прогресса и инновационной активности во всех без исключения сферах и областях функционирования социума, цель инновационной политики государства в Законе Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» представляется целесообразным сформулировать следующим образом: целью государственной инновационной политики в Республике Беларусь является создание благоприятных социально-экономических, организационных, правовых и иных условий для инновационного развития, повышения конкурентоспособности национальной экономики, сохранения качества окружающей природной среды, сохранения и приумножения природно-ресурсного потенциала, качественного развития всех сфер и областей общественной жизни [9].

Предлагаемая для законодательного закрепления в Республике Беларусь формулировка цели государственной инновационной политики является важной предпосылкой системной интеграции экологической и инновационной политики государства, достижения положительного синергетического эффекта от комплексного осуществления двух указанных направлений государственной деятельности. Естественным следствием реализации на практике такого подхода способно выступить нормативное закрепление в государственных программах инновационного развития Республики Беларусь на 2031 – 2035 годы и последующие периоды времени системных положений, целевым образом ориентированных на реализацию государственной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования. Кроме того, интегративный подход к формированию и реализации экологической и инновационной политики Республики Беларусь обуславливает целесообразность нормативного закрепления в будущем в государственных программах рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды специальной подпрограммы «Государственная инновационная политика в области охраны окружающей среды и природопользования». Соответствующая подпрограмма призвана включать в себя комплекс мероприятий, ориентированных на стимулирование и поддержку со стороны государства инноваций, научных исследований, направленных на поиск новых прогрессивных решений в экологической сфере жизнедеятельности общества.

Таким образом, учитывая факт юридического закрепления реализуемых в Беларуси государственных программ инновационного развития и развития экологической сферы жизнедеятельности общества, государственные программы уместно и целесообразно рассматривать в качестве важного правового инструмента системной интеграции экологической и инновационной политики Республики Беларусь.

Вместе с тем роль государственного планирования в деле обеспечения системной интеграции отечественной экологической и инновационной политики не ограничивается реализацией Государственной программы «Экология» на 2026 – 2030 годы и Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы. В частности, в качестве цели утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Наука для экономики и общества» на 2026 – 2030 годы провозглашено содействие обеспечению технологического суверенитета Республики Беларусь и развитию новых высокотехнологичных отраслей экономики⁶. П.А. Костромин справедливо указывает на то, что именно наука и инновации являются основой устойчивого развития социально-экономических и экологических систем в среднесрочной и долгосрочной перспективе [10]. В свою очередь, С.М. Курбатова акцентирует внимание на необходимости использования на законодательном уровне комплексного подхода, увязывающего вопросы развития науки в стране с решением стоящих перед обществом экологических проблем [11].

Технологический суверенитет Республики Беларусь объективным образом предполагает в том числе и независимость государства в вопросах разработки и внедрения технологий, снижающих (устраняющих) нагрузку на окружающую среду. В то же время развитие новых высокотехнологичных отраслей экономики, характерной чертой многих из которых является осуществление безотходного или малоотходного производства, также самым активным образом предполагает создание и внедрение разнообразных экологических инноваций.

Целями утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026 – 2030 годы являются повышение энергетической эффективности национальной экономики, укрепление энергетической самостоятельности страны за счет вовлечения в топливно-энергетический баланс местных топливно-энергетических ресурсов, включая возобновляемые источники энергии, надежное и эффективное удовлетворение потребности реального сектора экономики и населения в доступных энергетических ресурсах⁷. Повышение энергетической эффективности национальной экономики невозможно без реализации на практике достижений научно-технического прогресса, обеспечивающих снижение энергоемкости производственных процессов и, как следствие этого, более рациональное использование имеющихся в распоряжении общества природных ресурсов. Помимо этого, экологические инновации, обеспечивающие новые возможности для использования возобновляемых источников энергии, также играют немаловажную роль в деле сохранения природно-ресурсного потенциала государства. В долгосрочной перспективе энергетика и экология будут комплексно ориентированы на построение углеродно-нейтральной экономики, в которой инновации станут главным инструментом устойчивого развития [12]. При этом рост потребления энергии из возобновляемых источников как результат активного внедрения инноваций в энергетическом секторе страны призван сделать энергетическую отрасль Республики Беларусь более независимой и безопасной, а ее национальную экономику – более конкурентоспособной [13].

Государственная программа «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026 – 2030 годы предусматривает мероприятия, ориентированные на повышение энергоэффективности за счет осуществления глубокой модернизации и технического переоснащения производств с внедрением современных наукоемких, ресурсо- и энергосберегающих технологий, оборудования и материалов. В частности, речь идет о таких мероприятиях, предполагающих реализацию экологических инноваций, как: 1) комплексная модернизация и переоснащение производств с максимальным внедрением современных наукоемких технологий; 2) цифровизация процессов потребления топливно-энергетических ресурсов в рамках внедрения системы энергоменеджмента; 3) разработка и внедрение типовых моделей цифровой трансформации, которые помогут промышленным организациям оптимизировать энергопотребление; 4) использование интеллектуальных систем для управления производством в целях минимизации энергозатрат; 5) информационное обеспечение внедрения передовых энергосберегающих технологий (оборудование, материалы) и оптимизации расходов топливно-энергетических ресурсов в промышленных организациях; 6) внедрение систем глубокой утилизации тепла уходящих газов с полным выводом из эксплуатации физически и морально устаревшего оборудования; 7) проектирование и строительство только энергоэффективных зданий, в том числе с применением инновационных технологий использования возобновляемых источников энергии; 8) внедрение энергоэффективных автоматизированных технологий и оборудования, повышение эффективности действующих технологических процессов в животноводстве и растениеводстве, холодноснабжении, производстве и переработке сельскохозяйственной продукции; 9) развитие переработки отходов животноводства и обрабатывающих предприятий с получением чистых видов энергии; 10) использование солнечной энергетики в локализованном производстве и переработке сельскохозяйственной продукции.

Целью утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «АПК будущего» на 2026 – 2030 годы является построение высокопроизводительного сельскохозяйственного производства и промышленной переработки, достаточных для поддержания продовольственной безопасности, обеспечения

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500785>.

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500819>.

населения высококачественными, доступными продуктами питания и расширения экспортного потенциала⁸. Качество производимых в стране продуктов питания во многом зависит от состояния почв, атмосферного воздуха и иных компонентов природной среды на территории государства. Исходя из этого, уместной и обоснованной представляется мысль о значимости поддержки со стороны государства экологических инноваций, способствующих снижению (устранению) негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, для достижения цели реализуемой в Республике Беларусь Государственной программы «АПК будущего» на 2026 – 2030 годы.

Использование интегративного подхода к формированию и реализации экологической и инновационной политики государства объективным образом будет способствовать достижению цели утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Недра» на 2026 – 2030 годы, в качестве которой обозначено развитие минерально-сырьевой базы как основы экономической безопасности государства. Достижение обозначенной цели предполагается обеспечить за счет повышения уровня геологической изученности территории, воспроизводства и развития имеющейся минерально-сырьевой базы, повышения эффективности использования полезных ископаемых⁹. Недропользование на инновационной основе предполагает создание и внедрение новых технологий добычи полезных ископаемых, использование техногенных месторождений и восстановление нарушенных экосистем, активную цифровизацию процессов недропользования [14]. Именно перспективные научно-технические достижения, экологические и иные инновации, их комплексная поддержка со стороны государства являются ключевым фактором повышения эффективности использования полезных ископаемых, получения технологических возможностей использования тех компонентов минерально-сырьевой базы, которые не могли быть использованы на предыдущем уровне развития технологий.

Целью утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Транспорт Беларуси» на 2026 – 2030 годы является эффективная и устойчивая работа транспортной системы, ее интеллектуализация¹⁰. Переход к ресурсоэффективной экономике с минимальным воздействием на экологию и климат требует развития инновационных технологий на транспорте [15]. Минимизация негативного воздействия со стороны используемых транспортных средств на окружающую среду выступает в качестве важного фактора повышения эффективности функционирования транспортной системы Беларуси. В свою очередь, снижение показателей негативного воздействия транспортных средств на окружающую среду возможно за счет ставки на научно-технический прогресс, активное внедрение всевозможных экологических инноваций в сфере транспорта. Нельзя не принимать во внимание и значимость экологической составляющей как существенного элемента конкурентоспособности как отдельных транспортных организаций, так и транспортной системы государства в целом. А.А. Алексеев и Е.А. Королева, анализируя возможности развития транспортной системы государства на инновационной основе, отмечают важность активного внедрения на транспорте инноваций, связанных с использованием экологичного топлива, что способствует минимизации негативного воздействия на окружающую среду. При этом с коммерческой точки зрения повысить конкурентоспособность по сравнению с традиционным ископаемым топливом, как правило, возможно только при наличии соответствующей государственной поддержки [16].

Анализ положений Государственной программы «Транспорт Беларуси» на 2026 – 2030 годы позволяет выделить следующие предусмотренные ей меры, возможность наиболее эффективной реализации которых обуславливает необходимость использования на государственном уровне интегративного подхода к формированию и реализации экологической и инновационной политики Республики Беларусь: 1) внедрение нового современного подвижного состава с улучшенными техническими характеристиками; 2) модернизация и развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта; 3) электрификация основных участков железной дороги в необходимых объемах с учетом технико-экономической целесообразности; 4) планомерное и поэтапное цифровое развитие за счет внедрения современных технологий при перевозках пассажиров и грузов; 5) решение задач энергосбережения и экологии при выполнении перевозочного процесса и других видов деятельности предприятиями Белорусской железной дороги; 6) цифровизация производственных и управленческих процессов; 7) внедрение современного энергоэффективного и экологичного подвижного состава; 8) обновление парка подвижного состава автомобильного транспорта общего пользования, городского электрического транспорта и метрополитена современными комфортабельными, экономичными, экологичными и надежными транспортными средствами; 9) расширение применения электробусов и троллейбусов с увеличенным автономным ходом; 10) обновление парка пассажирских и грузовых воздушных судов.

В качестве цели утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Строительство жилья» на 2026 – 2030 годы обозначено создание условий для обеспечения населения Республики Беларусь доступным и благоустроенным жильем. В то же время целью утвержденной Советом Министров Республики Беларусь Государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2026 – 2030 годы провозглашен рост комфортности проживания в регионах¹¹. Благоустроенность и комфорт жилья человека представляют собой комплексные понятия, важным компонентом каждого из которых является в том числе и экологическая составляющая. В частности, использование при возведении жилья экологически безопасных

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500814>.

⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500740>.

¹⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500778>.

¹¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22500780>; URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500818>.

строительных материалов напрямую предопределяет комфорт и благоустроенность соответствующих жилых помещений. Кроме того, благоустроенность и комфорт жилья зависят от чистоты воздуха внутри и вокруг него, качества питьевой и технической воды, доступной непосредственно в жилом помещении, наличия ухоженных зеленых зон на придомовой территории. При этом осуществление на практике экологических мероприятий, обуславливающих повышение комфорта и благоустроенности возводимых жилых помещений, во многом предопределяется инновационной деятельностью в строительной отрасли, реализацией новых прогрессивных решений, направленных на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды. В частности, «зеленое» строительство, основанное на массовом использовании новых энергоэффективных технологий и экологичных материалов, способно свести к минимуму негативное влияние строительной отрасли на окружающую среду [17].

Таким образом, по результатам проведенного логического анализа есть все основания утверждать, что государственные программы являются в современных условиях одним из важнейших правовых инструментов как собственно реализации экологической и инновационной политики Республики Беларусь, так и системной интеграции двух обозначенных направлений государственной деятельности. Соответствующий тезис относится не только к государственным программам, ориентированным на обеспечение целевой поддержки инновационной деятельности и развития экологической сферы общества, но и ко всему спектру государственных программ, реализуемых в Республике Беларусь. Комплексная реализация мероприятий различных государственных программ, предполагающих создание и внедрение разнообразных экологических инноваций, использование потенциала научно-технического прогресса в деле обеспечения охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, выступает ключевой предпосылкой достижения максимального синергетического эффекта от системной интеграции отечественной экологической и инновационной политики. В свою очередь, нормативное закрепление в законодательной базе Республики Беларусь положений, направленных на обеспечение системной интеграции экологической и инновационной политики государства, является необходимым условием для наращивания соответствующего синергетического эффекта в будущем.

Заключение. По результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. Государственные программы, реализуемые в Республике Беларусь, являются важным правовым инструментом системной интеграции экологической и инновационной политики Белорусского государства, становления и развития отечественной инновационной политики в области охраны окружающей среды и природопользования. Совершенствование законодательной базы Республики Беларусь, регулирующей процессы государственного планирования, посредством включения в нее положений, способствующих системной интеграции экологической и инновационной политики государства, призвано обеспечить достижение максимального положительного синергетического эффекта от комплексного осуществления двух данных направлений государственной деятельности.

2. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» представляется целесообразным дополнить положениями о том, что утверждаемые Советом Министров Республики Беларусь государственные программы рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в обязательном порядке должны включать в себя: 1) программы и планы научных исследований, ориентированных на нахождение новых решений, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение её качества; 2) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих снизить нагрузку на окружающую среду и обеспечить улучшение её качества; 3) программы и планы научных исследований, ориентированных на нахождение новых решений, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала; 4) программы и планы внедрения в практику результатов научных исследований и иных инноваций, позволяющих повысить эффективность использования имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала.

3. Интегративный подход к формированию и реализации экологической и инновационной политики Республики Беларусь обуславливает целесообразность юридического закрепления в будущем в государственных программах рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды специальной подпрограммы «Государственная инновационная политика в области охраны окружающей среды и природопользования». Соответствующая подпрограмма призвана включать в себя комплекс мероприятий, ориентированных на стимулирование и поддержку со стороны государства инноваций, научных исследований, направленных на поиск новых прогрессивных решений в экологической сфере жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахатов А.Г. Экологическое страхование как базовый элемент экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в контексте обеспечения экологической безопасности: проблемы правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 10. – С. 103–109.
2. Экологическое право: пособие / С.А. Балашенко, Т.И. Макарова, В.Е. Лизгаро, Е.В. Лаевская. – Минск: БГУ, 2013. – 240 с.
3. Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 624 с.
4. Вагина О.В. Инструменты экономического механизма, способствующие стимулированию хозяйствующих субъектов к рациональному природопользованию // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 4. – С. 62–64.
5. Голиченков А.К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. – 160 с.

6. Егоров А.В. Структура экономического механизма охраны окружающей природной среды // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета имени В.Д. Калмыкова. – 2004. – № 4. – С. 114–118.
7. Лизгаро В. Е. Экологический контроль как средство обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований: сб. материалов респ. науч.-практ. конф., 4 марта 2019 г. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2019. – С. 252–255.
8. Авилова А.В. Переход к экономике замкнутого цикла как ведущий тренд инновационного развития и формирования нового технологического уклада // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 5. – С. 12–20.
9. Степаненко Д.М. Целевые ориентиры и принципы инновационной и экологической политики Республики Беларусь в контексте их взаимной интеграции: проблемы законодательного регулирования // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 91–102.
10. Костромин П.А. Инновационная и научная деятельность как факторы управления устойчивым развитием организаций и территорий // Экономика науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 41 – 52.
11. Курбатова С.М. О тенденциях правового регулирования вопросов экологизации экономики // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 7. – С. 90 – 92.
12. Рудченко В.Н., Рудченко Н.Н. Инновационные аспекты развития предприятий энергетического комплекса. – СПб.: Росс. гос. гидрометеоролог. ун-т, 2013. – 186 с.
13. Федорова М.С., Ярыгина Г.Н. Повышение эффективности энергетического сектора Республики Беларусь посредством инноваций // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 13. – С. 89 – 93.
14. Лебедев Ю.В., Ковалев Р.Н., Олейникова Л.Н. Основные направления инновационного развития горнопромышленных комплексов // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 158–168.
15. Лapidус Б.М. О создании вакуумно-левитационной транспортной системы // Транспортные системы и технологии. – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 5–17.
16. Алексеев А.А., Королева Е.А. Обзор некоторых технологических инноваций в области цифровой трансформации российской транспортной системы по показателю производительности труда // Транспортное дело России. – 2025. – № 1. – С. 139–142.
17. Емельянова Я.О. Проблемы развития экостроительства в современном мире // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 52-3. – С. 95–98.

Поступила 03.04.2026

STATE PROGRAMS AS THE LEGAL INSTRUMENT OF THE SYSTEMIC INTEGRATION OF THE ECOLOGICAL AND INNOVATION POLICIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

D. STEPANENKO

(Belarusian-Russian University, Mogilev)

The article investigates the role and place of state programs realized in the Republic of Belarus in the system of the national legislation regulating the realization of the ecological and innovation policies of the state. The expediency of the legal consolidation in the legislation of the Republic of Belarus provisions focused on the use of the potential of the scientific and technical progress in the course of the development and realization of state programs in the ecological sphere of the life of the society is substantiated. The author's recommendations on improving the legislation of the Republic of Belarus on the state planning of the innovation development aimed at supporting the scientific and technical progress and innovations in the field of the environmental protection and the rational use of natural resources are formulated and substantiated. The provisions of state programs realized in the Republic of Belarus, aimed at supporting the development of science, energy, the agro-industrial complex, transport and construction, are researched in the context of their role in the realization of the ecological and innovation policies of the state.

Keywords: *state program, economic mechanism, legal instrument, environmental protection, nature management, law, state ecological policy, state innovation policy, scientific and technical progress.*

УДК 340.14

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-127-131

**КОНСОЛИДАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ:
ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Е.С. ТЕНЮТА***(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)*

В условиях стремительного увеличения количества технических нормативных правовых актов происходит постепенное обособление технического законодательства в качестве самостоятельного правового образования в белорусской правовой системе. В настоящей статье автором исследуются особенности и перспективы осуществления систематизации технического законодательства в целях его совершенствования. Поскольку техническое законодательство соответствует критериям комплексной отрасли законодательства, а в доктрине именно консолидация является преимущественной формой систематизации подобных правовых образований, то в настоящей работе автором анализируются особенности осуществления работ по консолидации технических нормативных правовых актов. По результатам проведенного анализа автором, во-первых, выявляются отличительные черты процесса консолидации технических нормативных правовых актов, во-вторых, формулируются критерии для выбора технических актов, подлежащих систематизации в форме консолидации.

Ключевые слова: *техническое законодательство, технические нормативные правовые акты, консолидация, комплексная отрасль законодательства, совершенствование законодательства, систематизация.*

Введение. Технические нормативные правовые акты (далее – ТНПА) – это собирательная категория, включающая в себя различные виды технических актов (санитарные нормы и правила, технические регламенты Республики Беларусь, нормы охраны труда, гигиенические нормативы и т.д.). Несмотря на отсутствие легальной дефиниции автор настоящей статьи рассматривает под ТНПА официальный документ, являющийся обязательным, разработанный в установленном порядке компетентным органом или лицом, закрепляющий технические требования, рассчитанные на индивидуально неопределенный круг лиц и неоднократное применение, изложенные в текстовой или графической форме с использованием специальной терминологии, гарантируемый принудительной силой государства [1].

В настоящее время в Национальном фонде ТНПА содержится более 30 тысяч технических актов, действующих в самых разных сферах (областях) человеческой деятельности. При этом, отмечается ежегодная устойчивая тенденция к существенному росту количества ТНПА. С учетом качественного своеобразия, присущего ТНПА в силу их технической природы, а также учитывая их видовое разнообразие и множественность, представляется возможным констатировать начало процесса обособления массива ТНПА в самостоятельное правовое образование в национальной правовой системе – техническое законодательство [2]. Техническое законодательство в полной мере соответствует выделяемым в юридической литературе (научные публикации С.Г. Дробязко [3, с. 15–18], С.В. Полениной [4, с. 29–30], О.И. Чуприс [5], Т.И. Макаровой [6], В.А. Брилевой [7, с. 67], Ю.Г. Иванцовой [8, с. 79–81] и др.) критериям построения комплексных отраслей законодательства, в связи с чем его следует определять в качестве комплексной отрасли законодательства.

В 2023 году Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 была утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь, в которой отмечено, что национальная правовая система характеризуется совокупностью положительных тенденций формирования и развития. Таковыми являются относительная стабильность законодательства, направленность на сокращение и оптимизацию нормативного массива, его дальнейшую систематизацию, сохранение преемственности в нормотворчестве и правореализации и др. Вместе с тем, в подпункте 26.2 пункта 26 Концепции правовой политики обозначена и совокупность тенденций формирования белорусской правовой системы, подлежащих устранению. К ним, в частности, относятся сложность и неоднозначность изложения правовых норм, избыточность правового регулирования, множественность актов законодательства по одному вопросу, запрос на чрезмерную детализацию нормативных предписаний и др.¹ Результаты, проведенного автором настоящей статьи анализа массива ТНПА, образующих техническое законодательство, свидетельствуют о том, что перечисленные выше тенденции, подлежащие устранению, также присущи и техническому законодательству. Устранение этих тенденций возможно путем его совершенствования.

Основная часть. В юридической доктрине одним из эффективных и наиболее распространенных инструментов совершенствования законодательства выступает его периодическая систематизация. В соответствии со статьей 72 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» под систематизацией следует понимать деятельность по упорядочению, актуализации нормативных правовых актов, приведению их в единую, внутренне согласованную систему. Как справедливо отмечает белорусский правовед В.А. Шаршун, систематизация «необходима для дальнейшего развития законодательства, ликвидации пробелов,

¹ О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. №196 // ЭТАЛОН информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

неактуальностей и противоречий» [9, с. 509]. Её следует рассматривать в качестве процесса трансформации нормативно-правового массива в определенную систему, предусматривающую функциональное единство структурных элементов указанной системы, их единую регулятивную направленность.

ТНПА, совокупность которых образует техническое законодательство, также подлежат систематизации. Впервые о возможности осуществления их систематизации писали советские ученые А.И. Денисов и Г.И. Шатков, указывая, что «для удобства пользования техническими нормами необходимо систематизировать нормативные акты, их содержащие» [10; 11]. Позднее о допустимости и целесообразности систематизации различных ТНПА писал профессор Н.В. Сильченко, отмечая, что «в национальной подсистеме ТНПА может быть применен практически весь арсенал средств, приемов и правил систематизации» [12]. Несмотря на отдельные попытки изучения вопросов осуществления систематизации ТНПА, имеющиеся исследования не имели системного характера, не отличались детальностью. В связи с этим до настоящего времени в белорусской юридической доктрине отсутствуют работы, посвященные комплексному и всестороннему исследованию особенностей систематизации ТНПА в различных формах, а равно перспектив её осуществления в Республике Беларусь.

В рамках настоящей публикации автором будет проведено исследование особенностей и перспектив осуществления систематизации ТНПА в форме консолидации. Указанное обусловлено тем, что поскольку техническое законодательство, как уже ранее было отмечено, является комплексной отраслью законодательства, то, по мнению целого ряда правоведов (С.Г. Дробязко, О.И. Чуприс, Т.И. Макарова и др.) предпочтительной формой его систематизации как комплексной отрасли законодательства выступает не кодификация, а консолидация.

Консолидация, как справедливо отмечает, белорусский правовед С.А. Калинин, – это «быстрый и достаточно гибкий инструмент систематизации законодательства, позволяющий в сжатые сроки принять укрупненный НПА, сократив тем самым объем национального законодательства» [13]. В юридической доктрине учеными [см. например, 14–17] указывается, что традиционно процессу консолидации НПА характерна совокупность следующих признаков, отличающих его от иных форм (видов) систематизации:

1) осуществляется правомочными субъектами;

2) результатом является принятие нового укрупненного акта с обязательной отменой ранее действовавших объединяемых актов;

3) осуществляется только «редакционная правка» содержания консолидируемых актов.

Обобщая указанные признаки, профессор Н.В. Сильченко отмечал, что в процессе консолидации НПА происходит «объединение только актов, принятых одним и тем же государственным органом по одному и тому же вопросу» [16, с. 517].

Что касается особенностей осуществления систематизации ТНПА в форме консолидации, то до настоящего времени в белорусской юридической доктрине данный вопрос также не исследовался. Указанное, считаем, свидетельствует об актуальности настоящей публикации и отраженных в ней результатов как с теоретической, так и практической точки зрения.

Проведенный анализ технического законодательства Республики Беларусь позволяет нам сделать вывод, что консолидация ТНПА характеризуется всеми вышеперечисленными признаками, но со следующей, выявленной автором настоящей статьи, особенностью. Так, *уполномоченными субъектами может осуществляться консолидация не только принятых ими ТНПА, но и актов, принятых иными субъектами*. Например, в 2025 году Министерством архитектуры и строительства были приняты строительные нормы «Технические системы охраны» (СН 3.02.19-2025). Указанный акт был принят в результате консолидации трех ТКП, утвержденных Министерством внутренних дел (ТКП 490-2013 (02010), ТКП 627-2018 (33030), ТКП 664-2021 (33030)). В качестве еще одного примера проявления данной особенности можно привести принятые в 2023 году Министерством здравоохранения санитарные нормы и правила «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию и эксплуатации объектов по оказанию бытовых услуг» (СанПиН от 15.02.2023 № 33). Данный ТНПА был принят в результате консолидации ранее действовавших трех санитарных норм и правил², утвержденных Министерством здравоохранения и Главным санитарным врачом.

В целом, к настоящему времени в Республике Беларусь имеются многочисленные примеры осуществления систематизации ТНПА в форме консолидации. Например, в 2018 г. Министерством архитектуры и строительства был утвержден ТКП 45-3.02-325-2018 «Общественные здания. Строительные нормы проектирования». Данный ТКП был принят в результате объединения ранее действовавших ТКП 45-3.02-209-2010, ТКП 45-3.02-240-2011, ТКП 45-3.02-245-2011, ТКП 45-3.02-290-2013. Результатом проведенной консолидации стало принятие нового ТНПА, который устанавливает комплексные требования к проектированию общественных зданий и сооружений, помещений общественного назначения, размещаемых в зданиях другого функционального назначения. Кроме того, в 2020 г. также путем осуществления консолидации ранее действовавших ТКП (ТКП 45-3.02-132-2009 (02250); ТКП 45-3.02-141-2009 (02250); ТКП 45-3.02-143-2009 (02250) и др.) были приняты строительные нормы СН 3.02.09-2020 «Сельскохозяйственные здания».

² СанПиН от 04.07.2012 № 91 Санитарные нормы и правила «Санитарно-эпидемиологические требования для организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих в соответствии с законодательством Республики Беларусь услуги соляриев (студий загара)», СанПиН от 13.02.2009 № 17 Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к устройству, оборудованию и содержанию парикмахерских», СанПиН от 18.03.2009 № 28 Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к устройству, оборудованию и содержанию прачечных» и др.

Вместе с тем, считаем, что в Республике Беларусь потенциал консолидации как формы систематизации ТНПА использован не в полной мере. Дальнейшее осуществление консолидации ТНПА может способствовать устранению негативных тенденций формирования технического законодательства Республики Беларусь, в частности, позволит устранить множественность ТНПА по одному вопросу, сложность и неоднозначность изложения технико-правовых норм, избыточность отсылочных и бланкетных норм в ТНПА.

Так, представляется, что осуществление консолидации актуально применительно к ТНПА, не относящимся к области технического нормирования и стандартизации (геодезические, картографические нормы и правила, зоотехнические, зоогигиенические и ветеринарно-санитарные правила, санитарные нормы и правила, гигиенические нормативы и т.д.). Актуальность консолидации ТНПА, относящихся к указанной группе, обусловлена тем, что для них характерно наличие противоречий в терминологии, дублирование отдельных технических требований, распределение логически взаимосвязанных технических норм по множеству различных актов и т.д. Устранение данных проблем возможно путем осуществления их консолидации.

Например, в настоящее время действуют строительные правила СП 1.03.09-2023 «Монолитные и сборные бетонные и железобетонные конструкции. Контроль качества работ» и СП 1.03.10-2023 «Металлические, деревянные и легкие ограждающие конструкции. Контроль качества работ». Анализ указанных актов позволяет констатировать, что содержащиеся в них технические нормы регулируют одни и те же «технические» общественные отношения – отношения, связанные с определением номенклатуры контролируемых показателей, объема, средств и порядка проведения контроля качества работ при монтаже различных конструкций (монолитных, бетонных, металлических и т.д.). Также технические положения, содержащиеся в разделе «Основные положения», имеющемся в двух анализируемых ТНПА, являются аналогичными, в связи с чем происходит дублирование технических положений. В связи с изложенным, представляется возможным в целях обеспечения системного регулирования «технических» отношений, связанных с определением номенклатуры контролируемых показателей, объема, средств и порядка проведения контроля качества работ при монтаже различных конструкций, а также исключения дублирования положений принять единый укрупненный технический акт, в котором будут собраны все технические требования, связанные с регулированием данных «технических» общественных отношений.

В качестве еще одного примера можно привести клинический протокол «Диагностика и лечение пациентов (детское население) с дерматитом и экземой», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24.06.2024 № 107, и клинический протокол «Диагностика и лечение пациентов (взрослое население) с дерматитом и экземой», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 22.06.2022 № 59. Указанные ТНПА регламентируют общие требования к объему оказания медицинской помощи пациентам с дерматитом и экземой, однако данные требования распределены по двум актам в зависимости от категории пациента: детское население или взрослое. Вместе с этим, анализ указанных клинических протоколов свидетельствует о том, что многие технические требования, содержащиеся в них, являются аналогичными, дублирующими друг друга, в частности, требования к диагностике соответствующего заболевания, критерии для постановки определенного диагноза, медицинское наблюдение пациентов с дерматитом – указанные положения совпадают в обоих актах. Учитывая указанное, представляется целесообразным разработать укрупненный ТНПА – клинический протокол «Диагностика и лечение пациентов (детское и взрослое население) с дерматитом и экземой». При этом следует отметить, что в Республике Беларусь уже имеются прецеденты принятия клинических протоколов единых для взрослого и детского населения. Например, с 2022 года действует Клинический протокол «Оказание медицинской помощи пациентам (взрослое и детское население) с гемофилией А и гемофилией В»; с 2023 года – Клинический протокол «Диагностика и лечение первичной цилиарной дискинезии (детское и взрослое население)» и др.

Дальнейший анализ технического законодательства свидетельствует, что осуществление консолидации также целесообразно в отношении ТНПА, относящихся в соответствии со ст. 25 Закона о НПА к актам в области технического нормирования и стандартизации. Указанное обусловлено тем, что в настоящее время технические требования к одним и тем же объектам технического нормирования распределены по различным ТНПА в области технического нормирования и стандартизации, в связи с чем имеет место множественность технических актов по одному вопросу, а также дублирование отдельных технических положений, содержащихся в этих ТНПА.

К примеру, в настоящее время на территории Республики Беларусь действуют государственные стандарты СТБ 2474-2020 «Приборы холодильные бытовые. Энергетическая эффективность. Требования и методы контроля» и СТБ 2475-2016 «2474-2020 «Приборы холодильные бытовые. Энергетическая эффективность. Маркировка». Указанные ТНПА являются обязательными для соблюдения в силу наличия на них ссылки в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21.10.2016 № 849 «О некоторых вопросах подтверждения соответствия в Национальной системе подтверждения соответствия Республики Беларусь». Анализ содержания этих государственных стандартов позволяет сделать следующие выводы. Оба стандарта устанавливают технические требования к одному объекту технического нормирования – приборам холодильным бытовым. Также анализируемые акты характеризуются тесной взаимосвязью, выражающейся в наличии большого количества взаимных отсылок, что делает фактически невозможным применение приведенных СТБ по отдельности. В связи с чем, представляется целесообразным для обеспечения комплексности регламентации технических требований к приборам холодильным бытовым принять единый укрупненный ТНПА.

Следует отметить, что рассмотренные примеры ТНПА как в области технического нормирования и стандартизации, так и не относящиеся к данной области, которые могут быть консолидированы, не являются единственными. С учетом проведенного комплексного анализа массива действующих в Республике Беларусь ТНПА, автором сформулированы *два критерия для выбора ТНПА, подлежащих систематизации в форме консолидации*:

1) единство объекта технического нормирования и стандартизации, технические требования к которому устанавливаются в соответствующих ТНПА, или единство регулируемых технических общественных отношений;

2) наличие тесной взаимосвязи между ТНПА, выражающейся в невозможности или нецелесообразности применения ТНПА, предлагаемых к консолидации, по раздельности.

Заключение. Подытоживая сказанное, полагаем возможным сделать следующие выводы.

Поскольку техническое законодательство является комплексной отраслью законодательства, то предпочтительной формой его систематизации выступает не кодификация, а консолидация. Осуществление консолидации ТНПА является перспективным направлением совершенствования технического законодательства Республики Беларусь, которое позволит устранить негативные тенденции его формирования. Так, консолидация ТНПА будет способствовать устранению множественности ТНПА по одному вопросу, улучшению их качества, содержания и формы, уменьшению количества бланкетных и внешних отсылочных норм, устранению противоречий, неточностей и излишнего дублирования технико-правовых норм, закрепленных в ТНПА, а также созданию благоприятных условий для толкования и реализации технико-правовых норм.

Систематизация ТНПА в форме консолидации характеризуется всеми признаками, присущими процессу систематизации НПА, но со следующей особенностью – уполномоченными субъектами может осуществляться консолидация не только принятых ими ТНПА, но и актов, принятых иными субъектами. Систематизация в форме консолидации может быть проведена как в отношении ТНПА в области технического нормирования и стандартизации, так и ТНПА, не относящихся к указанной области. Критериями для выбора ТНПА, подлежащих систематизации в форме консолидации, являются: 1) единство объекта технического нормирования и стандартизации, технические требования к которому устанавливаются в соответствующих ТНПА, или единство регулируемых технических общественных отношений; 2) наличие тесной взаимосвязи между ТНПА, выражающейся в невозможности или нецелесообразности применения ТНПА, предлагаемых к консолидации, по раздельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тенюта Е.С. О сущности технического нормативного акта // Журнал «Сацыяльна-эканамічны і прававыя даследаванні». – 2023. – № 3. – С. 81–88.
2. Тенюта Е.С. Техническое законодательство – комплексная отрасль в белорусской правовой системе // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 22–29.
3. Дробязко С.Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета: у 7 т. Юриспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны / Адказ. рэд. В.М. Гадуноў. – Минск: БДУ, 2001. – Т. 3. – С. 9–24.
4. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 29–37.
5. Чуприс О.И. Государственная служба: учеб. пособие. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2024. – 299 с.
6. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Т.И. Макарова, И.П. Кузьмич, В.Е. Лизгаро, И.С. Шахрай // Право.by. – 2019. – № 3(59). – С. 76–84.
7. Брилёва В.А. О месте цифрового права в системе права // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2025. – № 2(149). – С. 64–68.
8. Иванцова Ю.Г. Информационное законодательство Республики Беларусь – комплексная отрасль законодательства // Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества: сб. научн. ст. В 2 ч. Ч. 1 / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. – Гродно: ГрГМУ, 2014. – С. 79–84.
9. Шаршун В.А. О некоторых вопросах систематизации информационного законодательства Республики Беларусь // Белорусский конституционализм: теория и практика (к 30-летию Конституции Республики Беларусь) : сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф., Минск, 5–6 марта 2024 г. / редкол.: О.В. Бодакова и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Василевича. – Минск: Юрфак БГУ, 2024. – С. 509–514.
10. Денисов А.И. Выступление на научно-методической конференции в Юридической комиссии при Совете Министров СССР // Советское государство и право. – 1960. – № 7. – С. 155.
11. Шатков Г.И. О соотношении технических и правовых норм // Вестник Ленинградского университета. – 1961. – № 17. – С. 140–143.
12. Сильченко Н.В. Система и систематизация технических нормативных правовых актов // Право.by. – 2020. – № 4(66). – С. 17–22.
13. Калинин С.А. О подходах к совершенствованию и систематизации законодательства // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сб. ст. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – С. 76–86.
14. Общая теория права и государства: учеб. / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.
15. Пиголкин А.С. Теория государства и права: учеб. – М.: Городец, 2003. – 253 с.
16. Сильчанка М.У. Агульная тэорыя права: вучэб.-метадыч. комплекс. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 709 с.
17. Общая теория права: пособие / В.А. Абрамович и др.; под общ. ред. С.Г. Дробязко, С.А. Калинина. – Минск: БГУ; «Четыре четверти», 2014 – 416 с.

Поступила 03.04.2026

**CONSOLIDATION OF TECHNICAL NORMATIVE LEGAL ACTS:
FEATURES AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

L. TSIANIUTA

(Francisk Skorina Gomel State University)

In the context of a rapid increase in the number of technical normative legal acts, technical legislation is gradually becoming separated as an independent legal entity within the Belarusian legal system. In this article, the author analyses the prospects for systematising technical legislation. Given that technical legislation meets the criteria of a complex branch of legislation, and in legal doctrine consolidation is the preferred form of systematisation for such legal entities, this paper analyses the specific features of consolidating technical normative legal acts. Based on the results of the analysis, the author: firstly, identifies a distinctive feature inherent to the process of consolidating technical normative legal acts; secondly, formulates criteria for selecting technical normative legal acts subject to systematisation in the form of consolidation.

Keywords: *technical legislation, technical normative legal acts, consolidation, comprehensive branch of legislation, improvement of legislation, systematization.*

УДК 34.02;340

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-132-136

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

д-р юрид. наук, проф. О.Н. ТОЛОЧКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5612-7033>

Статья посвящена актуальным теоретико-правовым проблемам, связанным с обеспечением институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь в контексте её взаимодействия с другими социальными институтами, а также с внешней правовой средой. Институциональный подход делает акцент на социальную обусловленность права и рассматривает национальную правовую систему не только в её внутреннем измерении, но и с позиций легитимации права как восприятия его обществом и готовности членов социума к соблюдению установленных норм. Подчеркивается, что национальная правовая система вырастает на особенностях данного социума, на его предшествующем историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Соответственно, институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь предопределяется системой специфических особенностей правотворчества, включая автономию профессиональной лексики, стиля и аргументации, вырастающих на её собственной правовой доктрине и практике правоприменения, и объективно обусловлена особенностями всех сложившихся в стране социальных институтов. Опыт обеспечения институциональной автономии правовых систем аккумулирован в международных стандартах законодательства, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов. По мнению автора, имплементация таких стандартов в национальное законодательство может быть полезна для укрепления институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: *правовая система, институциональная автономия, социальный институт, легитимация права, правотворчество, правоприменение, международные стандарты, имплементация.*

Введение. Проблемы обеспечения институциональной автономии правовой системы актуализируются в условиях глобализации и интернационализации права, всё более тесного и интенсивного сотрудничества Беларуси в рамках интеграционных объединений и поиска идентичности национальной правовой системы, обеспечивающей её максимальное соответствие интересам общества и государства, культурному коду страны, её историческому пути и целям устойчивого развития. Категория институциональной автономии носит обобщающий теоретико-методологический характер и в правовой науке с точностью не определена, хотя имеется довольно широкий круг работ, посвященных институтам права, правовой институционализации и институционализма в праве [1–5]. Цель исследования состоит в определении понятия институциональной автономии и его отличия от смежного понятия идентичности правовой системы, выявлении критериев, уровней и факторов обеспечения институциональной автономии правовых систем, а также влияния на указанные процессы международного права и правовых систем иностранных государств. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод познания, метод системного анализа, формально-юридический и др.

Основная часть. Правовая категория институциональной автономии производна от общего понятия социального института, широко используемого во всех общественных науках. Вопросы формирования и функционирования социальных институтов исследовались в социологических, исторических, экономических политических и правовых науках. «Возникновение юридического направления теории институционализма, – отмечает Р.Г. Валиев, – связано с идеей подчиненности социально-экономического развития юридическим нормам, на основе которых социально-экономические институты обретают юридическую форму, становятся категориями правового порядка» [2, с. 105].

Под социальными институтами в целом понимается организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества, «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определённой сфере жизнедеятельности и организующих их в систему ролей и статусов» [6, с. 92]. Примерами социальных институтов являются государство, парламент, суд, армия, партии, СМИ, наука, образование, здравоохранение, религия, брак, семья и т.д. Социальный институт, таким образом, рассматривается как организованная социальная система, как проявление типичного в развитии социальной практики [4, р. 57]. По Д. Норту содержание понятия «институт» состоит «из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их» [7, с. 18].

С этих позиций право тоже представляет собой социальный институт [8]. Широкий взгляд на правовую реальность как социально сконструированную позволяет выйти за рамки анализа норм, закреплённых в законодательстве, чтобы понять, почему люди придерживаются или не придерживаются правовых предписаний, почему используют в каких-то ситуациях внеправовые нормы и процедуры, и почему право различается в разных государствах и сообществах.

Институциональный подход делает акцент не на принуждение к исполнению правовых норм применением властных полномочий, а на социальную обусловленность правовой системы. При этом, если брать за основу, например, подход Г. Харта, отличие права от иных социальных институтов в том, что право есть «единство первичных и вторичных правил» [9, р. 77–96]. Как и другие нормативные системы – мораль, религия, этикет и т.д., – право содержит в себе «первичные правила», позволяющие или запрещающие определенное поведение, в чём и состоит сама сущность норм. Однако, в отличие от других нормативных систем, правовые системы включают в себя и иные правила («вторичные»), которые напрямую не регламентируют поведение людей или иных субъектов, а являются «правилами о правилах». Они структурируют, регулируют и институционализируют первичные правила поведения. Иными словами, само право устанавливает, кто имеет власть вводить, изменять и отменять правовые правила и как это должно быть сделано («циркулярность» права). Право также определяет, кто обладает властью решать, было ли в данных конкретных условиях нарушено первичное правило и какой процедуре нужно следовать, чтобы прийти к такому властному решению в рамках данной правовой системы. «Наряду с профессионализацией права, – отмечает М. ван Хук, – эта особенность привела к развитию специальных институтов, особенно парламента, администрации, судебных органов, и тем самым позволила добиться строгой институционализации права» [10, с. 33–34].

Институционализация права имеет два уровня – правотворчество и правоприменение. Эти функции права являются институционализированными в том смысле, что они должны осуществляться только теми лицами и (или) органами, которых наделила такими функциями собственно правовая система. Соответственно, первым критерием институционализации права, по М. ван Хуку, является «формальная институционализация» как конструирование правовых норм именно теми институтами, которые наделены соответствующими полномочиями в рамках данной правовой системы (парламент, исполнительные органы, суд и др.). Вторым критерием институционализации правовой системы является «социологическая институционализация права» как признание правовой системы тем народом, к которому она обращена (легитимация права). Иными словами, нормативная правовая система или отдельная норма права должны эффективно функционировать, а не оставаться фикцией на бумаге, а общество в основной своей массе должно этим нормам добровольно следовать. Третьим критерием институционализации правовой системы является её профессиональная институционализация как показатель уровня развития. Полностью развитая правовая система включает в себя три вида юридических профессий: профессиональные законодатели, профессиональная юстиция и профессиональные представители правовой доктрины. При этом «характерная черта развитой правовой системы – профессионализация научной деятельности в юридических образовательных учреждениях, а достаточно разработанная правовая доктрина – существенное условие для дальнейшего развития права» [10, с. 38–41].

Правовая система зависима от общества, в котором она сформировалась и которое она организует. С одной стороны, каждая правовая система является частью более общей социальной системы как способа организации социальной, экономической, моральной и других форм человеческой жизнедеятельности внутри данного сообщества. В этом смысле правовая система транслирует социальную структуру и систему общественных отношений внутри государства как обособленного международно-правового конструкта. С другой стороны, каждая национальная правовая система является частью права как общесоциального феномена и достижения человеческой цивилизации, поэтому она восприимчива к влиянию других правовых систем, с которыми взаимодействует в самых различных формах от решения общих задач до восприятия наилучших регулятивных практик. Диалектика этих процессов воплощена в теоретической категории институциональной автономии.

Понятие автономии происходит от древнегреческих слов *autos* («сам») и *nomos* («закон») и означает способность действовать на основе установленных самим собой правил или право самостоятельно управляться. В этом смысле понятие автономии предполагает субъектность и волю – качества, которыми правовая система сама по себе, разумеется, не обладает. Однако в более широкой коннотации автономия понимается как артикулированное отличие определённой подсистемы и от системы в целом, и от других её частей; самодостаточность и жизнеспособность. В отличие от термина «идентичность», относящегося в первую очередь к качественным характеристикам предмета, автономия акцентирует его функциональный аспект.

В контексте правовой системы автономия означает, что данная система может быть идентифицирована и функционирует как нечто отличное от других правовых систем, и это не просто повторение свода неких общих правил. Даже если данная правовая система во многом основана на другом, более общем своде правил, – как, например, право постсоветских государств, во многом вобравшее в себя принципы и доктрину правовой системы СССР, – она изменяет и адаптирует её нормы с определенных позиций согласно собственной внутренней логике. Наличие «вторичных» норм, определяющих порядок принятия, изменения и отмены правил поведения, особенностей правоприменения, а также профессиональной автономии юридического сообщества и правовой доктрины гарантируют институциональную автономию любой правовой системы.

Институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь предопределяется системой специфических особенностей правотворчества, включая автономию профессиональной лексики, стиля и аргументации, вырастающих на её собственной правовой доктрине и практике правоприменения. Она объективно обусловлена особенностями всех сложившихся в стране социальных институтов. «Существенными правообразующими факторами правовой системы белорусского народа, – писал С.Г. Дробязко, – были традиционные, геополитические,

культурные, научно-теоретические, сугубо политические, идеологические, юридические» [11, с. 4], поскольку исторически у каждого народа право складывалось само собой как устоявшийся порядок отношений между людьми, непосредственно обусловленный осознанной необходимостью соблюдать всеобщие правила (обычай) в процессе совместного участия в производстве, обмене, распределении и потреблении. Эти правила вырабатывались в конечном счете под воздействием объективных потребностей жизни, практической деятельностью организованных в общество людей [11, с. 3].

Международное право как особая правовая система, основанная на общих принципах права и «усреднённой» по отношению к национальным правовым системам трактовке легитимности и социальной обусловленности правовых норм, также обладает институциональной автономией. Она присуща как «первому уровню» – содержательной его части, т.е. правилам поведения, адресованным субъектам международного права, так и «второму уровню», т.е. правилам, относящимся к порядку нормообразования. Нормообразование в международном праве осуществляется посредством согласования волей государств, что, с одной стороны, придаёт международно-правовой системе своеобразие и автономность, а с другой стороны, обуславливает её неразрывную диалектическую связь с внутригосударственными правовыми системами.

Правовая система в определённом смысле аутопоэтична, т.е. способна к самовоспроизводству, самопостроению и поддержанию собственной организации. При этом в такой системе одни («вышестоящие») нормы не только определяют «нижестоящие» нормы, но и сами определяются ими. Один из разработчиков аутопоэтической теории права, немецкий юрист Г. Тойбнер, назвал этот феномен циркулярностью правовой системы [12, р. 5]. Так, конституционные суды могут отменять или изменять законы, навязывая законодательной власти свои взгляды на конституцию и право в целом, своё толкование международных договоров и т.д. Законодательная власть определяет границы судебного правотворчества, а судебная власть, в свою очередь, определяет границы законотворчества.

Циркулярность наблюдается также во взаимодействии международного и национального права. Совет Безопасности ООН может принимать нормы, обязательные для государств-участников, но компетенция Совета Безопасности в целом основана на Уставе ООН как соглашении государств-участников, от которого они в принципе могут в любое время отказаться. Государства – участники Европейского Союза непосредственно участвуют в создании норм европейского права, члены их правительств составляют Совет Европейского Союза, являющийся его главным правотворческим органом, и, таким образом, общеевропейское право определяет внутригосударственное право членов ЕС, а оно, в свою очередь, определяет общеевропейское право.

Гарантией институциональной автономии правовой системы является наличие вторичных норм изменения и судебного применения. Институциональная автономия обладает двумя аспектами: формальной автономией (существование собственных институтов) и процедурной автономией (существование собственных процедур правотворчества и утверждения норм). В развитых правовых системах эта институциональная автономия укрепляется профессиональной автономией людей, осуществляющей правотворчество и правоприменение. Также выделяется методологическая автономия, включающая автономию языка, автономию стиля и автономию аргументации. Развитая профессиональная и методологическая автономия приводит к доктринальной автономии, что является важным элементом институциональной автономии правовой системы. Развитые правовые системы достигают большего уровня автономии, поскольку самостоятельно развивают все элементы, способствующие автономии: содержание (юридические правила, выведенные из других юридических правил и принципов), язык, аргументацию, юридическую профессию и доктрину. Тем не менее, правовые системы «легитимируются» в соотношении с другими системами – международным правом и правовыми системами иностранных государств. В итоге их автономия не абсолютна и имеет свои пределы. В условиях, когда внутригосударственное и международное право производят и поддерживают друг друга, взаимно влияют на содержание правил и процедур, вряд ли можно говорить о полностью «аутопоэтических», автономных правовых системах. В настоящее время все правовые системы в мире – диалекты одного общего правового языка, разновидности единого правового дискурса [10, с. 60–63].

Как социальный институт, национальная правовая система вырастает на особенностях данного социума, на его предшествующем историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Легитимация права, т.е. степень общественного восприятия и готовности субъектов соблюдать правовые предписания без принуждения или с минимальной его степенью, зависит от учёта общественного мнения, от выстраивания коммуникации между правопорядком и внеправовой средой, включая другие социальные институты – мораль, этику, культуру, образование и т.д. С этой точки зрения важное значение может иметь присутствие в создании и реализации правовых норм различных форм непрофессионального участия: общественное обсуждение законопроектов, законодательная инициатива общественных организаций, субъектов хозяйствования и граждан, суд присяжных и другие подобные институты, которые влияют на повышение роли и авторитета правовых норм в социуме и взаимодействие права с другими социальными институтами в целях укрепления общественного порядка. Возможность непрофессионального участия в функционировании правовой системы способствует внедрению в неё социальных норм, обусловленных укладом повседневной жизни в данном государстве. Такое участие может действовать как катализатор своевременных и эффективных изменений в системе обеспечения правопорядка.

Теоретико-методологическая категория институциональной автономии характеризует не только национальные правовые системы государств и систему международного права, но и в целом право как общесоциальный феномен. В последнем случае речь идет об устойчивости, способности к самовоспроизводству и легитимации права в системе других социальных институтов и социальных регуляторов. В этом смысле легитимация правовой системы как степень общественного восприятия и готовности к соблюдению норм является общим фактором обеспечения

институциональной автономии безотносительно к особенностям той или иной правовой системы. Данное обстоятельство обусловило развитие институтов, обеспечивающих легитимацию права, в том числе, в международном дискурсе и практике. Правовая система, как уже отмечалось, циркулярна, т.е. требует наличия и совершенствования внутри себя институтов самоподдержания. Общечеловеческий опыт обеспечения институциональной автономии права аккумулирован в обширном арсенале международных стандартов, таких как, например, международные стандарты законоотворчества, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов.

Необходимо отметить, что собирательное понятие «международных стандартов» включает в себя не только принятые на себя государствами обязательства, закреплённые в нормах международных договоров, но и всевозможные рекомендации, своды наилучших практик, доктринальные разработки, целью которых является методологическая помощь в совершенствовании «вторичных» институтов правовых систем, обеспечивающих их устойчивость и социальную легитимацию.

Институционализация правоворческих процедур является предметом таких международных документов, как Руководство ОБСЕ по демократическому законоотворчеству в целях совершенствования законодательства 2024 г.¹, Стандарты Межпарламентского союза, касающиеся формирования и деятельности парламентов², и др. Функционированию судебных и правоохранительных органов посвящены Основные принципы независимости судебных органов, утверждённые резолюциями 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.³, Бангалорские принципы поведения судей, утверждённые резолюцией ЭКОСОС ООН 2006/23⁴, Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в Гаване (Куба) с 27 августа по 7 сентября 1990 г.⁵, Принципы и руководящие положения Организации Объединённых Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия, утверждённые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/67/187 от 20 декабря 2012 г.⁶, Руководство о статусе и роли прокуроров, разработанное Управлением ООН по наркотикам и преступности в 2014 г.⁷ и многие другие.

Легитимация правовой системы немыслима также без действенных инструментов соблюдения и защиты прав человека. В каждой внутригосударственной правовой системе центральным звеном являются конституционные нормы о статусе личности и её взаимоотношениях с государственной властью. Общеправовой запрос на широкую социальную поддержку как фактор обеспечения институциональной устойчивости правовых систем обусловил также разработку и продвижение международных стандартов в области прав человека. Фундаментом таких стандартов являются международные соглашения, которыми государства-участники приняли на себя международные обязательства по соблюдению и защите прав человека. Все они имплементированы в национальное законодательство, в том числе в конституции государств. Конституция Республики Беларусь в полном соответствии с нормами международного права закрепляет права и свободы человека в самых различных сферах правового регулирования. Социальный запрос на формирование эффективных механизмов взаимодействия индивидов как основных членов общества и власти (которая тоже, в конечном счёте, состоит из индивидов как субъектов этого коллективного интереса), лежит в основе деятельности многочисленных международных организаций по разработке рекомендательных норм, призванных помочь государствам в построении правовой системы, максимально отвечающей этому запросу. Только под эгидой ООН разработаны сотни документов, направленных на эффективную имплементацию в национальные правовые системы международных обязательств в области прав человека. Например, международные стандарты обращения с лицами, содержащимися под стражей, включают Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными ЭКОСОС 1977 г.⁸, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-либо форме, 1988 г.⁹, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы 1990 г.¹⁰ и др. Значительное количество документов подготовлено также другими международными организациями, в том числе интеграционными объединениями, такими как, например, СНГ.

Всё это свидетельствует о неразрывной связи международной и национальных правовых систем, их взаимозависимости и взаимообогащении. Все они являются частью общесоциального феномена права, обладают не только индивидуальными особенностями, определяющими их идентичность, но и общими признаками, характерными для права в целом. Без учёта этой диалектической связи вряд ли можно эффективно решать задачи по укреплению институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь.

Заключение. Идентичность правовой системы формируется в условиях диалектической связи между её уникальностью и возможностью функционировать во внешней среде, что требует наличия институциональной автономии как способности действовать на основе собственных принципов и правил самоуправляться. Институциональная автономия правовой системы обеспечивается, в первую очередь, определённым в ней порядком

¹ URL: https://odhr.osce.org/sites/default/files/f/documents/1/e/566782_0.pdf.

² Inter-Parliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/impact/democracy-and-strong-parliaments/ipu-standards>.

³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml.

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml.

⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.

⁶ URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/67/187>.

⁷ URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf.

⁸ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml.

принятия, изменения и отмены правовых норм, особенностями правоприменения, а также профессиональной автономией юридического сообщества и науки. Институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь обусловлена особенностями развития всех функционирующих в стране социальных институтов.

Как социальный институт правовая система вырастает на особенностях данного социума, его историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Легитимация права как степень общественного восприятия и готовности субъектов соблюдать правовые предписания зависит от коммуникации между правом и другими социальными институтами, что обуславливает важность участия общества в функционировании правовой системы. Легитимация является важным фактором обеспечения институциональной автономии правовой системы.

Опыт обеспечения институциональной автономии правовых систем аккумулирован в международных стандартах законодательства, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов. Имплементация таких стандартов, разрабатываемых международными организациями в помощь национальным правовым системам, может быть полезна для укрепления правовой системы Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – 25 с. – URL <https://pravo.hse.ru/data/2016/10/25/1110627114/institution.pdf>
2. Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.103-116>.
3. Law as institutional normative order / ed. by M. Del Mar and Z. Bankowski. – Edinburgh, 2009. – 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315591544>.
4. Morton, P. An institutional theory of law: Keeping law in its place. – Oxford, 1998. – 416 p.
5. Курочкин А.В. Концепт «правовая институционализация» и его содержание // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3(64). – С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.64.3.039-047>.
6. Кравченко А.И. Социология: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 433 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/582638>.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
8. Freeman M. Law and sociology // Law and sociology / Ed. by M. Freeman. – Oxford University Press, 2006. – P. 1–15.
9. Hart H. L. A. The Concept of Law / Herbert Lionel Adolphus Hart, Leslie Green. – Oxford University Press, 2012. – 333 p.
10. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. – СПб.: Изд. д. С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/05/27/1298747525/Hoecke%20law%20as%20comm.pdf>
11. Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск, 1999. – Вып. 10. – С. 3–16.
12. Teubner G. Law as an Autopoietic System / transl. by A. Bankowska and R. Adler; ed. by Z. Bankowski. – Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. – 203 p.

Поступила 15.05.2026

ENSURING INSTITUTIONAL AUTONOMY OF THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

V. TALOCHKA
(Belarusian State University, Minsk)

This article examines current theoretical and legal issues related to ensuring the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus in the context of its interaction with other social institutions and the external legal environment. The institutional approach emphasizes the social determinacy of law and examines the national legal system not only in its internal dimension but also from the perspective of the legitimization of law as perceived by society and the willingness of members of society to comply with established norms. It is emphasized that the national legal system evolves from the characteristics of a given society, its previous historical path, social ties, culture, language, and worldview. Accordingly, the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus is predetermined by a system of specific features of lawmaking, including the autonomy of professional vocabulary, style, and argumentation, which are rooted in its own legal doctrine and law enforcement practices, and is objectively conditioned by the characteristics of all social institutions established in the country. Experience in ensuring the institutional autonomy of legal systems has been accumulated in international standards on lawmaking, parliamentarism, and the independence of judges, prosecutors, and lawyers. The author believes that implementing such standards into national legislation could be useful for strengthening the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus.

Keywords: legal system, institutional autonomy, social institution, legitimation of law, law-making, law enforcement, international standards, implementation.

УДК 343.125.2

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-137-142

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**Т.Н. УЛАСЕВИЧ***(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0456-129X>

Анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Исследуются мнения ученых по поводу определения сущности и понятия задержания подозреваемого, выделяются отличительные признаки и элементы, присущие только рассматриваемому виду задержания, приводятся результаты эмпирического анализа проведенного анкетирования среди практических работников органа уголовного преследования по теме исследования. В результате проведения исследования юридической природы рассматриваемого вида задержания предлагается авторское определение понятия задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Автором в настоящей статье посредством выделения существенных признаков на основе выявления их гомогенности (однородности) и гетерогенности (разнородности) предлагается классификация данного вида задержания, что позволит более глубоко определить его юридическую природу.

Ключевые слова: задержание, классификация, понятие, признаки, сущность, юридическая природа.

Введение. Обеспечение прав, свобод и охраняемых законом интересов личности отнесено к числу приоритетных направлений деятельности государства. В соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, законах и предусмотренные международными обязательствами государства¹. Нормативной конкретизацией данного конституционного принципа в уголовно-процессуальной сфере выступает институт уголовно-процессуальных гарантий личности. Их практическая реализация находит выражение в действиях должностных лиц органа уголовного преследования, которые при применении к лицу задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, обязаны обеспечить полное соблюдение его прав и законных интересов, установленных уголовно-процессуальным законом.

Основная часть. Е.С. Березина отмечает, что конкретные общественные отношения, связанные с задержанием лица, подозреваемого в совершении уголовно-правового деяния, которые регулируются комплексом норм права, представляют собой самостоятельный правовой институт, реализующий собственные функции в уголовном процессе [1, с. 8]. Возникновение этого института вызвано неизбежностью реализации задач уголовного процесса и целиком отвечает интересам общества и государства и представляет собой существенный и обязательный элемент уголовного процесса². Задержание создает предпосылки для последующего верного пути уголовного процесса, применение к задержанному лицу, которое в последующем становится обвиняемым, санкций, предусмотренных уголовным законом, только в том случае, естественно, если его виновность будет доказана [2, с. 21].

Прежде чем останавливаться на более подробном анализе рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, целесообразно подвергнуть анализу юридическую природу задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления.

В действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) отсутствует закрепленное процессуальное понятие вышеуказанного вида задержания, что не позволяет в полной мере определить его сущность и значимость для уголовного процесса. В науке уголовного процесса вопросы, непосредственно касающиеся задержания, исследовались неоднократно, однако, никем не было обращено внимание на отсутствие такой важной дефиниции и предложений по ее определению. Соответственно, для того чтобы дать определение задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, необходимо в первую очередь выяснить его сущность (юридическую природу). Под сущностью как философской категорией понимается внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех его многообразных свойств и отношений³. Это еще раз подтверждает необходимость и важность раскрытия содержания для дальнейшего формулирования дефиниции рассматриваемой категории.

Первоначально необходимо обратиться к уже имеющемуся в УПК термину «задержание». В соответствии с ч. 1 ст. 107 задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом⁴.

¹ URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

² Исламов М.Э. Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2008. – 21 с. – С. 12.

³ Сущность // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб., 2004. – 1434 с. – С. 1168.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295>.

Н.В. Калмыкова в своих трудах также предлагает рассматривать понятие задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления как это определено в ч. 1 ст. 107 УПК [3, с. 75]. Однако сложно согласиться с этим, ведь закрепленное в законодательстве определение только в некотором виде раскрывает сущность рассматриваемого вида задержания, что свидетельствует о недостаточности, так как понятие «задержание» является более собирательным понятием. Понятие задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления подлежит большей конкретизации и уточнению в виду наличия определенных действия и условий, признаков и элементов, закрепленных в ст. 108 УПК и присущих только этому виду задержания.

С точки зрения уголовно-процессуальной науки нужно отметить, что ученые также разделились в своих умозрениях относительно сущности задержания. Так, в числе авторов, которые придерживаются подхода, согласно которому задержание – это следственное действие, находится Е.А. Пидусов. По его мнению, задержание подозреваемого необходимо интерпретировать как следственное действие, представляющее собой совокупность действий, направленных на установление причастности конкретного лица к совершению уголовно-наказуемого деяния, а также на установление и изъятие у данного лица предметов, обладающих доказательственной информацией [4]. Позицию о том, что задержание это ничто иное как следственное действие поддерживает и И.М. Гуткин [5, с. 5]. А.П. Кузнецов и Н.Н. Ковтун считают, что протокол задержания вполне может иметь доказательственное значение по делу, в том числе, и данным образом воспринят судом, так как в протоколе указываются основания задержания, результаты личного обыска задержанного и его объяснения. В этом плане задержание в российском уголовном процессе нередко характеризуется как самостоятельное следственное действие [6]. В правовой доктрине С.Ф. Шейфер, определяя правовую природу задержания как следственного действия, говорит, что отличительным признаком будет являться осуществление познавательной деятельности, направленной на получение доказательственной информации [7].

Вторую группу составляют иные ученые, по мнению которых задержание подозреваемого лица – ничто иное как мера процессуального принуждения. Например, Н.В. Попков, исследуя в своей работе юридическую природу задержания и определяя его место в системе мер уголовно-процессуального принуждения, приходит к выводу, что задержание стоит рассматривать как самостоятельную меру процессуального принуждения, обладающую особой правовой спецификой⁵. Ю.Ю. Ксендзов в своих трудах высказывает аналогичную точку зрения⁶. О.И. Цоколова определяет задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения, которая заключается в кратковременной принудительной изоляции и имеющая своей целью выяснение причастности или непричастности данного лица к совершению преступления, а также реализацию гарантии судебного решения вопроса о его аресте. Задержание не относится к следственным действиям, а является неотложным процессуальным действием⁷.

Согласно третьей точке зрения задержание подозреваемого лица учеными рассматривается сквозь призму комплексного института, рассматриваемого одновременно в качестве следственного действия и меры процессуального принуждения. М.Э. Исламов⁸ и А.Б. Смушкин [8, с. 30] придерживаются позиции о двойственности юридической природы задержания подозреваемого лица, предлагая рассматривать его в качестве комплексного института, который, с одной стороны, выступает самостоятельной мерой уголовно-процессуального принуждения, направленной на пресечение уголовно-наказуемого деяния, а с другой – определяется как следственное действие, так как заключается в производстве отдельных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств.

Проведенный анализ показал, что на современном этапе в теории уголовного процесса отсутствует единое мнение о сущности задержания подозреваемого лица, что и породило большое количество рассмотренных определений. Стоит отметить с положительной стороны решение белорусского законодателя, который поставил точку в подобных теоретических спорах и отнес задержание к мерам процессуального принуждения, закрепив его в разделе IV УПК. Положительным образом данный подход оценили такие ученые, как С. В. Борики [9, с. 119], А.А. Данилевич, О.В. Петрова и В. И. Самарин [10], Л.И. Кукреш и А.И. Швед [11, с. 147], В.В. Мелешко [12, с. 105], П.В. Мытник [13, с. 70], Е.В. Павлов [14, с. 27], А.Г. Пурс [15], М.А. Шостак [16, с. 137].

Стоит отметить, что до настоящего времени в науке уголовного процесса на монографическом уровне и в диссертационных исследованиях не предпринималось попыток к определению дефиниции «задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления». Кроме этого, в результате проведенного автором в рамках диссертационного исследования анкетирования 572 практических сотрудников оперативных подразделений Министерства внутренних дел Республики Беларусь 353 (61,7%) респондентов сообщили о том, что необходимо закрепить в УПК понятие «задержание лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления». Среди 378 сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь, участвовавших в анкетировании, 168 (44,4%) респондентов также указали на данную необходимость. Такое положение указывает на потребность практических сотрудников в формулировании понятия исследуемого вида задержания

⁵ Попков Н. В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Н. Новгород, 2007. – 220 л. – Л. 52.

⁶ Ксендзов Ю.Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого. автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2010. – 25 с. – С. 14.

⁷ Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 2007. – 60 с.

⁸ См. сноску № 2. – С. 8.

и определения его сущности. Таким образом вышеизложенное еще раз подчеркивает необходимость разработки и закрепления на законодательном уровне единого понятия, которое будет содействовать более полному уяснению его сущности, а также поспособствует расширению понятийно-категориального аппарата уголовно-процессуального законодательства и науки уголовного процесса, обогащая ее теоретические основы, а также внесет вклад в правоприменительную деятельность.

Для этого необходимо более подробно проанализировать положения норм УПК, регламентирующих данный вид задержания с целью установления отличительных признаков и элементов, присущих задержанию по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления как одной из мер процессуального принуждения.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 107 и ст. 108 УПК законодатель прямо выделяет задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления как один из видов задержания. Кроме этого, выделяются следующие виды задержания: задержание обвиняемого для предъявления обвинения (ст. 111 УПК); задержание обвиняемого на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения под стражу (ст. 112 УПК); задержание осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или о замене наказания более строгим наказанием в виде лишения свободы (ст. 113 УПК).

В уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих правовое регулирование задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, употребляется термин «преступление», однако в некоторых случаях, например, при формулировании отдельных оснований для задержания, предусмотренных п. 1–3 ч. 1 ст. 108 УПК употребляется термин «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». В этом расхождении терминов необходимо более подробно разобраться и скорректировать с целью приведения в надлежащий вид. Очевидно, что понятие «общественно опасное деяние» по субъекту совершения (лицо, совершившие общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости; лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности; специальный субъект) и по своему содержанию будет шире термина «преступление». Кроме этого, употребление законодателем категории «преступление» противоречит установленной УПК презумпции невиновности, что является в корне неверным решением. В связи с этим, представляется необходимым привести в соответствие используемую законодателем терминологию и заменить в требуемых случаях, касающихся задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, категорию «преступление» на «общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом».

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, как вид задержания, включает в себя традиционно три этапа, которые являются его основными элементами согласно ч. 1 ст. 107 УПК: фактическое задержание, доставление в орган уголовного преследования и кратковременное содержание под стражей в местах и условиях, определенных законом. Важно отметить, что задержание как мера процессуального принуждения направлена не на лишение свободы лица, а лишь на её временное ограничение. Поэтому в данном случае, два первых этапа задержания (фактическое задержание и доставление) направлены непосредственно на ограничение свободы передвижения лица, а, в дальнейшем, обретя процессуальную форму, послужит отправной точкой для перехода к третьему этапу – кратковременному содержанию лица под стражей.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 107 УПК задержание может быть применено только к лицу, подозреваемому в совершении преступления (общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом), за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы или ареста. Это свидетельствует о том, что законодатель не допускает возможности применения задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в отношении иных лиц. Кроме этого, им подчеркивается необходимость наличия обязательного условия для возможности применения данного вида задержания – лицо, должно подозреваться в совершении преступления (общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом).

Главным отличительным признаком рассматриваемого вида задержания являются строго установленные временные рамки, которые определяют его длительность. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК задержание по основаниям, предусмотренным ч. 1 и 1¹ настоящей статьи, не может длиться свыше 72 часов с момента фактического задержания. Но этот срок не является предельным в отдельных случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Согласно ч. 4 ст. 108 УПК задержание лица, подозреваемого в совершении преступлений (общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом), предусмотренных стст. 124–127, 131, ч. 2 ст. 139, стст. 285–287, 289, ч. 2 ст. 290, стст. 290¹–293, ч. 4 ст. 294, ч. 4 ст. 295, ч. 4 ст. 309, ч. 3 ст. 311, ч. 3 ст. 322, ч. 3 ст. 323, ч. 3 ст. 324, ч. 3 ст. 333, ч. 3 ст. 339, ст. 342, стст. 356–360 и 362 УК, по основаниям, предусмотренным частями 1 и 1¹ указанной статьи, не может длиться свыше 10 суток. Кроме этого, стоит отметить, что задержание, согласно ч. 2 ст. 108 УПК, по приведенным основаниям может производиться до возбуждения уголовного дела, на срок не превышающий 12 часов с момента фактического задержания. Также, согласно ст. 110 УПК лицо может быть задержано органом уголовного преследования на срок до 3 часов с момента доставления в орган уголовного преследования.

Заключительным элементом, без которого не может соблюдаться законность исследуемого вида задержания является процессуальное решение, принимаемое по истечении вышеуказанных сроков, или если отпали основания к подозрению лица. Согласно ч. 2 ст. 108 УПК в течение 12 часов с момента фактического задержания должен быть решен вопрос о возбуждении уголовного дела. В случае отказа в возбуждении уголовного дела или неприятия решения о возбуждении уголовного дела в указанный срок задержанный должен быть освобожден. В соответствии

с ч. 3 и 4 ст. 108 УПК по истечении срока задержания лицо должно быть освобождено из-под стражи, в порядке и по основаниям, предусмотренным ст. 114 УПК, либо в отношении его должна быть применена одна из мер пресечения, предусмотренная уголовно-процессуальным законом. Согласно ч. 2 ст. 110 УПК в течение 3 часов с момента доставления принимается решение о задержании и выносится соответствующее постановление, которое является правовым основанием для кратковременного содержания под стражей в местах и на условиях, предусмотренных законом, либо принимается решение об освобождении. Кроме этого, стоит обратить внимание на необходимость принятия еще одного важного процессуального решения, которое прямо не регламентировано в уголовно-процессуальных нормах, регулирующих задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления (общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом), но вытекающее из требования ч. 5 ст. 40 УПК вынесение постановления о прекращении уголовного преследования.

Исходя из проведенного анализа предлагается следующее определение:

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния – это вид задержания, заключающийся в кратковременном фактическом ограничении свободы и содержании лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы или ареста, в местах, определенных законом, на срок до 72 часов, а также в исключительных случаях до 10 суток, по истечении которых в отношении задержанного должна быть применена мера пресечения, предусмотренная УПК, либо он должен быть освобожден из-под стражи, либо освобожден из-под стражи и в отношении него прекращается уголовное преследование.

Из предложенной дефиниции задержания предлагается его классификация, определенная посредством выделения существенных признаков на основе выявления их гомогенности (однородности) и гетерогенности (разнородности).

Стоит отметить, что классификация как фундаментальный метод познания действительности широко используется в правовых науках, в том числе в науке уголовно-процессуального права. В одном из толковых словарей иностранных слов классификация в переводе с французского «classification» представляет собой распределение тех или иных объектов по классам или разрядам в зависимости от их свойств⁹. С помощью нее происходит осмысление и описание окружающей действительности, используется упорядочение знаний с целью их сортировки по определенным признакам без которого нельзя обойтись в научной отрасли или междисциплинарном исследовании [17]. В.М. Сырых в своих трудах говорит о том, что классификация применяется для упорядочения исследуемого массива явлений, процессов путем их деления на устойчивые группы, виды [18, с. 280]. В каждом делении в качестве его основания должен браться какой-либо существенный признак, – пишет М.С. Строгович, – но основанием классификации может (и должен) служить «наиболее существенный признак тот, от которого зависят и из которого вытекают все другие признаки классифицируемых предметов и явлений» [19, с. 137–138]. Соответственно, чтобы разработанная классификация выполнила возлагаемые задачи, необходимо в качестве основания для деления фактов и явлений реальной действительности брать наиболее существенные и важные в практическом отношении признаки.

Исходя из изложенного предлагается классифицировать задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления по следующим основаниям:

1. В зависимости от субъекта, имеющего право осуществить задержание (захват):
  - задержание лица органом уголовного преследования (ст. 108 УПК);
  - захват лица гражданами (ст. 109 УПК);
  - задержание лица органом дознания (ст. 510 УПК).
2. В зависимости от категории лица, подозреваемого в совершении преступления:
  - общее задержание лица, подозреваемого в совершении преступления (общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом);
  - специальное задержание: иностранного гражданина; лица без гражданства; несовершеннолетнего; лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовному делу; лица на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске.
3. В зависимости от возникновения основания и способа фиксации задержания:
  - застигнутое задержание (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК);
  - вербально подтвержденное задержание (п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК);
  - материально подтвержденное задержание (п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК);
  - поведенчески обусловленное задержание (п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК);
  - превентивно-процессуальное задержание (ч. 1¹ ст. 108 УПК).
4. В зависимости от механизма формирования непосредственно возникшего подозрения:
  - перцептивное задержание (непосредственное восприятие события);

⁹Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов свыше 25000 слов и словосочетаний / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Эксмо, 2010. – 939, [2] с. – С. 359–360.

- коммуникативное задержание (получение информации о событии из внешних источников);
  - инференциальное задержание (логический вывод о событии (умозаключение)).
5. В зависимости от продолжительности ограничения свободы:
- первоначальное задержание (до 3 часов с момента доставления подозреваемого в орган уголовного преследования);
  - кратковременное задержание (до 12 часов с момента фактического задержания);
  - общее задержание (до 72 часов с момента фактического задержания);
  - особое задержание (до 10 суток с момента фактического задержания).
6. В зависимости от возможности применения на отдельных стадиях уголовного процесса:
- задержание до возбуждения уголовного дела;
  - задержание в рамках производства по уголовному делу.
7. В зависимости от порядка уведомления о задержании:
- задержание с общим порядком уведомления;
  - задержание с особым порядком уведомления;
  - задержание со смешанным порядком уведомления.
8. В зависимости от итогового процессуального решения применения задержания:
- в результате задержания предъявлено обвинение и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;
  - в результате задержания предъявлено обвинение и избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу;
  - в результате задержания избрана мера пресечения без предъявления обвинения;
  - в результате задержания произведено освобождение из-под стражи;
  - в результате задержания произведено освобождение из-под стражи и прекращено уголовное преследование.

Заключение. В результате проведения исследования юридической природы задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления можно сформулировать следующие выводы:

1. Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния – это вид задержания, заключающийся в кратковременном фактическом ограничении свободы и содержании лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы или ареста, в местах, определенных законом, на срок до 72 часов, а также в исключительных случаях до 10 суток, по истечении которых в отношении задержанного должна быть применена мера пресечения, предусмотренная УПК, либо он должен быть освобожден из-под стражи, либо освобожден из-под стражи и в отношении него прекращается уголовное преследование.

2. Предложенная классификация исследуемого вида задержания, определенная посредством выделения существенных признаков на основе выявления их гомогенности (однородности) и гетерогенности (разнородности), содействует более полному уяснению его сущности, обогащает теоретические основы науки уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2010. – 133 с.
2. Мельников В.Ю. Задержание заподозренного лица. – Ростов н/Д: ИнфоСервис, 2003. – 224 с.
3. Калмыкова Н.В. Некоторые проблемы задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления // Право.by. – 2014. – № 1(27). – С. 75–78.
4. Пидусов Е.А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 1–3.
5. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 89 с.
6. Ковтун Н.Н. Кузнецов А.П. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Российский судья. – 2004. – № 7. – С. 35–37.
7. Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 90–92.
8. Смушкин А.Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений. – Саратов: Изд-во СГАП, 2008. – 204 с.
9. Борико С.В. Уголовный процесс: учеб. – 6-е изд., пересм. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2025. – 432 с.
10. Данилевич А.А., Петрова О.В., Самарин В.И. Уголовный процесс: учеб.-метод. пособие для студ. спец. 1-24 01 02 «Правоведение». – Минск: Изд. ц-р БГУ, 2021. – 446 с.
11. Кукреш Л.И., Швед А.И. К вопросу о правовой основе задержания до возбуждения уголовного дела // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 147–149.
12. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие / Н.А. Борисенко, П.В. Гридюшко, Ю.С. Климович, Л.И. Кукреш и др.; под общ. ред. П.В. Гридюшко. – Минск: Академия МВД, 2020. – 382 с.
13. Мытник П.В. О задержании по непосредственно возникшему подозрению // Юстыцыя Беларусі=Юстиция Беларуси. – 2004. – № 2. – С. 69–72.
14. Павлов Е.В. Уголовный процесс в Республике Беларусь (в вопросах и ответах): учеб. пособие. – Минск: ИУИП, 2001. – 83 с.
15. Пурс А.Г. Определение понятия «задержание» в уголовном процессе // Четвертые Всероссийские Державинские чтения, Москва, 3–4 дек. 2008 г.: сб. ст.: в 7 кн. / М-во юстиции России, Рос. правовая акад.; отв. ред. Н.Г. Иванов. – М., 2009. – Кн. 6: Проблемы уголовного права и процесса, криминологии и криминалистики. – С. 149–152.

16. Шостак М.А. Уголовный процесс. Общ. часть: ответы на экзамен. вопросы. – Минск: ТетраСистем., 2006. – 208 с.
17. Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 249–259.
18. Сырых В.М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. – М.: РАП, 2012. – 499 с.
19. Строгович М.С. Логика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: тип. Воен.-юрид. акад., 1948. – 308 с.

Поступила 10.03.2026

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF DETENTION ON DIRECT SUSPICION OF COMMITTING A CRIME

T. ULASEVICH

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article analyzes the provisions of the criminal procedure legislation regulating the detention on the basis of immediate suspicion of committing a crime. The article examines the opinions of scientists on the definition of the essence and concept of the detention of a suspect, highlights the distinctive features and elements inherent only in the type of detention under consideration, and presents the results of an empirical analysis of a questionnaire conducted among practitioners of the criminal prosecution body on the topic of the study. As a result of the study of the legal nature of the type of detention under consideration, the author proposes a definition of the concept of detention on the basis of immediate suspicion of committing a crime. The author in this article, by highlighting essential features based on the identification of their homogeneity (homogeneity) and heterogeneity (heterogeneity), proposes a classification of this type of detention, which will allow for a more in-depth definition of its legal status.

Keywords: *detention, classification, concept, features, essence, legal nature.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-143-148

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОЭКОНОМИКИ¹

д-р юрид. наук, проф. С.Е. ЧАННОВ
(Саратовская государственная юридическая академия)
e-mail: sergeychannov@yandex.ru

канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье проводится анализ конституционных принципов, составляющих основу для правового регулирования биоэкономической деятельности в Республике Беларусь, в частности, принцип приоритета интересов общества над осуществлением биоэкономической деятельности, принцип обеспечения достоинства личности в процессе применения биотехнологий, принцип разделения властей в рамках осуществления биоэкономической деятельности, принцип экологической безопасности, принцип прозрачности принимаемых решений в области биоэкономике, принцип добровольности на исследование биоматериала человека, принцип равенства всех перед законом и запрет проявления всех форм дискриминации. Авторами предлагается введение нового понятия «биоэкономическая безопасность», что позволит обеспечить баланс между развитием инновационных биотехнологий и рисками их внедрения в коммерческий оборот в контексте защищенности интересов личности, общества и государства. Также обосновывается введение в научный оборот нового термина «генетический суверенитет личности», который определит границы недопущения признания человека как его генома в биоэкономической деятельности. С целью повышения уровня конституционно-правовой охраны публичных интересов в сфере биоэкономике в статье предлагается внесение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», в Закон Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» и др.

Ключевые слова: биоэкономика, Конституция, конституционные принципы, биоэкономическая безопасность, экологическая безопасность, генетический суверенитет личности, публичные интересы.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящий момент развитие биоэкономике является одним из ключевых направлений устойчивого развития Республики Беларусь. В то же время осуществление биоэкономической деятельности влечет за собой появление новых правовых вызовов и рисков для личности, общества и государства. В связи с этим важным является определение системы конституционных принципов, которые должны стать основой для формирования ценностных и правовых пределов развития биоэкономике. В сфере конституционно-правового регулирования важное значение приобретает выделение нового термина «биоэкономическая безопасность», включающего в себя три аспекта: личностный, общественный и государственный. Цель исследования определить и систематизировать конституционные принципы регулирования биоэкономике, а также разработать на их основе предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь. Объект исследования – конституционно-правовые отношения в области регулирования биоэкономической деятельности в Республике Беларусь.

Основная часть. Биоэкономика представляет собой одно из направлений экономической деятельности, основанной на использовании биотехнологий (иных инновационных технологий) («зеленая экономика»). Согласно подходу И.В. Гордеевой, биоэкономика рассматривается в качестве продолжения экономики природопользования и представляет собой новое социально-технологическое направление, которое носит междисциплинарный характер (находится на стыке экономики и биологии), основанное на использовании передовых инновационных технологий [1, с. 16]. Вместе с тем использование инновационных технологий в данной области оказывает воздействие на ряд конституционных ценностей, таких как жизнь, здоровье населения, экологическая безопасность, что требует определения конституционных основ правового регулирования биоэкономике. В свою очередь, отсутствие конституционных принципов может на практике создать ситуацию противоречия между достижением максимально положительного экономического эффекта и конституционными ценностями. Отдельные аспекты необходимости учета публичных интересов при осуществлении биоэкономической деятельности исследованы в научных трудах Арушаньянца А.Н. [2], Гавриленко В.А. [3], Поддубного А.Ю. [4] и др. Однако основной фокус в таких исследованиях смещен на анализ определенного вида биоэкономической деятельности в контексте обеспечения экологической безопасности государства. В то же время система конституционных принципов, должных определять вектор развития биоэкономике, не становилась предметом научных исследований.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности личности в условиях построения и развития информационного общества» в рамках задания «Личность, общество, государство в условиях формирования нового технологического уклада и трансформации международных отношений» ГПНИ «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 гг.

Законодательство Республики Беларусь в области биоэкономики представлено рядом нормативных актов, включая акты программного характера (Закон Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии», Закон Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности», Закон Республики Беларусь «Об обращении с генетическими ресурсами», Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных», Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности» и др.). Единый специальный комплексный нормативный правовой акт в области биоэкономической деятельности в Республике Беларусь отсутствует. В ряде нормативных правовых актов определены основные принципы государственной политики в области развития биоэкономики. Так, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» к таким принципам относятся:

- устойчивое развитие использования возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь;
- приоритетное, эффективное и рациональное использование возобновляемых источников энергии;
- государственная поддержка и стимулирование использования возобновляемых источников энергии;
- обеспечение экологической и энергетической безопасности, охраны здоровья населения при использовании возобновляемых источников энергии;
- доступность информации в сфере использования возобновляемых источников энергии².

В процессе осуществления биоэкономической деятельности оказывается влияние на конституционные права и свободы личности, а также на интересы общества и государства, что указывает на необходимость определения системы принципов Основного Закона государства, на основании которых должны развиваться направления биоэкономики. Так, анализ Конституции Республики Беларусь позволяет выделить ряд конституционных принципов регулирования биоэкономики.

1. Принцип приоритета интересов общества над осуществлением биоэкономической деятельности. Так, согласно ч. 4 ст. 13 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) «государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях». Конституционное признание интересов человека и общества, по сути, означает приоритет публичных интересов в процессе осуществления экономической деятельности, включая и биоэкономическую. Интересы населения являются приоритетными на конституционном уровне также при правовом регулировании порядка использования природных ресурсов, что определено в ч. 2 ст. 46 Конституции. Данный принцип находит свое отражение также и в признании прав и свобод человека высшей целью для государства (ч. 1 ст. 21 Конституции), что констатирует первичный характер института прав и свобод. В таком случае, если результаты использования биотехнологий (иных инновационных технологий) в экономической деятельности причиняют вред либо создают угрозу причинения такого вреда человеку, его правам и свободам, то такая деятельность должна быть запрещена либо ограничена законом.

Принцип приоритета публичных интересов связан с реализацией принципа свободы собственности (ч. 2 ст. 44 Конституции). Действительно, исходя из содержания данной конституционно-правовой нормы, собственник обладает правом свободного владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом. В то же время в контексте развития биоэкономики важно понимать, что такое фундаментальное право может быть ограничено интересами человека и общества (публичными интересами). К примеру, право собственности на определенный инновационный продукт, созданный с применением биотехнологий, не может быть использовано в случае причинения (угрозы) вреда общественным интересам. Однако здесь необходимо правильно применять принцип пропорциональности ограничений: ограничения (запреты) в области осуществления биоэкономической деятельности должны быть соразмерны степени риска нарушения (угрозы) публичных интересов и не должны выступать чрезмерно сдерживающим механизмом для инновационной деятельности.

2. Принцип обеспечения достоинства личности в процессе применения биотехнологий. В частности, любые аспекты использования биоматериала человека, редактирования генома и др. должны осуществляться только в строгом соответствии с ч. 3 ст. 25 Конституции, где установлено, что «никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам». Отметим особый характер данного права, его особую значимость для государства, что отражено в запрете его ограничения ни при каких обстоятельствах, в том числе, при осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения (ч. 2 ст. 63 Конституции). Из положений ч. 3 ст. 25 Конституции следует, что без согласия личности запрещено использовать, к примеру, в любых формах биоматериалы человека, заниматься коммерциализацией его генетической информации и др. Такого рода действия будут рассматриваться как прямое нарушение неприкосновенности личности.

Отметим, что в Республике Беларусь активно ведется работа по выдаче «генетических паспортов»³, которые представляют собой документ, отражающий на основе проведения генетических исследований индивидуальные генетические особенности, предрасположенности к заболеваниям (сердечно-сосудистым, эндокринным, костно-мышечным, а также невынашиванию беременности). Кроме того, разработана «система генетического

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11000204>.

³ В Беларуси выдано более 27 тыс. генетических паспортов // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/society/view/v-belarusi-vydano-bolee-27-tys-geneticheskikh-pasportov-695690-2025/> (дата обращения: 26.05.2026).

тестирования в спорте» и «программы отбора начинающих спортсменов»⁴. Выдачей «генетических паспортов» занимается Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси на основе заключаемых гражданско-правовых договоров. Следовательно, генетические паспорта следует рассматривать как определенный коммерческий проект. Таким образом, основными характеристиками генетического паспорта выступают:

- 1) добровольность предоставления генетических данных;
- 2) выражение письменного согласия;
- 3) коммерческий характер;
- 4) одно из направлений предиктивной медицины.

Правовое регулирование выдачи генетических паспортов в Республике Беларусь носит комплексный характер и представлено несколькими нормативными правовыми актами:

– Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-3 (ст. 1 Закона генетические данные отнесены к категории специальных персональных данных, для которых определен специальный режим обработки);

– Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ (в части регулирования врачебной тайны, а также порядка обращения с биомедицинскими клеточными продуктами);

– Гражданским кодексом Республики Беларусь (содержит требования к заключению гражданско-правового договора, на основании которого производится выдача генетического паспорта).

При этом специальное законодательство в области обращения с генетическими данными человека в Республике Беларусь отсутствует, хотя разработка проекта такого закона имела место быть⁵. Необходимость принятия такого Закона обусловлена повышенным уровнем конституционно-правовой охраны достоинства личности, установления порядка хранения биоматериала человека, запретов на использование и др. С точки зрения конституционного аспекта генетической паспортизации населения актуален вопрос и о недопущении дискриминации на основании генетических исследований (к примеру, в трудовых отношениях, спорте и т.д.). Так, генетический паспорт не может служить основанием для ограничения либо представления преимуществ для субъектов-владельцев такого документа, что в полной мере будет соответствовать принципу равенства всех перед законом (ст. 22 Конституции).

Как следствие, представляется целесообразным ввести в научный оборот категорию «генетический суверенитет личности» как элемент биоэкономической безопасности личности в контексте развития биоэкономики. Генетический суверенитет личности – совокупность правомочий физического лица в области владения, использования и распоряжения своими генетическими данными, в основе которого находится конституционный принцип неприкосновенности достоинства личности. Введение такого понятия позволит предоставить особую конституционно-правовую охрану генетическим данным как специальному виду персональных данных, а также определит границы недопущения признания человека как его генома, в частности, в биоэкономической деятельности. В содержание генетического суверенитета личности входят следующие правомочия:

1. Право на генетическую идентичность.
2. Право на конфиденциальность генетической информации.
3. Право контроля за использованием генетических данных как особого вида персональных данных.
4. Право использования генетических данных по собственному усмотрению.
5. Право предоставления генетических данных в целях медицинской профилактики и др.

При этом правомочия личности в области распоряжения своими генетическими данными не являются абсолютными, а могут быть ограничены на основании закона в интересах биоэкономической безопасности, ведения уголовного процесса, санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Однако основным критерием для возможного ограничения таких прав должен быть принцип пропорциональности ограничений. Принцип обеспечения достоинства в контексте биоэкономической деятельности следует рассматривать также к такому субъекту-носителю, как будущие поколения. Преамбула Конституции Республики Беларусь возлагает на белорусский народ ответственность за будущее Беларуси. Результаты биоэкономической деятельности потенциально могут внести определенные изменения в генофонд будущих поколений, что также важно учитывать в контексте обеспечения неприкосновенности достоинства личности.

3. Реализация принципа разделения властей в рамках осуществления биоэкономической деятельности. В настоящий момент в Республике Беларусь достаточно большое количество государственных органов ведомственного характера обладают полномочиями в области принятия решений по применению биотехнологий, инновационных технологий при производстве органической продукции и т.д. (Национальная академия наук Беларуси, Министерство здравоохранения Республики Беларусь и др). В то же время отсутствует государственный орган, наделенный полномочиями проведения государственной политики в области биоэкономики. Анализ Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» позволяет сделать вывод об отсутствии таких полномочий у центрального органа государственного управления. В связи с этим предлагается внести изменения и дополнения в Закон о Совете Министров путем дополнения статьей 11¹ и изложить норму в следующем содержании:

⁴ Лаборатория генетики человека // Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси. – URL: <https://igc.by/> (дата обращения: 26.05.2026).

⁵ В Беларуси разрабатывают закон о геномной регистрации // Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-belarusi-razrabatyvayut-zakon-o-genomnoy-registratsii.html> (дата обращения: 26.05.2026).

«Статья 11¹. Полномочия Совета Министров в области биоэкономической деятельности:

Совет Министров в области биоэкономики:

регулирует направления биоэкономической деятельности и принимает меры по их развитию;

принимает меры по обеспечению Республики Беларусь биомедицинскими (иными инновационными) технологиями, эффективному их использованию, а также по обеспечению биоэкономической безопасности страны;

устанавливает меры государственного регулирования направлений биоэкономической деятельности;

обеспечивает разработку документов государственного прогнозирования и государственного планирования в порядке, установленном законодательными актами;

обеспечивает проведение единой государственной политики в области биоэкономической деятельности, определяет порядок осуществления закупок (разработки) биомедицинских (иных инновационных) технологий за счет средств республиканского бюджета и бюджета субъектов экономической деятельности, которые будут использовать данные технологии;

обеспечивает биоэкономическую самостоятельность Республики Беларусь».

Отсутствие единого органа государственного управления в области биоэкономической деятельности может привести к дублированию полномочий между государственными органами в данной области, отсутствию единой государственной политики в сфере биоэкономической деятельности, отсутствию контроля за расходованием бюджетных средств на закупку (разработку) биомедицинских (иных инновационных) технологий. Кроме того, предложенные изменения будут в полной мере способствовать реализации положений ч. 1 ст. 106 Конституции в части центрального положения Совета Министров Республике Беларусь в исполнительной власти.

4. Принцип экологической безопасности. Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду. В контексте развития биоэкономики в полной мере должно быть обеспечено внедрение инновационных технологий в экономическую деятельность при минимальном воздействии на окружающую среду. Анализ Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь) позволяет сделать вывод о появлении новой конституционной обязанности государства по «поэтапному переходу к зеленой экономике»⁶. Вместе с этим коммерческое использование биологических ресурсов может привести к возникновению конфликта с конституционными правами и свободами человека (например, с правом на благоприятную окружающую среду, правом на получение полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и др.), что в целом может создать угрозу экологической безопасности. В настоящий момент законодательство Республики Беларусь не содержит термина «биоэкономическая безопасность», который выступал бы связующим звеном между возможными биологическими рисками и наступающими экономическими последствиями с их воздействием на конституционные принципы в области прав и свобод человека.

Биоэкономическую безопасность необходимо рассматривать как разновидность экологической безопасности и в целом как разновидность национальной безопасности Республики Беларусь. Под биоэкономической безопасностью предлагаем понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от рисков воздействия биотехнологий, иных инновационных технологий, связанных с коммерциализацией биологических объектов». На нормативном уровне данное определение следует включить в ст. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция)⁷. Отметим, что действующее закрепление биологической экономической безопасности на уровне Концепции не способствуют обеспечению конституционного баланса между коммерческим использованием биологических объектов и интересами личности, общества и государства. Предлагаемое нами определение комплексно объединит конституционные принципы свободы экономической деятельности с правом на охрану окружающей среды (правом на доступ к информации о состоянии окружающей среды), что позволит обеспечить баланс между развитием инновационных биотехнологий и рисками их внедрения в коммерческий оборот. Такой подход будет способствовать переходу к конституционному регулированию биоэкономики, системному подходу к разработке государственной политики в данной области, основанной на базовых конституционных принципах и ценностях. Кроме того, допускаем возможность разработки отдельного программного документа (рабочее название – Национальная стратегия (Национальный план) развития биоэкономики Республики Беларусь на долгосрочную перспективу), основанного на общих положениях Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

Из вышеуказанного вытекает необходимость установления конституционного предела развития биоэкономики как конституционного баланса между свободой осуществления экономической деятельности и биоэкономической безопасностью: субъекты хозяйственной (экономической) деятельности вправе использовать биотехнологии (иные инновационные технологии), связанные с коммерциализацией биологических объектов, если это не создает рисков для состояния защищенности человека, общества и государства и направлено на максимально возможное сохранение природных систем, что следует из анализа положений раздела 7 Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь.

5. Принцип прозрачности принимаемых решений в области биоэкономики, касающихся конституционных прав и свобод личности. Данный принцип находится в тесном взаимодействии с конституционным правом

⁶ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005>.

на получение информации. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Конституции «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды». Применительно к биоэкономике конституционное регулирование обязывает субъектов предоставлять информацию потребителю о содержании ГМО. Законодательство Республики Беларусь в данном направлении представлено комплексом нормативных правовых актов, которыми установлены обязанности указывать на каждой единице потребительской тары (этикетке, контрэтикетке, ярлыке) или ином носителе информации такого рода сведения. Такими правовыми актами являются:

Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 9 января 2002 г. № 90-3;

Закон Республики Беларусь «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» от 29 июня 2003 г. №217;

Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О некоторых вопросах информирования потребителей о продовольственном сырье и пищевых продуктах» от 28 апреля 2005 г. № 434.

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Комитета по стандартизации, метрологии и сертификации при Совете Министров Республики Беларусь от 8 июня 2005 г. №12/26 «Об утверждении перечня продовольственного сырья и пищевых продуктов, подлежащих контролю за наличием генетически модифицированных составляющих (компонентов)» и др.

6. Принцип добровольности исследования биоматериала человека. Данный принцип основан на обеспечении неприкосновенности и достоинства личности (ч. 1 ст. 25 Конституции), а также запрете подвергать человека пыткам, жестокому отношению и, без его согласия, медицинским опытам (ч. 3 ст. 25 Конституции). Применительно к использованию биоматериала человека данная конституционная норма означает прямой запрет на применение насилия или иных способов принуждения для получения биоматериала, а также запрет на проведение любых медицинских исследований с использованием биоматериала человека без его согласия. Конституционно-правовая природа согласия на использование биоматериала человека отвечает признакам добровольности (исключение любых способов принуждения для получения биоматериала), информированности (лицо в полной мере информировано о целях использования биоматериала), предварительности (согласие должно быть выражено в письменной форме до проведения исследования с использованием биоматериалов), определенности (лицо понимает порядок обращения с полученным от него биоматериалом).

Исключения из принципа добровольности на исследование биоматериала человека составляют положения ч. 2 ст. 8 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных»:

– в целях организации оказания медицинской помощи при условии, что такие персональные данные обрабатываются медицинским, фармацевтическим или иным работником здравоохранения, на которого возложены обязанности по обеспечению защиты персональных данных и в соответствии с законодательством распространяется обязанность сохранять врачебную тайну;

– для осуществления правосудия, исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, совершения исполнительной надписи, оформления наследственных прав;

– для целей ведения административного и (или) уголовного процесса, осуществления оперативно-розыскной деятельности;

– в случаях, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, законодательством в области национальной безопасности, об обороне, о борьбе с коррупцией, о борьбе с терроризмом и противодействии экстремизму, о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения, о Государственной границе Республики Беларусь, о гражданстве, о порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь, о статусе беженца, дополнительной защите, убежище и временной защите в Республике Беларусь;

– в целях обеспечения функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений и др.⁸

7. Принцип равенства всех перед законом и запрет проявления всех форм дискриминации (ст. 22 Конституции). Применительно к развитию биоэкономики данный принцип должен толковаться с позиции доступности биомедицинских инновационных технологий для всех граждан, а также определять допустимые пределы коммерциализации таких услуг. Так, в ч. 1 ст. 45 Конституции определено, что «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом». В то же время развитие биомедицинских технологий в силу высокого ценового порога может стать дискриминирующим фактором для большей части населения и быть доступным только определенному кругу лиц. Следовательно, конституционная норма ч. 1 ст. 45 Конституции должна получить новое толкование Конституционным Судом Республики Беларусь, где важно обозначить, что бесплатная медицинская помощь должна включать, в том числе, и использование биомедицинских технологий, если таковые включены в клинические протоколы (что будет соответствовать Закону Республики Беларусь «О здравоохранении»).

Кроме этого, положения ч. 3 ст. 13 Конституции (принцип свободы предпринимательской деятельности) не должны противоречить социальному характеру белорусского государства (ч. 1 ст. 1 Конституции). Развитие биотехнологий (иных инновационных технологий) следует осуществлять на равные с социальными обязательствами

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=h12100099>.

государства. В связи с этим предлагается внести изменения и дополнения в содержание принципа доступности медицинского обслуживания и изложить абзац второй ч. 1 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в следующей редакции: «обеспечение доступности медицинского обслуживания, в том числе лекарственного обеспечения и доступа к биомедицинским технологиям». В развитие предлагаемой нормы также дополнить ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» абзацем шестым и изложить норму в следующей редакции: «доступностью биомедицинских технологий для оказания медицинской помощи».

Таким образом, обозначенные в настоящей статье предложения по совершенствованию законодательства в области здравоохранения будут способствовать максимальному сокращению разрыва в области реального доступа населения к медицинской помощи посредством использования биомедицинских технологий, а также будут направлены на реализацию модели социального государства.

Заключение. Проведенное исследование позволило сформулировать систему конституционных принципов для регулирования биоэкономики (приоритета интересов общества над осуществлением биоэкономической деятельности, обеспечения достоинства личности в процессе применения биотехнологий, экологической безопасности, разделения властей и др.). На основании анализа отдельных из них разработаны предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь, к примеру, в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», Закон Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» и др. В результате исследования обоснована необходимость введения новой научной и правовой категории – «биоэкономическая безопасность», под которой понимается состояние защищенности личности, общества и государства от рисков воздействия биотехнологий, иных инновационных технологий, связанных с коммерциализацией биологических объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева, И.В. Биоэкономика как одно из устойчивых явлений стратегического развития // Научное обозрение. Экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 16–21.
2. Арушаньянц А.Н. Свобода конкуренции в системе принципов правового обеспечения экологизации экономики и социальной сферы Республики Беларусь в целях обеспечения защищенности государственных и частных интересов // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве: (научные чтения, посвящ. памяти проф. Г.Б. Шишко): сб. ст. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 7 дек. 2023 г. / Белор. гос. экон. ун-т; редколл.: А.В. Егоров (председ.). – Минск: БГЭУ, 2024. – С. 99–103.
3. Гавриленко В.А., Шеншин В.М. О соотношении экономики и экологии: неоднозначность социально-правового регулирования // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19-20 мая 2022 г. / Белор. гос. экон. ун-т; редколл.: А.В. Егоров (отв. ред.). – Минск: БГЭУ, 2022. – С. 74–75.
4. Поддубный А.Ю. Правовое регулирование научной и производственной деятельности в сфере биотехнологий как фактор устойчивого развития биосферы // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 окт. 2010 г., г. Минск). – Минск: Позитив-центр, 2010. – С. 512–514.

Поступила 17.06.2026

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF BIOECONOMY

S. CHANNOV
(Saratov State Law Academy)

I. SHAKHNOUSKAYA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The authors analyze the constitutional principles that form the basis for the legal regulation of bioeconomic activity in the Republic of Belarus, in particular, the principle of the priority of the interests of society over the implementation of bioeconomic activity, the principle of ensuring the dignity of the individual in the process of using biotechnology, the principle of separation of powers in the framework of bioeconomic activity, the principle of environmental safety, the principle of transparency of decisions made in the field of bioeconomics, the principle of voluntary research of human biomaterial, the principle of equality of all before the law and the prohibition of all forms of discrimination. The authors propose introducing a new concept, «bioeconomic security», which will ensure a balance between the development of innovative biotechnologies and the risks of their commercialization, while protecting the interests of individuals, society, and the state. They also substantiate the introduction of a new term, "genetic sovereignty of the individual," which will define the boundaries of the non-recognition of a person as their genome in bioeconomic activities. In order to increase the level of constitutional and legal protection of public interests in the field of bioeconomics, the article proposes amendments and additions to the Law of the Republic of Belarus «On Healthcare», the Law of the Republic of Belarus «On the Council of Ministers of the Republic of Belarus», etc.

Keywords: bioeconomics, Constitution, constitutional principles, bioeconomic security, environmental security, genetic sovereignty of the individual, public interests.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-149-153

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ, канд. юрид. наук, доц. П.В. СОЛОВЬЕВ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)****e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by; p.solovjov@psu.by****канд. юрид. наук, доц. М.М. СТЕПАНОВ****(Институт законодательства и сравнительного правоведения****при Правительстве Российской Федерации, Москва)****e-mail: stepanovtao@mail.ru**

В статье рассматриваются различные аспекты конституционной правосубъектности населения административно-территориальной единицы как субъекта конституционно-правового отношения. Авторы приходят к выводу о наличии многообразия форм участия населения в реализации конституционных прав и свобод. На основе анализа законодательства в статье сформулирован вывод о необходимости применения дифференцированного подхода к пониманию населения административно-территориальной единицы в контексте закрепления его прав и обязанностей. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь о местном самоуправлении в области расширения форм доступа населения к управлению делами общества и государства в условиях внедрения информационных технологий. Авторами проводится сравнительный анализ понятий «население АТЕ», «народ», «органы местного самоуправления», результатом которого стало предложение о внесении законодательной дефиниции термина «население АТЕ» в Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь».

Ключевые слова: административно-территориальная единица, население, субъект конституционно-правовых отношений, местное самоуправление, правоспособность, дееспособность.

Введение. В белорусской науке конституционного права до настоящего времени не выработано единого подхода к понятию «конституционная правосубъектность населения», «коллективная конституционная правосубъектность», что создает терминологическую неопределенность в конституционно-правовой доктрине. Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует понятие «население административно-территориальной единицы», что создает определенные сложности в части условий и порядка реализаций населением своих конституционных прав и свобод. Цель исследования – определить особенности правоспособности и дееспособности населения административно-территориальной единицы как субъекта конституционно-правовых отношений и систематизировать формы участия населения в реализации своих конституционных прав и свобод.

Основная часть. Вопросы конституционной правосубъектности коллективных образований становились предметом исследования различных авторов, к примеру, Д.И. Артемовой и О.В. Романовской [1], Д.С. Велиевой и М.В. Преснякова [2], Т.А. Дураева и Н.В. Тюменевой [3] и др.

Конституционная правосубъектность всегда исследуется сквозь призму трех составляющих: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Конституционная правоспособность населения административно-территориальной единицы (далее – АТЕ) это способность иметь конституционные права и обязанности. Особенностью конституционной правосубъектности населения АТЕ является сложный характер субъекта. Безусловно, население АТЕ выступает составной частью более широкого субъекта конституционно-правовых отношений – народа Республики Беларусь. Под народом как субъектом конституционно-правовых отношений следует понимать определенную совокупность граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом и выступающую от имени народа в целях реализации его конституционных прав и свобод. Поэтому народ как субъект конституционно-правовых отношений един в своем самовыражении (выражении своей воли) даже в тех случаях, когда в процессе волеизъявления принимает участие только его отдельная часть, обладающая избирательным правом. Относительно понимания народа и его особенностей в конституционно-правовых отношениях одним из авторов статьи ранее было проведено отдельное исследование¹. Население АТЕ аналогично выступает субъектом, который един в своем выражении в контексте реализации положений ст. 3 Конституции Республики Беларусь (народ через участие населения АТЕ в конкретных конституционно-правовых формах является источником власти). Именно наделение населения АТЕ правами в области управления делами общества и государства является одним из механизмов реализации конституционного принципа демократизма.

Актуальным для исследования видится вопрос о соотношении понятий «органы местного самоуправления» и «население АТЕ», требующих содержательного разграничения. Поскольку население АТЕ является одной из форм реализации народом права быть источником власти, то органы местного самоуправления выступают конкретными субъектами реализации власти.

¹ Шахновская, И.В. Социальные общности как субъекты конституционно-правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Белор. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 26 с.

Одной из особенностей населения АТЕ как субъектов конституционно-правовых отношений является двойственная природа отдельных форм реализации прав и свобод: как населения АТЕ и как институтов гражданского общества. Так, различные инициативные группы по принятию решений, по реализации нормотворческой инициативы и др. одновременно выступают как субъекты гражданского общества и как население АТЕ. При этом не имеет значения, от имени какого субъекта реализуются права и обязанности, – в основе находится ст. 37 Конституции Республики Беларусь, где регламентировано право на участие в решении государственных дел. Схожая мысль представлена в научных идеях С.А. Авакьяна, который отмечает необходимость признания за гражданским обществом определенной «общественной власти». При этом С.А. Авакьяном были высказаны даже мысли о необходимости выделения отдельной главы в Конституции Российской Федерации «Гражданское общество» [4, с. 11]. На наш взгляд, признание за населением АТЕ ряда прав и свобод следует признать как одну из форм реализации народом Республики Беларусь права быть источником государственной власти. При этом население АТЕ действительно одновременно выступает и в качестве носителя общественной власти.

Определение понятия «население АТЕ» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. При этом, применительно к отдельным АТЕ раскрывается содержание данного субъекта конституционно-правовых отношений. Так, в Уставе г. Минска определено, что «население города Минска составляют его жители (минчане) – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие, согласно законодательству, постоянное место жительства в городе»². Следовательно, понятие населения АТЕ не ограничивается отношениями гражданства Республики Беларусь, а ключевым признаком выступает признак постоянного места жительства. На основании вышеизложенного предлагается внести изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» путем дополнения ч. 1 ст. 1 абзацем седьмым и изложить норму следующего содержания: «Население административно-территориальной единицы – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно или преимущественно проживающие на территории соответствующей административно-территориальной единицы». Законодательное определение населения АТЕ как субъекта конституционно-правовых отношений позволит устранить терминологическую неопределенность в науке конституционного права, признать население АТЕ полноправным субъектом конституционно-правовых отношений, позволит унифицировать законодательство в смежных нормативных правовых актах (Избирательном кодексе Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь «О республиканских и местных собраниях», Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и др.).

Конституционная правосубъектность населения АТЕ определяется многоуровневым характером, что определяется действующей системой местного самоуправления. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»: «система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы»³. В то же время законодательством об административно-территориальном устройстве не определен уровень непосредственно АТЕ, что является важным в контексте определения особенностей правосубъектности населения АТЕ.

В связи с этим является необходимым разработка дифференцированного подхода к закреплению прав населения в зависимости от уровня АТЕ, что обусловлено особенностями статуса территорий. В частности, особым правовым статусом обладает население столицы – г. Минска, что обусловлено наличием специального законодательства применительно к данной АТЕ (Закон Республики Беларусь «О статусе столицы – г. Минска», Устав города Минска), где урегулированы вопросы полномочий Минского городского Совета депутатов, форм участия населения г. Минска в реализации права на местное самоуправление. Дифференциация статуса населения АТЕ обозначена также через различия в компетенции Советов областного, базового и первичного уровней (ст. 18–20 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»), что непосредственно влияет на объем правоспособности местного населения (например, при решении круга вопросов, которые могут быть предметом обсуждения на местном собрании и др.).

Одной из базовых норм, выступающих в качестве основы для правосубъектности населения АТЕ является ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», где регламентируется право населения соответствующей АТЕ на местное самоуправление. При этом местное самоуправление понимается как установленные законодательством формы организации и деятельности населения для самостоятельного решения вопросов местного значения. В ст. 1 данного Закона определены также формы местного самоуправления: «местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, нормотворческую инициативу граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели, реализацию гражданских инициатив и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах»⁴. Установленные формы местного самоуправления позволяют сделать вывод о различном характере их реализации (постоянно действующие формы, создаваемые для решения определенного круга вопросов, организованные под реализацию конкретной инициативы и др.).

² URL: <https://minsk.gov.by/ru/freepage/minsk/ustav/>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11000108>.

⁴ Там же.

Обозначенное позволяет сформулировать вывод о необходимости применения дифференцированного подхода к пониманию населения АТЕ как субъекта конституционно-правовых отношений в контексте закрепления его прав и обязанностей. Конституционная правоспособность закреплена за населением АТЕ в различных формах (в зависимости от субъектного состава):

1. Население АТЕ в целом как единый субъект. Население АТЕ в целом как субъект конституционно-правовых отношений участвует в проведении местных референдумов и местных собраний. Такие формы являются основными формами прямой демократии на местном уровне и основными формами местного самоуправления в Республике Беларусь. Кроме того, населению АТЕ (избирателям избирательного округа) принадлежит право возбуждения вопроса об отзыве депутата.

2. Инициативные группы граждан в рамках АТЕ (с фиксированным количеством граждан либо в процентном отношении к населению всей АТЕ). Инициативные группы граждан в рамках АТЕ в зависимости от цели создания подразделяются на следующие виды:

- инициативные группы по выдвижению кандидата в депутаты местного Совета депутатов (количественный состав членов инициативной группы от 3 до 10 человек);
- участие населения областей и населения г. Минска в составе инициативной группы по инициированию проведения республиканского референдума (количественный состав – не менее 100 человек);
- инициативные группы по проведению местного референдума (количественный состав различается в зависимости от вида АТЕ);
- инициативные группы по проведению местных собраний.

Совокупность граждан АТЕ наделены правом участия в свободном и всестороннем обсуждении предвыборных программ кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, местные Советы депутатов; правом проведения агитации за или против кандидата, в том числе, в глобальной сети Интернет⁵.

3. Часть АТЕ (совокупность граждан), количественный состав которой не регламентирован законодательством. Части АТЕ (территории микрорайонов, кварталов, улиц, дворов, агрогородков, поселков, деревень и др.) наделены правом на осуществление территориального общественного самоуправления. В отношении части АТЕ предусмотрено также право проведения местных собраний на соответствующей территории (ст. 13 Закона Республики Беларусь «О республиканских и местных собраниях»)⁶. Совокупность граждан АТЕ обладают правом направлять коллективные обращения в государственные органы.

4. Индивидуальное участие граждан АТЕ. Отдельные граждане АТЕ наделены следующими правами:

- 1) право на участие в местном собрании;
- 2) право на участие в местном референдуме;
- 3) право на участие в территориальном общественном самоуправлении;
- 4) право направлять обращения в государственные органы, в том числе, в электронной форме.

Вопросы конституционной дееспособности в науке конституционного права обычно исследуются в рамках индивидуального субъекта либо юридического лица. Что же касается признания конституционной дееспособности за социальными общностями в целом, то оно требует детального методологического обоснования. Одним из авторов статьи ранее было проведено исследование относительно особенностей населения АТЕ как социальной общности [5]. Конституционная дееспособность – это способность субъекта своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности [6, с. 51]. Конкретный объем дееспособности населения АТЕ не всегда четко определяются в силу множественности форм участия, а также по причине особого статуса данного субъекта конституционно-правовых отношений.

Условиями возникновения конституционной дееспособности населения АТЕ являются следующие:

1. Связь населения с территорией. Законодательство в данном случае не делает привязки к гражданству, а связывает возможность участия населения в решении вопросов местного значения с понятием «постоянное место жительства». При этом в отдельных формах необходимо наличие гражданства Республики Беларусь (например, в случае участия в местных референдумах).

2. Конституционная дееспособность населения АТЕ ограничена вопросами местного значения либо определенным кругом вопросов, установленных на уровне законодательства. К вопросам местного значения относятся конкретные задачи по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения административно-территориальной единицы. Так, согласно ст. 121 Конституции Республики Беларусь установлено, что «к исключительной компетенции местных Советов депутатов относятся:

- утверждение программ социально-экономического развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении;
- установление в соответствии с законом местных налогов и сборов;
- определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью;
- назначение местных референдумов».

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000370>.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10000411>.

Из круга решения вопросов местного значения могут исключаться отдельные из них. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь установлено, что «на местный референдум не выносятся вопросы, имеющие значение для Республики Беларусь в целом, вопросы, урегулированные законодательными актами, а также вопросы, связанные с назначением на должность служащего, утверждением в должности служащего или освобождением от должности служащего, относящиеся к компетенции местного исполнительного и распорядительного органа либо его руководителя»⁷.

3. Реализация дееспособности осуществляется при одновременном отсутствии механизмов ответственности населения АТЕ. К примеру, нет мер ответственности за решение, принятое на местном референдуме, на местном собрании, за определенную нормотворческую инициативу и т.д. В связи с этим невозможно в полной мере говорить о конституционной правосубъектности населения АТЕ по причине отсутствия такого элемента, как деликтоспособность. Вопросы конституционной ответственности населения АТЕ необходимо рассматривать в позитивном аспекте в силу особого статуса данного субъекта конституционно-правовых отношений.

4. Конституционная дееспособность населения АТЕ может быть реализована посредством прямых (нормотворческая инициатива, местные референдумы, местные собрания и др.) и косвенных форм (через местные Советы, через органы территориального общественного самоуправления).

В современный период актуальными являются вопросы расширения различных форм участия населения АТЕ в управлении делами общества и государства, в частности, с использованием информационных технологий. К примеру, такие технологии могут быть использованы при организации заседаний на сессиях местных Советов депутатов. Так, предлагается внедрить в законодательство проведение он-лайн-трансляций заседаний местных Советов. Нет необходимости 100%-го перевода всех заседаний на формат он-лайн-транслирования. Однако, те из них, на которых рассматриваются важнейшие вопросы местного значения (утверждаются программы социально-экономического развития региона, концепции молодежной политики и др.) должны быть доступными для населения. В связи с этим предлагается внесение следующих изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении»: дополнить ст. 12 частью 11 и изложить норму в следующем содержании: «В отдельных случаях, определенных Регламентом Совета, по решению председателя Совета, а в случае его отсутствия или по его поручению – его заместителем, на заседаниях Совета организуются он-лайн-трансляции в порядке, определенном законодательством».

Разумным видится представление ссылки на он-лайн-трансляции заседаний местных Советов субъектам гражданского общества, определенных законодательством (Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»). В связи с этим предлагается расширить перечень особых форм взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества, что потребует внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»: дополнить абзацем четвертым ч. 1 ст. 7 и изложить норму в следующем содержании: «участие в проведении он-лайн-трансляций заседаний местных Советов депутатов» [7].

Кроме того, цифровая трансформация публично-властных отношений актуализирует вопрос реализации конституционной дееспособности населения АТЕ посредством информационно-коммуникационных технологий. Отдельные элементы такой реализации уже проявляются: электронные обращения граждан, обсуждение проектов правовых актов на официальных интернет-площадках. Однако потенциал цифровых форм значительно шире. Конституционная дееспособность населения АТЕ могла бы в полной мере раскрываться через механизмы краудсорсинга местных решений, электронные опросы жителей по вопросам развития соответствующей территории, онлайн-петиции с автоматизированным сбором голосов, а также цифровое инициативное бюджетирование. Такие инструменты позволяют населению АТЕ (в том числе его части – жителям микрорайонов, улиц, агрогородков) самостоятельно, без посредничества традиционных институтов, инициировать, корректировать и контролировать управленческие решения в режиме реального времени. При этом важно сохранение ключевого условия дееспособности – связи с территорией, что возможно через цифровые способы идентификации.

Заключение. В процессе проведенного исследования выявлены различные формы участия населения административно-территориальных единиц в процессе реализации конституционных прав и свобод (в зависимости от субъектного состава): население АТЕ в целом, инициативные группы в рамках АТЕ, части территории АТЕ, индивидуальное участие граждан, постоянно или преимущественно проживающих на соответствующей территории. Проведен сравнительный анализ терминов «население АТЕ», «народ», «органы местного самоуправления», на основании которого сделан вывод о том, что население административно-территориальной единицы выступает субъектом, который един в своем выражении в контексте реализации положений ст. 3 Конституции Республики Беларусь, а также предложена законодательная дефиниция понятия «население АТЕ», которую необходимо закрепить в Законе Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь». Итогом исследования стали научно обоснованные идеи об особенностях правоспособности и дееспособности населения АТЕ как субъекта конституционно-правовых отношений, а также о позитивном характере конституционной ответственности данного субъекта в силу особого статуса.

⁷ См. сноску № 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова Д.И., Романовская О.В. Конституционная правосубъектность области (края) в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 94–101.
2. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства // Гражданин и право. – 2016. – № 11. – С. 41–51.
3. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Издания Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2014. – № 3. – С. 570–578.
4. Авакьян С. А. О преподавании конституционного права России в современных реалиях: правовые, предметные и методологические (методические) аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 4. – С. 7–23.
5. Шахновская И.В. Правоспособность социальных общностей в конституционном праве // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2016. – № 2. – С. 95–99.
6. Попов М.Ю. Место и роль правосубъектности в правовом статусе личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 48–53.
7. Шахновская И.В. Трансформация института местного самоуправления в условиях цифровизации: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 241–249.

Поступила 13.05.2026

**CONSTITUTIONAL LEGAL PERSONALITY OF THE POPULATION OF
AN ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL UNIT IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

I. SHAKHNOUSKAYA, P. SOLOVJOV
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

M. STEPANOV
(*The Institute of legislation and comparative law under the
government of the Russian Federation, Moscow*)

The authors examine various aspects of the constitutional legal capacity of the population of an administrative-territorial unit as a subject of constitutional legal relations. The authors conclude that there are multiple forms of public participation in the exercise of constitutional rights and freedoms. Based on the analysis of legislation, the authors formulate a conclusion on the need to apply a differentiated approach to understanding the population of an administrative-territorial unit in the context of securing its rights and obligations. Proposals are formulated to improve the legislation of the Republic of Belarus on local self-government in the field of expanding forms of public access to managing the affairs of society and the state in the context of the introduction of information technologies. The authors conduct a comparative analysis of the concepts «population of ATU», «people», «local government bodies», the result of which was a proposal to introduce a legislative definition of the term «population of ATU» into the Law of the Republic of Belarus «On the administrative-territorial structure of the Republic of Belarus».

Keywords: *administrative-territorial unit, population, subject of constitutional and legal relations, local government, legal capacity.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ерофеева О.Н., Родько А.С., Черненко Е.Ю. Стратегии привлечения высококвалифицированных специалистов на международных рынках труда: макро- и микроуровень	2
Ильин С.Ю., Зенькова И.В. Современный концептуальный подход к анализу коммерческой деятельности организаций	11
Касперович С.А., Климук Е.В. Анализ предпринимательских предпочтений в сфере молодежного инновационного предпринимательства среди студенческой молодежи	16
Костин П.А., Замостоцкий Е.Г. Разработка направлений повышения эффективности сбытовой политики ЧТУП «Деста плюс»	21
Прищепов А.С. Динамические способности организации: концептуализация и операционализация в контексте переходных экономик	28
Сарвари Р.Д. Социально-экономическое исследование репродуктивного поведения населения в контексте демографической безопасности	35
Серяков Г.Н. Технологический уклад как основа экономики и организации новых промышленных технологий	45
Чукасова-Ильюшкина Е.В., Сурина Е.В., Исчик Т.М. Потенциал предприятия и комплексный метод его оценки	50
Яцевич Н.В. Методы и инструменты государственного регулирования предпринимательства в Республике Беларусь	60

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безбородов А.С. Содержание административно-правового статуса органов внутренних дел Республики Беларусь	67
Боровик П.Л. Интегративная криминологическая модель оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в цифровой среде	73
Валевко А.С. Цифровые формы недобросовестной конкуренции: правовой анализ	79
Гриневич В.С. Конституционный контроль за проведением выборов в Республике Беларусь: новые полномочия Конституционного Суда и проблемы их реализации	82
Костюк А.С. Процессуальная экономия в научных трудах советских процессуалистов	90
Олесько С.С. Соразмерность конституционных ценностей в условиях цифровизации (Часть 1)	97
Пикта В.И. Понятие вредоносных компьютерных программ: теоретико-методологические аспекты	104
Сенкевич А.Н. Механизмы реализации права на охрану здоровья в Республике Беларусь: анализ и перспективы развития	109
Соловьёв П.В. Цифровой нормативный правовой акт: переход от текста к интерфейсу	114
Степаненко Д.М. Государственные программы как правовой инструмент системной интеграции экологической и инновационной политики Республики Беларусь	119
Тенюта Е.С. Консолидация технических нормативных правовых актов: особенности и перспективы осуществления в Республике Беларусь	127
Толочко О.Н. Обеспечение институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь: теоретико-правовой аспект	132
Уласевич Т.Н. Понятие и классификация задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления	137
Чаннов С.Е., Шахновская И.В. Конституционные принципы правового регулирования биоэкономики	143
Шахновская И.В., Соловьёв П.В., Степанов М.М. Конституционная правосубъектность населения административно-территориальной единицы в Республике Беларусь	149